

ISSN 2411-2070

история
филология
культурология

ВЕСТНИК

гуманитарного образования

№ 2 (34) | 2024

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ГУМАНИТАРНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Н а у ч н ы й   ж у р н а л

№ 2 (34)

Киров
2024

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Заместители главного редактора

Л. В. Калинина, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

Н. О. Осипова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Ответственные секретари

О. В. Байкова, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

И. В. Смольняк, канд. ист. наук, Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Состав редакционной коллегии:

Исторические науки и археология

А. М. Белавин, д-р ист. наук, проф., Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь);

Т. А. Закаурцева, д-р ист. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

А. А. Калинин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Н. Б. Крыласова, д-р ист. наук, доц., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь);

А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., академик РАО, Московский педагогический государственный университет (г. Москва);

А. А. Машковцев, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

Е. И. Пивовар, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАН, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва);

Ю. А. Петров, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН (г. Москва);

В. В. Романов, д-р ист. наук, проф., Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (г. Тамбов), ORCID: 0000-0002-9199-6573;

Д. А. Редин, д-р ист. наук, проф., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург);

М. С. Судовиков, д-р ист. наук, проф., руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена (г. Киров).

Филология

О. И. Колесникова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-6159-6261;

Е. Н. Лагузова, д-р филол. наук, проф., Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль);

В. А. Поздеев, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);

О. Ю. Поляков, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

Н. Д. Светозарова, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Н. Л. Шубина, д-р филол. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

D. Stellmacher, д-р филологии, проф., Университет им. Георга-Августа (г. Геттинген, Германия);

H. W. Retterath, д-р филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия).

Культурология

И. А. Едошина, д-р культурологии, Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова (г. Кострома);

Т. И. Ерохина, д-р культурологии, Ярославский государственный театральный институт (г. Ярославль);

Д. Н. Замятин, д-р культурологии, проф., Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Высшая школа урбанистики ВШЭ (г. Москва);

А. В. Костина, д-р филос. наук, д-р культурологии, проф., действительный член Международной академии наук, Московский гуманитарный университет (г. Москва);

В. Я. Перминов, д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

Т. Б. Сиднева, д-р культурологии, проф., Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки (г. Нижний Новгород);

Г. Е. Шкалина, д-р культурологии, проф., Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Научный журнал «Вестник гуманитарного образования» как средство массовой информации зарегистрирован в Роскомнадзоре (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67555 от 31 октября 2016 г.)

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Цена свободная

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Vyatka State University

**HERALD
OF HUMANITARIAN
EDUCATION**

S c i e n t i f i c j o u r n a l

№ 2 (34)

Kirov
2024

Chief editor

V. T. Yungblud, Dr. of hist. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Deputy editor

L. V. Kalinina, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

N. O. Osipova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Executive Secretary

O. V. Baikova, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

I. V. Smolnyak, PhD of hist. sciences, Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Editorial board members:

Historical sciences and archeology

A. M. Belavin, Dr. of hist. sciences, prof., Perm Federal Research Center of UrO RAS (Perm);

T. A. Zakaurtseva, Dr. of hist. sciences, prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow);

A. A. Kalinin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);

N. B. Krylasova, Dr. of hist. sciences, associated prof., Perm State University of Humanities and Education (Perm);

A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., academician of RAE, Moscow Pedagogical State University (Moscow);

A. A. Mashkovtsev, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

E. I. Pivovarov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAS, Russian State University for the Humanities (Moscow);

Y. A. Petrov, Dr. of hist. sciences, Institute of Russian History of RAS (Moscow);

V. V. Romanov, Dr. of Historical Sciences, professor, Tambov State University n.a. G. R. Derzhavin (Tambov),
ORCID: 0000-0002-9199-6573;

D. A. Redin, Dr. of hist. sciences, prof., Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg);

M. S. Sudovikov, Dr. of hist. sciences, prof., Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional Scientific Library n. a. A. I. Herzen (Kirov).

Philology

O. I. Kolesnikova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-6159-6261;

E. N. Laguzova, Dr. of philol. sciences, prof., Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky (Yaroslavl);

V. A. Pozdeev, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);

O. Y. Polyakov, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

N. D. Svetozarova, Dr. of philol. sciences, prof., St. Petersburg State University (St. Petersburg);

N. L. Shubina, Dr. of philol. sciences, prof., Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen (St. Petersburg);

D. Stellmacher, Dr. of philol. sciences, prof., Georg-August University (Göttingen, Germany);

H. W. Retterath, Dr. of philol. sciences, Institute of Ethnography of Germans in Eastern Europe (Freiburg, Germany).

Culturology

I. A. Edoshina, Dr. of cultural studies, Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov (Kostroma, Russia);

T. I. Erokhina, Dr. of cultural studies, Yaroslavl State Theatre Institute (Yaroslavl);

D. N. Zamyatin, Dr. of cultural studies, professor, D. S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage, HSE Higher school of urban studies (Moscow);

A. V. Kostina, Dr. of philol. sciences, Dr. of cultural studies, professor, full member of the International Academy of Sciences, Moscow humanitarian University (Moscow);

V. Ya. Perminov, Dr. of philol. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);

T. Sidneva, Dr. of cultural studies, professor, Nizhny Novgorod State Conservatory (Academy) n. a. M. I. Glinka (Nizhny Novgorod);

G. E. Shkalina, Dr. of cultural studies, professor, Mari State University (Yoshkar-Ola).

**Scientific journal "Herald of humanitarian education" is registered as a mass media
in Roskomnadzor (Certificate of registration of mass media PI № FS 77-67555 of October 31, 2016)**

Founder of the journal "Vyatka State University"

Adress of editor: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Tel. (8332) 208-964 (Scientific Publishing Company of VyatSU)

Free price

The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of theses for the degree of Dr. and PhD should be published

---

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Памяти Александра Кузьмича Останина..... 9

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Первошиков Дмитрий Викторович. Данные подтверждаются: к вопросу о пребывании военнослужащих из Удмуртии в финском плену (1941–1944 гг.) ... 10

Тряхов Илья Сергеевич, Петровичева Елена Михайловна.
Строительство тылового оборонительного рубежа во Владимирской и Ивановской областях в 1941–1943 гг..... 17

Орлов Максим Александрович. Отношение к военной службе среди религиозных движений России в конце XIX – начале XX вв..... 29

Кожухов Никита Алексеевич. Состояние пенитенциарных учреждений Тамбовской губернии 1918–1922 гг. 39

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Немчанинов Даниил Григорьевич.
США, Польша и внутривосточные процессы в Польше в 1946–1947 гг. 45

Нафиков Ильсур Закирзянович, Шайдуллина Амина Раилевна.
Система начального образования в Турции в 1923–1950 гг.: актуальные вопросы на страницах газеты “İlköğretim” 55

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Баканов Дмитрий Константинович. Советско-литовские отношения в рамках подготовки к заключению договора о ненападении с Литвой 62

Новиков Михаил Васильевич. Советская помощь Гоминьдану в 1920-е годы 72

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Тихомиров Никита Вадимович. «Катастрофический распад колхозов»: дневники студенческой практики ЛО КУНМЗ 1930 г. как источник изучения коллективизации 83

Беляева Галина Николаевна. Материалы белорусских епархий «Русского провинциального некрополя» в контексте генеалогических изысканий 95

АРХЕОЛОГИЯ

Красноперов Александр Анатольевич, Камалеев Эльвир Винерович.
Комплекс погребения 83 Камышлы-Тамакского могильника и пряжки «западных» типов в пьяноборской культуре 103

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Стрелкова Гюзель Владимировна. Тема жизни и смерти в произведениях Агъея и Кришны Собати..... 111

<i>Коршунков Владимир Анатольевич.</i>	
Евгений Боратынский и душа неуспокоенного младенца.....	121
<i>Гавриленко Виктория Дмитриевна.</i> Эволюция мотива расставания с возлюбленной в лирике Леонида Завальнюка.....	131

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Осипова Нина Осиповна, Хлопонина Ольга Олеговна.</i> Рожденная мифом: репрезентация женских типов в русской артистической среде конца XIX – первой половины XX века.....	141
<i>Ильгова Дарья Алексеевна.</i> Локальный медиум в визуальной поэзии Дмитрия Авалиани и опыт восточной традиции	152
<i>Неплюев Петр Андреевич.</i> ВООПИК в дискуссиях о 250-летию Перми как феномен советской публичной сферы	159

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Попов Михаил Валерьевич, Суворов Максим Викторович.</i>	
И. А. Перель – заведующий Уральским (Свердловским) отделом народного образования и его роль в осуществлении культурных преобразований в 1927–1937 гг.	170

CONTENTS

FROM THE EDITORS

- In the memory of Aleksander Kuzmich Ostanin..... 9

NATIONAL HISTORY

- Perevoshchikov Dmitry Viktorovich.* The data are confirmed: on the issue of the stay of military personnel from Udmurtia in Finnish captivity (1941–1944)..... 10
- Tryakhov Ilya Sergeevich, Petrovicheva Elena Mikhailovna.* Construction of a rear defensive line in the Vladimir and Ivanovo regions in 1941–1943 17
- Orlov Maxim Alexandrovich.* The attitude towards military service among the religious movements of Russia in the late XIX – early XX centuries 29
- Kozhukhov Nikita Alekseevich.* The state of the penitentiary institutions of the Tambov province in 1918–1922..... 39

GENERAL HISTORY

- Nemchaninov Daniil Grigoryevich.* USA, Polonia and internal political processes in Poland in 1946–1947 45
- Nafikov Ilmur Zakirzyanovich, Shaidullina Amina Railevna.* The primary education system in Turkey in 1923–1950: topical issues on the pages of the *Ilkögretim* newspaper..... 55

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONSHIP

- Bakanov Dmitry Konstantinovich.* Soviet-Lithuanian relations in preparation for the conclusion of a non-aggression treaty with Lithuania 62
- Novikov Mikhail Vasilyevich.* Soviet assistance to the Kuomintang in the 1920s..... 72

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES

- Tikhomirov Nikita Vadimovich.* "The catastrophic collapse of collective farms": diaries of the student practice of Leningrad Branch of the Communist University of National Minorities of the West in 1930 as a source for studying collectivization 83
- Belyaeva Galina Nikolaevna.* Materials of the Belarusian dioceses of the "Russian Provincial Necropolis" in the context of genealogical research 95

ARCHEOLOGY

- Krasnoperov Alexander Anatolyevich, Kamaleev Elvir Vinerovich.* The burial complex of 83 Kamyshly-Tamak burial grounds and buckles of "Western" types in the Pianobor culture 103

PHILOLOGICAL SCIENCES

- Strelkova Guzel Vladimirovna.* The theme of life and death in the works of Agyei and Krishna Sobati..... 111

<i>Korshunkov Vladimir Anatol'evich.</i> Evgeny Boratynsky and the restless soul of an unbaptized baby.....	121
<i>Gavrilenko Victoria Dmitrievna.</i> The evolution of the motive of parting with his beloved in the lyrics of Leonid Zavalnyuk.....	131

CULTURAL STUDY

<i>Osipova Nina Osipovna, Khloponina Olga Olegovna.</i> Born by a myth: the representation of female types in the Russian artistic environment of the late XIX – first half of the twentieth century	141
<i>Ilgova Daria Alekseevna.</i> A local medium in the visual poetry of Dmitry Avaliani and the experience of the Eastern tradition	152
<i>Neplyuev Peter Andreevich.</i> All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments in discussions about the 250th anniversary of Perm as a phenomenon of the Soviet public sphere.....	159

HISTORY OF EDUCATION

<i>Popov Mikhail Valeryevich, Suvorov Maxim Viktorovich.</i> I. A. Perel – Head of the Ural (Sverdlovsk) Department of Public Education and its role in the implementation of cultural transformations in 1927–1937.....	170
--	-----

ОТ РЕДАКЦИИ

Памяти Александра Кузьмича Останина

14 января 2024 года скончался Александр Кузьмич Останин, известный философ, педагог и общественный деятель.

Александр Кузьмич Останин родился 26 апреля 1930 г. в деревне Ежово Зуевского района Кировской области. После окончания семилетней школы поступил в Кировскую фельдшерско-акушерскую школу (сейчас Кировский медицинский колледж), которую окончил в 1949 г., в течение 1949–1953 гг. работал фельдшером поликлиники Молотовского района (в настоящее время – Ленинский район) г. Кирова. С 1953 г. А. К. Останин работал инструктором комсомольских организаций Кировского обкома ВЛКСМ. В 1962 г. закончил с отличием Горьковскую Высшую партийную школу. В 1963 г. возглавил лекторскую группу Кировского обкома КПСС.

В 1966 г. А. К. Останин поступил в аспирантуру на кафедре философии Академии общественных наук при ЦК КПСС, в 1969 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Влияние научно-технической революции на изменение социальной структуры советского рабочего класса» (научный руководитель – профессор Х. Н. Момджян). В дальнейшем работал заместителем зав. отдела науки и учебных заведений Кировского обкома КПСС.

В 1971–2000 гг. он доцент кафедры философии и кафедры теории и методики общественнознания (исторический факультет) Кировского государственного педагогического института им. В. И. Ленина (с 1995 г. Вятский государственный педагогический университет), в это же время до 1981 года заведовал кафедрой философии. Непосредственно научные интересы А. К. Останина были направлены на философское осмысление роли научно-технической революции в развитии социалистического общества, он автор около 30 публикаций. Одновременно он вел большую общественную и просветительскую работу, в том числе в качестве лектора общества «Знание».

Был отмечен знаком «Отличник народного просвещения», Почетными грамотами Министерства Просвещения СССР и ЦК профсоюза работников просвещения, многочисленными благодарностями и иными поощрениями.

Александр Кузьмич был ярким человеком и незаурядной личностью, он любил цитировать Платона и Гегеля, мог шутить во время лекции, называл студентов ползучими эмпириками и рекомендовал им читать «Философию истории» Гегеля, чтобы научиться мыслить. Будучи заведующим кафедрой философии, привлекал на работу способных молодых людей (В. Ф. Юлов, О. Н. Новоселов, М. И. Ненашев, Е. Ф. Владыкина, Н. И. Злыгостева, Л. Е. Моторина), помогал стать кандидатами наук и доцентами, совершенно не боясь их конкуренции в будущем. Его философский и нравственный авторитет был неоспорим для всех, кто его знал.

Мы скорбим и выражаем соболезнование родным и близким Александра Кузьмича Останина.

Доцент Е. Ф. Владыкина, доцент Н. И. Злыгостева, проф. Л. Е. Моторина, проф. М. И. Ненашев, доцент А. Н. Харин, проф. В. Ф. Юлов, проф. В. Т. Юнгблюд

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 940.54(470.51)«1941/1944»

DOI: 10.25730/VSU.2070.24.018

Данные подтверждаются: к вопросу о пребывании военнослужащих из Удмуртии в финском плену (1941–1944 гг.)

Первошиков Дмитрий Викторович

кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела исторических исследований
Удмуртского института истории, языка и литературы,
Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук.
Россия, г. Ижевск. ORCID: 0000-0003-3016-0470. E-mail: dmitryzh76@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена недостаточно изученному вопросу о содержании в финских концентрационных лагерях солдат, призванных на передовую из Удмуртской АССР в период Великой Отечественной войны. Исследование проведено с привлечением архивных документов, впервые введенных в научный оборот. Анализ данных позволяет заключить, что из общего числа всех выявленных воинов из Удмуртии, находившихся в финских лагерях в 1941–1944 г., выжили лишь 35 % лиц. Результаты исследования в целом соответствуют сведениям о высоком уровне летальности в финских концентрационных лагерях, который был, как минимум, не ниже, чем в немецких аналогичных учреждениях. Одной из причин такого положения дел был высокий показатель смертных случаев в госпиталях, где проходили медицинское обслуживание раненые и больные военнопленные. Полученные в ходе исследования данные находятся в соответствии с обнаруженной в архивных документах и опубликованных источниках информацией о целенаправленном истреблении советских военнопленных главным образом голодом и непосильным принудительным трудом. Таким образом, выявленные данные из фронтовых биографий воинов из Удмуртии в основном подтверждают общую ситуацию, которая сложилась в 1941–1944 гг. в располагавшихся в Карелии и Финляндии пунктах заключения, где находились советские военнопленные. В исследовании предпринята попытка обобщить и проанализировать известные и вновь обнаруженные данные. Многие факты, встречающиеся в работе, впервые представлены в научной литературе. Статья проливает свет на одну из недостаточно изученных страниц истории Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, финские концлагеря, советские военнопленные, Удмуртия.

В годы Второй мировой войны Финляндия являлась одним из главных союзников гитлеровского «рейха». С осени 1940 г. на ее территории начали размещаться немецкие войска. 25 мая 1941 г. в оккупированный немцами австрийский Зальцбург выехала группа финских офицеров для переговоров о совместных действиях по плану «Барбаросса». 4–6 июня в Хельсинки была достигнута договоренность об отправке в район г. Рованиemi немецких дивизий. 15 июня все финские войска севернее линии г. Оулу – озеро Оулуярви были подчинены германскому командованию. После начала Великой Отечественной войны финская армия, заняв города Медвежьегорск, Петрозаводск, Сортавалу и Выборг, активно содействовала немецкой группе армий «Север» в формировании блокады Ленинграда и в ее попытках захватить город.

Финским командованием в самой Финляндии и на оккупированной части Карело-Финской ССР была создана густая сеть концлагерей для советских военнопленных и гражданских лиц. Таких пунктов заключения насчитывалось не менее 76 [12, с. 141–144]. Раненых и больных заключенных «лечили» в госпиталях для военнопленных, где медобслуживание реализовывалось на низком уровне, поскольку их смертность была весьма значительной.

Количество летальных исходов в лагерях было не меньше, чем в госпиталях. Это объясняется тем, что во многих случаях отношение финских солдат и офицеров к советским воен-

нопленным отнюдь не являлось гуманным. В ряде случаев оно было просто варварским. В качестве примера можно привести отрывок из Ноты Наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова от 27 апреля 1942 г.: «...На Карельском фронте при наступлении частей Красной Армии были обнаружены десятки трупов израненных красноармейцев, замученных финскими фашистами. Так, у красноармейца Сатаева финны выкололи глаза, отрезали губы, вырвали язык. У красноармейца Гребенникова они отрезали ухо, выкололи глаза и вставили в них пустые гильзы. Красноармейцу Лазаренко после долгих пыток финны раздробили череп и набили туда сухарей, в ноздри вогнали патроны, а на груди раскаленным металлом выжгли пятиконечную звезду» [11, с. 264]. Все это являлось в том числе выражением мести за серьезные потери, понесенные финской армией на Карельском фронте, которая перенимала от своих немецких союзников многие их приемы, в том числе относительно военнопленных. Это подтверждается свидетельством очевидцев, которые содержатся в других опубликованных источниках и архивных документах. Так, в концлагере № 17, который размещался в г. Олонце, советских военнопленных пытали, истязали, морили голодом, расстреливали их за малейшую «провинность». Один из охранников застрелил узника только за то, что тот близко подошел к проволочному заграждению. За это убийство финский солдат получил повышение по службе – звание капрала. После освобождения Олонцкого района Красной Армией в госпитале лагеря № 17 была найдена регистрационная книга больных военнопленных. По записям в ней видно, что «только за первые шесть месяцев 1942 г. из общего числа 1888 больных в госпитале погибло от общей слабости, истощения и отечности 588 человек» [20, с. 21–22].

И. Ф. Дивнич во время оккупации был узником Лахтинского, Кемского и Лесного концлагерей. Он свидетельствовал: «Во всех этих лагерях существовал каторжный труд. Люди работали по 16 часов в сутки. На работу выгонялись все, в том числе обессилевшие и босые военнопленные. Не было ни одного дня, чтобы кого-нибудь из военнопленных не избивали. Военнопленных подвергали мучительным пыткам и расстреливали без всякой вины. Зимой обессилевших людей выбрасывали на снег, где они замерзали... Медицинской помощи военнопленным никакой не оказывалось» [20, с. 268–269]. Из рассказа 77-летнего жителя Карелии П. Е. Доминова (июль 1944 г.): «Много горя хлебнули мы от финнов. Но больше всего досталось красноармейцам, которые попались финнам в плен. Своими глазами я видел, как финн ломом убил несколько голодных красноармейцев за то, что те, ослабев, не могли работать.

В городе Олонец был лагерь для военнопленных. Там ежедневно умирали сотни пленных. Из каждых шести пленных пять умирало» [20, с. 272].

Начальник лагеря № 1 Салонен откровенно заявлял советским военнопленным: «Стрелять вас не положено, но голодной смертью вас следует умерщвлять всех» [4, л. 102, с. 136]. Из показаний бывшего узника, красноармейца Конашевского: «После Сальмского лагеря мне пришлось побывать: в Пяткярском, “Картонные домики”, Лахтинском и в местечке Мустио. В Пяткярском пленные жили в брезентовых палатках на берегу озера.

Во всех лагерях было варварское обращение с военнопленными. Их морили голодом. На сутки выдавали 150 гр. гнилого хлеба. Работали по 18 часов в сутки, на работу выгоняли босых и раненых. Пленных, которые в силу истощения не могли выходить на работу, жестоко избивали. За весь 18-ти месячный период времени ни одного раза не водили в баню. Белье никогда не сменялось, вследствие чего у военнопленных было бесчисленное количество вшей. Вместо оказания медпомощи военнопленных подвергали избиению. С ними обращались как со скотом. К примеру, в лагере “Картонные домики” для военнопленных на территории не было даже воды, и их как скот выгоняли каждое утро для питья воды на озеро. Тех, которые двигались медленно, подгоняли дубинкой и кричали как на скотину» [5, л. 23–24, с. 136–137]. Все приведенные свидетельства однозначно говорят о том, что практически финские власти в отношении советских военнопленных взяли курс на их уничтожение голодом, непосильным трудом и другими методами.

Несмотря на эти факты, многие исследователи из Финляндии до сих пор считают, что высокая смертность в финских концлагерях не являлась политикой, направленной на истребление советских узников. Так полагает, например, Л. Вестерлунд [7, с. 63]. Отечественные авторы более объективно подходят к исследованию вопроса о содержании советских военнопленных в финских лагерях, не игнорируя относящиеся к вопросу архивные материалы и опубликованные источники [1; 2; 3; 8; 12]. При этом указанная проблема недостаточно изучена и нуждается в обобщающих трудах, которые бы суммировали и подвергли объективному анализу всю полученную информацию, а также заполнили те лакуны и «белые пятна», которые еще остаются.

Вопрос о воинах из Удмуртии, которые попали в финский плен в 1941–1944 гг., еще менее разработан, несмотря на наличие работ, посвященных участию уроженцев Удмуртии в Великой Отечественной войне [6; 9; 13].

В 1941–1944 гг. в районе городов Петрозаводск, Медвежьегорск и д. Кондопога в составе 7-й и 32-й армий оборонялась сформированная в Удмуртской АССР 313-я стрелковая дивизия. Она состояла из 1068-го, 1070-го, 1072-го стрелковых полков, 856-го артиллерийского полка, 596-го саперного батальона и других подразделений [13, с. 167]. Г. Н. Куприянов являлся в годы войны одним из руководителей партизанского движения Карело-Финской ССР. Повествуя о событиях 1941 г., он отметил в своих мемуарах: «5–6 сентября, когда шли упорные бои на подступах к Петрозаводску, в район Пряжи подошли передовые батальоны только что прибывшей на Карельский фронт из Удмуртии 313-й стрелковой дивизии. Они начали теснить финнов. Противник ввел в бой резервы, находившиеся в районе Ведлозера. Бои приняли особо ожесточенный характер. Районный центр – село Пряжа – несколько раз переходил из рук в руки» [10, с. 18]. Свой боевой путь 313-я стрелковая дивизия завершила в 1945 г. на севере Польши. Но еще до заключения 19 сентября 1944 г. перемирия с Финляндией и последующего наступления этого подразделения на запад часть его военнослужащих оказалась в ходе боев во вражеском плену.

В числе солдат 313-й дивизии, попавших за колючую проволоку финских концлагерей, числились воины, которые ушли на передовую из Удмуртской АССР: Ф. В. Базезин, Н. Д. Герасимов, И. А. Завалов, М. З. Закиров, П. А. Измestьев, Е. Ф. Королев, А. Д. Коротаев, И. С. Кудрявцев, И. Г. Кузнецов, П. В. Макаров, Т. М. Мельников, Т. А. Мерзляков, Е. И. Невоструев, К. А. Осетров, В. Н. Перевозчиков, В. К. Пушкарев, П. Н. Рылов, Д. В. Сунцов, С. И. Сунцов, Ф. С. Степанов, А. Ф. Тимофеев, М. Я. Тычинин, Е. К. Фефилов, Д. И. Ходырев, П. Я. Хорошавцев, Е. В. Хохряков, Д. М. Чазов, Ф. И. Чернышов. Большинство этих бойцов служили в 1068-м стрелковом полку и попали в плен во время вышеупомянутых сентябрьских ожесточенных боев на подступах к Петрозаводску, в районе с. Пряжа. Можно сделать вывод о том, что основной удар наступающих войск противника приняло тогда на себя именно это подразделение.

В перечне бойцов из Удмуртии, о которых нет данных, что они служили в 313-й стрелковой дивизии, но при этом установлено попадание в финский плен, необходимо упомянуть П. В. Волкова, М. Д. Демидова, М. С. Закурдаева, С. Д. Захарова, Н. И. Киршина, И. С. Мокрицкого, И. М. Морозова, И. В. Никулина, Н. С. Чиркова. Некоторые из них оказались в плену в ходе боев в районе г. Выборга.

Упомянутые воины содержались в финских концлагерях № 1 (г. Настола), № 2 (г. Пиексямяки), № 5 (г. Петрозаводск), № 6 (г. Выборг), № 12 (пос. Куркийоки), № 16 (пос. Импилахти), № 17 (г. Олонец), № 31 (г. Медвежьегорск), № 51 (пос. Ладва).

Если рассмотреть судьбы вышеперечисленных солдат из Удмуртии, наибольший интерес представляют фронтовые биографии Е. К. Фефилова и Н. С. Чиркова. Евдоким Карпович Фефилов родился в 1904 г. в д. Прозвон (на территории современного Красногорского района Удмуртии). В 1941 г. служил в 444-й полевой хлебопекарне 313-й стрелковой дивизии [15, л. 7]. 6 декабря 1941 г. был захвачен в финский плен неподалеку от г. Медвежьегорска, в районе пос. Повенец. Затем попал в концлагерь L-73/3, где был задействован на принудительных работах. После достижения перемирия с Финляндией многие советские военнопленные были переданы СССР. В числе них находился и Е. К. Фефилов. В марте 1945 г. он был вновь направлен на передовую и затем воевал в рядах 174-го Гвардейского стрелкового Краснознаменного ордена Кутузова полка 57-й Гвардейской стрелковой дивизии. Ему выпала почетная миссия вместе со своими товарищами штурмовать Берлин и участвовать в сражении на улицах столицы кровавого «рейха». Приказом от 9 мая 1945 г. сапер Е. К. Фефилов был удостоен ордена Славы III степени. В наградном листе говорится: «Гвардии красноармеец Фефилов Евдоким Карпович в уличных боях в г. Берлине проявил мужество и отвагу. 29.04.45 г. под сильным непрерывным пулеметным и снайперским огнем на мосту обезвредил 6 противотанковых мин, тем самым дал возможность продвигаться вперед танкам и пехоте. ...он заметил в одном из домов огневую точку врага, но подступы к ней были невозможны, тогда тов. Фефилов толком сделал проход в стене, после чего пехота прошла и уничтожила огневую точку. Гвардии красноармеец Фефилов Е. К. достоин правительственной награды ордена «Слава 3 ст.» [16, л. 408].

Таким образом, солдат из Удмуртии, выдержав все испытания тяжелейшего, почти трехлетнего финского плена с его высокой смертностью, дошел до Берлина и окончил боевой путь без преувеличения победителем.

26-летний уроженец одной из деревень, располагавшейся на территории современного Балезинского района Удмуртии, Николай Сергеевич Чирков воевал в районе столицы Карело-Финской ССР г. Петрозаводска. Осенью 1941 г. был послан в разведку. В ходе внезапно разгоревшегося боя был тяжело ранен в голову и правую руку. 27 сентября в бессознательном состоянии был взят в плен и отправлен в госпиталь № 28, который размещался на западе Финляндии в г. Коккола, неподалеку от побережья Ботнического залива. Содержался в концлагере, находившемся в районе г. Лахти. После подписания перемирия с Финляндией вернулся в СССР. 25 июня 1946 г. демобилизовался из армии и возвратился в Удмуртию, где работал конюхом в колхозе имени Ленина Балезинского района. В 1957 г. был награжден орденом Красной Звезды [17, л. 397].

Н. С. Чирков являлся одним из немногих тяжело раненных советских военнопленных, которым удалось выжить в финских госпиталях.

Таблица 1

Воины из Удмуртии, попавшие в финский плен в 1941 г.

Выжившие	Погибшие
Ф. В. Балезин	М. С. Закурдаев
П. В. Волков	П. А. Измestъев
Н. Д. Герасимов	Н. И. Киршин
М. Д. Демидов	Е. Ф. Королев
И. А. Завалов	А. Д. Коротаев
М. З. Закиров	И. С. Кудрявцев
Е. И. Невоструев	И. Г. Кузнецов
П. Н. Рылов	С. Д. Захаров
М. Я. Тычинин	П. В. Макаров
Е. К. Фефилов	Т. М. Мельников
Д. И. Ходырев	Т. А. Мерзляков
Д. М. Чазов	И. С. Мокрицкий
Н. С. Чирков	И. М. Морозов
	И. В. Никулин
	К. А. Осетров
	В. Н. Перевозчиков
	В. К. Пушкарев
	Д. В. Сунцов
	С. И. Сунцов
	Ф. С. Степанов
	А. Ф. Тимофеев
	П. Я. Хорошавцев
	Е. В. Хохряков
	Ф. И. Чернышов

Полученные в ходе исследования данные однозначно свидетельствуют о том, что наибольшая часть попавших в плен военнослужащих 313-й дивизии оказалась в финских лагерях в 1941 г.

Среди вышеперечисленных воинов из Удмуртии только один являлся офицером – лейтенант П. В. Волков. Таким образом, командный состав 313-й дивизии вел себя достаточно грамотно, чтобы при проведении операций снизить до минимума риск попадания в руки противника.

Анализ полученных в ходе исследования данных показывает, что из 37 выявленных воинов, попавших в финский плен, удалось выжить и вернуться на родину лишь 13 бойцам, что составляет приблизительно 35 %. Этот показатель уцелевших за колючей проволокой военнопленных является более низким, чем уровень выживших в немецких концлагерях – 40–50 %.

Автору удалось установить, что из всех вышеперечисленных военнопленных Н. Д. Герасимов, И. В. Никулин [18, л. 133], Ф. С. Степанов, П. В. Макаров, Т. М. Мельников, К. А. Осетров, И. С. Кудрявцев [19, л. 425], Н. С. Чирков длительное время находились в финских лазаретах. При этом только Н. Д. Герасимову [14, л. 9] и Н. С. Чиркову удалось уцелеть.

Таким образом, на примере попавших в плен воинов из Удмуртии в целом подтверждается нелицеприятная картина содержания узников в финских лагерях, выявленная вышеприведенными опубликованными свидетельствами и данными из архивных документов.

Некоторым из советских военнопленных после освобождения удалось вновь вступить в ряды Красной Армии и отплатить врагу за все то, что пришлось им испытать за колючей проволокой. Чаще всего такое намерение благоприятным образом складывалось на результатах боевой деятельности.

Список литературы

1. Авдеев С. С. Немецкие и финские лагеря для советских военнопленных в Финляндии и на временно оккупированной территории Карелии (1941–1944 гг.) // Вторая мировая война и Карелия. 1939–1945 гг. : мат-лы науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию начала Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 2001. С. 49–57.
2. Бухерт В. Г. «Финны зверски истребили пленных бойцов и командиров Красной Армии...». Неопубликованное сообщение ЧГК 1944 г. // Дискуссионные проблемы источниковедения истории фундаментальной науки в СССР : мат-лы Всероссийской научной конференции, г. Москва, Архив РАН-РГГУ, 25 июня 2019 г. 2019. С. 291–299.
3. Веригин С. Г., Попов Д. А., Елошин Д. А. Малоизвестные финские концлагеря на оккупированной территории Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45. № 2. С. 8–15.
4. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 304. Плеханов А. А. К вопросу о финских концентрационных лагерях для советских военнопленных 1941–1944 гг. (по материалам ГАРФ) // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 3.
5. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 95. Д. 317. Плеханов А. А. К вопросу о финских концентрационных лагерях для советских военнопленных 1941–1944 гг. (по материалам ГАРФ) // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 3.
6. Зубарев С. П. В боях за Родину. О ратных подвигах сыновей и дочерей Удмуртии. Ижевск : Удмуртия, 1990. 472 с.
7. Киселева Е. С., Веригин С. Г. Советские военнопленные в финских концлагерях Карелии: обзор литературы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 8. С. 60–64.
8. Киселева Е. С. Советские военнопленные в финских лагерях в годы Великой Отечественной войны: историография вопроса // Карелия – приграничный регион России в XX–XXI веках: Карелия в годы Второй мировой войны / отв. ред. О. И. Кулагин. 2019. С. 210–216.
9. Куликов К. И. Версты мужества : очерки. Ижевск : Удмуртия, 1990. 288 с.
10. Куприянов Г. Н. За линией Карельского фронта. Петрозаводск : Карелия, 1982. 272 с.
11. Нота Народного комиссара иностранных дел СССР тов. В. М. Молотова о чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны : документы и материалы. Т. I. М. : ОГИЗ, 1946. 804 с.
12. Плеханов А. А. К вопросу о финских концентрационных лагерях для советских военнопленных 1941–1944 гг. (по материалам ГАРФ) // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 3. С. 135–145.
13. Родионов Н. А. Удмуртская республика. Путь к Победе 1945 года. Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2015. 320 с.
14. РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 38256. Оп. 1. Д. 40.
15. ЦАМО (Центральный архив министерства обороны РФ). Ф. 58. Оп. 818883. Д. 121.
16. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 5796.
17. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 0737292с. Д. 0101.
18. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 1230.
19. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 1229.
20. Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР : сб. документов и материалов. Петрозаводск : Государственное издательство Карело-Финской ССР, 1945. 304 с.

The data are confirmed: on the issue of the stay of military personnel from Udmurtia in Finnish captivity (1941–1944)

Perevoshchikov Dmitry Viktorovich

PhD in Historical Sciences, researcher at the Department of Historical Research of the Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Russia, Izhevsk. ORCID: 0000-0003-3016-0470. E-mail: dmitryizh76@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the insufficiently studied issue of the detention in Finnish concentration camps of soldiers called up to the front line from the Udmurt ASSR during the Great Patriotic War. The research was carried out using archival documents that were first introduced into scientific circulation. The analysis of the data allows us to conclude that out of the total number of all identified soldiers from Udmurtia who

were in Finnish camps in 1941–1944, only 35 % survived. The results of the study generally correspond to information about the high mortality rate in Finnish concentration camps, which was at least no lower than in German similar institutions. One of the reasons for this state of affairs was the high rate of deaths in hospitals where wounded and sick prisoners of war received medical care. The data obtained in the course of the study are in accordance with information found in archival documents and published sources about the targeted extermination of Soviet prisoners of war, mainly by starvation and excessive forced labor. Thus, the revealed data from the front-line biographies of soldiers from Udmurtia mainly confirm the general situation that developed in 1941–1944 in the detention centers located in Karelia and Finland, where Soviet prisoners of war were located. The study attempts to summarize and analyze known and newly discovered data. Many of the facts found in the work are presented for the first time in the scientific literature. The article sheds light on one of the insufficiently studied pages of the history of the Great Patriotic War.

Keywords: The Great Patriotic War, Finnish concentration camps, Soviet prisoners of war, Udmurtia.

References

1. Avdeev S. S. *Nemeckie i finskie lagerya dlya sovetских voennoplennykh v Finlyandii i na vremennno okkupirovannoy territorii Karelii (1941–1944 gg.)* [German and Finnish camps for Soviet prisoners of war in Finland and in the temporarily occupied territory of Karelia (1941–1944)] // *Vtoraya mirovaya vojna i Kareliya. 1939–1945 gg. : mat-ly nauch.-prakt. konf., posvyashch. 60-letiyu nachala Velikoy Otechestvennoy vojny – World War II and Karelia. 1939–1945 : materials of scientific and practical conf., dedicated to the 60th anniversary of the beginning of the Great Patriotic War.* Petrozavodsk, 2001. Pp. 49–57.
2. Bukhert V. G. "Finny zverski istrebili plennykh bojcov i komandirov Krasnoj Armii...". *Neopublikovannoe soobshchenie ChGK 1944 g.* ["The Finns brutally exterminated the captured fighters and commanders of the Red Army...". Unpublished message of the ChGK 1944] // *Diskussionnyye problemy istochnikovedeniya istorii fundamental'noy nauki v SSSR : mat-ly Vserossiyskoy nauchnoy konferencii, g. Moskva, Arhiv RAN-RGGU, 25 iyunya 2019 g. – Debatable problems of source studies of the history of fundamental science in the USSR : materials of the All-Russian Scientific Conference, Moscow, Archive of the Russian Academy of Sciences, June 25, 2019, 2019.* Pp. 291–299.
3. Verigin S. G., Popov D. A., Eloshin D. A. *Maloizvestnye finskie konclagerya na okkupirovannoy territorii Karelii* [Little-known Finnish concentration camps in the occupied territory of Karelia] // *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific notes of Petrozavodsk State University.* 2023. Vol. 45. No. 2. Pp. 8–15.
4. SARF (State Archive of the Russian Federation). F. P-7021. Inv. 95. File 304. *Plekhanov A. A. K voprosu o finskikh koncentracionnykh lageryakh dlya sovetских voennoplennykh 1941–1944 gg. (po materialam GARF)* [On the question of Finnish concentration camps for Soviet prisoners of war 1941–1944 (based on the materials of the SARF)] // *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo – Herald of Dmitry Pozharsky University.* 2017. No. 3.
5. SARF. F. P-7021. Inv. 95. File 317. *Plekhanov A. A. K voprosu o finskikh koncentracionnykh lageryakh dlya sovetских voennoplennykh 1941–1944 gg. (po materialam GARF)* [On the question of Finnish concentration camps for Soviet prisoners of war 1941–1944 (based on the materials of SARF)] // *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo – Herald of Dmitry Pozharsky University.* 2017. No. 3.
6. Zubarev S. P. *V boyah za Rodinu. O ratnykh podvigah synovej i docherej Udmurtii* [In the battles for the Motherland. About the feats of arms of the sons and daughters of Udmurtia]. Izhevsk. Udmurtia, 1990. 472 p.
7. Kiseleva E. S., Verigin S. G. *Sovetskie voennoplennyye v finskikh konclageryakh Karelii: obzor literatury* [Soviet prisoners of war in Finnish concentration camps in Karelia: a review of literature] // *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific notes of Petrozavodsk State University.* 2019. No. 8. Pp. 60–64.
8. Kiseleva E. S. *Sovetskie voennoplennyye v finskikh lageryakh v gody Velikoy Otechestvennoy vojny: istoriografiya voprosa* [Soviet prisoners of war in Finnish camps during the Great Patriotic War: historiography of the issue] // *Kareliya – prigranichnyy region Rossii v XX–XXI vekah: Kareliya v gody Vtoroy mirovoj vojny – Karelia – the border region of Russia in the XX–XXI centuries: Karelia during the Second World War / ed. O. I. Kulagin.* 2019. Pp. 210–216.
9. Kulikov K. I. *Versty muzhestva : ocherki.* [Miles of courage : essays]. Izhevsk. Udmurtia, 1990. 288 p.
10. Kupriyanov G. N. *Za liniej Karel'skogo fronta* [Behind the Karelian front line]. Petrozavodsk. Karelia, 1982. 272 p.
11. *Nota Narodnogo komissara inostrannykh del SSSR tov. V. M. Molotova o chudovishchnykh zlodelyaniyakh, zverstvakh i nasiliyakh nemecko-fashistskikh zahvatchikov v okkupirovannykh sovetских rajonah i ob otvetstvennosti germanskogo pravitel'stva i komandovaniya za eti prestupleniya* – Note by the People's Commissar for Foreign Affairs of the USSR Comrade V. M. Molotov on the monstrous atrocities, atrocities and violence of the Nazi invaders in the occupied Soviet regions and on the responsibility of the German government and command for these crimes // *Vneshnyaya politika Sovetskogo Soyuza v period Otechestvennoy vojny : dokumenty i materialy* – The Foreign Policy of the Soviet Union during the Patriotic War : documents and materials. T. I. M. OGIZ, 1946. 804 p.
12. *Plekhanov A. A. K voprosu o finskikh koncentracionnykh lageryakh dlya sovetских voennoplennykh 1941–1944 gg. (po materialam GARF)* [On the issue of Finnish concentration camps for Soviet prisoners of war 1941–1944 (based on the materials of the SARF)] // *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo – Herald of Dmitry Pozharsky University.* 2017. No. 3. Pp. 135–145.

13. Rodionov N. A. *Udmurtskaya respublika. Put' k Pobede 1945 goda* [Udmurt Republic. The Path to Victory in 1945]. Izhevsk. Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2015. 320 p.
14. RSMA (Russian State Military Archive). F. 38256. Inv. 1. File 40.
15. CAMD RF (Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation). F. 58. Inv. 818883. File 121.
16. CAMD RF. F. 33. Inv. 686196. File 5796.
17. CAMD RF. F. 33. Inv. 0737292s. File 0101.
18. CAMD RF. F. 58. Inv. 18003. File 1230.
19. CAMD RF. F. 58. Inv. 18003. File 1229.
20. *Chudovishchnye zlodeyaniya finsko-fashistskih zahvatchikov na territorii Karelo-Finskoj SSR : sb. dokumentov i materialov* – Monstrous atrocities of the Finnish fascist invaders on the territory of the Karelo-Finnish SSR : collection of documents and materials. Petrozavodsk. State Publishing House of the Karelo-Finnish SSR, 1945. 304 p.

Строительство тылового оборонительного рубежа во Владимирской и Ивановской областях в 1941–1943 гг.

Тряхов Илья Сергеевич¹, Петровичева Елена Михайловна²

¹кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,
Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Россия, г. Владимир.
ORCID: 0000-0001-6488-5205. ResearcherID: AAE-6529-2021. E-mail: ilja.tryahoff@yandex.ru

²доктор исторических наук, заведующая кафедрой истории России,
Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.
Россия, г. Владимир. ORCID: 0000-0002-2740-0616. E-mail: helenp94@mail.ru

Аннотация. Подготовленные оборонительные укрепления, несмотря на технические новшества, продолжали играть важную роль в сражениях Великой Отечественной войны. В катастрофических условиях осени 1941 г. руководство СССР приняло во многом спонтанное решение о строительстве ряда оборонительных линий к востоку от Москвы. Во многом данные действия были вызваны неуверенностью в исходе Московской битвы. Следствием таких решений стало строительство оборонительного рубежа на территории современных Владимирской и Ивановской областей. Авторы на основе архивных источников и эго-документов попытались реконструировать процесс возведения этой линии обороны, а также показали сложности, которые возникли в ходе строительства. Обращается внимание на определяющее значение усилий местных властей и населения в реализации задания ГКО. Большая часть сооружений была возведена, опираясь исключительно на местные ресурсы. Спецификой описываемой оборонительной линии, как и укреплений, построенных советским народом восточнее рассматриваемых регионов, стало неучастие в боевых действиях, поэтому проверить на практике возможности рубежа не пришлось. Именно поэтому исследование оборонительных укреплений, возведенных на территориях Владимирской и Ивановской областей, в первую очередь представляет интерес как важнейший аспект повседневной жизни местного населения, мобилизованного на эти работы. Анализ источников показывает большие трудности с обеспечением трудящихся достаточным питанием и спецодеждой, а также обращает внимание на сложнейшие условия, в которых проходило строительство как ввиду времени года (осень – зима 1941–1942 гг.), так и острого недостатка инвентаря, техники и тяглой силы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, тыл, оборонительный рубеж, мобилизация на трудовые работы, условия труда.

Введение. В 1941 г. Красная армия в силу комплекса причин была вынуждена оставить значительные территории Советского Союза, что подтолкнуло советское командование готовить сразу несколько рубежей обороны. В строительстве таких оборонительных обводов было задействовано огромное количество гражданского населения. Именно на их плечи легла основная нагрузка. Некоторые из оборонительных рубежей получили большую известность не только в научной литературе (в силу их использования в боевых действиях), но и в общественном сознании широких масс людей вследствие их отображения в художественных фильмах. Иные оборонительные линии, находившиеся в глубине советской территории и не сыгравшие роли в военных действиях, известны только специалистам по истории Великой Отечественной войны и краеведам. Малоизвестной страницей в истории нашей страны в 1941–1942 гг. является строительство линии обороны к востоку от Москвы на территориях современных Владимирской и Ивановской областей.

В историографическом плане тема строительства оборонительных сооружений изучена недостаточно. В советский период данная тема представляла исключительно практический интерес, а потому изучалась преимущественно в «закрытом» режиме в военных учебных заведениях. С постепенным рассекречиванием отечественных архивов в постсоветский период ученые получили возможность шире изучить строительство конкретных оборонительных сооружений, созданных в большом количестве в годы Великой Отечественной войны.

К наиболее крупным исследованиям, посвященным изучению советских оборонительных линий на западной границе СССР, относятся труды В. И. Рунова [30] и М. В. Виниченко [2]. Так или иначе данная проблема затрагивается в работах А. В. Исаева [17; 18; 19] и И. Б. Мощанского [26], которые в целом рассматривают ход боевых действий на начальном этапе Ве-

ликой Отечественной войны. Кроме укрепленных линий к западу от Москвы, в 1941–1943 гг. оборонительные сооружения возводились и к востоку от столицы. Таковыми стали рассматриваемый в данной статье обвод, а также линия специальных укреплений к западу от Казани. Следует иметь в виду, что по ходу войны военнослужащие Красной армии, а также гражданское население вынуждены были возводить и другие линии обороны, например, в районе Сталинграда и Кавказа.

Касательно восточных оборонительных обводов особый интерес представляют труды О. А. Кошкиной [24]. Исследовательница отмечает недостаток источников для изучения темы. При этом ей удалось описать основные регионы строительства, в которых организовывались оборонительные работы. Постановлением ГКО от декабря 1941 г., подписанным наркомом внутренних дел Л. П. Берией, зам. председателя СНК СССР А. И. Микояном, генерал-майорами Л. З. Котляром и С. И. Ширяевым, для задействования в строительстве были освобождены от сельскохозяйственных работ колхозники, кроме того, для указанных нужд на государственном уровне выделялся транспорт [29, л. 184–185].

Согласно этому же документу, на строительстве укрепленных рубежей к концу 1941 г. работало 1 млн. 580 тыс. человек, из них 1 млн. 174 тыс. человек – из местного населения регионов. За два месяца работы было сделано «62,7 млн. кубометров земляных работ, выполнялось строительство 5870 км противотанковых препятствий, из них – закончены 3556 км; выполнялось строительство 25 933 огневых точек (ДОТы, ДЗОТы, бронеколпаки), из которых закончено 10 430; строилось 20 108 землянок – закончено 6518 штук» [29, л. 184].

О. А. Кошкина обратила внимание, что к проекту постановления была приложена справка о сроках освобождения местного населения, занятого на строительстве укрепленных рубежей, в которой указывалось и количество мобилизованного местного населения. Так, в Вологодской области на строительстве работало 50 тыс. человек из местного населения, в Ярославской – 83 тыс., в Ивановской – 82 тыс., в Горьковской – 137 тыс., в Рязанской – 18 тыс., в Тамбовской и Воронежской – 74 тыс., в Куйбышевской – 70 тыс., в Пензенской – 18 тыс., в Саратовской – 27 тыс., в Сталинградской – 38 тыс., в Ростовской – 45 тыс., в Орджоникидзевском крае – 86 тыс., в Краснодарском – 83 тыс., в Татарской АССР – 104 тыс., в Марийской – 26 тыс., в Чувашской – 70 тыс., в Мордовской – 60 тыс., в Калмыкской – 10 тыс., в Дагестанской – 28 тыс., в Чечено-Ингушской – 32 тыс., в Северо-Осетинской – 11 тыс., в Кабардино-Балкарской – 22 тыс. В итоге общая численность местного населения, занятого на строительстве, составляла 1 млн. 174 тыс. человек [29, л. 189].

Строительство специальных укреплений вызывает интерес не только с точки зрения истории повседневности тылового населения в годы Великой Отечественной войны, но и с позиции военного значения фортификационных сооружений в условиях «войны моторов». Проверить возможности оборонительного обвода вокруг Владимира и Иваново, к счастью, на практике не пришлось, поэтому именно привлечение населения на строительство рассматриваемых сооружений стало в начальный период войны новой социальной практикой, отложившейся в памяти немалою числа людей.

Региональные аспекты строительства линий обороны показаны в статьях и монографиях историков и краеведов соответствующих регионов. В частности, выделяются работы по республике Марий Эл [23] и Чувашии [13; 22], Татарстану [12; 15; 31; 32] и Пензенской области [21]. Исследователям удалось выявить количество задействованных в строительстве оборонительных сооружений лиц, масштабы привлеченных средств и материалов. В отдельных случаях есть попытки проследить личностное восприятие участников работ [20]. При создании линий укреплений не хватало специалистов в области геодезии и военно-топографических карт, что приводило нередко к неграмотному проведению рекогносцировки, в результате чего было проведено много бросовых работ [20, с. 103]. В вышеуказанных трудах ученые показали проблемы со снабжением мобилизованных продовольствием и дефицитом одежды и обуви, что в холодный период приводило к увеличению количества обмороженных. При этом распространенным явлением оставалось «бездушие» многих местных руководителей, заставлявших мобилизованных работать в тяжелых условиях без должного обмундирования.

Владимирская и Ивановская области также не обделены вниманием ученых. Ивановский историк С. В. Точёнов стал первым исследователем, рассмотревшим некогда засекреченные документы касательно исследуемого нами оборонительного обвода [33]. В целом ему удалось выявить трудности, с которыми столкнулись при строительстве линии обороны, а также показать просчеты в организации работ. С другой стороны, как С. В. Точёнов, так и дру-

гой ученый В. С. Околотин [27], ввели в оборот не все архивные документы по интересующей нас теме, поэтому изучение данной проблемы не закончено.

Целью статьи является реконструкция процесса строительства оборонительного обвода на территории Владимирской и Ивановской областей осенью 1941 – зимой 1942 г., а также выявление специфики этой военной программы и трудностей, которые возникли при ее осуществлении.

Источниковой базой исследования послужили архивные фонды Государственных архивов Владимирской и Ивановской областей. Наибольший интерес представляет фонд Ивановского областного комитета партии, в котором отложились планы и отчеты о строительстве оборонительных рубежей, схемы и карты производимых работ, статистические данные о количестве задействованных граждан, а также наличном и необходимом инструменте и материалах для строительства обвода. В документах отдельных горкомов и райкомов также отложились ценные сведения по интересующей нас проблеме. Строительство оборонительного рубежа в некоторой степени отразилось в эго-документах эпохи, которые также использовались в исследовании.

Основная часть. С самого начала возведения линия прохождения оборонительного рубежа подвергалась неоднократным корректировкам. Ориентировочные затраты на возведение линии обороны оценивались в 20 млн. человеко-дней, что силами одной Ивановской области выполнить было невозможно [8, оп. 7, д. 16, лл. 2–3]. Все население региона по предвоенной переписи немногим превышало 2,6 млн. человек [3]. Изначально предполагалось строить сплошную линию обороны, но учитывая затраты на нее и невозможность реализации в сжатые сроки, было решено перейти к строительству отдельных узлов сопротивления. Только по Владимирскому оборонительному рубежу было сделано 93,5 км противотанковых препятствий, а протяженность рвов составила 10,1 км. В то же время ров не был основным заграждением. На протяжении 17,6 км были организованы противотанковые ловушки. Зимние препятствия протянулись на 38,6 км. Значительной была длина эскарпов и контрэскарпов. В лесистой местности было решено организовать лесные завалы. В то же время линия Владимирского обвода проходила преимущественно по открытой местности на территории знаменитого Ополя, а потому протяженность таких заграждений составила лишь 10,5 км [8, оп. 19, д. 16, л. 13].

На стратегически важных дорогах устанавливались противотанковые ежи и надолбы. Они ставились как на самих дорогах, так и в каждую сторону от них на расстояние 100–150 метров. Такие заграждения протянулись на расстояние в 4,5 км. В качестве полевых сооружений строились усиленные пулеметные дзоты, рассчитанные на осколочные попадания. Для строительства таких сооружений предполагалось использовать сборные железобетонные конструкции. В то же время на оборонительном рубеже было создано лишь небольшое количество таких артиллерийских дзотов. Всего возвели 1509 таких огневых точек. Помимо этого было создано 344 взводных, ротных и батальонных командно-наблюдательных пунктов, а также вырыто 376 землянок различных типов. По законсервированным рубежам противотанковые препятствия имелись на протяжении 136,8 км. При этом 95,7 км противотанковых препятствий оставались к концу строительства в незаконченном состоянии. 408 огневых точек, в конце концов, законсервировали. Объем земляных работ, выполненных при строительстве оборонительных рубежей, составил 3,5 млн. кубометров, леса было заготовлено в объеме 109,4 тыс. кубометра [8, оп. 19, д. 16, л. 14]. Один из крупных промышленных центров региона – город Ковров – за зиму требовал на отопление древесины в объеме 94 тыс. кубометров [5, оп. 63, д. 28, л. 37], что соответственно было меньше потребности оборонительного рубежа. При этом если в целом регион не испытывал нехватку древесины, но в некоторых районах (Суздальский, Небыловский, Юрьев-Польский)¹ ее не хватало в силу природных особенностей. Разумеется, это усложняло процесс возведения оборонительного рубежа из-за логистических трудностей. Заготовка леса для нужд оборонного строительства нередко сопровождалась нарушениями. Так, на территории Пригородного лесхоза (Ивановский, Кохомский и Шуйский районы) лес для оборонительных сооружений рубился самовольно, без ведома лесничества и без лесорубочного билета. Не производилась очистка мест рубок, следовательно, создавались опасные в пожарном отношении очаги, которые могли привести к стихийному бедствию в летнее время. В военных условиях усиливалась неразбериха, чем пользовались

¹ Значительная часть оборонительного рубежа проходила как раз через эти районы.

как отдельные граждане, так и целые организации. Фиксировались случаи увоза леса, предназначенного другим потребителям. Эти эпизоды приводили к просьбам в обком ВКП(б) и начальнику оборонных работ провести расследования по этим поводам с наказанием виновных и возмещением убытков [11, оп. 1, д. 11, л. 43].

Оборонительные работы затруднялись временем года. Осенью и зимой 1941 г. земля уже сильно промерзла, что усложняло работы. В отчете о строительстве оборонительных рубежей в Ивановской области указывалось, что наибольшая трудность – это отрывка пионерной траншеи. Она выполнялась с помощью кувалд и клиньев. В течение рабочего дня трудящиеся пытались выполнить полный профиль котлована, т. к. оставленный на ночь котлован снова промерзал. Если его не заканчивали за день, то грунт прикрывался лапником, хворостом, соломенными матами и т. п. [8, оп. 19, д. 16, л. 15].

Слаженное и быстрое сооружение линии обороны было возможно только на основе разделения труда. Так, выделялись отдельные звенья для расчистки снега, заготовки и подноски инструмента. Отдельно формировали забойные звенья по 40 человек, куда включались мужчины и наиболее выносливые женщины [8, оп. 19, д. 16, л. 16]. Мотивировать мобилизованных стремились материально, к началу 1942 г. этот фактор способствовал укреплению трудовой дисциплины и повысил производительность труда [8, оп. 19, д. 16, л. 17].

На строительстве укреплений были задействованы разные категории работников. Так, например, в составе 20-го УОБР 15,4 тыс. рабочих были мобилизованы из местного населения, что составляло 52 % трудящихся. Остальная масса работающих относилась к бойцам строительных батальонов, – их насчитывалось 11,8 тыс. человек, и кадровые рабочие, которых было 2 тыс. [8, оп. 19, д. 16, лл. 5–6]. Качество рабочей силы в силу своих физических возможностей затягивало процесс строительства.

Всего на строительство линии обороны предполагалось мобилизовать 60 тыс. человек [8, оп. 19, д. 16, л. 6]. Фактически же речь шла только о 30,8 тыс. человек, что составило 50,5 % от плана. На практике работало и того меньше, т. к. были трудности с доставкой работников, кроме того, имелись случаи самовольных уходов работников и их отзыв местным руководством. В том же отчете о строительстве оборонительных рубежей в Ивановской области констатировалось: «Если бы все районы своевременно выполнили план мобилизации рабочих на оборонительные работы, то строительство рубежей было бы закончено в значительно более короткий срок» [8, оп. 19, д. 16, л. 7].

Нехватка людей для работы в колхозах и на заготовках топлива вынуждала руководителей отдельных районов просить об отмене решений по посылке мобилизованных за пределы собственного района. Руководство Киржачского района упрашивало обком об отмене посылки 2 тыс. человек в Гусевской район на оборонительные работы, т. к. пешим ходом до Гусь-Хрустального 200 км, что привело бы «к выходу из строя значительного количества людей». Более того, район к тому моменту уже посылал на две недели в Александровский район 3700 человек. Киржачское руководство указывало, что большинство женщин и девушек рациональнее использовать по месту жительства на заготовке и вывозке топлива для предприятий оборонного значения, поскольку в этом деле в районе неблагополучно [10, оп. 1, д. 152, л. 42]. Аналогичная просьба была и у Комсомольского райкома, просившего снять наряд на строительство обвода на 1 тыс. человек и 50 лошадей ввиду острой нехватки рабочей силы в районе. Здесь имелась электростанция, требовавшая заготовок топлива [10, оп. 1, д. 152, л. 61].

В дефиците были автомашины. Так, на 1 января 1942 г. имелось 556 автомашин, а на 1 февраля 1942 г. 653 единицы [8, оп. 19, д. 16, лл. 7–8]. Возвращение транспорта организациям в дальнейшем нередко затягивалось [11, оп. 1, д. 11, л. 57]. Другим транспортом должны были стать лошади. По плану мобилизации вся область должна была предоставить 2500 голов. Всего на строительстве в разное время было задействовано 1300 лошадей, их поступление при этом шло неравномерно. Среднесписочная численность составляла только 900 голов. Одновременно с этим значительное количество колхозов не выделило необходимые фуражные фонды, несмотря на решения Обкома и Облсовета [8, оп. 19, д. 16, л. 8]. На каждые 10 дней 2500 лошадям было необходимо 185,6 тонны сена и 89,8 тонны овса [11, оп. 1, д. 11, л. 72]. Такие объемы фуража возлагали дополнительную нагрузку на деревню.

В глубине региона предполагалось построить еще один оборонительный рубеж по линии Шуя – Вязники, для чего были организованы три новых полевых строительства. Общее протяжение трассы равнялось 133 км, а объем земляных работ первой очереди составлял 2067 тыс. кубометров, объем бутобетонных работ 50 880 кубометров, количество сооружений

исчислялось 995 единицами. По подсчетам проектировщиков, при условии проведения этих работ в месячный срок потребность в рабсиле исчислялась 95,5 тыс. человек, в гужевой силе 3220 лошадей. Также нужен был транспорт в количестве 90 автомашин и 126 тракторов [11, оп. 1, д. 11, л. 75].

Работников, занятых на строительстве, необходимо было усиленно кормить, т. к. их труд был очень тяжелым. Покрытие потребности в продовольствии осуществлялось из местных фондов. Учитывая, что Ивановская область относилась к потребляющим регионам, местному руководству непросто было изыскать необходимые продукты. Потребность в пище указана в таблице ниже на примере одного из полевых строителей [8, оп. 19, д. 16, л. 9].

Таблица 1

Данные о размере покрытия потребности полевых строителей 4-го УОБР в продовольствии

№	Наименование продуктов	Единица измерения	Потребность на фактический контингент рабочих	Покрытие		
				По централизованным фондам	Из местных фондов	Всего
1	Мука	тн	1943	–	1913	1913
2	Картофель	тн	2351	–	2054	2054
3	Мясо	тн	286	–	213	213
4	Крупы	тн	628	–	512	512
5	Сахар	тн	127	–	81	81
6	Масло	тн	64	–	44	44

Как можно заметить, потребность работников превышала покрытие продовольствия из местных фондов, поэтому нехватку пищи мобилизованные пытались восполнить у местных жителей путем частичного обмена своего более разнообразного пайка на продукты у старожилов [1; 28]. Таким образом, люди помогали друг другу в тяжелых условиях осени – зимы 1941 г.

Строительство требовало огромного количества инструментов. Из таблицы ниже можно видеть потребность в инвентаре и способы его покрытия [8, оп. 19, д. 16, л. 9].

Таблица 2

Материально-техническое снабжение строительства укреплений

№	Наименование инструмента	Ед. изм.	Первон. потребность	Потребность на построенные бат. районы	Покрытие				
					Центр. фонды	Из др. Управ. Обор. Работ НКО	Налич. В Упр. к нач. работ	Мест. ресурсы	Всего на конец работ
1	Лопаты	шт.	108000	48000	40000	6000	115000	6000	167000
2	Ломы	шт.	27000	12000	–	8500	–	36500	45000
3	Кирки	шт.	13500	6000	27500	5500	–	–	33000
4	Кувалды	шт.	27000	12000	–	1300	–	15700	17000
5	Клинья	шт.	27000	12000	–	3500	–	22500	26000
6	Топор	шт.	20250	9000	34500	–	1500	–	36000
7	Пилы	шт.	13500	6000	6600	–	–	–	6600

Ряд инструментов не предполагалось выделять из централизованных фондов. К таковым относились ломы, кувалды и клинья. Их нужно было изыскивать за счет местных ресурсов. Это приводило к дополнительной нагрузке на предприятия, которые помимо своего основного плана должны были успеть изготовить и этот инвентарь. Кроме того, именно из местных ресурсов покрывалась потребность в металле, балках, швеллерах, рельсах и цементе, что в свою очередь лишало местные заводы части материалов для выполнения основного плана. В ходе возведения рубежа строительным оборудованием полевые строительства были обеспечены слабо. Все, что у них имелось, они получили от местных организаций. Это: камнедробилки, бетономешалки, лопаты «Беккера», лебедки, грейдеры, электромоторы, несколько металлорежущих станков и пр. По окончании работ оборудование было возвращено организациям.

Из таблицы ниже можно видеть задания для предприятий региона, обеспечивающих только лишь один УОБР [10, оп. 1, д. 152, л. 68].

Таблица 3

Список предприятий, на которых возложить изготовление инструментов для 20 УОБР НКО

	Наименование предприятия	Местонахождение	Кувалды	Клинья	Скобы	Деревянные лопаты
1	Текстильмаш	Иваново	5000	5000	100000	
2	Завод им. Королёва	Иваново	5000	8000	25000	
3	Энерготорфмаш	Иваново	3000	5000	25000	
4	Торфмаш	Иваново	10000	10000	100000	
Предприятия 1 Главного управления						
1	Фабрика III Интернационала	Карабаново	1500	-	5000	
2	Им. V Октября	Струнино	1500	500	5000	
3	Комавангард	Собинка	1000	1000	10000	
4	Им. Свердлова	Новки	-	2000	5000	
5	Меланжевый комбинат	Иваново	500	-	-	
6	Шуйский завод им. Фрунзе	Шуя	2000	4000	20000	
7	Ивметаллпромсоюз	Иваново	10000	-	150000	
8	Ивдревпромсоюз	Иваново	-	-		12000

На практике выполнение дополнительных заданий было проблематично. Так, начальник 20 управления оборонительных работ НКО СССР старший майор госбезопасности Лагунов отправил в начале 1942 г. в адрес первого секретаря Ивановского обкома Г. Пальцева сообщение о срыве в изготовлении ударных инструментов (кувалд и клиньев). Из плана изготовления кувалд в количестве 44 575 шт. было изготовлено только 6500 и к тому же не в срок, указанный постановлением. Лагунов просил срочно вынести решение об изготовлении инструментов с 8 до 20 января 1942 г. в количестве 40 тыс. кувалд, 30 тыс. клиньев, 100 тыс. строительных скоб и 12 тыс. деревянных лопат. Кроме того, предписывалось производить заготовку и распиловку леса вблизи полевых строителей [10, оп. 1, д. 152, л. 69].

Вследствие нехватки инструмента только с 8 по 20 января 1942 г. дополнительно к своей программе Ивановские заводы должны были изготовить кувалды, клинья и скобы. Потребность можно видеть из таблицы 4 [10, оп. 1, д. 152, л. 67].

Таблица 4

Потребность в инструментах

	Заводы	Кувалды	Клинья	Скобы
1	Энерготорфмаш	1200	2000	-
2	Текстильмаш	1500	1800	5000
3	Торфмаш	1500	-	10000
4	Им. Королёва	200	1000	12000

Для строительства оборонительных рубежей требовалось колоссальное количество материалов. К таковым относилась колючая проволока, потребность в которой оценивалась в 540 тонн. Из них на полевое строительство в городе Гаврилов Посад требовалось 85 тонн, в селе Ворша – 120 тонн, в Собинке – 200 тонн, в Курлово – 60 тонн, Гусь-Хрустальному было нужно 70 тонн. Сбор проволоки предполагалось организовать через партийные, советские и профсоюзные организации, а также колхозы с различных ограждений. К ним относились сады, огороды, склады и любые прочие земельные участки [11, оп. 1, д. 11, л. 9]. На строительство предполагалось привлечь тракторные прицепы мехлеспунктов, леспромхозов и МТС области в количестве 280 единиц. В Гаврилов Посад нужно было направить 100 прицепов, в Воршу – 80, в Собинку – 60, в Курлово – 20, в Гусь-Хрустальный – 20 шт. Также планировалось направить на работы 280 тракторов в том же соотношении [11, оп. 1, д. 11, лл. 10–11].

Из-за позднего начала строительства рубежа обороны возникли огромные сложности с погодными условиями. Главной проблемой становился замерзший грунт. По решениям Ивановского обкома ВКП(б), в различное время из ряда машинно-тракторных станций на оборонное строительство было передано значительное количество гусеничных и колесных тракторов, а также плугов и дисковых культиваторов. В докладной записке первому секретарю Ивановского обкома Г. Пальцеву начальник областного земельного отдела (Облзо) Толлов пи-

сал: «В настоящее время колесные тракторы в связи с тем, что земля замерзла и шпорами не продавливается, работать не могут, так как они не приспособлены для работы по покрытым дорогам, а ровно по замерзлой земле. При использовании их теперь, они не только не дают ожидаемой эффективности, но в течение буквально нескольких дней и даже часов эксплуатации выходят из строя (ломаются передние оси, цапфы, колеса и т. д., тракторы в целом разбалтываются, так как неподрессорены)» [11, оп. 1, д. 11, л. 16]. Далее начальник Облзо приводил примеры поломок тракторов, предоставленных разными МТС. В связи с этим предлагалось срочно вернуть назад колесные тракторы, дабы предотвратить их дальнейшее разрушение.

Исключительно за счет местных источников шло снабжение вещевым довольствием. В таблице ниже указана потребность работников в теплой одежде и обуви и ее покрытие [8, оп. 19, д. 16, лл. 10–11].

Таблица 5

Потребность и покрытие в вещевом довольствии

№	Наименование предметов вещевого довольствия	Ед. изм.	Потребность на фактический контингент работающих	Покрытие		
				По централизованным фондам	Из местных фондов	Всего
1	Ватное обмундирование	шт.	40000	-	28000	28000
2	Валяная обувь	пар	40000	-	400	400
3	Кожаная обувь	пар	40000	-	4100	4100
4	Белье	пар	80000	-	34000	34000
5	Постельные принадлежности	шт.	40000	-	47000	47000

Следует отметить, что только по постельным принадлежностям было превышение потребности, по остальной номенклатуре была нехватка. Катастрофическая ситуация наблюдалась в отношении обуви.

Быстрое возведение оборонительного обвода предполагали реализовать через организацию пропаганды. Для ведения агитации на строительстве функционировала и распространялась газета «Враг не пройдет». За время строительства обвода было издано 16 номеров газеты. В декабре 1941 г. тиражом по 10 тыс. экземпляров, в январе и феврале 1942 г. по 5 тыс. Кроме того, были задействованы агитаторы. Всего на строительстве они провели 60 лекций, 82 доклада о текущем моменте, а также более 6 тыс. тематических бесед [8, оп. 19, д. 16, л. 18]. Степень эффективности такой политико-массовой работы еще предстоит выяснить, т. к. имеющиеся источники пока не дают полноценной картины по проблеме. По мнению партийного руководства региона, агитационно-пропагандистская работа была не на высоте.

Свыше 200 человек рабочих, красноармейцев, командиров и политработников к началу 1942 г. были награждены грамотами Ивановского облисполкома за участие в строительстве оборонительных рубежей в регионе [8, оп. 19, д. 17, лл. 10–17]. В первые месяцы 1942 г. к ним добавились еще почти 600 человек, отличившихся на строительстве Владимирского обвода [8, оп. 19, д. 17, лл. 18–41].

Для реализации строительства в обязательном порядке применялись различные методы воздействия на работников. Заместитель начальника 3-го участка Гуров и начальник ОК Шарин требовали от первого секретаря Ивановского обкома Пальцева и секретаря Ивановского сельского райкома ВКП(б) предать суду ряд мобилизованных работников, систематически не выполнявших нормы. Они же требовали предать суду дезертиров, а также принять решительные меры к выполнению заданного плана мобилизации и к понуждению рабочих к выполнению норм выработки [10, оп. 1, д. 152, л. 34]. В основном это предлагали сделать через сокращение и без того небольших продовольственных пайков. Хотя сведения о дезертирах и прогульщиках сохранились не в полном объеме, отдельные источники позволяют сложить представление о масштабах этих явлений. В сообщении председателю Гаврилово-Посадского райисполкома и председателю Ивановского ГорКО Пальцеву только в конце января – начале февраля 1942 г. насчитывалось почти 300 нарушителей. В таблице ниже можно видеть количество человек, не приходивших на работы с 23 января по 4 февраля 1942 г. в этом районе [10, оп. 1, д. 152, л. 34].

Таблица 6

**Количество нарушителей из Гаврилово-Посадского района
на 3 участке, 42 ПС, 4 УОС НКО**

Дата	Количество нарушителей
23/1 – 1942 г.	10 человек
27/1 – 1942 г.	64 человека
29/1 – 1942 г.	49 человек
30/1 – 1942 г.	43 человека
31/1 – 1942 г.	58 человек
1/II – 1942 г.	9 человек
2/II – 1942 г.	54 человека
3/II – 1942 г.	18 человек
4/II – 1942 г.	40 человек

Можно видеть значительное количество нарушителей. По означенному участку на 5 февраля 1942 г. из 2000 человек по плану трудилось лишь 769 человек [10, оп. 1, д. 152, л. 34].

Горком Владимира 5 декабря 1941 г. также считал, что строительство оборонительного рубежа около города ведется неудовлетворительно. Милиция и прокуратура, по мнению партийного руководства, плохо контролировали мобилизацию людей на оборонительные работы, а также были либеральны в отношении лиц, уклонявшихся от мобилизации [4, оп. 56, д. 47, л. 168].

Эффективность работы мобилизованных находилась не на высоте, что было вызвано нерациональным использованием рабочей силы. Прораб 2-го участка оборонительных работ В. Павлов 29 декабря 1941 г. писал инструктору областного комитета ВКП(б), что женские бригады нужно разбавлять мужчинами, которые вели бы наиболее тяжелые работы. Особенно отмечалось, что районы и фабрики должны посылать в достаточном количестве не только женщин и девушек, но и мужчин [10, оп. 1, д. 152, л. 56].

Для рационализации работы В. Павлов указал ряд мер, которые должны были поспособствовать скорейшему строительству.

«...»

1. Обязать районы и фабрики проводить строгое сочетание в посылке людей. ... Вменить в обязанность руководителей трассы правильно расставлять людей. Изгнать из состава технического персонала всех неспособных работников.

2. Давать каждой бригаде, звену, ежедневные задания и при выполнении не морозить людей «положенное» время. Желательна сдельно-прогрессивная оплата труда.

3. Создать специальные, дополнительные бригады мужчин с ударным инструментом для вскрытия мерзлой корки грунта.

4. Не допускать разведения костров в рабочее время на трассе, имея в виду рабочее место, а для оттаивания почвы использовать ночное время. Прекратить хождение рабочих в лес за дровами в течение всего рабочего дня, а отвести определенный для всех час.

5. Ликвидировать, имеющее место, дачу распоряжений вышестоящими начальниками десятникам и прорабам через голову старшего прораба» [10, оп. 1, д. 152, л. 57].

Масштабы мобилизации оставались значительными и после удачного контрнаступления советских войск в декабре 1941 г. Так, на 22 января 1942 г. по-прежнему требовали мобилизовать 60 тыс. человек, но в реальности работало 16 993 человека, в пути находились еще 8202. По плану также необходимо было мобилизовать 2,5 тыс. лошадей, по факту имелось лишь 768 [10, оп. 1, д. 152, л. 75]. Нехватка людей и лошадей для оборонительных работ была очевидной, отрывать значительное число граждан от работы на предприятиях и в учреждениях означало парализовать их деятельность. В первые февральские дни на работах должно было быть задействовано почти 40 тыс. человек ежедневно [6, оп. 7, д. 517, л. 8], на практике обычно участвовало 2/3 от планового количества. Из них более 80 % составляли мобилизованные работники [6, оп. 7, д. 517, л. 37–38]. В дальнейшем количество задействованных работников снижалось и в последнюю декаду февраля колебалось в районе 20 тыс. человек [7, оп. 7, д. 518, лл. 23, 25]. В начале марта только на строительстве обвода вокруг Владимира участвовало более 14 тыс. рабочих [7, оп. 7, д. 518, лл. 5–8]. Таким образом, вплоть до весны 1942 г. власти опасались возможных боевых действий на территории региона, а потому отвлекали от основной деятельности колоссальное количество трудящихся.

Дальнее размещение работников приводило к их позднему приходу на работы и раннему уходу домой, что автоматически сокращало рабочий день. Имелись случаи неполучения зарплаты и «уравниловка» [11, оп. 1, д. 11, лл. 1–2]. В Шуйском районе на строительстве оборонительных сооружений отмечалось отсутствие заботы о рабочих [11, оп. 1, д. 11, лл. 134].

Важную роль в успешности работ могла сыграть экономическая мотивация мобилизованного населения. Интересный документ отложился в одном из фондов государственного архива Ивановской области под названием «приказ начальника 3-го управления оборонительных работ НКО», датированный 23 ноября 1941 г. Приказ именовался так: «О порядке вознаграждения трудмобилизованного населения». В документе отмечается, что существующий порядок оплаты мобилизованных имеет ряд недостатков. Сохранение в полном размере зарплаты по основному месту работы и начисление трудодней в колхозах приводило к тому, что мобилизованные не были заинтересованы в получаемой плате за работы, выполняемые на сооружениях оборонительных рубежей. Наряду с бригадой и отдельными рабочими, перевыполняющими нормы выработки и досрочно заканчивающие порученные им участки, имелись работники, которые не выполняли норм, впустую тратили рабочее время или вовсе не выходили на работы. В результате в приказе объявлялось, что зарплата по основному месту работы и начисление трудодней в колхозах ставится в зависимость от выполнения работниками норм выработки на оборонительных работах. Предприятиям и колхозам предписывалось уменьшить суммы начисленной зарплаты и количество трудодней пропорционально выполнению норм выработки на основании справок о выполнении норм. В случае перевыполнения норм устанавливалась прогрессивная надбавка в сумме заработка по сдельным расценкам. При выполнении норм на 101–110 % полагался 1 % за каждый 1 % перевыполнения нормы. При выполнении нормы на 111–125 % добавлялся 1,25 % за каждый процент. При перевыполнении нормы на 126–150 % давалось бы 1,5 % за каждый процент. При 151–200 % – 1,75 % за процент. При 200 % – 2 %. Расчет причитающегося заработка и его выплата, в том числе и прогрессивная надбавка, должны были производиться ежедекадно [11, оп. 1, д. 11, лл. 67–68].

Массовая мобилизация, проводимая изначально без учета потребностей конкретных отраслей промышленности, приводила к обратным указаниям по возвращению к прежнему месту работы значительного количества трудящихся. Так, решением от 14 декабря 1941 г. 21 260 рабочих текстильной промышленности должны были быть немедленно возвращены на свои фабрики в соответствии с указанием обкома по специальному требованию заместителя наркомтекстиля Бабашкина [11, оп. 1, д. 11, л. 32].

Нехватка людей проявлялась, прежде всего, в жалобах в Ивановский обком на количество задействованных в работах людей. Так, в Юрьевце 14 ноября 1941 г. работало 896 человек из запланированных 4 тыс. [11, оп. 1, д. 11, лл. 81–82]. Такое количество людей, предполагаемых планом для Юрьевоцкого района, было велико с учетом массовых мобилизаций в армию. Всего в районе перед войной жило около 70 тыс. человек [3]. 4 тыс. человек нужно было мобилизовать по Пестяковскому району, но местное руководство спустило по сельсоветам разнарядку на 2621 человека, из которых в среднем выходило на работу только 1782 человека [11, оп. 1, д. 11, л. 86]. Руководство Шуйского района также не смогло выполнить требования плана и вынуждено было оправдываться перед обкомом. В объяснительной записке указывалось, что на 1 января 1941 г. в районе значилось 18 013 человек трудоспособного населения в возрасте от 16 до 60 лет, из них 6300 человек призвали в армию. Часть людей была занята на предприятиях и кустарных промыслах, иная часть это беременные или женщины, не имевшие возможность оставить детей родственникам. Среди населения также были инвалиды труда и войны, временно нетрудоспособные, а также председатели сельсоветов, учителя, врачи и средний медперсонал больниц, работники детских учреждений. Таким образом, для мобилизации, по мнению райкома, оставалось лишь 3486 человек, что и предлагалось секретарем РК ВКП(б) Губернаторовым считать возможным для мобилизации на строительство оборонительных укреплений [11, оп. 1, д. 11, л. 132].

Сложнейшие погодные условия зимы 1941 г. приводили к случаям обморожения на строительстве. Работа в осенне-зимние месяцы тормозилась еще одним фактором – коротким световым днем. Следствием этого становилась невозможность трудиться в первый и последний час работы из-за темноты. Отсюда ставился вопрос о необходимости сократить рабочий день до 9 часов и о двух помывках в бане в неделю [11, оп. 1, д. 11, л. 33].

Выводы. Как справедливо писал В. Н. Земсков: «Создание оборонительных рубежей вокруг городов и других населенных пунктов на больших пространствах европейской части

СССР стало поистине всенародным делом. В течение 1941–1943 гг. к этому строительству в той или иной форме привлекалось не менее 12 млн. человек. Это был настоящий народный подвиг. Активное участие миллионов городских и сельских жителей в оборонительном строительстве являло собой яркий пример эффективного взаимодействия вооруженных сил и гражданского населения, единства армии и народа» [14, с. 101]. Для жителей Владимирского и Ивановского регионов строительство означало, прежде всего, новую социальную практику военных лет, которая, с военной точки зрения, оказалась бесполезной, а слабая продуманность организационных мероприятий оставила тяжелые воспоминания об описываемом процессе. Строительство оборонительного обвода во многом было задачей местных властей, а потому требовало, как и в других тыловых регионах, огромных усилий со стороны как местных партийных и советских инстанций, так и со стороны участников.

Список литературы

1. *Артюх Д. А.* Противотанковые рвы в Судогодском и Собинском районах Владимирской области // Рождественский сборник. Ковров, 2005. Вып. XII. С. 184–196.
2. *Виниченко М. В., Рунов В. А.* «Линия Сталина» в бою. М. : Яуза : Эксмо, 2010.
3. Всесоюзная перепись населения 1939 г. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_39_2.php.
4. ГАВО (Государственный архив Владимирской области). Ф. П-100. Оп. 56. Д. 47.
5. ГАВО. Ф. П-116. Оп. 63. Д. 28.
6. ГАИО (Государственный архив Ивановской области). Ф. П-327. Оп. 7. Д. 517.
7. ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 518.
8. ГАИО. Ф. П-327. Оп. 19. Д. 16.
9. ГАИО. Ф. П-327. Оп. 19. Д. 17.
10. ГАИО. Ф. П-773. Оп. 1. Д. 152.
11. ГАИО. Ф. П-1667. Оп. 1. Д. 11.
12. *Ерлыгин А. В.* Сурский и Казанский оборонительные рубежи. Чебоксары : Новое время, 2012. 27 с.
13. *Захаров Д. А.* Военно-инженерное строительство на территории Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны // Чувашский гуманитарный вестник. 2011. № 6. С. 18–29.
14. *Земсков В. Н.* Народный подвиг на строительстве оборонительных рубежей в 1941–1943 годах // Политическое просвещение. 2014. № 3 (80). С. 101.
15. *Иванчиков П. А.* Мобилизация населения Республики Татарстан на сооружение оборонительного рубежа «Казанский обвод» : мат-лы научно-практической конференции «Московская и Сталинградская битвы – поворотные события Великой Отечественной войны». Казань, 2007. С. 82–89.
16. *Иванов А. А., Кошкина О. А.* Оборонительное строительство на территории Марийской АССР в 1941 году // Вестник Марийского государственного университета. 2012. № 10. С. 53–57.
17. *Исаев А. В., Дрбкин А. В.* История Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в одном томе. М. : Яуза : Якорь, 2018. 574 с.
18. *Исаев А. В.* «Котлы» 41-го. История ВОВ, которую мы не знали. М. : Эксмо : Яуза, 2005. 400 с.
19. *Исаев А. В.* Неизвестный 1941. Остановленный блицкриг. М. : Яуза : Эксмо, 2010. 480 с.
20. *Кабирова А. Ш.* «Комиссия принимает строительные работы рубежа «Казанский обвод» с оценкой «хорошо» (Строительство Волжского оборонительного рубежа на территории ТАССР) // Эхо веков. 2016. № 1-2. С. 99–111.
21. *Кладов В.* Пензенский оборонительный рубеж в 1941–1945 гг. // Военная археология. 2016. № 3. С. 44–51.
22. *Кошкина О. А.* Волжский оборонительный рубеж (1941–1942 гг.) // Чувашский национальный музей: люди, события, факты. 2018. № 13. С. 149–154.
23. *Кошкина О. А.* Оборонительный рубеж на территории Марийской АССР в 1941 году. Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 2013. 228 с.
24. *Кошкина О. А.* Строительство оборонительного рубежа в 1941–1942 гг. (по документам Государственного комитета обороны) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 2. С. 21–25.
25. *Кривоножкина Е. Г.* К 75-летию Казанского оборонительного сооружения: история вопроса // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2017. № 3–4. С. 6–22.
26. *Мощанский И. Б.* Гибель фронтов. М. : Вече, 2009. 188 с.
27. *Околотин В. С.* Ивановская область в годы Великой Отечественной войны. Иваново, 2019.
28. *Победители: Воспоминания участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла.* М., 2010. 344 с.
29. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 644. Оп. 2. Д. 30.
30. *Рунов В. А.* Все укрепрайоны и оборонительные линии Второй мировой. М. : Яуза : Эксмо, 2014. 416 с.

31. Сакаев В. Т. Участие населения и органов власти Татарской АССР в строительстве Волжского оборонительного рубежа // Научный Татарстан. 2010. № 2. С. 49–55.

32. Соловьева Т. А., Алексеева М. М. Строительство Сурского оборонительного рубежа и Казанского обвода в Чувашской АССР // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2017. № 3–4. С. 23–45.

33. Точёнов С. В. Строительство оборонительных сооружений на территории Ивановской области в 1941–1943 гг. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 4 (8). С. 43–52.

Construction of a rear defensive line in the Vladimir and Ivanovo regions in 1941–1943

Tryakhov Ilya Sergeevich¹, Petrovicheva Elena Mikhailovna²

¹PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of Russian History, Vladimir State University n. a. A. G. and N. G. Stoletov. Russia, Vladimir. ORCID: 0000-0001-6488-5205. ResearcherID: AAE-6529-2021. E-mail: ilja.tryahoff@yandex.ru

²Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Russian History, Vladimir State University n. a. A. G. and N. G. Stoletov. Russia, Vladimir. ORCID: 0000-0002-2740-0616. E-mail: helenp94@mail.ru

Abstract. The prepared defensive fortifications, despite technical innovations, continued to play an important role in the battles of the Great Patriotic War. In the catastrophic conditions of the autumn of 1941, the leadership of the USSR made a largely spontaneous decision to build a number of defensive lines east of Moscow. In many ways, these actions were caused by uncertainty about the outcome of the Moscow Battle. The consequence of such decisions was the construction of a defensive line on the territory of modern Vladimir and Ivanovo regions. The authors, based on archival sources and ego-documents, attempted to reconstruct the process of constructing this line of defense, and also showed the difficulties that arose during construction. Attention is drawn to the decisive importance of the efforts of local authorities and communities in the implementation of the GKO task. Most of the structures were built relying solely on local resources. The specifics of the described defensive line, as well as the fortifications built by the Soviet people east of the regions in question, were non-participation in hostilities, so it was not necessary to test the possibilities of the frontier in practice. That is why the study of defensive fortifications erected in the territories of the Vladimir and Ivanovo regions is primarily of interest as an important aspect of the daily life of the local population mobilized for these works. The analysis of sources shows great difficulties in providing workers with adequate food and work clothes, and also draws attention to the most difficult conditions in which construction took place both due to the time of year (autumn – winter 1941–1942) and the acute shortage of inventory, equipment and draft force.

Keywords: The Great Patriotic War, the rear, the defensive line, mobilization for labor, working conditions.

References

1. Artyuh D. A. Protivotankovye rvy v Sudogodskom i Sobinskom rajonah Vladimirskoj oblasti [Anti-tank ditches in Sudogodsky and Sobinsky districts of the Vladimir region] // *Rozhdestvenskij sbornik* – Christmas collection. Kovrov, 2005. Is. XII. Pp. 184–196.
2. Vinichenko M. V., Runov V. A. "Liniya Stalina" v boyu ["Stalin's line" in battle]. M. Yauza : Eksmo, 2010.
3. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 g. – All-Union population census of 1939. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_39_2.php.
4. SAVR (State Archive of the Vladimir region). F. P-100. Inv. 56. File 47.
5. SAVR. F. P-116. Inv. 63. File 28.
6. SAVR (State Archive of the Ivanovo region). F. P-327. Inv. 7. File 517.
7. SAVR. F. P-327. Inv. 7. File 518.
8. SAVR. F. P-327. Inv. 19. File 16.
9. SAVR. F. P-327. Inv. 19. File 17.
10. SAVR. F. P-773. Inv. 1. File 152.
11. SAVR. F. P-1667. Inv. 1. File 11.
12. Erlygin A. V. *Surskij i Kazanskij oboronitel'nye rubezh* [Sursky and Kazan defensive lines]. Cheboksary. Novoye vremya, 2012. 27 p.
13. Zaharov D. A. *Voenno-inzhenernoe stroitel'stvo na territorii Chuvashskoj ASSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Military engineering construction on the territory of the Chuvash ASSR during the Great Patriotic War] // *Chuvash Humanitarian herald*. 2011. No. 6. Pp. 18–29.
14. Zemskov V. N. *Narodnyi podvig na stroitel'stve oboronitelnykh rubezhei v 1941–1943 godakh* [People's feat on the construction of defensive lines in 1941–1943] // *Politicheskoe prosveshchenie* – Political enlightenment. 2014. No. 3 (80). P. 101.

15. Ivanchikov P. A. *Mobilizaciya naseleniya Respubliki Tatarstan na sooruzhenie oboronitel'nogo rubezha "Kazanskij obvod" : mat-ly nauchno-prakticheskoj konferencii "Moskovskaya i Stalingradskaya bitvy – povorotnye sobytiya Velikoj Otechestvennoj vojny"* [Mobilization of the population of the Republic of Tatarstan for the construction of the defensive line "Kazan bypass" : materials of the scientific and practical conference "The Moscow and Stalingrad battles – turning events of the Great Patriotic War"]. Kazan, 2007. Pp. 82–89.

16. Ivanov A. A., Koshkina O. A. *Oboronitel'noe stroitel'stvo na territorii Marijskoj ASSR v 1941 godu* [Defensive construction on the territory of the Mari ASSR in 1941] // *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Mari State University. 2012. No. 10. Pp. 53–57.

17. Isaev A. V., Drabkin A. V. *Istoriya Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. v odnom tome* [The history of the Great Patriotic War of 1941–1945 in one volume]. M. Yauza : Anchor, 2018. 574 p.

18. Isaev A. V. *"Kotly" 41-go. Istoriya VOV, kotoruyu my ne znali* ["Boilers" of the 41st. The history of the Great Patriotic War, which we did not know]. M. Eksmo : Yauza, 2005. 400 p.

19. Isaev A. V. *Neizvestnyj 1941. Ostanovlennyy blickrig* [Unknown 1941. The stopped blitzkrieg]. M. Yauza : Eksmo, 2010. 480 p.

20. Kabirova A. Sh. *«Komissiya prinimaet stroitel'nye raboty rubezha "Kazanskij obvod" s ocenкой "horosho"» (Stroitel'stvo Volzhskogo oboronitel'nogo rubezha na territorii TASSR) [«The Commission accepts the construction work of the Kazan Bypass boundary with an assessment of "good"» (Construction of the Volga defensive line on the territory of the TASSR)] // Ekho vekov – Echo of Centuries. 2016. No. 1–2. Pp. 99–111.*

21. Klodov V. *Penzenskij oboronitel'nyj rubezh v 1941–1945 gg.* [Penza defensive line in 1941–1945] // *Voennaya arheologiya* – Military Archeology. 2016. No. 3. Pp. 44–51.

22. Koshkina O. A. *Volzhskij oboronitel'nyj rubezh (1941–1942 gg.)* [Volzhsky defensive line (1941–1942)] // *Chuvashskij nacional'nyj muzej: lyudi, sobytiya, fakty* – Chuvash National Museum: people, events, facts. 2018. No. 13. Pp. 149–154.

23. Koshkina O. A. *Oboronitel'nyj rubezh na territorii Marijskoj ASSR v 1941 godu* [Defensive line on the territory of the Mari ASSR in 1941]. Yoshkar-Ola. Marniyali, 2013. 228 p.

24. Koshkina O. A. *Stroitel'stvo oboronitel'nogo rubezha v 1941–1942 gg. (po dokumentam Gosudarstvennogo komiteta oborony)* [The construction of a defensive line in 1941–1942 (according to the documents of the State Defense Committee)] // *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki* – Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities. 2019. No. 2. Pp. 21–25.

25. Krivonozhkina E. G. *K 75-letiyu Kazanskogo oboronitel'nogo sooruzheniya: istoriya voprosa* [To the 75th anniversary of the Kazan defensive structure: a history of the issue] // *Gasyrlar avazy – Ekho vekov – Gasyrlar avazy* – Echo of centuries. 2017. No. 3–4. Pp. 6–22.

26. Moshchanskij I. B. *Gibel' frontov* [The death of fronts]. M. Veche, 2009. 188 p.

27. Okolotin V. S. *Ivanovskaya oblast' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Ivanovo region during the Great Patriotic War]. Ivanovo, 2019.

28. *Pobediteli: Vospominaniya uchastnikov Velikoj Otechestvennoj vojny i truzhenikov tyla* – Winners: Memoirs of participants of the Great Patriotic War and home front workers. M. 2010. 344 p.

29. RSASPH (Russian State Archive of Socio-political History). F. 644. Inv. 2. File 30.

30. Runov V. A. *Vse ukreprajony i oboronitel'nye linii Vtoroj mirovoj* [All fortified areas and defensive lines of the Second World War]. M. Yauza : Eksmo, 2014. 416 p.

31. Sakaev V. T. *Uchastie naseleniya i organov vlasti Tatarskoj ASSR v stroitel'stve Volzhskogo oboronitel'nogo rubezha* [Participation of the population and authorities of the Tatar ASSR in the construction of the Volga defensive line] // *Nauchnyj Tatarstan* – Scientific Tatarstan. 2010. No. 2. Pp. 49–55.

32. Solov'eva T. A., Alekseeva M. M. *Stroitel'stvo Surskogo oboronitel'nogo rubezha i Kazanskogo obvoda v Chuvashskoj ASSR* [Construction of the Sursky defensive line and the Kazan bypass in the Chuvash ASSR] // *Gasyrlar avazy – Ekho vekov – Gasyrlar avazy* – Echo of Centuries. 2017. No. 3–4. Pp. 23–45.

33. Tochyonov S. V. *Stroitel'stvo oboronitel'nyh sooruzhenij na territorii Ivanovskoj oblasti v 1941–1943 gg.* [Construction of defensive structures on the territory of the Ivanovo region in 1941–1943] // *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* – Herald of Ivanovo State University. Series: Humanities. 2008. No. 4 (8). Pp. 43–52.

Отношение к военной службе среди религиозных движений России в конце XIX – начале XX вв.

Орлов Максим Александрович

кандидат исторических наук, Петербургский лицей.

Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0003-4663-9443. E-mail: orlov.m.a.87@yandex.ru

Аннотация. С давних времен война и религия были тесно связаны между собой. В древности, Средневековье, Новое и даже Новейшее время войны зачастую носили священный характер как борьба за религиозные убеждения. Со временем появлялись религиозные учения, отвергавшие войну (баптисты, меннониты, адвентисты). Среди сектантов Российской империи также встречались идеи пацифизма. В настоящей статье рассматривается вопрос об отношении к войне различных религиозных групп России на рубеже XIX – начала XX вв. Сделана попытка классифицировать различные конфессии по такому признаку, как отношение к войне.

Религиозный пацифизм стал известен в России еще с XVIII в., когда в страну прибыли меннониты. С особой силой пацифизм стал распространяться после проповеди Л. Н. Толстого о «непротивлении злу». Некоторые секты, например, духоборы, восприняли пацифизм Толстого, сделав его одним из пунктов своего вероучения. Пацифизм был характерен также для секты «Иеговистов» («Десное братство»), «Новый Израиль», штундизма, молоканства. Вместе с тем указывается, что идея пацифизма далеко не всегда однозначно принималась среди указанных религиозных сект. Не все их адепты принимали пацифизм. В статье также отмечается, что среди таких вероисповеданий Российской империи, как православие, католичество, лютеранство, ислам, пацифизм не был характерной чертой вероучения. Бегство из армии объяснялось совершенно иными причинами. Так, некоторые мусульмане не желали воевать в рядах российской армии во время военных конфликтов с единоверными войнами Османской империи или Персии. Дезертирство среди православного населения диктовалось, как правило, бытовыми соображениями, нежеланием расставаться с привычной родной средой, а не пацифистскими убеждениями. Напротив, религиозный пацифизм таких религиозных движений, как баптизм и толстовство, формировался на библейской заповеди «не убий».

Ключевые слова: пацифизм, война, сектантство, толстовство, баптизм, войны.

В начале XX в. в связи с борьбой за передел мира в правящих кругах ведущих держав усилились милитаристские настроения. Война стала не только средством решения «национальных задач», но также фактором разрушения общества. На международном уровне возникли попытки мирного урегулирования военных конфликтов. В 1899 г. и 1907 г. на международных конференциях в Гааге были приняты конвенции о мирном разрешении военных конфликтов. В различных общественных кругах стали чаще раздаваться споры о войне, правомерности ношения оружия, об убийствах в ходе боевых действий. Зачастую такие дискуссии исходили из различного понимания Библии. Одни полагали, что христианское Священное Писание, особенно Новый Завет, учение Христа запрещают проливать кровь. Другие, напротив, также основываясь на библейских текстах, опровергали идею пацифизма.

Нельзя сказать, что влияние идей религиозного пацифизма было велико в общей картине общественной жизни начала XX в. Но утверждать, что не было никакого влияния, значило бы упустить из вида одну из красноречивых тенденций последних лет Российской империи. Во всяком случае, идеи религиозного пацифизма нашли воплощение в годы Первой мировой войны и стали одной из причин дезертирства солдат. В современном обществе вопрос о службе в Вооруженных силах или отказе от таковой по религиозным основаниям также является весьма актуальным. После распада Советского государства в 2002 г. был принят Федеральный Закон «Об альтернативной гражданской службе», дающий право на освобождение от военной службы в связи с религиозными убеждениями.

Историография представленного вопроса не изобилует полноценными исследованиями. Ряд авторов представили вопрос об отношении верующих к войне так, что он рассматривается лишь в контексте исследования другой темы [1; 3; 11; 13; 16]. Интерес представляют работы, в которых главное внимание уделяется религиозному пацифизму [4; 17], а также по-

ложительному восприятию войны [2]. Ясно, что данный вопрос еще не рассмотрен с разных сторон, многие источники не опубликованы.

В работе использованы фонды центральных и местных архивов: Департамента духовных дел иностранных исповеданий (РГИА. Ф. 821), фонды личного происхождения – К. П. Победоносцев (РГИА. Ф. 1574), П. Н. Милюков (ГАРФ. Ф. 579), фонд Пермского епархиального миссионера (ГАПК. Ф. 95), Пермского комитета Православного миссионерского общества (ГАПК. Ф. 199), канцелярия Пермского епархиального архиерея (ГАПК. Ф. 664), фонд Вятского наместнического правления (ЦГАКО. Ф. 583). Источниками по данной теме стали опубликованные труды писателей и богословов начала XX в. [12; 16; 17; 25].

Религиозный пацифизм проявился, прежде всего, среди русского религиозного сектантства. *Духоборы*, руководствуясь словами Христа о невозможности служить «двум господам», в 1895 г. стали публично ломать оружие, складывая его к ногам офицеров. Такой взгляд на вооруженные силы у духоборов сложился под влиянием учения Л. Н. Толстого «о непротавлении злу». Произошло это следующим образом. После смерти предводительницы духоборов – Лукерии – секта распалась на сторонников П. Веригина и А. Зубова. Веригин и его партия приняли учение Л. Н. Толстого, отказались от исполнения общественных обязанностей и несения военной службы [16, с. 96].

До этого раскола в учении духоборов не было четко сформулированной доктрины об участии своих адептов в войне. С одной стороны, один из вождей этой секты С. Колесников учил своих приверженцев о том, что необходимо повиноваться гражданским властям, что предполагало несение военной службы. Среди духоборов было много казаков и служилых людей, несших военную службу. В годы Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. духоборы помогали русской армии в доставлении провианта [16, с. 94]. С другой стороны, как отмечал исследователь русского сектантства С. Д. Маргаритов, духоборы не признавали войны, отвергали ношение оружия, уклонялись от клятвы. Поэтому власти, хотя и принимали духоборов в военную службу, но не требовали от них принесения присяги [16, с. 105]. Действительно, 29 мая 1855 г. «Высочайше повелено», что духоборы и другие сектанты «по заблуждению своему уклоняющихся от присяги, к таковой не принуждаются» [18, л. 18].

Неопределенность взглядов духоборов на войну дополняется исследовательским изысканием И. А. Гордеевой, которая на основании архивных документов сделала вывод, что каждый духобор должен был самостоятельно решать, «согласно велению своей совести», носить ему оружие или нет [4, с. 84]. Следует учитывать, что буквальное следование принципу религиозного пацифизма требует отказа не только от ношения оружия, присяги, но и от всякого насилия. Однако в религиозном быту духоборов этого не было. А. И. Клибанов вполне убедительно показал, что в своей среде духоборы руководствовались сами жесткими способами управления, где действовал произвол, «не гнушавшийся кулачной расправой». У духоборов была особая военная организация – «казачки», которые с оружием (сабли, кинжалы, револьверы) в руках охраняли своих единоверцев. Были случаи, когда «казачки» духоборов вступали в кровавые столкновения с соседними жителями [13, с. 100–101]. Выходит, что Веригин строил новое для духоборов учение, но старый же фундамент давал о себе знать. А. И. Клибанов высказал мнение, не лишнее серьезного основания, о том, что Веригин принял программу Толстого о непротавлении злу с целью «разоружения духоборов, в тот момент, когда классовая борьба в их среде принимала все более острые формы» [13, с. 111].

Неоднозначным было отношение к войне *баптистов* и сродного ему движения *евангельских христиан*. В Департаменте духовных дел полагали, что секта *евангельских христиан* являлась разновидностью баптизма [20, л. 74]. Не вдаваясь в дискуссию о соотношении этих понятий, отметим, что в вопросе о войне позиция баптистов и *евангельских христиан* была схожей.

В литературе указывалось на то, что в отличие от меннонитов, баптисты считали допустимым принесение присяги, тогда как для меннонитов пацифизм был одним из главных принципов вероисповедания. М. В. Иванов полагает, что западные баптисты не склонны видеть в словах Евангелия «Не клянись вовсе» (Мф. 5:34) полный запрет на присягу, вместе с тем указывая, что на российских баптистов большое влияние оказали молокане, убежденные пацифисты [11, с. 244]. Если степень влияния молокан на «русский» баптизм, как представляется, требует более глубокого анализа, то вывод о пацифизме баптистов выглядит более убедительным. Российские чиновники, входившие в структуру Министерства внутренних дел, в начале XX в. выявили множество случаев отказа баптистов и *евангельских христиан* от несе-

ния военной службы. Чиновник особых поручений при МВД А. А. Кологривов, изучив историю распространения сектантства в Степном крае, отметил, что характерной чертой баптизма является антимилитаризм [5, л. 32]. Согласно донесению начальника Волынского жандармского управления, солдат Владимир Рудаковский, являвшийся последователем баптизма, при выдаче винтовки заявил, что «будучи, последователем Иисуса Христа, который заповедал не убивать врагов, а любить их, он не может взять винтовки» [20, л. 10 об.]. Архиепископ херсонский Назарий (Кириллов), основываясь на сведениях военных властей, указывал на отрицательное отношение к войне местных баптистов. Так, призванный из запаса наводчик артиллерийской бригады Романенко отказался исполнять приказ офицера, ссылаясь на заповедь: «Любите враги ваши» [21, л. 3 об.]. Один из сотрудников «охранки» также указывал на то, что для баптистов была характерна идея недопустимости действовать оружием против неприятеля, даже на войне [21, л. 10 об.]. По данным, собранным в Департаменте духовных дел в Петроградской общине «Евангельских христиан», пацифизм был возведен в ранг одной из основополагающих догм этого учения: «По религиозным представлениям этих сектантов, пролитие крови есть грех пред Богом, а потому последователям этого учения воспрещается брать в руки оружие и для защиты от внешнего врага» [20, л. 61 об.].

Отсутствие определенного взгляда на войну наблюдалось у *молокан* и «*новоизраильтян*». Существует мнение, что молокане в целом являлись законопослушными и несли военную службу в рядах вооруженных сил России [4, с. 86]. Действительно, молокане «донского толка» не отказывались от присяги, военной службы, признавали гражданскую власть [16, с. 137]. Однако те молокане, которые стали последователями учения Л. Н. Толстого, отказывались от ношения оружия [16, с. 125]. Подобно молоканам, среди последователей секты «Новый Израиль» также возникали разногласия по поводу участия в вооруженных конфликтах. В мае 1905 г. в Ростове-на-Дону руководители секты объявили свою программу, в которой говорилось о желании реформ «не мятежным действием и кровопролитием», а также провозглашалось, что последователи секты несут воинскую повинность и уважают начальство [13, с. 72]. Однако в Харькове в 1910 г. имел место случай, когда «новоизраильцы» оскорбительно выражались в адрес государства, призывали отказываться от отбывания воинской повинности [13, с. 74].

Таким образом, у *духоборов*, «*новоизраильтян*», *молокан* идея пацифизма не являлась ядром вероучения, последователи этих вероучений могли сами решать вопрос о несении воинской повинности. Пацифизм наиболее отчетлив среди баптистов и евангельских христиан. Наряду с этим существовали сектантские организации, которые довольно определенно отвечали на вопрос об участии в вооруженных конфликтах: война и убийство категорически отвергались. К таковым можно отнести: *штундистов*, *адвентистов*, «*Десных братьев*», *меннонитов*, *толстовцев*.

В Российской империи «*штунда*» являлась сектой, гонимой из-за пропаганды идей анархизма и неповиновения властям. И. В. Абрацумов, указывая на ряд заявлений *штундистов* о верности властям, делает вывод, что не все *штундисты* были анархистами [1, с. 39]. Это утверждение верно в том смысле, когда речь заходит о *штундистском* движении после провозглашения вероисповедных свобод в 1905 г. Действительно, в одном «вероучении» *штундистов* сказано: «Мы веруем, что правительство установлено Богом... Мы считаем себя обязанными, когда потребует нас к тому начальство, нести повинности военной службы. Однако мы можем также сердечно соединиться с теми, которые не разделяют наших убеждений относительно клятвы и военной службы» [16, с. 175]. Подобные заявления появились после издания указа о веротерпимости. До этого власти империи признали *штундизм* в качестве «гонимой» религии именно за отказ повиновения властям и пропаганде идей пацифизма. К тому же и после 1905 г. у некоторых *штундистов* оставалась «старая закваска». Один *штундист* заявил: «Если бы нас как-либо и погнали на войну, мы стреляли бы не в врагов, а в воздух» [21, л. 3 об.]. *Штундисты* д. Николаева Херсонской губернии говорили, что любая судебная и административная власть «изгоняет из государства дух Христов», что у христиан не должно быть никаких начальников, «ибо есть только один начальник и Пастырь – Христос». Естественно, что подобные заявления выводили заключение – «Война – зло» [21, л. 2].

Неприятное отношение к военной службе было у секты «*Десного братства*», которая называлась еще «*Сионской вестью*», а также «*Иеговистами*». Последователи данного учения открыто призывали отказываться от несения военной службы, царей называли «деспотами» [16, с. 146]. Впрочем, пункт о милитаризме не был центральной темой в учении данной

секты. Краеугольным камнем «Иеговистов»¹ было чаяние тысячелетнего царства, священный трепет перед наступлением Армагеддона. Антимилитаризм носил служебную роль, как способ уклониться от «царства тьмы», которое в глазах «сионистов» воплощалось в династии Романовых.

Иной характер носил антимилитаризм *адвентистов*. Отказ от войны признавался адвентистами одним из условий получения спасения в загробной жизни. У этого религиозного движения пацифизм был элементом политической теории, в основе которой был космополитизм. В связи с этим, как отмечалось в одном из указов «Его Императорскому Величеству благоугодно было собственноручно начертать: “Нужно во всеоружии бороться с этим злом”» [21, л. 2 об.]. На космополитизм адвентистов указывал епископ саратовский Гермоген (Долганёв). В письме местному губернатору он указывал, что в учении адвентистов «есть космополитический характер. Так, Отечества для адвентистов нет, есть только братья, живущая в Западной Европе, Америке, в Африке и в Австралии» [24, с. 108]. Справедливости ради стоит отметить, что вопрос о космополитизме адвентистов не может считаться окончательно решенным. Доказательством этому может служить конференция адвентистов, состоявшаяся в Санкт-Петербурге в 1905 г., во время которой было принято решение послать императору Николаю II «Благодарственный адрес за дарование новых вероисповедных свобод». В нем адвентисты указывали, что на основании Библии необходимо чтить правительство, которое поставлено от Бога и молиться за него. Было принято обязательство «отдавать Кесарево Кесарю, принося ему подати, налоги, страх и честь, а Божие Богу, соблюдая Его заповеди» [21, л. 4].

От участия в вооруженных конфликтах уклонялись *меннониты*. Представители данного религиозного движения появились в России во время правления императрицы Екатерины II. В Россию меннониты стали переселяться из Пруссии, где их принуждали к службе в армии. Российская императрица гарантировала меннонитам свободу от рекрутства, рассчитывая с помощью немецких колонистов на успешное хозяйственное освоение южных земель. При императоре Александре II закон о всеобщей воинской повинности распространялся на все слои населения. Меннонитов впервые стали привлекать в ряды российской армии, что стало причиной их массового переселения в Америку и Канаду. После этого царская власть допустила меннонитам вместо военной службы трудиться в военных мастерских, что рассматривается как начало в России альтернативной гражданской службы [4, с. 87].

Необходимо учитывать, что меннониты не были анархистами, государственная власть, в том числе необходимый ее элемент – вооруженные силы – принималась ими как условие гражданского мира в обществе. Являясь, как правило, собственниками крупных земельных владений, меннониты рассматривали государство как необходимую скрепу для защиты своей собственности. Поэтому во время вооруженных конфликтов меннониты выражали свои верноподданнические чувства, в частности в годы Первой мировой войны [9, л. 17].

Немецкие колонисты были представлены не одними меннонитами, но также лютеранами и реформатами. Многие из них после введения всеобщей воинской повинности несли военную службу в рядах российской армии, участвовали в боевых действиях в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., Русско-японской войне, а также в Первой мировой войне. В записке известного кадетского деятеля П. Н. Милюкова «О немецких колонистах северных губерний» указано, что и «теперь мало колонистских семейств, в которых не числилось бы ни одного члена, который бы не находился в действующей армии» [8, л. 1].

Особым религиозно-этическим направлением с конца XIX в. стало *толстовство*. Основа вероучения была заложена Л. Н. Толстым, который, как и многие русские сектанты, отрицал участие человека в военных действиях, основываясь на своеобразных религиозных убеждениях. В письмах к духовоборам в Канаду Л. Н. Толстой выразил свое понимание христианского смирения и кротости: «Вы пострадали и были изгнаны и теперь еще терпите нужду за то, что захотели вести христианскую жизнь не на словах, а на деле, – отказались от всякого насилия над ближним, от присяги, от полицейской, от солдатской службы, даже сожгли свое оружие, чтобы не было соблазна защищаться им» [23, л. 3 об.].

Для Л. Н. Толстого непотворение злу было не отдельным пунктом вероучения, оно являлось составной частью его мирозерцания, проникнутого неприязнью к внешним формам общественной жизни. Так, учение о пацифизме тесно переплеталось с учением о собственности. Из евангельских слов о невозможности служить Богу и мамоне (богатству) Толстой делал

¹ Не следует путать данную секту с движением «Свидетели Иеговы».

весьма радикальный вывод: любая собственность есть мамона (зло), а потому от нее следует отказаться вовсе. Собственность предполагает необходимость ее защиты, а защищать можно только насилием – «борьбою, дракою, даже убийством». По учению Толстого, если люди удерживают собственность, не делая никому насилия, они тем не менее прибегают к помощи полиции и закона, т. е. ограждают свою собственность угрозой насилия. «И потому признание собственности есть признание насилия и убийства, и вам (духоборам – авт.) незачем было отказываться от военной и полицейской службы, если вы признаете собственность, которая поддерживается только военной и полицейской службой», – писал Толстой духоборам в Канаду [23, л. 4 об.].

Идеи, провозглашенные Л. Н. Толстым, не могли пройти бесследно. От военной службы стали отказываться не только духоборы, но и лица, не принадлежавшие к какому-либо сектантскому движению. Познакомившись с работами Толстого, Ефим Дымшиц пришел к выводу, что «зло – безумие, тьма и болезнь, что насильник больше всего достоин жалости, что противление (насилием) не уничтожает зло, а лишь размножает его, отравляя и душу противящегося» [4, с. 94].

В Российской империи существовали и иные малоизвестные религиозные движения, отрицавшие войну. В Оренбургской губернии была обнаружена секта «братолюбцев». Такое название секты получила от основоположника нового религиозного учения Братолюбова. Согласно данным, собранным оренбургским епархиальным начальством, вероучение этой секты тождественно толстовству и квакерству и заключалось в отрицании государственной власти, войны, воинской службы, присяги, православной Церкви [22, л. 5].

Большинство *старообрядческих толков* принимали военную присягу и служили в рядах вооруженных сил Российской империи. Во время работы нижегородских старообрядческих съездов был выработан текст военной присяги, в котором давалось обещание «Его Императорскому Величеству Государства и земель Его врагов, телом и кровью, в поле и крепостях, водою и сухим путем, в баталиях, партиях, осадах и штурмах и в прочих воинских случаях, храброе и сильное чинить сопротивление» [18, л. 26]. В другой части империи старообрядцы с. Куналейского Забайкальской области уверяли Департамент духовных дел, что они почитают «ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА как своего отца родного и готовы положить за него жизнь свою», указывали на то, что в годы войны с Японией «были одними из лучших воинов», что «в случае войны мы грудью будем защищать Россию» [19, л. 11 об., 15].

Первая мировая война и религиозный пацифизм. Первая мировая война стала для континентальных империй Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов испытанием на прочность национальной и конфессиональной политики, проводившейся в этих странах. Никогда еще подданные, имевшие национальные связи с враждебными державами, не испытывали такого прессинга со стороны правительств, как это было в Первую мировую войну. Кампания борьбы с «неприятельскими подданными» в Российской империи достаточно полно описана в работе американского исследователя Э. Лор «Русский национализм и Российская империя: Кампания против “вражеских подданных” в годы Первой мировой войны» [15]. В этой работе акцент поставлен более на национальный вопрос, нежели конфессиональный, хотя оба имеют тесное переплетение. В Российской империи «вражеские подданные» представляли, как правило, протестантские вероучения. Значительным ограничениям были подвергнуты лютеране и баптисты. Мусульмане, хотя и подозревались в симпатиях к турецкому султану-единоверцу, однако имели больше доверия у властей, нежели протестанты.

В августе 1914 г. с целью прекращения антивоенных акций со стороны «инославной и иноверной пропаганды» Св. Синод поручил всем епархиальным архиереям обязать местных миссионеров устраивать в храмах беседы о войне [7, л. 2]. Данное предостережение, как показала война, не было беспочвенным. «Инославная и иноверная пропаганда» имела место быть, как на фронте, так и в тылу. На Мотовилихинских заводах (Пермская губерния), которые производили оружие для российской армии, баптисты вели антимилитаристскую пропаганду. Некоторые из баптистов убеждали не стрелять в немцев, сдаваться им в плен, либо «стрелять вверх» [6, л. 95]. В той же губернии баптисты заявляли: «если бы ваш царь дал землицы Вильгельму, тогда бы и воевать перестал» [6, л. 96–96 об.]. В Вятской губернии баптисты Ижевского завода были заподозрены в распространении антиправительственных идей и антимилитаризме. Правда, проведенное губернской канцелярией следствие не доказало причастность баптистов к пропаганде прекращения войны [26, л. 9, 12]. Пиком борьбы с баптизмом стало распоряжение министра внутренних дел Штюрмера о начале следственных дей-

ствий против столичной организации евангельских христиан, возглавляемой И. С. Прохановым. Основываясь на донесениях губернаторов, указывавших на факты антимилитаристской пропаганды сектантов (по всему Черноморскому побережью одесские власти нашли письма Проханова с антимилитаристскими идеями), Штюрмер инициировал введение мер по ограничению деятельности баптистов и евангельских христиан [20, л. 76–77].

Симпатии сектантов к немцам проявлялись и *на линии фронта*. Протопресвитер армии и флота Георгий Шавельский отмечал, что сектанты вели скрытую пропаганду, поучая солдат не брать оружия, не признавать судебной власти, отказаться от защиты Родины, основываясь на «вырванных из текста, ловко подобранных выражениях Священного Писания: “не убий”, “не противься злу”, “взявший меч от меча погибнет”, “любите враги ваша”» [21, л. 9 об.]. В письме на имя Верховного главнокомандующего от 31 января 1917 г. он приводил пример беседы одного священника с сектантами. Священник задает вопрос: «почему вы отказываетесь взять оружие». Ответ: «потому что Россия совершает убийства, а мы не хотим участвовать в этом грехе». Вопрос: «А Германия разве не совершает убийства?». На этот вопрос некоторые сектанты отвечали: «на Германию напали, и она вынуждена защищаться». Затем сектанты стали сами задавать вопросы: «Почему это в Библии мы видим, что Бог повелевает евреям истреблять другие народы?». Ответ священника: «Вероятно, потому что они были грешники и прогневали Бога». Ответ сектанта: «Нет, эти народы были истреблены потому, что вера у них была языческая. И вот то же самое мы видим и теперь у нас в России: вера языческая. Русские люди язычники, а немцы лучшие люди, они избраны Богом, чтобы истребить нас». В заключении священник отметил, что на императора Вильгельма «сектанты смотрят как на своего царя, получающего откровения от Бога» [21, л. 8 об.].

В неудачный для России 1915 г. министр внутренних дел уведомил руководство Северного фронта, что евангельские христиане «вызывают повышенное настроение у посетителей (молитвенных собраний – *авт.*) и могут увлекать их на путь пропаганды идей, оказывающих в условиях переживаемого времени вредное влияние на население». Одновременно с этим Департамент духовных дел обратился к прокурорам военно-окружных судов с просьбой сообщить о случаях антивоенной пропаганды по религиозным убеждениям. Из поступивших в департамент сведений оказалось, что в восьми военно-окружных судах за отказы от исполнения воинского долга привлечено к уголовной ответственности 48 нижних чинов из последователей евангельских христиан [20, л. 62 об.].

В задачи данной статьи не входит выявление степени влияния антивоенной пропаганды сектантского движения в годы войны. Важно понять, что военное руководство и полковое духовенство было действительно взволновано данной пропагандой в тылу и особенно на фронте. В связи с этим необходимо выяснить взгляды на войну православного духовенства как представителей господствующего в Российской империи вероисповедания, а также светских писателей, которые выражали православный взгляд на проблему войны.

Среди светских писателей следует обратиться к трудам В. А. Никольского и И. А. Ильина. Профессор Казанской духовной академии В. А. Никольский в 1904 г. опубликовал работу под названием «Христианство, патриотизм и война». Это был ответ на развитие в обществе идей пацифизма и космополитизма. Автор попытался ответить на непростой вопрос: может ли христианин с оружием в руках защищать свою родную землю ценой пролития крови другого человека? В. А. Никольский начал свое рассуждение с идеи патриотизма, которая есть «психологический феномен», а не привитая обществом абстрактная идея. Патриотизм вырастает из естественной любви детей к родителям, из чувства благодарности к ним. Это чувство впоследствии переносится на общественные союзы и государство [17, с. 5]. Государство не отвергается христианством, наоборот, повиновение существующим властям прямо заповедуется Христом (Мк. 12:17) и апостолами (Рим. 13:4). В. А. Никольский делал отсюда следующий вывод. Если новозаветное учение не отвергает государство, то вместе с тем не отрицается его важнейший институт – вооруженные силы. Христос и апостолы «имели в виду не какую-нибудь идиллическую организацию, а конкретный институт с войсками и возможной войной» [17, с. 66]. Наконец, по словам Никольского, Христос и апостолы нигде не требовали отказываться от своих должностей, в том числе военных. Христос даже похвалил сотника за его веру и поставил его в пример израильтянам [17, с. 62–63].

Возможно, наиболее полноценным ответом на проповедь Л. Н. Толстого о «непротивлении злу» можно считать работу И. А. Ильина «О сопротивлении злу силой». В работе Ильина находим философско-богословский взгляд на вопрос о возможности и даже необходимости

сохранять армию и нести военную службу. Одна из главных идей Ильина – присутствие в обществе через человека зла, разрушающего благие намерения и начинания людей. По мысли религиозного философа непротивление злу, как учила «группа морализующих публицистов» во главе с Л. Н. Толстым, означает согласие с ним, а это ведет к его дальнейшему распространению и своеобразной пропаганде: «несопротивляющийся злу рано или поздно приходит к необходимости уверить себя, что зло – не совсем плохо и не так уж безусловно есть зло; что в нем есть некоторые положительные черты» [12, с. 12].

Для уяснения позиции православного духовенства на войну следует обратиться к работе протоиерея Валентина Свенцицкого «Война и Церковь». Одной из центральных проблем, заявленных в данной работе, является неизбежность для христианина выбора между защитой невинной жертвы (мирного населения, ближних, родных и проч.) и атакующим ее врагом, «злодеем». Протоиерей Валентин пишет, что у верующего всегда существует выбор: либо убить злодея, насильника, либо оставить жертву этого насильника на поругание и убиение. Христианин говорит: «Если это неизбежно – пусть лучше убит будет преступник, а невинный останется жив», а отказывающийся от войны и использования оружия выбирает другое: «Пусть будет убит невинный, а преступник живет» [25, с. 14]. Другим оправданием войны и вооруженных сил является идея, что «мир во зле лежит». Это значит, что для нормального бытия народа требуется власть, необходимым элементом которой являются вооруженные силы. Без власти общество превратилось бы в «дикую анархию», без войска люди вооружились бы в «разбойничьи шайки» [25, с. 30–31]. Таким образом, протоиерей Валентин Свенцицкий стоит на традиционной для православного богословия мысли, что лучше предпочесть меньшее зло (вооружение) во избежание большего зла (анархия, уголовный произвол). Признание вооруженных сил основывается на политическом учении о признании гражданской власти.

Важно заметить, что отрицание пацифизма стало частью концепции православных богословов и философов не только в силу доктринальных соображений. Действовал фактор исторической традиции русского воинства, которое на протяжении многих веков получало благословение от православного духовенства на защиту Родины. Как отмечал А. В. Буганов, с самых давних времен русский фольклор был проникнут идеей борьбы за родную землю: «Богатырство было проникнуто идеей православного христианского служения, являлось формой церковного послушания» [2, с. 14–15]. Многие князья были прославлены в лике святых (напр., св. Александр Невский) и воспринимались народом как защитники народа, а их богоугодность заключалась в жертвенной любви к своему народу [2, с. 16].

Зачастую в войнах участвовало и духовенство. Не лишним будет вспомнить благословение преп. Сергия Радонежского и посылку им двух монахов – Александра Пересвета и Родиона Ослябя – на битву с Мамаем. В Российской империи с момента ее формирования действовал институт полковых священников. С началом Первой мировой войны военное духовенство морально поддерживало солдат, многие священники оказались на передовой. По подсчетам М. В. Шкаровского, всего за время боевых действий 1072 священника были награждены орденами, 30 представителей военного духовенства погибли, более 400 были ранены, свыше 100 попали в плен [27, с. 54].

В годы Первой мировой войны дезертирство солдат, исповедовавших православную веру, не было связано с религиозными убеждениями. Действовали скорее политические и социальные мотивы. Только в редких случаях православные отказывались от несения военной службы по религиозным убеждениям. Призванный в 1914 г. на военную службу крестьянин с Рыбинки (Саратовская губерния) Василий Марков заявил, что «он категорически отказывается от исполнения воинской повинности, как христианин». В ходе расследования данного дела выяснилось, что отказ от несения военной службы он мотивировал убийством своего отца, ибо после этого «углубился в чтение Евангелия и пришел к убеждению, что, по христианскому учению, кровь проливать нельзя, а потому и не должен служить на военной службе и брать в руки оружие». Стоит заметить, что Марков после убийства отца был признан душевнобольным, но потом данный диагноз по решению суда был с него снят. Сведений о принадлежности Маркова к какой-либо секте в ходе следствия обнаружено не было [19, л. 27].

Пацифизм не был характерной чертой и ряда других вероисповеданий Российской империи: католичества, лютеранства, армяно-григорианского исповедания, ислама. Если и возникали случаи дезертирства, то они объяснялись отнюдь не догматическими соображениями. Так, мусульмане легко вооружались против европейских противников России, но когда начи-

нались военные конфликты с Османской империей или Ираном, то здесь вопрос об участии против единоверцев решался довольно противоречиво. В годы Крымской войны в одном только Мамадышском уезде Казанской губернии насчитывалось до 200 беглых воинов мусульман. Татары говорили, что сражаться с единоверными запрещает совесть [10, с. 55]. И все же подобные уклонения от военной службы носили скорее спорадичный характер, нежели регулярный. Мусульмане со времен Московского государства служили в рядах российской армии, формировали верные царской власти полки [3, с. 20]. Оренбургские муфтии обращались к мусульманским проповедникам, чтобы они напоминали о долге мусульман повиноваться властям и законам, идти на службу государства, что уклонение от нее путем членовредительства «есть один из величайших грехов» [14, с. 88].

Таким образом, из всего религиозного многообразия Российской империи можно выделить несколько подходов к войне: ее нежелательность, но необходимость (православие, католичество, лютеранство, армяно-григорианское вероисповедание); отрицание войны и уклонение от службы в вооруженных силах (толстовцы, меннониты, иеговисты («Десное братство»), адвентисты, штундисты); неоднозначность, противоречивость позиции, когда одни адепты признавали возможность участия в войне, другие отрицали это (духоборы, баптисты).

Отдельно взятый вопрос, а именно отношение к войне и службе в вооруженных силах среди различных вероисповеданий, помогает сделать более общие выводы. За частным вопросом можно разглядеть положение конфессий в последние годы существования империи Романовых. Для царской России приемлемы были те вероисповедания, которые укрепляли правовые и моральные устои империи. Православие, католичество, лютеранство, армяно-григорианское исповедание, ислам, в некоторой степени буддизм и язычество, содержали учение, которое могло служить опорой правопорядку, укреплению правосознания подданных. Напротив, гетеродоксия, нонконформизм, как правило, предполагали отступление от устоявшихся моральных установок, в том числе верности присяге и несения военной службы. Такие религиозные движения, как баптизм, толстовство, адвентизм, штундизм, вместе с пацифизмом несли в народ разрушение катехизических правил, умаляли достоинство властей и церковной иерархии. Поэтому власти ограничивали в правовом статусе нонконформистов. Наоборот, уважение к существующему правовому строю и династии, признание присяги и военной службы служили залогом веротерпимости и предоставлению определенных в законе религиозных гарантий.

Список литературы

1. Амбрацумов И. В. Русский штундизм, общество и власть // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 5 (42). С. 30–47.
2. Буганов А. В. Героическое в историческом фольклоре и народном сознании русских XIX–XX вв. / отв. ред. А. В. Буганов. М. : ИЭА РАН, 2013. С. 14–28.
3. Габдуллин И. Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М. : Изд. Р. Ш. Кудашев, 2006. 317 с.
4. Гордеева И. А. Отказы от военной службы и формирование пацифистского движения в России в конце XIX – начале XX века // Крестьяноведение. 2018. Т. 3. № 4. С. 78–104.
5. ГАПК (Государственный архив Пермского края). Ф. 95. Оп. 1. Д. 46.
6. ГАПК. Ф. 199. Оп. 1. Д. 30.
7. ГАПК. Ф. 664. Оп. 1. Д. 43.
8. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 579. Оп. 1. Д. 2607.
9. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2608.
10. Знаменский П. В. Казанские татары. Казань : Типография Императорского Университета, 1910. 67 с.
11. Иванов М. В. Источники богословия российского баптизма // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. № 3. С. 242–246.
12. Ильин И. А. О сопротивлении злу силой. Изд 5-е. М. : ДАРЪ, 2014. 480 с.
13. Клибанов А. И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. – 1917 г.). М. : Наука, 1965. 348 с.
14. Круз Р. За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М. : Новое литературное обозрение, 2020. 475 с.
15. Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М. : НЛО, 2012. 304 с.
16. Маргаритов С. Д. История русских рационалистических и мистических сект. Симферополь : Таврич. губ. тип., 1910. 228 с.
17. Никольский В. А. Христианство, патриотизм и война. Казань : Типолитография Императорского Университета, 1904. 98 с.

18. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 821. Оп. 133. Д. 68.
19. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 72.
20. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 198.
21. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 332.
22. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 333.
23. РГИА. Ф. 1574. Оп. 2. Д. 191.
24. Руфин С. М. Правовое положение баптистов и адвентистов в Российской империи в конце XIX – начале XX века (на материалах Саратовской губернии) // Известия Саратовского ун-та. Серия: История. Международные отношения. 2019. Т. 19. Вып. 1. С. 104–108.
25. Свенцицкий Валентин, протоиерей. Война и церковь. Ростов н/Д, 1919. 36 с.
26. ЦГАКО (Центральный государственный архив Кировской области). Ф. 583. Оп. 604. Д. 132.
27. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М. : Вече: Лепта, 2010. 478 с.

The attitude towards military service among the religious movements of Russia in the late XIX – early XX centuries

Orlov Maxim Alexandrovich

PhD in Historical Sciences, St. Petersburg Lyceum.

Russia, Kirov. ORCID: 0000-0003-4663-9443. E-mail: orlov.m.a.87@yandex.ru

Abstract. Since ancient times, war and religion have been closely linked. In ancient times, the Middle Ages, Modern Times, and even Modern times, wars were often sacred in nature as a struggle for religious beliefs. Over time, religious teachings appeared that rejected the war (Baptists, Mennonites, Adventists). There were also ideas of pacifism among the sectarians of the Russian Empire. This article examines the issue of the attitude of various religious groups of Russia to the war at the turn of the XIX – early XX centuries. An attempt has been made to classify various faiths on such a basis as attitudes towards war.

Religious pacifism has been known in Russia since the 18th century, when the Mennonites arrived in the country. Pacifism began to spread with particular force after Leo Tolstoy's sermon on "non-resistance to evil". Some sects, for example, the Doukhobors, adopted Tolstoy's pacifism, making it one of the points of their creed. Pacifism was also characteristic of the sect of "Jehovah's Witnesses" ("The Divine Brotherhood"), "New Israel", Stundism, Molokanism. At the same time, it is indicated that the idea of pacifism has not always been unequivocally accepted among these religious sects. Not all of their adherents accepted pacifism. The article also notes that among such faiths of the Russian Empire as Orthodoxy, Catholicism, Lutheranism, Islam, pacifism was not a characteristic feature of the creed. The flight from the army was explained by completely different reasons. Thus, some Muslims did not want to fight in the ranks of the Russian army during military conflicts with the co-religionist wars of the Ottoman Empire or Persia. Desertion among the Orthodox population was dictated, as a rule, by domestic considerations, unwillingness to part with the familiar native environment, and not by pacifist beliefs. On the contrary, the religious pacifism of religious movements such as Baptism and Tolstoyism was formed on the biblical commandment "thou shalt not kill."

Keywords: pacifism, war, sectarianism, Tolstoyism, Baptism, wars.

References

1. Ambracumov I. V. *Russkij shtundizm, obshchestvo i vlast'* [Russian shtundism, society and power] // *Vestnik PSTGU. Seriya 2: Istorija. Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi* – Herald of PSU. Episode 2: The Story. The History of the Russian Orthodox Church. 2011. Is. 5 (42). Pp. 30–47.
2. Buganov A. V. *Geroicheskoe v istoricheskom fol'klore i narodnom soznanii russkix XIX–XX vv.* [The heroic in historical folklore and the national consciousness of Russians of the XIX–XX centuries] / ed. A. V. Buganov. M. IEA RAS, 2013. Pp. 14–28.
3. Gabdullin I. R. *Ot sluzhilyh tatar k tatarskomu dvoryanstvu* [From the serving Tatars to the Tatar nobility]. M. Publishing house of R. S. Kudashev, 2006. 317 p.
4. Gordeeva I. A. *Otkazy ot voennoj sluzhby i formirovanie pacifistskogo dvizheniya v Rossii v konce XIX – nachale XX veka* [Refusals from military service and the formation of the pacifist movement in Russia at the end of the XIX – beginning of the XX century] // *Krestyanovedenie* – Peasant studies. 2018. Vol. 3. No. 4. Pp. 78–104.
5. SAPR (State Archive of the Perm Region). F. 95. Inv. 1. File 46.
6. SAPR. F. 199. Inv. 1. File 30.
7. SAPR. F. 664. Inv. 1. File 43.
8. SARF (State Archive of the Russian Federation). F. 579. Inv. 1. File 2607.
9. SARF. F. 579. Inv. 1. File 2608.
10. Znamenskij P. V. *Kazanskie tatory* [Kazan Tatars]. Kazan. Printing House of the Imperial University, 1910. 67 p.

11. Ivanov M. V. *Istochniki bogosloviya rossijskogo baptizma* [Sources of the theology of Russian Baptism] // *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom* – State, religion, church in Russia and abroad. 2011. No. 3. Pp. 242–246.
12. Il'in I. A. *O soprotivlenii zlu siloj. Izd 5-e* [On resisting evil by force. Ed. 5th]. M. DAR, 2014. 480 p.
13. Klibanov A. I. *Istoriya religioznogo sektantstva v Rossii (60-e gody XIX v. – 1917 g.)* [The history of religious sectarianism in Russia (60s of the XIX century – 1917)]. M. Nauka (Science). 1965. 348 p.
14. Cruz R. *Za proroka i carya. Islam i imperiya v Rossii i Central'noj Azii* [For the prophet and the king. Islam and the Empire in Russia and Central Asia]. M. New Literary Review, 2020. 475 p.
15. Lor E. *Russkij nacionalizm i Rossijskaya imperiya: Kampaniya protiv "vrazheskikh poddannyh" v gody Pervoj mirovoj vojny* [Russian nationalism and the Russian Empire: The campaign against "enemy subjects" during the First World War]. M. UFO, 2012. 304 p.
16. Margaritov S. D. *Istoriya russkikh racionalisticheskikh i misticheskikh sekt* [The history of Russian rationalistic and mystical sects]. Simferopol. Taurich. Gubernia type., 1910. 228 p.
17. Nikol'skij V. A. *Hristianstvo, patriotizm i vojna* [Christianity, patriotism and war]. Kazan. Typolithography of the Imperial University, 1904. 98 p.
18. RSHA (Russian State Historical Archive). F. 821. Inv. 133. File 68.
19. RSHA. F. 821. Inv. 133. File 72.
20. RSHA. F. 821. Inv. 133. File 198.
21. RSHA. F. 821. Inv. 133. File 332.
22. RSHA. F. 821. Inv. 133. File 333.
23. RSHA. F. 1574. Inv. 2. File 191.
24. Rufin S. M. *Pravovoe polozhenie baptistov i adventistov v Rossijskoj imperii v konce XIX – nachale XX ve-ka (na materialah Saratovskoj gubernii)* [The legal status of Baptists and Adventists in the Russian Empire at the end of the XIX – beginning of the XX century (based on the materials of the Saratov province)] // *Izvestiya Saratovskogo un-ta. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* – News of Saratov University. Series: History. International relations. 2019. Vol. 19. Is. 1. Pp. 104–108.
25. Valentin Svetsitsky, *archpriest. Vojna i cerkov'* [War and the Church]. Rostov-na-Donu, 1919. 36 p.
26. CSAKR (Central State Archive of the Kirov region). F. 583. Inv. 604. File 132.
27. Shkarovskij M. V. *Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' v XX veke* [The Russian Orthodox Church in the XX century]. M. Veche : Lepta, 2010. 478 p.

Состояние пенитенциарных учреждений Тамбовской губернии 1918–1922 гг.

Кожухов Никита Алексеевич

аспирант кафедры истории и философии, Тамбовский государственный технический университет.
Россия, г. Тамбов. ORCID: 0009-0002-1814-3619. E-mail: nick-747@mail.ru

Аннотация. Предметом данного исследования являются пенитенциарные учреждения Тамбовской губернии в период Гражданской войны в России. Перелом в пенитенциарной системе после событий октября 1917 г. в России происходил достаточно быстро: ветхие маленькие тюрьмы подлежали закрытию. Строительство новой системы мест заключения на обломках царской России требовало больших затрат и перестроек. Разразившееся на территории губернии крестьянское восстание под руководством А. С. Антонова в августе 1920 г. оказало серьезное влияние на ускоренное устройство концлагерей и их состояние. Этим и объясняется актуальность выбранного исследования – изучение пенитенциарной политики раннесоветской России на примере Тамбовской губернии. Методологической основой исследования послужили принцип историзма и объективности, а также системный подход, которые позволяют всеобъемлюще изучить пенитенциарные учреждения. Новизна данного исследования заключается в изучении состояния мест заключения конкретного региона с учетом фактора крестьянского восстания. Благодаря изучению архивных документов представляется возможность описать становление раннесоветской концлагерной системы на примере отдельной губернии в сопоставлении с пенитенциарными законодательными актами заданного периода. Как итог, данное исследование показало, что общая картина внутри пенитенциарных учреждений была довольно далека от законодательных актов, состояние мест заключения на территории Тамбовской губернии оставляло желать лучшего, условия содержания не соответствовали требованиям, описанным в постановлениях советской власти. Обострившееся сопротивление деревни, переросшее в полномасштабное крестьянское восстание в Тамбовской губернии и меры советской власти, принимаемые для его скорейшего подавления, в том числе с использованием концлагерной системы, способствовало ускорению разгрома. Пенитенциарная политика в Тамбовской губернии выступила не как мера по исправлению заключенных, а как карательная система, направленная на окончательное установление советской власти.

Ключевые слова: тюрьма, концлагерь, арестный дом, исправительно-трудовой дом, инспекция.

Актуальность исследования обусловлена интересом к исследованию политики советской власти периода Гражданской войны в пенитенциарной сфере, которая начала свое становление на обломках имперской России. Перелом в пенитенциарной сфере после революционных событий не явился коренным, так как, с созданием на обломках старой системы новой базы реализации системы наказания, прежде всего через труд, объясняется именно событиями Гражданской войны. Изучение условий и качества отбывания наказания в местах лишения свободы в раннесоветский период, в которых содержались так называемые «враги советской власти», представляет на сегодняшний день повышенный интерес. Конкретизируя данное исследование, основанное на документах Государственного архива Тамбовской области, Государственного архива социально-политической истории Тамбовской области, а также и Российского военного государственного архива, стоит выделить непростую ситуацию на территории Тамбовской губернии в рамках Гражданской войны в России, а именно крестьянское восстание под руководством А. С. Антонова в 1920–1921 гг., которое способствовало резкому увеличению мест заключения и населения внутри них. Благодаря доступности источниковой базы предоставляется возможность подвести статистику движения заключенных, которая подводилась дважды в месяц, изучить подробные данные инспекции мест заключения, в которых сообщались недостатки того или иного учреждения и меры по устранению их, а также рассмотреть решение губернских и уездных комиссий по принятию мер по улучшению условий отбывания наказания.

Из наиболее крупных и известных исследователей данной тематики на территории Центрального Черноземья стоит выделить В. Ю. Рылова [19], составившего труд по концлагерям Борисоглебска, входившего тогда в состав Тамбовской губернии, в котором изучено как состояние учреждений, так и сведения о движении заключенных. О. В. Безай [1] в своей статье

об использовании концлагерей в ходе подавления Тамбовского восстания предоставил сведения о количестве заключенных в разных концлагерях Тамбовской губернии. В качестве итогов Безай сообщает, что концлагерная система стала одной из мер по подавлению крестьянского восстания. Обобщенная характеристика концлагерной системы общероссийского масштаба приведена в работе С. С. Бразевича [2]. Исследование заключенных концлагерей Тамбовской губернии, в число которых входили также дети, приведены в работах П. П. Щербинина [22]. Поэтому составление комплексного труда по изучению условий содержания заключенных в местах заключения Тамбовской губернии, используя в том числе ранее накопленный опыт исследователей данной тематики, и является тем аспектом, который объясняет актуальность выбранного исследования.

После событий октября 1917 г. советская власть в пенитенциарной сфере поставила цель: «Перелом не только во всей системе управления местами заключения, но и во всей постановке отбывания наказания». Главное управление местами заключения (ранее Главное тюремное управление) было переименовано в Карательный отдел Народного Комиссариата Юстиции. Упраздняются тюремные инспекции на местах, их функции переходят к особым органам местных Комиссариатов Юстиции [20, с. 3]. Непригодные для содержания «мелкие тюрьмы» подлежали закрытию, согласно циркуляру Наркомюста РСФСР № 27 от 15 июля 1918 г. «О закрытии мелких тюрем и распределении заключенных по категориям». Основываясь на указах выше, уже в конце 1918 г. на территории Тамбовской губернии были применены попытки закрытия Темниковской, Елатомской, Шацкой и Спасской тюрем, однако после телеграммы Исполкома уездного Совдепа Елатомскую тюрьму было решено оставить из-за «обострившейся классовой борьбы в деревне» [6, л. 2]. По итогу, из 12 ранее действовавших тюрем губернии было принято оставить только 4 наиболее крупные: в Тамбове, Козлове, Борисоглебске и Моршанске [7, л. 85].

В оставшихся местах заключения уже в декабре 1918 г. наблюдается следующая проблема: заключенные жаловались на непредъявление им обвинения, в связи с чем их заключение затягивалось на более чем 48 часов. В связи с этим уже в 1918 г. намечается необходимость разгрузки тюрем [4, л. 12–13].

Особое место в пенитенциарной политике новой власти занимают исправительно-трудовые лагеря. Уже 17 апреля 1919 г. вышло постановление ВЦИК о лагерях принудительных работ [21, с. 327–332], в котором сообщалось, что концлагеря, численностью не менее 300 человек, разрешалось устраивать как в черте, так и вблизи каждого губернского города. Во главе лагеря стоял комендант, которому помогали заведующий хозяйством и заведующий принудительных работ. За порядком в лагере следил караул, состоящий из начальника, его помощника, двух отделенных и караульной команды. Что касается санитарной гигиены и медицинского надзора, то врач обязан посещать лагерь не менее двух раз в неделю, в случае экстренных заболеваний врач вызывался «во всякое время». Помимо надзора за здоровьем заключенных на врача также возлагалось наблюдение за санитарным состоянием помещения лагеря, а также за качеством продуктов для приготовления пищи. Для заключенных устанавливался 8-ми часовой рабочий день, вознаграждение за труд производилось по ставкам профсоюзов соответственной местности. Созданием концлагерей советская власть определила основную цель пенитенциарной политики – исправление заключенных путем привлечения к труду.

Одним из первых таких постоянных лагерей в губернии стал Тамбовский концентрационно-трудовой лагерь при губернском отделе управления, начавший работу 1 июля 1919 г. [8, л. 7]. В июле 1920 г. был открыт Моршанский концлагерь, вслед за ним Борисоглебский. Впоследствии к весне – лету 1921 г. на территории Тамбовской губернии будут действовать 10 таких лагерей, которые были открыты ввиду продолжавшегося крестьянского восстания. Мотивацией для открытия лагеря в Борисоглебске обозначались проживание элементов, которых необходимо было привлечь к принудительным работам через лагерь, затруднительная доставка заключенных в Тамбов, а также для привлечения к работе тылового ополчения [9, л. 11].

Уже осенью 1920 г. по причине высокого наплыва заключенных труд в Моршанском концлагере был сосредоточен на внешних работах и только лишь несколько заключенных привлечены к уборке двора и помещений.

Практически с момента открытия трех постоянных лагерей в 1920 г. обозначилась проблема переполненности. К 1921 г. через три постоянных лагеря прошло 3483 заключенных [там же]. Данная проблема будет сохраняться вплоть до ликвидации концлагерей в конце

1922 г. Ситуацию усугублял факт начавшегося крестьянского восстания на территории Тамбовской губернии, что вызвало необходимость открытия дополнительных концлагерей. Как сообщается в докладе заведующего управлением принудительных работ В. Г. Белугина в губисполком, общий тип открытых семи лагерей к лету 1921 г. – солдатские палатки, обнесенные проволочными заграждениями. Все поступающие в лагерь для заключения содержались непродолжительный период времени, после чего пересылались эшелонами в постоянные лагерь других губерний.

Обращаясь непосредственно к теме условий внутри лагерей, стоит обратиться к докладу коменданта Моршанского концлагеря от 25 октября 1920 г., который сообщает о проблемах организации: недостаток конвоя, недостаток проволоки для ограждения помещений лагеря, а также требования материалов для устройства коек заключенных. В другом докладе коменданта Моршанского лагеря от 25 февраля 1921 г. сообщается о тесноте помещений, численность населения в которых доходит до 500 заключенных, отсутствии стекол в окнах, двойных рам, отхожих мест [10, л. 4]. В августе 1921 г. был обследован концлагерь при станции Сампур. Лагерь был рассчитан на 1500 узников. На момент обследования располагалось 1325 палаток, которые вмещали не всех узников: 200 человек лежали под открытым небом. В день осмотра в лагере было 2152 заключенных. Горячая пища не готовится из-за отсутствия дров. Высокая заболеваемость холерой: в августе умерло 72 человека [14, л. 25].

Общая проблема всех лагерей, организованных в период крестьянского восстания в Тамбовской губернии, – их переполненность. К 21 июня 1921 г. в Кирсановском полевом лагере № 8 заключенных всех категорий было 1013 человек [12, л. 220]. В Тамбовском концлагере на 28 июля состояло 3657 заключенных всех категорий, из которых заложники были сняты с продовольствия [13, л. 24]. Неоднократные обращения о разгрузке мест заключения Тамбовской губернии ситуацию коренным образом не изменяли. Так, в записке Президиуму губисполкома сообщалось об угрожающем положении в Кирсановском арестном доме в отношении голодающих заключенных, антисанитарии, развитии эпидемических заболеваний, а также ввиду невозможности увеличить число пайков. Заведующий губернским отделом управления просит срочно принять меры при разгрузке арестного дома [15, л. 120]. Предшествующее записке обследование Кирсановского арестного дома показало, что на 70 мест приходится 114 заключенных при получении 14 пайков. Врач указал на необходимое закрытие ардома с целью ремонта и дезинфекции [там же, л. 121]. Аналогичная информация исходит из протокола заседания Тамбовской уполиткомиссии 28 июля 1921 г., на котором сообщалось, что в Тамбовском концлагере заключенные были сняты с продовольствия, а соответствующая телеграмма по данному вопросу осталась без ответа [13, л. 24].

Стоит также упомянуть тот факт, что проводя репрессивную политику по отношению к повстанцам и их семьям, в концлагеря губернии попадали также дети. По сведениям на 1 августа в 10 концлагерях содержалось детей до 3-х лет 397, до 5 лет 758, всего 1155 при не самых точных сведениях, ввиду различных перегруппировок [17, л. 256]. Из доклада врача Берлина от 30 июля этого же года следует, что в Кирсановском лагере положение детей крайне катастрофическое, помимо необходимости удаления детей из концлагеря, необходимо было также увеличить санитарный надзор, открыть баню и дезинфекционную камеру [12, л. 220], которые ранее, по всей видимости, отсутствовали. Двумя днями ранее Тамбовская уполиткомиссия постановила освободить матерей с детьми из Тамбовского концлагеря в возрасте от 1 до 10 лет, оставляя заложниками на местах [13, л. 24]. Вопрос о содержании детей-заложников в концлагерях не раз поднимался на заседаниях различных комиссий, тем не менее решения, которые принимались на местах о вопросах содержания, не всегда принимались в одночасье, а дети продолжали находиться в лагерных застенках.

Еще одна категория заключенных, которую стоит выделить, – военнопленные поляки, попавшие в места заключения губернии в ходе советско-польской войны. Как следует из сборника документов, на 20 декабря 1920 г. в Тамбовском и Моршанском концлагерях находилось 220 военнопленных поляков [18, с. 197]. Несмотря на все приказы о «великодушном отношении к пленным», положение поляков в лагерях выглядело не лучше, чем у заключенных повстанцев: «Отсутствует одежда, обувь, недостаток продовольствия и полное отсутствие духовной пищи и политического воспитания, неимение библиотеки и газет и не посылка за все время к ним от Укомпарта агитаторов и лекторов» [5, л. 77 об.].

Помимо концлагерей, на территории Тамбовской губернии располагались и другие места заключения. Однако стоит сказать, что они мало чем отличались по категории от выше-

указанных концлагерей, так как те же категории арестантов отбывали наказание в остальных местах заключения. Ранее сообщалось о ситуации в Кирсановском арестном доме, который по всем критериям являлся обыкновенным концлагерем. В конце 1921 г. был обследован Исправительно-трудовой дом № 1 в Тамбове, из которого следует следующее: здание Трудового ветхое, несоответствующее требованиям карательно-воспитательной политики. Внутренний вид камер грязный, в некоторых из них штукатурка стен и потолка обрушилась. Цементные полы нижнего этажа в выбоинах. Вторых рам в окнах нет вовсе. Стекла в рамах приблизительно на 25 % отсутствуют – места забиты досками недостаточно плотно так, что имеются щели. Отопление тюрьмы производится посредством железных печей, за исключением камер № 15 и № 16, в которых печей вовсе нет, но вследствие перегруженности температура достигает приблизительно 19 градусов по реомюру. Вместимость в тюрьме рассчитана максимум на 350 человек, по списку состоит на 18 декабря 1150 человек [3, л. 101]. Арестный дом в Моршанске, располагавшийся в здании тюрьмы, также был переполнен: на 70 штатных мест приходилось 437 заключенных. Камеры загрязнены, выгребные ямы переполнены, кипяток выдается раз в сутки. Питание крайне плохое, хлеб отсутствует [10, л. 23]. Такая же ситуация сложилась к весне 1921 г. в помещении для содержания заключенных 3 отделения Особого Отдела и на гарнизонной гауптвахте: камеры переполнены заключенными, санитарное состояние мест заключения оставляло желать лучшего, питание скудное. Данные документы говорят сами за себя о состоянии внутри мест заключения.

В 1922 г. в докладе Губернскому экономическому совещанию управление местами заключения сообщало, что с октября 1921 г. по сентябрь 1922 г. через места заключения Тамбовской губернии прошло в среднем от 1540 до 1950 человек ежемесячно при общей вместимости в 900 мест. Находившиеся на государственном обеспечении места заключения получали только 50 % средств от действительной потребности: средств едва хватало только на содержание личного состава. Ухудшению положения мест заключения способствовал также переход на содержание за счет местного бюджета [11, л. 38].

В 1922 г. большинство концлагерей Тамбовской губернии будут ликвидированы, о чем свидетельствует справочная книга за 1923 г., где в ведомстве губернского управления местами заключения будут значиться лишь 6 учреждений во всей губернии [16, с. 93].

Подводя итог данному исследованию, стоит сказать, что реформационные процессы пенитенциарной сферы, начавшиеся в 1917 г., сложно назвать удавшимися, учитывая фактор Гражданской войны, крестьянского восстания в Тамбовской губернии и разного рода сопротивления советской власти. Во многом такая политика способствовала завершению победой советов в Гражданской войне и окончательному установлению советской власти на территории Тамбовской губернии. Формальные различия мест заключения говорят о том, что советская власть, конкретно в Тамбовской губернии, использовала их для скорейшей победы, поэтому говорить о том, что советская пенитенциарная модель прошла период формирования и состоялась как система, направленная на исправление преступника через труд, в заданный период не приходится. Соглашаясь с тезисом О. В. Безая [1] и дополняя его исследованием – помимо концлагерей, пенитенциарные учреждения Тамбовской губернии были направлены на скорейшее подавление сопротивления и установление советской власти. Проводившиеся инспекции мест заключения, статистические данные тех лет дают достаточно полную картину происходившего внутри учреждений. Неоднократные прошения о разгрузке мест заключения, о выделении средств на их содержание, переполненность лагерных застенков ввиду обострившегося сопротивления советской власти – все это создавало препятствия для формирования новой пенитенциарной модели, основанной на исправлении заключенных, прежде всего, через трудовую деятельность.

Список литературы

1. Безай О. В. Использование концлагерей в ходе подавления Тамбовского восстания 1920–1921 гг. // Манускрипт. 2018. № 8 (94). С. 18–22.
2. Бразевич С. С. Концентрационные лагеря как организованная форма политического насилия в послереволюционной России: историко-социологический анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб, 2017. Т. 20. № 4. С. 108–134.
3. ГАСПИТО (Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области). Ф. 840. Оп. 1. Д. 1101.
4. ГАСПИТО. Ф. П-837. Оп. 1. Д. 13.
5. ГАСПИТО. Ф. П-837. Оп. 1. Д. 1314.

6. ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 508. Оп. 5. Д. 508.
7. ГАТО. Ф. 716. Оп. 3. Д. 2.
8. ГАТО. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 580.
9. ГАТО. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 581.
10. ГАТО. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 702.
11. ГАТО. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 795.
12. ГАТО. Ф. Р-4049. Оп. 1. Д. 1.
13. ГАТО. Ф. Р-4049. Оп. 1. Д. 5.
14. ГАТО. Ф. Р-4075. Оп. 3. Д. 52.
15. ГАТО. Ф. Р-5201. Оп. 1. Д. 128.
16. Грызлов П. Вся Тамбовская губерния: справочная книга на 1923 год / сост. П. Грызловым и М. Хруновым. Тамбов : Пролетарский светоч. 530 с.
17. РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 33988. Оп. 2. Д. 315.
18. Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР (1919–1922 годы) : документы и материалы. М., 2004. 403 с.
19. Рылов В. Ю. Принудительный труд и концентрационные лагеря в Воронеже. 1919–1922 гг. // Из истории Воронежского края. 2011. Т. 18. С. 233–248.
20. Сборник действующих циркуляров Центрального Карательного Отдела НКЮ за 1917–1920 гг.: с приложением предметного указателя / РСФСР. М. : Издание Центрального Карательного Отдела, 1921. 190 с.
21. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. 1482 с.
22. Щербинин П. П., Чубаров А. И., Щербинина Ю. В. Дети-сироты в годы Гражданской войны: от беспризорности к концлагерям // Вестник Тамбовского университета. 2019. Т. 24. № 182. С. 260–271.

The state of the penitentiary institutions of the Tambov province in 1918–1922

Kozhukhov Nikita Alekseevich

postgraduate student of the Department of History and Philosophy, Tambov State Technical University.
Russia, Tambov. ORCID: 0009-0002-1814-3619. E-mail: nick-747@mail.ru

Abstract. The subject of this study is the penitentiary institutions of the Tambov province during the Russian Civil War. The turning point in the penitentiary system after the events of October 1917 in Russia occurred quite quickly: dilapidated small prisons were subject to closure. The construction of a new system of detention facilities on the ruins of tsarist Russia required high costs and rebuilding. The peasant uprising that broke out on the territory of the province under the leadership of A. S. Antonov in August 1920 had a serious impact on the accelerated construction of concentration camps and their condition. This explains the relevance of the chosen study – the study of the penitentiary policy of early Soviet Russia on the example of the Tambov province. The methodological basis of the study was the principle of historicism and objectivity, as well as a systematic approach that allows a comprehensive study of penitentiary institutions. The novelty of this study lies in the study of the state of places of detention in a particular region, taking into account the factor of the peasant uprising. Thanks to the study of archival documents, it is possible to describe the formation of the early Soviet concentration camp system on the example of a separate province in comparison with penitentiary legislative acts of a given period. As a result, this study showed that the overall picture inside penitentiary institutions were quite far from legislative acts, the state of places of detention in the Tambov province left much to be desired, the conditions of detention did not meet the requirements described in the decrees of the Soviet government. The aggravated resistance of the village, which turned into a full-scale peasant uprising in the Tambov province and the measures taken by the Soviet government to suppress it as soon as possible, including using the concentration camp system, contributed to the acceleration of the defeat. The penitentiary policy in Tambov province acted not as a measure to correct prisoners, but as a punitive system aimed at the final establishment of Soviet power.

Keywords: prison, concentration camp, house of arrest, correctional labor house, inspection.

References

1. Bezaj O. V. *Ispol'zovanie konclagerej v hode podavleniya Tambovskogo vosstaniya 1920–1921 gg.* [The use of concentration camps during the suppression of the Tambov uprising of 1920–1921] // *Manuskript – Manuscript*. 2018. No. 8 (94). Pp. 18–22.
2. Brazevich S. S. *Koncentracionnye lagerya kak organizovannaya forma politicheskogo nasiliya v poslerevolucionnoj Rossii: istoriko-sociologicheskij analiz* [Concentration camps as an organized form of political

- violence in post-revolutionary Russia: a historical and sociological analysis] // *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* – Journal of Sociology and Social Anthropology. SPb, 2017. Vol. 20. No. 4. Pp. 108–134.
3. SASPHTR (State Archive of Socio-political History of the Tambov region). F. 840. Inv. 1. File 1101.
  4. SASPHTR. F. P-837. Inv. 1. File 13.
  5. SASPHTR. F. P-837. Inv. 1. File 1314.
  6. SATR (State Archive of the Tambov region). F. 508. Inv. 5. File 508.
  7. SATR. F. 716. Inv. 3. File 2.
  8. SATR. F. R-394. Inv. 1. File 580.
  9. SATR. F. R-394. Inv. 1. File 581.
  10. SATR. F. R-394. Inv. 1. File 702.
  11. SATR. F. R-394. Inv. 1. File 795.
  12. SATR. F. R-4049. Inv. 1. File 1.
  13. SATR. F. R-4049. Inv. 1. File 5.
  14. SATR. F. R-4075. Inv. 3. File 52.
  15. SATR. F. R-5201. Inv. 1. File 128.
  16. *Gryzlov P. V. Vsyta Tambovskaya guberniya: spravochnaya kniga na 1923 god* [The whole Tambov province: a reference book for 1923] / by P. Gryzlov and M. Khrunov. Tambov. Proletarian light. 530 p.
  17. RSMA (Russian State Military Archive). F. 33988. Inv. 2. File 315.
  18. *Pol'skie voennoplennyye v RSFSR, BSSR i USSR (1919–1922 gody) : dokumenty i materialy* – Polish prisoners of war in the RSFSR, BSSR and Ukrainian SSR (1919–1922) : documents and materials. M., 2004. 403 p.
  19. *Rylov V. Yu. Prinuditel'nyj trud i koncentracionnye lagerya v Voronezhe. 1919–1922 gg.* [Forced labor and concentration camps in Voronezh. 1919–1922] // *Iz istorii Voronezhskogo kraja* – From the history of the Voronezh region. 2011. Vol. 18. Pp. 233–248.
  20. *Sbornik dejstvuyushchih cirkulyarov Central'nogo Karatel'nogo Otdela NKYu za 1917–1920 gg.: s prilozheniem predmetnogo ukazatelya* – Collection of current circulars of the Central Punitive Department of the NKYu for 1917–1920: with the appendix of the subject index / RSFSR. M. Edition of the Central Punitive Department, 1921. 190 p.
  21. *Sobranie zakonov i rasporyazhenij pravitel'stva za 1919 g. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR* – Collection of laws and orders of the government for 1919. Administration of affairs of the Council of People's Commissars of the USSR. M., 1943. 1482 p.
  22. *Shcherbinin P. P., Chubarov A. I., Shcherbinina Yu. V. Deti-siroty v gody Grazhdanskoj vojny: ot besprizornosti k konclageryam* [Orphans during the Civil War: from homelessness to concentration camps] // *Vestnik Tambovskogo universiteta* – Herald of Tambov University. 2019. Vol. 24. No. 182. Pp. 260–271.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 940.53(438)«1946/1947»

DOI: 10.25730/VSU.2070.24.022

США, Польша и внутривнутриполитические процессы в Польше в 1946–1947 гг.

Немчанинов Даниил Григорьевич

кандидат исторических наук, ассистент кафедры гуманитарных и социальных наук,
Кировский государственный медицинский университет. Россия, г. Киров.
ORCID: 0000-0001-6115-6349. ResearcherID: AHB-7155-2022. E-mail: nemchaninovdg@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается американская политика в отношении внутривнутриполитических процессов в Польше в 1946–1947 гг. Исследуются основные мотивы и методы политики Вашингтона в период проведения референдума в июне 1946 г. и выборов в январе 1947 г., а также дальнейшая тактика, использованная для изменения политического курса Варшавы. Автор уделяет внимание влиянию на данные процессы деятельности польской диаспоры в США. В ходе исследования установлено, что главное место в повестке американской политики на польском направлении в данный период занимало проведение свободных выборов с целью обеспечения прихода к власти демократической польской оппозиции. Важное место в деятельности американской дипломатии занимали вопросы свободы прессы и поддержания отношений с политическими партиями. Не имея возможности физически повлиять на внутривнутриполитическую ситуацию в Польше, США рассчитывали достичь поставленных целей, используя дипломатические методы и рычаги экономического давления. Однако они не смогли существенно повлиять на внутривнутриполитическую ситуацию в Польше. После поражения польской демократической оппозиции Вашингтон переориентировался с Польской народной партии на поддержку Польской социалистической партии. Кроме того, дополнительная ставка была сделана на католическую церковь, находившуюся в оппозиции к варшавскому правительству. Важным элементом влияния на политику Белого дома была польская диаспора в США.

Ключевые слова: США, Польша, Польша, Холодная война, Трумэн, антикоммунизм.

В условиях глубокого кризиса современной системы международных отношений происходит очередное обострение американо-российских отношений, в котором немаловажную роль играет Польша и достаточно крупная польская диаспора в США. В связи с этим возникает объяснимая потребность обратиться к истории второй половины 1940-х гг., когда складывалась конфигурация международных отношений в Европе, для того, чтобы рассмотреть истоки некоторых современных политических процессов. Повышенное внимание именно к этому периоду истории внешней политики США объясняется, прежде всего, высокой активностью американской Польшы и тем влиянием, которое она оказывала на политику Соединенных Штатов в отношении Советского Союза.

Данная тема уже становилась предметом исследований некоторых отечественных и зарубежных историков [2; 3; 5; 6; 9; 19; 21; 23]. Ставшие доступными в последние годы документы позволяют по-новому взглянуть на американскую политику и деятельность польской диаспоры в США в первые послевоенные годы.

К концу Второй мировой войны польский вопрос продолжал оставаться источником напряжения во взаимоотношениях великих держав, давая основания для того, чтобы упрекать Сталина в игнорировании принципов Декларации об освобожденной Европе и обвинять СССР в экспансионизме [4, с. 62–63]. После того как в Потсдаме лидеры государств Большой тройки достигли договоренностей по основным пунктам польской проблемы (создание Временного правительства национального единства (ВПНЕ) и определение новых границ Польши на севере и западе), у США появились определенные обязательства международного характера, связанные с проведением в Польше свободных демократических выборов [12, pp. 1123–1124].

Как считали лидеры польской оппозиции, реализовать в Польше процедуру демократических выборов было возможно только в условиях свободы прессы и политических собраний, а также вывода воинского контингента СССР, так как, фактически, свободны вести агитацию среди населения лишь просоветски настроенная Польская рабочая партия (ППР; Polska Partia Robotnicza – PPR) и частично Польская социалистическая партия (ППС; Polska Partia Socjalistyczna – PPS). Остальные политические партии в данном случае подвергались ущемлению своих прав, так как административно-государственный аппарат Польши практически полностью контролировался со стороны СССР. Также к участию в выборах допускались многочисленные профсоюзы и общественные организации, что затрудняло положение оппозиции [12, pp. 1128–1131; 20].

Указанные обстоятельства должны были увеличить шансы просоветской группы в польском руководстве на победу в выборах, при этом обеспечив видимость их свободного проведения. В сентябре 1945 г. посол США в Варшаве А. Лейн докладывал в Госдепартамент об отсутствии свободы печати в Польше, при возможности свободы вероисповедания [13, pp. 369–370]. Кроме того, лидеры польской оппозиции указывали американскому дипломату на намеренное затягивание вывода войск РККА из Польши со стороны просоветской части ВПНЕ, несмотря на потсдамские соглашения, так как именно это обстоятельство обеспечивало их власть в стране. Также специально создавались препятствия репатриации польских военнослужащих с Запада, ввиду опасений в их нелояльности прокоммунистическому руководству Польши. При этом в подконтрольной коммунистам польской и западной печати ответственность за это возлагалась на Вашингтон, чтобы замаскировать данный факт [13, pp. 372–373].

Лейн пытался донести до польского руководства мнение Вашингтона о негативном влиянии на американско-польские отношения нахождения войск РККА в Польше, инкорпорирования граждан СССР в польские вооруженные силы, политических репрессий и препятствования свободе печати в стране, из-за чего многие поляки не хотят возвращаться на родину и заселять присоединенные от Германии земли. В ответ варшавское правительство соглашалось с отсутствием в польской прессе полной свободы, ввиду большого количества материалов «фашистских» элементов, но указывало, что пятая часть газет в стране является католическими и находится в оппозиции. Лейн отмечал опасность постоянного педалирования очень размытого термина «фашист», так как им можно заклеить любого, кто не согласен с позицией официальной власти, в частности, сторонников польского эмигрантского правительства [13, pp. 377–379].

Еще одним фактом напряжения в американско-польских отношениях стала попытка Варшавы добиться от США цензурирования материалов американских журналистов перед их отправкой в печать. Дипломаты американского посольства в Варшаве указывали, что соглашения Потсдама относительно Польши не предполагали цензуры и подобные действия варшавского руководства приведут к отъезду американских корреспондентов из Польши и публикации их материалов из-за рубежа. Как отмечал Лейн в разговоре с польским замминистром иностранных дел З. Модзелевским, любые попытки корректировки материалов американских журналистов будут иметь негативные последствия, так как общественное мнение в Соединенных Штатах крайне щепетильно относится к попыткам подавления свободы слова. Поэтому в итоге Лейн отказался дать согласие на передачу копий материалов американских журналистов в польский МИД [13, pp. 380–381]. Польское руководство ссылалось на необходимость путем контроля над материалами журналистов предотвратить «искажение фактов» о внутриполитической ситуации в Польше. В целом Лейн соглашался, что свобода печати предполагает, что в подобных условиях корреспонденты должны в своих материалах упоминать также и точку зрения официальных властей [13, pp. 396–397].

В октябре 1945 г. советское руководство рекомендовало своим сторонникам во ВПНЕ по возможности сотрудничать с польской оппозицией, не допуская при этом того, чтобы они «садились на шею». Советская тактика подразумевала уступки по второстепенным вопросам и сохранение собственной линии во всех ключевых позициях [1, с. 8].

Трудности с репатриацией польского населения из-за рубежа, транспортные сложности и недостаток бумаги для ведения агитации, как считали в Варшаве, создавали препятствия для проведения выборов в Польше ранее лета 1946 г. Лейн считал, что со стороны администрации Трумэна было бы ошибочным настаивать на конкретной дате выборов, так как это значило бы взять на себя ответственность за результаты, которые, по мнению американского посла, было невозможно предсказать [13, p. 393].

Т. Филипович, член польского правительства в изгнании, полагал, что Соединенные Штаты в тот момент не были готовы к конфронтации и нуждались в некоторой паузе, чтобы верифицировать мотивы внешней политики СССР на предмет возможности достижения компромисса. Москва не рассматривалась как абсолютно враждебная сторона. Поэтому, как сказал госсекретарь Д. Бирнс, Вашингтон может диктовать условия врагам, но не своим друзьям [17, с. 2–6].

Лидеры ППР были убеждены, что их ожидала тяжелая и длительная борьба с польским обществом. Политических оппонентов следовало, если это было необходимо или удобно, усмирять силой, но по возможности используя всю силу закона. Поэтому коммунисты были полны решимости создать хотя бы видимость законности, чтобы скрыть по сути произвольный характер репрессий [19, р. 12].

В ноябре 1945 г., ввиду обвинений в связи некоторых польских политических партий с «фашистским» подпольем, варшавское руководство объявило о сокращении количества политических партий в стране до шести. Лейн видел в этом очередной шаг прокоммунистической части ВПНЕ по наступлению на политическую оппозицию и считал необходимым для администрации Трумэна в связи с этим выразить официальный протест [13, р. 417–418]. Однако в Госдепартаменте, ссылаясь на опыт партийной системы межвоенной Польши с ее «избыточной» многопартийностью, посчитали данный политический ход нерациональным [13, pp. 426–427]. Тем более что в тот момент в Белом доме с большим доверием оценивали заявления некоторых лидеров польской оппозиции об усилении их влияния в Польше, так как это способствовало конструированию положительного образа предстоящих выборов [13, pp. 419–420].

Поэтому заместитель госсекретаря Д. Ачесон считал, что Лейн должен сделать лишь устное заявление представителям ВПНЕ, предварительно обсудив это с лидером польской оппозиции С. Миколайчиком. По мнению Миколайчика, несмотря на противоречие ограничения числа партий польской конституции и договоренностям держав в Ялте и Потсдаме, любые попытки оспорить данное решение приведут лишь к тому, что люблинская группа внутри ВПНЕ попытается оторвать голоса избирателей от оппозиции, благодаря искусственному увеличению необходимого числа дополнительных партий [13, pp. 430–431]. 21 декабря 1945 г. Лейн сделал заявление Беруту о противоречии соглашениям Ялты ограничения числа польских политических партий. Берут ответил, что данный вопрос является внутренним делом поляков, поэтому протест США является неприемлемым [13, pp. 434–435].

С 25 января по 5 февраля 1946 г. по Польше прошла волна массовых арестов среди офицеров и резервистов Войска Польского – участников «сентябрьской» кампании 1939 г. [16, с. 2]. В январе 1946 г. на заседании Генеральной ассамблеи ООН британская делегация подняла вопрос о политических репрессиях в отношении польской оппозиции. Постоянный представитель США в ООН Э. Стеттиниус, запрашивая информацию об официальной позиции Госдепартамента у госсекретаря Бирнса по этому вопросу, отдельно отмечал заинтересованность в этом сенатора А. Ванденберга, имеющего более полумиллиона польских избирателей в США, а потому настроенного требовать расследования по данным обстоятельствам. Бирнс считал, что американская администрация не готова сделать официальный запрос, так как хочет «избежать большого скандала», но устное заявление должно быть сделано, ограниченное при этом лишь принципами политической свободы, «не вдаваясь в подробности, когда нет убедительных доказательств» [14, pp. 388–391]. Сам Бирнс также сделал заявление о препятствии проведению свободных выборов варшавского руководства и об участии польской полиции безопасности в нескольких политических убийствах [10, р. 209].

Весной 1946 г. происходит окончательный поворот политики просоветской части ВПНЕ к силовому вытеснению польской политической оппозиции с политической арены. Кроме того, в связи с необходимостью отсрочки выборов руководство Варшавы организует проведение референдума в конце июня 1946 г. [3, с. 505]. Поэтому Госдепартамент сделал официальное заявление польскому правительству с требованием подтвердить свои намерения выполнять необходимые обязательства по обеспечению проведения демократических выборов в Польше [14, pp. 429–431]. В конце апреля 1946 г. заверения ВПНЕ были получены Вашингтоном [14, р. 440].

Однако начавшаяся накануне референдума чистка от представителей политической оппозиции органов госуправления [3, с. 512] вынудила США, используя формальный повод отсутствия публикации американо-польских торговых договоров, прибегнуть к методам экономического давления на польское правительство и приостановить выдачу кредита в 50 млн.

долларов. Впрочем, ликвидировав данные формальные условия, предоставление кредита было возобновлено. Лейн советовал Госдепартаменту сделать это во второй половине дня 29 июня, непосредственно перед референдумом, чтобы ВПНЕ не могло использовать факт получения кредита в качестве политического капитала перед голосованием [14, р. 462].

В мае 1946 г. решительный протест США вызвали случаи угроз и давления со стороны полиции безопасности Польши в отношении польских сотрудников американского посольства в Варшаве. При этом в Госдепартаменте не считали необходимым предавать эти случаи широкой огласке [14, pp. 462–463]. Развернувшаяся накануне референдума антиамериканская кампания в польской прессе также вызывала беспокойство в Вашингтоне. В частности, в администрации Трумэна вызвала широкое возмущение статья Модзелевского, в которой упоминалась связь А. Ванденберга с польской оппозицией, а сам американский сенатор клеймился как «прогитлерист». Лейн замечал по этому поводу представителям ВПНЕ, что данная политика лишь углубляет антагонизм между Варшавой с одной стороны и Вашингтоном и многочисленной польской диаспорой в США с другой, так как Ванденберг представляет Мичиган, со значительным числом проживающих в нем американцев польского происхождения [14, pp. 475–476]. Критике в официальной польской прессе подвергался и сам Лейн [14, pp. 483–484].

На проводившийся в конце июня 1946 г. референдум в Польше выносились 3 вопроса: 1) упразднение верхней палаты польского парламента; 2) закрепление экономической системы, основанной на сельскохозяйственной реформе и национализации основных отраслей промышленности, с сохранением частного предпринимательства; 3) установление западной границы Польши по линии Одер – Нейсе. Де-факто результаты референдума должны были показать степень поддержки населением просоветского руководства Польши, так как коммунисты выступали за положительный ответ по всем трем вопросам, в то время как оппозиция в основном поддерживала только третий вопрос, отвечая отрицательно на два первых. Официально по всем трем вопросам польские граждане ответили положительно. На практике данный результат был получен вследствие фальсификации референдума прокоммунистическим польским правительством, так как фактические результаты свидетельствовали о высокой поддержке оппозиции в польском обществе [3, с. 512–513; 5, pp. 452–453].

Варшавское правительство специально отобрало такие вопросы, на которые поляки с большой долей вероятности ответят положительно, проигнорировав при этом те вопросы, на которые они гарантированно получили бы отрицательный ответ от подавляющего числа поляков: передача Вильно и Львова СССР [18, s. 19]. ППР была встревожена низким числом голосов «за» в городах, особенно в крупных, наподобие Кракова. Именно это убедило Миколайчика в том, что у прокоммунистического руководства Польши недостаточно ресурсов для реальной победы в выборах [23, р. 480].

После референдума Лейн рекомендовал Вашингтону официально заявить, что, несмотря на формальное признание процедуры референдума законной, Соединенные Штаты не несут ответственности за его результаты, так как сомневаются, что голосование точно отразило мнение избирателей [14, pp. 482–483].

В Госдепартаменте считали, что для коммунистов в польском руководстве после референдума возможны несколько вариантов дальнейших действий: 1) создать коалиционное правительство с ПСЛ; 2) сфальсифицировать выборы; 3) объявить ПСЛ вне закона и спровоцировать бойкот выборов; 4) заставить ПСЛ присоединиться к единому блоку польских политических партий; 5) отложить проведение выборов на неопределенное время. Для Соединенных Штатов в данном случае единственным приемлемым вариантом был первый. Ачесон скептически относился к тому, что Москва и Варшава рискнут организовать наблюдение за выборами [14, р. 489].

Тем не менее уже с июля 1946 г. просоветское польское правительство приступило к фактическому выдавливанию оппозиции и усилению репрессий. 14 августа США призвали Варшаву к соблюдению ялтинских договоренностей по обеспечению демократических выборов. Копия данного обращения была направлена руководству СССР с просьбой убедить поляков обеспечить политические свободы [14, pp. 491–492].

Речь госсекретаря Д. Бирнса в Штутгарте 6 сентября 1946 г. была крайне негативно воспринята внутри Польши и пошатнула позиции польской оппозиции, не скрывавшей своей проамериканской позиции. В своей речи Бирнс напомнил неурегулированности польско-германской границы [14, pp. 494–495].

В ноябре 1946 г. администрация Трумэна по-прежнему считала, что проведение демократических выборов в Польше все еще возможно и не поддерживала желание оппозиции бойкотировать выборы, хотя в тот момент уже было известно о предварительном распределении постов в польском Сейме [14, pp. 517–519]. Нецелесообразным в Вашингтоне считали и попытку оппозиции обратиться к Большой тройке, так как это будет негативно воспринято общественностью в США. Кроме того, польское правительство может использовать этот факт для обвинения в предательстве и окончательной ликвидации всех оппозиционных партий. В худшем случае, по мнению Госдепартамента, это могло спровоцировать гражданский конфликт в Польше с последующей неизбежной оккупацией со стороны СССР с целью «наведения порядка». Поэтому участие оппозиции даже в недемократических выборах будет более приемлемо для США [14, p. 536]. В конце декабря 1946 г. Миколайчик, вопреки мнению Госдепартамента, направил всем представителям Большой тройки обращение об отсутствии в Польше политических свобод, репрессиях и невозможности проведения демократических выборов. Поэтому администрация Трумэна дополнительно обратилась с заявлением о необходимости соблюдения ялтинских соглашений в отношении Польши в Москву [15, pp. 402–404], заявившей о выполнении Варшавой всех условий для реализации демократических выборов [15, pp. 407–408].

С декабря 1946 г., когда результаты грядущих польских выборов для Госдепартамента были относительно ясны, Лейн рекомендовал для сохранения влияния США в Польше переориентироваться на развитие контактов и поддержку ППС, используя их возможные разногласия с ППР по экономическим вопросам [14, pp. 547–549]. Миколайчик, как считал Лейн, при любом исходе выборов в состав нового польского правительства не войдет, но, наоборот, будет арестован и осужден. Американский посол считал, что Вашингтон просто обязан защитить его от «судьбы Михайловича», командующего югославской армией, расстрелянного коммунистическим правительством в июне 1946 г. [15, pp. 408–410].

Перед выборами Лейн докладывал в Госдепартамент, что при любом результате голосования войти в состав нового польского правительства Миколайчик не сможет и, с большой долей вероятности, будет арестован и осужден. Так как именно Соединенные Штаты убедили Миколайчика стать вице-премьером ВПНЕ, то, по мнению американского посла, теперь Вашингтон просто обязан защитить его от «судьбы Михайловича», главы Югославской армии на родине, расстрелянного коммунистическим правительством в июне 1946 г. [15, pp. 408–410].

Польские выборы в январе 1947 г., согласно данным варшавского руководства, прошли при явке избирателей в почти 90 %, а просоветской блок партий получил четыре пятых всех мест в Сейме. Лейн сравнивал выборы с вотумом доверия, «данным Гитлеру после аншлюса Австрии в 1938 г.», а потому считал их рутинной и механической процедурой, легитимизирующей власть коммунистического меньшинства. Американский дипломат призывал Госдепартамент признать результаты выборов сфальсифицированными, а сам подал в отставку, чтобы иметь возможность вернуться в Соединенные Штаты для просвещения американской общественности относительно реального положения дел в Польше [15, pp. 411–412]. 28 января 1947 г. президент Г. Трумэн официально заявил о невыполнении ялтинских решений в отношении Польши, так как прошедшие выборы не были свободными и демократическими. Все это было зафиксировано иностранными журналистами и сотрудниками посольства США, наблюдавшими за ходом выборов [11, p. 251].

Выборы подвели определенный итог в американской поддержке польской оппозиции. Для сохранения влияния США в Польше требовалось сделать ставку на ППС, которая, по сравнению с ППР, учитывая некоторое различие в их взглядах, была более лояльно настроена к Вашингтону. Лейн отмечал антикоммунистические и националистические взгляды лидера ППС Э. Осубка-Моравского [15, pp. 414–416]. Вторая ставка, помимо ППС, как считали в Госдепартаменте, должна была быть сделана на Римско-католическую церковь (РКЦ), активно поддерживавшую США [15, pp. 416–417].

Однако, несмотря на это, уровень антиамериканской риторики в Польше постепенно нарастал. Новый посол США в Варшаве С. Гриффис в своих донесениях в Вашингтон отмечал усиление репрессивной политики варшавского режима. В то же самое время польское правительство рассчитывало на увеличение финансово-экономической помощи от Соединенных Штатов [15, pp. 442–444].

В сентябре 1947 г. в Польше завершился начатый еще в августе широко разрекламированный судебный процесс над 17 активистами польской оппозиции и антисоветской под-

польной организации «Свобода и Независимость» (СиН), обвиненных в том числе в передаче «секретных сведений» представителям иностранных держав, в частности, США. Вашингтон отвергал любые обвинения в адрес сотрудников своего посольства в Варшаве [15, pp. 442–444].

В октябре 1947 г. Миколайчику и его однопартийцам были предъявлены обвинения в шпионаже в пользу стран Запада, за что им грозил расстрел [2, с. 149]. В результате сотрудники посольства США помогли организовать побег Миколайчика из Польши, после чего они также были вынуждены покинуть польскую территорию. Все это создало дополнительное напряжение в американско-польских отношениях [15, pp. 464–467]. В итоге в ноябре 1947 г. Гриффис вынужден был констатировать существенное ухудшение американско-польских отношений на протяжении последних месяцев. Произошел окончательный разгром польской оппозиции, протестный потенциал невысок, всевозможные различия между ППР и ППС нивелировались, а Польша перешла под тотальный контроль коммунистов. Гриффис считал, что в подобных условиях существование посольства США в Польше носит чисто символический смысл: нерушимость дружбы американцев и польского народа, мониторинг внутривнутриполитической ситуации в Польше и отстаивание интересов американских граждан [15, pp. 458–460].

Происходившие в 1946–1947 гг. внутривнутриполитические процессы в Польше находили свое отражение в деятельности польской диаспоры в США. Общий тон в ней задавал Национальный конгресс американцев польского происхождения (НКАПП), основанный в 1942 г. пилсудчиками¹ и сторонниками «санации»² [8, p. 28]. НКАПП изначально значительно уступал по численности другим, более умеренным организациям Полонии, но польско-советский раскол в 1943 г.³ открыл ему путь к тому, чтобы стать идеологической силой в американской Полонии. Поскольку будущее польского правительства в изгнании было поставлено под сомнение действиями СССР, умеренные теперь с горечью соглашались с антисоветской политикой, проводимой НКАПП. После вступления Красной армии в Польшу в начале 1944 г. Национальный конгресс потребовал создания единой польско-американской политической организации с выраженным антисоветским уклоном, призванной влиять на американскую внешнюю политику. Им стал Польско-Американский конгресс (ПАК). Именно НКАПП задавал политическое направление деятельности ПАК в 1945–1947 гг., требуя продолжения признания польского правительства в изгнании как законного правительства Польши, и просил американское правительство не признавать территориальные изменения, вызванные «применением силы» в Польше [7, p. 64].

ПАК стал одной из первых организаций на территории США, выступивших с критикой советской политики в Европе. В то время как общественное мнение США изначально благосклонно относилось к ялтинскому соглашению в феврале 1945 г., ПАК почти сразу официально осудил ялтинские решения [22, p. 17]. Признание ВПНЕ правительством США в июле 1945 г. лидер ПАК Ч. Розмарек назвал «трагической исторической ошибкой», описывая его как «моральное поражение демократий» и утверждая, что представители Полонии, будучи лояльными американцами, были обязаны выразить свое откровенное несогласие с ошибочным решением своего собственного правительства [21, p. 168].

К лету 1946 г. ПАК окончательно отказался от поддержки свободных выборов в Польше и ялтинских соглашений на том основании, что в решениях Большой тройки никогда не содержалось адекватных формулировок о подлинно свободных выборах. Розмарек попросил Трумэна отозвать американское признание варшавского режима и восстановить дипломатию

¹ Пилсудчики – общее название политических и идейных сторонников Ю. Пилсудского. Основой пилсудчиков являлись представители польских полувоенных организаций, созданных в 1920-х гг. Пилсудским, часть офицерского корпуса вооруженных сил Польши, правонационалистическое крыло ППС и крупные польские промышленники и землевладельцы. После майского переворота 1926 г., организованного Ю. Пилсудским, пилсудчики составили костяк «санационного» режима, а в годы Второй мировой войны пилсудчики входили в состав польского правительства в изгнании в Лондоне.

² «Санационный» режим – наименование политического режима, установленного в Польше после майского переворота 1926 г. и существовавшего до сентября 1939 г. Опирался на армейский корпус, госаппарат и личный авторитет Ю. Пилсудского в польском обществе. Характеризовался сильной исполнительной властью, слабым парламентом и преследованием политической оппозиции.

³ В апреле 1943 г. СССР разорвал дипломатические отношения с польским правительством в изгнании. Формальным поводом для этого послужила попытка польского эмигрантского правительства направить на оккупированную немцами территорию комиссию для расследования фактов о расстреле польских офицеров в Катынском лесу.

ческие отношения с лондонскими поляками до фактического проведения свободных выборов, что, однако, было отклонено правительством Соединенных Штатов [21, р. 168]. Именно поэтому ПАК яростно протестовал, когда в этом же году часть представителей умеренной Полонии направились в Польшу для обсуждения вопроса о предоставлении гуманитарной помощи стране. ПАК утверждал, что правительство Варшавы воспользуется визитом, чтобы представить американскую Полонию как согласную на «раздел Польши и лишение ее независимости» [7, р. 68].

Штутгартская речь госсекретаря Д. Бирнса⁴ о признании временного статуса руководством США польско-германской границы на западе и желании пересмотреть ее в пользу Германии нанесли еще один удар по Полонии, которая в данном вопросе вынуждена была поддерживать ВПНЕ во главе с коммунистами. При этом ПАК явно не решался на более радикальную критику американской администрации, боясь раскола в собственных рядах. Поэтому на выборах в Конгресс США в 1946 г. руководство ПАК не выступало с четкой программой поддержки одной из политических партий, несмотря на то, что республиканская партия выступала в основном против ялтинских решений и одержала победу на выборах в обеих палатах американского парламента [21, р. 168].

После выборов 1947 г.⁵ настрой лидеров ПАК на противостояние с администрацией Трумэна, которая ограничилась лишь формальным протестом Варшаве, только окреп. А. Лейн после отставки с поста посла в Польше и Розмарек приступили к работе над созданием «Комитета противодействия мировому коммунизму», который подогревал антисоветские настроения [21, р. 169].

Варшавское руководство было заинтересовано в том, чтобы расколоть Полонию, склонив на свою сторону наиболее лояльных ее членов. Это хорошо прослеживается на примере Польской национальной католической церкви (ПНКЦ), образованной группой американских католиков польского происхождения, несогласных с преобладанием немцев и ирландцев в местной католической иерархии, за раскол отлученных от католической церкви. ПНКЦ, образовавшаяся в начале XX в., постепенно теряла свои позиции в польской общине и была заинтересована в укреплении своего положения. Послевоенная Польша открывала для этого новые возможности. Прокоммунистическое правительство, понимая значительное влияние религии на жизнь польского общества, видело явную оппозиционность Римско-католической церкви (РКЦ) и поэтому искало альтернативные варианты для управления паствой. Поддержка ПНКЦ не только решала задачу создания альтернативы РКЦ, но и вносила раскол в ПАК, оказывавший существенное влияние на американское общественное мнение и внешнеполитический курс США. Именно поэтому министр иностранных дел Польши В. Ржимовский во время визита в США в октябре 1945 г., встречаясь со старшим священником ПНКЦ Р. Завитовски, заверил его в том, что Польша открыта для ПНКЦ. Уже в начале февраля 1946 г. ПНКЦ была легализована в Польше, и первые миссионеры получили разрешение на въезд на ее территорию.

Легализация ПНКЦ варшавским режимом демонстрирует использование польскими коммунистами техники «раскола», не менее эффективно применявшейся и против оппозиционных политических партий [9, р. 579]. Варшаве нечего было терять, разрешив действовать в Польше ПНКЦ, которая продемонстрировала готовность сотрудничать с новыми властями. Лидеры ПНКЦ высоко оценили послевоенные изменения, внесенные коммунистами, включая земельную реформу, и активно призывали электорат поддержать режим на референдуме 1946 г. и на выборах в январе 1947 г. ПНКЦ также был одним из основателей в 1945 г. Польского вселенского совета – спонсируемой режимом ассоциации христианских конфессий, не относящихся к РКЦ. Поэтому неудивительно, что ПНКЦ была предоставлена 26 церквями в Польше (в основном на бывших территориях Германии), им был разрешен доступ к радио-

⁴ 6 сентября 1946 г. госсекретарь Соединенных Штатов Д. Бирнс, выступая с речью в немецком Штутгарте, отметил, что в планах американцев сохранить «единство» Германии, и что США выступают против любых попыток аннексии германских территорий, включая Рур и Рейнскую область. Бирнс поддержал требования о передаче части восточногерманских земель в пользу СССР и Польши, однако отметил, что степень территориальных уступок еще не урегулирована окончательно и может быть определена лишь на мирной конференции.

⁵ Парламентские выборы в Польше, прошедшие 17 января 1947 г., закончившиеся поражением польской демократической оппозиции и победой просоветского партийного блока.

волнам, а ее священнослужителям предоставлены рабочие места на низших уровнях государственного аппарата [6, pp. 20–21].

В мае – июне 1946 г. командующий польскими вооруженными силами эмигрантского правительства Т. Бур-Коморовский посетил Соединенные Штаты в качестве гостя ПАК и имел возможность встретиться с различными американскими высокопоставленными лицами, включая членов Конгресса, губернаторов штатов и мэров городов. Варшавское правительство неоднократно выражало протест против визита Бур-Коморовского в США, подчеркивая, что он неблагоприятно отразится на отношениях Варшавы и Вашингтона. В Госдепартаменте по этому поводу заметили, что свобода выражения мнений является фундаментальным принципом американской формы правления, и того факта, что Бур-Коморовский высказался против ВПНЕ, недостаточно для того, чтобы Соединенные Штаты отказали ему во въезде в страну. 12 июня 1946 г. генерал был принят в компании членов Конгресса Соединенных Штатов генералом армии Д. Эйзенхауэром, начальником штаба армии Соединенных Штатов. Со слов посла Польши в Вашингтоне О. Ланге, Эйзенхауэр в числе прочего интересовался, сможет ли генерал Бур-Коморовский возглавить армию польских эмигрантов в войне против Советского Союза [14, pp. 464–465].

В декабре 1946 г. генерал В. Андерс планировал посетить США с целью выступления перед польской общиной по поводу выборов в Польшу. Однако Госдепартамент решил прямо не отказывать Андерсу, но попытаться отговорить его от посещения Соединенных Штатов, так как в преддверии выборов это могло быть расценено как вмешательство Вашингтона во внутренние дела Польши [14, pp. 545–545].

В декабре 1947 г. С. Миколайчик, тайно покинувший страну, прибыл в США. В НКПП считали его предателем за взаимодействие с коммунистами и участие во временном польском правительстве. Однако ПАК подписал с ним соглашение о сотрудничестве, что предопределило их дальнейшие взаимоотношения. Это настолько возмутило НКПП, что его руководители обвинили лидера ПАК Ч. Розмарека в разрушении «единства американской Полонии» [7, pp. 69–70]. В итоге это привело к тому, что НКПП и Польский Римско-католический союз Америки (ПРКСА) вышли из состава ПАК в 1948 г. [22, p. 18]. Помимо раскола альянс Розмарека – Миколайчика оказался малопродуктивным и в общественно-политическом плане, поскольку Миколайчик видел себя в качестве лидера польского демократического правительства в изгнании, ожидая, что ПАК будет помогать ему в проведении его политики, чего, однако, сам Розмарек делать не желал [21, p. 170].

Таким образом, в 1946–1947 гг. американская политика в Польше была обусловлена обязательствами, вытекающими из решений Потсдамской конференции относительно проведения свободных выборов в Польше. В Вашингтоне рассчитывали таким образом обеспечить приход к власти в Польше оппозиции во главе с лидером ПСЛ С. Миколайчиком. Для достижения поставленных целей США, не имея возможностей физически повлиять на ситуацию, использовали преимущественно дипломатические методы, а также экономическое давление. Однако ввиду ограниченности возможностей Вашингтона повлиять на исход выборов, после их проигрыша ПСЛ, США переориентировались на поддержку ППС как возможного соперника ППР, используя их политические разногласия, а также на поддержку РКЦ, находящейся в оппозиции к варшавскому режиму.

Существенное влияние на политику США в данное время оказывало американское общественное мнение, для которого был характерен выраженный дрейф в сторону антикоммунизма, ввиду активной деятельности американской Полонии. Польская диаспора в США шла по пути усиления противостояния с администрацией Трумэна, не доводя при этом ситуацию до полного разрыва. Разногласия в рядах польской общины в США активно использовал варшавский режим для раскола Полонии и ослабления ее влияния на американскую администрацию, а также для снижения влияния РКЦ в самой Польше.

Список литературы

1. АВП РФ (Архив внешней политики Российской Федерации). Ф. 06. Оп. 7. Д. 585. П. 39. URL: https://agk.mid.ru/fonds/sekretariat-v-m-molotova/sekretariat-v-m-molotova/7/?PAGEN_1=41 (дата обращения: 22.02.2024).
2. Заец С. В. Польские политики Лондона в сотрудничестве с СССР: 1944 – начало 1950-х гг. // Вестник социально-политических наук. 2015. № 14. С. 145–150.
3. Польша в XX веке. Очерки политической истории. М. : Индрик, 2012. 952 с.

4. Юнзблюд В. Т. Мировой порядок 1945 г. – процесс с «открытым» продолжением // Вестник МГИМО-Университета. 2020. № 13. С. 52–79.
5. Behrends J. C. Nation and Empire. Dilemmas of Legitimacy during Stalinism in Poland (1941–1956) // Nationalities Papers. 2009. № 37. Pp. 443–466. DOI: 10.1080/00905990902985686.
6. Blejwas S. A. Cold War Ethnic Politics: The Polish National Catholic Church, the Polish American Congress, and People's Poland: 1944–1952 // Polish American Studies. 1998. № 2. Pp. 5–24. DOI: 10.1057/9780230621596_2.
7. Blejwas S. A. Old and New Polonias: Tensions within an Ethnic Community // Polish American Studies. 1981. № 2. Pp. 55–83.
8. Blejwas S. A. The Republic of Poland and the Origins of Polish American Congress // Polish American Studies. 1998. № 1. Pp. 23–33.
9. Davies N. God's Playground. A History of Poland. II. 1795 to the Present. New York: Columbia University Press, 1982. 605 p.
10. Department of State Bulletin. February 10, 1946.
11. Department of State Bulletin. February 9, 1947.
12. Foreign Relations of United States (FRUS). Diplomatic papers. 1945. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference). Vol. II. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1960. 1597 p.
13. FRUS. 1945. Vol. V. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1969. 1327 p.
14. FRUS. 1946. Vol. VI. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1969. 978 p.
15. FRUS. 1947. Vol. IV. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1972. 877 p.
16. Instytut Józefa Piłsudskiego w Londynie. Akt Stefana Mayera. Informacja z referatu prasowego Polskich Sił Zbrojnych dotycząca aresztowań byłych żołnierzy i oficerów przebywających w Polsce. URL: <https://archiwa.pilsudski.org.uk/dokument/2150> (дата обращения: 04.03.2024).
17. Instytut Józefa Piłsudskiego w Londynie. Archiwum Tytusa Filipowicza. The transition period. URL: <https://archiwa.pilsudski.org.uk/dokument/1955> (дата обращения: 22.02.2024).
18. Instytut Józefa Piłsudskiego w Londynie. Archiwum Tytusa Filipowicza. «Listy z Londynu», czasopismo emigracji polskiej. Egzemplarze przesłane Tytusowi Filipowiczowi. URL: <https://archiwa.pilsudski.org.uk/dokument/2017> (дата обращения: 27.02.2024).
19. Micgiel J. «Frenzy and Ferocity»: The Stalinist Judicial System in Poland, 1944–47, and the Search for Redress // The Carl Beck Papers in Russian and East European. 1994. № 1101. DOI: 10.5195/cbp.1994.58.
20. Ordynacja wyborcza do Sejmu. Ustawa z dnia 28 lipca 1922 r. URL: <https://sip.lex.pl/akty-prawne/dzu-dziennik-ustaw/ordynacja-wyborcza-do-sejmu-16879682> (дата обращения: 02.08.2023).
21. Pienkos D. E. PNA: A Centennial History of the Polish National Alliance of the United States of America. Boulder: East European Monographs. N. Y.: Distributed by Columbia University Press, 1984. 303 p.
22. Pienkos D. E. The Polish American Congress: An Appraisal // Polish American Studies. 1979. № 2. Pp. 5–43.
23. Polonsky A. Stalin and the Poles, 1941–1947 // European History Review. 1987. № 4. Pp. 453–492.

USA, Polonia and internal political processes in Poland in 1946–1947

Nemchaninov Daniil Grigoryevich

PhD in Historical Sciences, assistant of the Department of Humanities and Social Sciences,
Kirov State Medical University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0001-6115-6349.
ResearcherID: AHB-7155-2022. E-mail: nemchaninovdg@gmail.com

Abstract. The article examines American policy in relation to domestic political processes in Poland in 1946–1947. The article examines the main motives and methods of Washington's policy during the referendum in June 1946 and the elections in January 1947, as well as further tactics used to change the political course of Warsaw. The author pays attention to the influence of the activities of the Polish diaspora in the USA on these processes. The study found that the main place on the agenda of American policy in the Polish direction during this period was the holding of free elections in order to ensure the coming to power of the democratic Polish opposition. Issues of freedom of the press and maintaining relations with political parties occupied an important place in the activities of American diplomacy. Unable to physically influence the domestic political situation in Poland, the United States hoped to achieve its goals using diplomatic methods and levers of economic pressure. However, they were unable to significantly influence the domestic political situation in Poland. After the defeat of the Polish democratic opposition, Washington shifted its focus from the Polish People's Party to support the Polish Socialist Party. In addition, an additional bet was placed on the Catholic Church, which was in opposition to the Warsaw government. An important element of influence on the policy of the White House was the Polish diaspora in the United States.

Keywords: USA, Poland, Polonia, Cold War, Truman, anti-communism.

References

1. FPA of the Russian Federation (Archive of Foreign Policy of the Russian Federation). F. 06. Inv. 7. File 585. P. 39. Available at: https://agk.mid.ru/fonds/sekretariat-v-m-molotova/sekretariat-v-m-molotova/7/?PAGEN_1=41 (date accessed: 22.02.2024).
2. Zaec S. V. *Pol'skie politiki Londona v sotrudnichestve s SSSR: 1944 – nachalo 1950-h gg.* [Polish politicians of London in cooperation with the USSR: 1944 – early 1950s] // *Vestnik social'no-politicheskikh nauk – Herald of Socio-political Sciences*. 2015. No. 14. Pp. 145–150.
3. *Pol'sha v XX veke. Ocherki politicheskoy istorii – Poland in the XX century. Essays on political history*. M. Indrik. 2012. 952 p.
4. Yungblud V. T. *Mirovoj poryadok 1945 g. – process s "otkryтым" prodolzheniem* [The World order of 1945 – a process with an "open" continuation] // *Vestnik MGIMO-Universiteta – Herald of MGIMO University*. 2020. No. 13. Pp. 52–79.
5. Behrends J. C. Nation and Empire. Dilemmas of Legitimacy during Stalinism in Poland (1941–1956) // *Nationalities Papers*. 2009. No. 37. Pp. 443–466. DOI: 10.1080/00905990902985686.
6. Blejwas S. A. Cold War Ethnic Politics: The Polish National Catholic Church, the Polish American Congress, and People's Poland: 1944–1952 // *Polish American Studies*. 1998. No. 2. Pp. 5–24. DOI: 10.1057/9780230621596_2.
7. Blejwas S. A. Old and New Polonias: Tensions within an Ethnic Community // *Polish American Studies*. 1981. No. 2. Pp. 55–83.
8. Blejwas S. A. The Republic of Poland and the Origins of Polish American Congress // *Polish American Studies*. 1998. No. 1. Pp. 23–33.
9. Davies N. *God's Playground. A History of Poland. II. 1795 to the Present*. New York : Columbia University Press, 1982. 605 p.
10. Department of State Bulletin. February 10, 1946.
11. Department of State Bulletin. February 9, 1947.
12. Foreign Relations of United States (FRUS). Diplomatic papers. 1945. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference). Vol. II. Washington, D. C. : U.S. Government Printing Office, 1960. 1597 p.
13. FRUS. 1945. Vol. V. Washington, D. C. : U.S. Government Printing Office, 1969. 1327 p.
14. FRUS. 1946. Vol. VI. Washington, D. C. : U.S. Government Printing Office, 1969. 978 p.
15. FRUS. 1947. Vol. IV. Washington, D. C. : U.S. Government Printing Office, 1972. 877 p.
16. Instytut Józefa Piłsudskiego w Londynie. Akt Stefana Mayera. Informacja z referatu prasowego Polskich Sił Zbrojnych dotycząca aresztowań byłych żołnierzy i oficerów przebywających w Polsce. Available at: <https://archiwa.pilsudski.org.uk/dokument/2150> (date accessed: 04.03.2024).
17. Instytut Józefa Piłsudskiego w Londynie. Archiwum Tytusa Filipowicza. The transition period. Available at: <https://archiwa.pilsudski.org.uk/dokument/1955> (date accessed: 22.02.2024).
18. Instytut Józefa Piłsudskiego w Londynie. Archiwum Tytusa Filipowicza. «Listy z Londynu», czasopismo emigracji polskiej. Egzemplarze przesłane Tytusowi Filipowiczowi. Available at: <https://archiwa.pilsudski.org.uk/dokument/2017> (date accessed: 27.02.2024).
19. Micgiel J. "Frenzy and Ferocity": The Stalinist Judicial System in Poland, 1944–47, and the Search for Redress // *The Carl Beck Papers in Russian and East European*. 1994. No. 1101. DOI: 10.5195/cbp.1994.58.
20. Ordynacja wyborcza do Sejmu. Ustawa z dnia 28 lipca 1922 r. Available at: <https://sip.lex.pl/akty-prawne/dzu-dziennik-ustaw/ordynacja-wyborcza-do-sejmu-16879682> (date accessed: 02.08.2023).
21. Pienkos D. E. *PNA: A Centennial History of the Polish National Alliance of the United States of America*. Boulder: East European Monographs. N. Y. : Distributed by Columbia University Press, 1984. 303 p.
22. Pienkos D. E. The Polish American Congress: An Appraisal // *Polish American Studies*. 1979. No. 2. Pp. 5–43.
23. Polonsky A. Stalin and the Poles, 1941–1947 // *European History Review*. 1987. No. 4. Pp. 453–492.

Система начального образования в Турции в 1923–1950 гг.: актуальные вопросы на страницах газеты «İlköğretim»

Нафиков Ильсур Закирзянович¹, Шайдуллина Амина Раилевна²

¹кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет. Россия, г. Казань. E-mail: ilsur.nafikov@gmail.com

²магистрант кафедры алтаистики, тюркских и центральноазиатских исследований, Казанский (Приволжский) федеральный университет. Россия, г. Казань. E-mail: aminusha234@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблем системы начального образования Республики Турции в 1939 г. через призму первого тома профессионального педагогического журнала «İlköğretim» (тур. «Начальное образование»), который включает в себя 20 выпусков за 1939 г. Данное издание выпускалось Министерством национального образования Турции с 1939 по 1966 гг. с целью обеспечения учителей актуальной информацией о событиях и нововведениях в сфере просвещения, а также полезными материалами, которые давали возможность учителям улучшить их профессиональные навыки. В рамках данной работы были рассмотрены статьи, посвященные педагогике и психологии, учебным планам и их разработке, а также описанию обстановки в начальных школах в Турции. Журналы являются важным инструментом изучения истории образования, так как они освещают актуальные на период их выпуска проблемы и способствуют извлечению уроков из прошлого, без чего невозможна выработка наиболее эффективных решений для современной системы образования. В статье использованы труды отечественных и зарубежных историков и востоковедов, направленных на изучение исторического развития образования в Турецкой Республике. При работе над статьей были использованы историко-сравнительный и описательный методы, позволившие показать основные задачи в области национальной политики образования, и типологический метод при анализе источниковедческой базы и обзоре историографического материала. Результаты и выводы, сделанные в работе, позволили выделить основные векторы при стратегическом планировании сферы образования в период глобальных трансформаций накануне Второй мировой войны.

Ключевые слова: начальное образование в Турции, история турецкого образования, журнал «İlköğretim», периодическая печать в Турции, становление Турецкой Республики.

В ранний республиканский период в Турции внешними факторами были продиктованы потребности в серьезных реформах во всех сферах общественной жизни, что стало основной задачей правительства после победы Турции в войне за независимость и провозглашения в 1923 г. Турецкой Республики. Одной из главных задач, требующих незамедлительных действий, было создание совершенно новой системы образования, ввиду того что преобразование и совершенствование османской системы не было возможным. Причиной этому служили отсталость системы образования, двойственность ее формы и уровень грамотности населения, составлявший на момент провозглашения республики около 7 % [11, s. 828]. Однако для достижения каких-либо результатов было необходимо проделать большую работу, которая, с одной стороны, включала в себя разработку учебных программ и реализацию образовательной деятельности в соответствии с ними, с другой стороны, требовала обучения будущих учителей и обеспечения их всем необходимым. Помимо вышеперечисленного важным оставалось строительство и открытие школ на всей территории страны, так как их количество было предельно низким.

Так, значительное развитие система начального образования получила уже в первые годы президентства Мустафы Кемаля: был принят ряд законов, наиболее важным из которых был закон об унификации образования (1924 г.), по которому все учебные заведения, в том числе медресе и иностранные школы, переходили в область ведения Министерства национального образования. Кроме того, в соответствии с новой конституцией 1924 г. начальное образование стало обязательным для всех граждан республики. К тому же для формирования учебных программ создавались различные коллегии, что позволило в 1926 г. определить первую учебную программу начальных школ [13, s. 73].

Данные преобразования стали надежным фундаментом для дальнейшего развития системы начального образования турецкой республики и позволили к началу президентства

Исмета Инёну, к 1938–1939 учебному году, увеличить количество учащихся начальных школ до 813 532, в то время как количество самих начальных школ выросло до 7862 [13, s. 312], в сравнении с 4894 школами в 1923–1924 учебном году [13, s. 138]. Однако, несмотря на положительную динамику распространения начального образования на территории Турецкой Республики, к 1939 г. в системе образования сохранились трудности, с которыми сталкивались как правительство, так и учителя, ученики и их родители, что замедляло развитие и расширение географии обучения в начальных школах.

Так, одной из наиболее значимых проблем было качество образования учителей и их квалификация, которые не поддерживались на должном уровне. На момент основания республики в Турции насчитывалось около десяти тысяч, в то время как менее трети из них получили соответствующее образование. Для решения данной проблемы уже в 1924 г. была законодательно закреплена профессия учителя, а в начале 1930-х гг. были официально установлены требования по отношению к учителям и их образованию [9]. Однако, несмотря на предпринятые действия, преподавание оставалось профессией, начать работу в которой, не получив необходимого образования, было довольно просто. Одной из причин этому служила проблема нехватки кадров, следствием которой также стало стремление обучить много учителей в короткие сроки, ввиду чего знания образованных учителей не удовлетворяли требованиям и квалификации учителя начальной школы. Все это также способствовало потере репутации профессии учителя, несмотря на постоянные напоминания национальных лидеров республики о высокой значимости учителей для развития страны и ее будущего в целом [12, s. 123].

В свою очередь Министерство национального образования помимо проводимых преобразований также стремилось оказать помощь и поддержку учителям посредством периодической печати. Так, одним из наиболее значимых был журнал «İlköğretim» («Начальное образование»), еженедельно выпускавшийся с 1939 г. по 1966 г. Министерством национального образования, который выполнял важные функции по обеспечению учителей самой актуальной информацией и передовыми исследованиями в области образования. Кроме того, все инспекторы и учителя начальных школ были обязаны подписаться на данную газету, целью которой было побуждение учителей и преподавателей начальных школ задуматься о профессиональных вопросах, а также повысить общие и профессиональные знания [13, s. 332].

Так, «Начальное образование» способствовало совершенствованию навыков и компетенций учителей в их профессиональной сфере: на страницах газеты мы видим статью инспектора по начальному образованию в г. Мерсине Т. Билсела, который пишет о первостепенной роли учителя в образовании. Автор подчеркивает, что педагог должен обладать как врожденными качествами, свойственными учителям, так и приобретенными в ходе обучения. Статья основана на исследовании, проведенном в Америке, где было выделено 83 качества, присущих хорошему учителю, в свою очередь, Т. Билсел предлагает читателям ознакомиться с двенадцатью, по его мнению, наиболее важными из них. Так, согласно статье, главным условием для успешной работы с детьми является искренность, без которой невозможно завоевать доверие детей. Среди других черт характера мы видим вежливость и терпеливость, которые значимы для создания благоприятной обстановки в классе и на уроках, способствующие обучению детей без тревоги и страхов. Также неоспорима роль храбрости, без которой невозможно развиваться, пробовать новые методики и делать планы уроков. Кроме того, согласно статье, учителям должны быть присущи такие качества лидеров, как инициативность, обусловленная оригинальным мышлением и способностью действовать независимо, и организаторские способности. Помимо вышеперечисленного в статье упоминаются чувство юмора, точность, умение выражать свои мысли и поставленный голос, опрятный внешний вид, адаптивность, открытость к новым идеям и непредубежденность [7, s. 29]. Данная статья, предназначенная для учителей начальных школ, является важным источником информации для проведения самоанализа и рефлексии учителей, что является неотъемлемой частью формирования необходимых для их профессии навыков. Также на страницах газеты мы видим статью писателя и переводчика Али Ками Акйюза, посвященную преподаванию. В статье автор рассматривает преподавание как искусство, в котором учителю неизбежно предстоит столкнуться с необходимостью поступаться своими желаниями, чего в первую очередь требует одно из главных качеств учителя – терпение. Автор подчеркивает, что учитель, любящий детей и знающий, что такое детство, будет терпелив по отношению к школьникам. Однако это не означает необходимость потворствовать детям, в равной степени важно сохранять границы и поддерживать авторитет, без которого учитель будет неспособен должным обра-

зом выполнять свою работу. А. К. Акйюз обращает внимание и на способы наказания, которые могут использовать учителя в случае проявления к ним неуважения. Так, автор подчеркивает, что нельзя использовать любые телесные наказания, которые были распространены в Османской империи, а основным способом указывает замечание, которого чаще всего достаточно младшему школьнику для осознания плохого поведения [1, s. 68]. Данная статья основана не только на важных для учителя чертах характера, она также включает в себя практические советы по работе с детьми младшего школьного возраста в затруднительных для учителя ситуациях. Важным является и то, что автор раскрывает свои идеи, основываясь на психологической теории.

Кроме того, значимый вклад в развитие преподавания внесли работы, посвященные учебным планам и программам, в некоторых из которых проведение уроков рассматривалось на конкретных примерах. Подобные статьи помогали начинающим учителям в создании планов уроков, в свою очередь, опытные педагоги могли почерпнуть для себя новые идеи для внесения разнообразия в обучение, которое было и является одновременно важной и сложной задачей как для учителей, так и для учеников. Одной из наиболее значимых работ на данную тему является серия Энвера Арды, состоящая из двух статей, в которых рассматривается роль планов уроков в преподавании и способы их создания. В начале статьи автор подчеркивает, что планы уроков – вспомогательное средство, которое позволяет облегчить работу учителя, поэтому учителя начальных классов перед началом учебного года прописывают их в соответствии с утвержденной министерством образования учебной программой. Так, в первой статье автор рассматривает непосредственно способ составления планов на весь учебный год, следуя всем правилам и акцентируя внимание на важные особенности одной из наиболее ответственных обязанностей учителей [3, s. 115]. В свою очередь, во второй статье автор приводит пример плана уроков, посвященных одной теме для второго класса. Важно заметить, что в плане уделяется внимание проведению игр и развлекательных мероприятий, которые связаны с темой уроков [4, s. 205]. Также в одном из номеров журнала приводится пример урока, посвященный М. Ф. Кубилаю, прапорщику, убитому антиреспубликанскими силами. В начале статьи делается важная пометка о том, что данный урок предоставлен лишь для ознакомления, для использования как источника идей, так как урок составлялся для школы имени Кубилая в Менемене. Далее полноценно расписан план проведения уроков на несколько дней, включающий в себя посещение церемонии у памятника Кубилаю в Менемене [15, s. 94]. Публикация вышеупомянутых статей способствовала формированию у учителей четкого понимания способов планирования уроков. Также важно заметить, что наглядные примеры построения уроков являются важным вкладом в развитие педагогической деятельности, так как в создании планов уроков, как и в любом другом виде творческой деятельности, неотъемлемой частью являются насмотренность и начитанность. В данном случае изучение разнообразных планов уроков дает возможность создать нечто новое, наиболее эффективное, вобрав лучшие идеи из всего увиденного и прочитанного. В свою очередь, для того времени периодические издания были одним из наиболее доступных способов получения необходимой информации.

Также важная группа статей, которую можно выделить, посвящена педагогике и психологии, которые не изучались должным образом будущими учителями в профессиональных школах, несмотря на то, что они являются фундаментом преподавания, без которого сложно достичь качественного обучения детей. Так, на страницах журнала мы видим статью, посвященную воспитанию нравственности. В статье М. Ш. Башоглу особое внимание уделяется непосредственно психологическим исследованиям, проведенным на эту тему, и способам формирования нравственности у детей. Автор подчеркивает, что проблема, связанная с воспитанием и дисциплиной, является одной из главных в настоящее время. Одна из основных идей Башоглу заключается в том, что прививание дисциплины посредством наказаний не приносит долгосрочных результатов. В воспитании нравственности особую роль играет прививание ценностей, которые должны быть заложены в самой глубине души, а также развитие совестливости. Хорошие, полезные дела должны вызывать искренние положительные эмоции, что возможно лишь посредством наглядного примера, ребенок обучается этому, перенимая поведение окружающих, как взрослых, так и своих сверстников. В статье Башоглу также описывает изменения в действиях ребенка, этапы его взросления. Подводя итоги, автор подчеркивает, что в воспитании нравственности важным является совместная работа учителей и родителей [6, s. 227]. Статья Башоглу, основанная на психологических исследованиях, являет-

ся значимым источником знаний на тему детской и возрастной психологии, изучение которой является неотъемлемой частью работы с младшими школьниками. Также особого внимания заслуживает серия статей по психологии, написанная М. Ш. Тунчем. Так, в первой статье автор пишет о необходимости постоянно изучать психологию, так как она постоянно наполняется новыми знаниями, большая часть из которых основывается на наблюдениях. Также он рассматривает общие идеи материального и нематериального, одушевленного и неодушевленного, что обуславливает данную статью как вводную. Вторая статья автора из серии посвящена устройству человеческой души, типам поведения, включающим в себя открытые и скрытые действия, и наиболее простым формам поведения, изучение которых является важным аспектом для понимания психологии. В следующей статье основной темой становятся рефлексы, то есть биологические основы поведения. Четвертая статья из серии рассматривает инстинктивное поведение, его основы и способы преобразования. В пятой статье основной темой становится поведение, обусловленное социальными факторами. Так, автор рассматривает принятые в обществе традиции, порядки и их влияние на поведение людей. Кроме того, он упоминает воспитание, которое в полной мере обусловлено социальными факторами. Последняя статья серии является наиболее важной для учителей, так как в ней рассматриваются страхи и тревожности, присущие младшим школьникам. Автор замечает, что в работе с вышеупомянутыми проблемами важным является психологически правильно выстроенный подход. Таким образом, в серии статей М. Ш. Тунч рассматривает все три фактора, оказывающие воздействие на поведение людей. Особым вкладом является рассмотрение данных вопросов на основе формирования личности ребенка, что является неотъемлемой частью формирования у учителей базовых знаний, касательно поведения школьников и факторов, воздействующих на них [14, s. 132]. Вышеописанные статьи помогали учителям лучше понять своих учеников, их действия и способы взаимодействия, что необходимо для создания максимально комфортной для детей обстановки на уроках.

Также важно заметить, что несмотря на проводимую правительством политику по популяризации профессии учителя, одной из серьезных проблем оставалась нехватка кадров. Учителя сталкивались с многими трудностями, что приводило к их уходу из школ и нежеланию молодежи заниматься одной из наиболее значимых профессий. Так, учителям было сложно получить повышение, от которого напрямую зависела их зарплата, так как главенствующую роль играла выслуга лет, а не вклад, сделанный учителем в развитие школы [12, s. 157]. В одной из статей журнала «Начальное образование» мы видим подтверждение того, что данная проблема существовала не только в деревнях, но и в столичных школах. Речь идет о статье Х. А. Айтуны, автора множества статей на тему образования, которая основана на посещении урока в одной из школ Анкары, и включает в себя две части: общее описание урока и критику с сопутствующими ей наставлениями. В первой части автор описывает общую обстановку во время урока в первом классе, откуда мы узнаем, что в одном классе обучался 71 ребенок. Также автор довольно подробно описывает ход урока и переходит ко второй части статьи, где в первую очередь пишет о личности учителя. Так, Айтуна описывает учителя как уверенного в себе, знающего свое дело учителя, которого дети любят и слушаются. Далее автор рассматривает непосредственно проведение урока, в начале которого, по его мнению, необходимо рассказать младшим школьникам цель урока, привлечь их к выполнению заданий наилучшим образом. Также автор обращает внимание на то, что дети делают много ошибок в своих тетрадях по причине невнимательности, что можно было бы в определенной степени исправить посредством проверки тетрадей учителем [5, s. 134]. Данная статья является явным показателем чрезмерной переполненности классов и отсутствия возможности их разделить. В свою очередь, следствием данной проблемы становится снижение качества обучения.

Помимо нехватки кадров и низкой квалификации учителей в период становления новой системы образования правительство Турции сталкивалось и с другими не менее важными трудностями. Так, на страницах журнала «Начальное образование» мы видим речь Исмета Инёню, второго президента Турции, произнесенную в 1939 г. на открытии пятого съезда РНП, в которой основное внимание уделялось деревням и их развитию. Президент понимал, что все сферы жизни взаимосвязаны и взаимозависимы, и видел острую необходимость в экономическом развитии деревень, поэтому важным условием для воспитания в сельской местности образованных поколений было, прежде всего, развитие их ремесла, то есть сельского хозяйства, а также повышение оплаты их труда. В таких условиях большее количество людей стало бы отдавать детей в школы, в свою очередь, бюджет региона также был бы увеличен и,

соответственно, увеличились бы и суммы, выделяемые на расходы школ, их содержание и оплату труда учителей. И. Инёню верил, что увеличение достатка и уровня образования деревенского населения станет новой ступенью на пути к созданию сильного государства, сопоставимого с западом, поэтому главной целью на ближайшие годы было обозначено повышение уровня жизни в деревнях [8, s. 241]. В речи национального лидера республики мы видим развитие деревень как основную цель во внутренней политике государства. Важно заметить, что работы по поиску лучших решений действительно проводились. Так, на первом совете по национальному образованию 1939 г. основным вопросом также стали деревенские школы. Был инициирован ряд преобразований для улучшения качества образования, например, увеличение срока обучения в деревенских начальных школах. Однако, несмотря на все предпринятые меры, в сельской местности к концу 1930 гг. в деревенских школах обучалось около 535 тыс. детей, что составляло примерно 60 % от количества учеников по всей стране, что было довольно низкой цифрой. Кроме того, большая часть младших школьников покидала учебные заведения, не закончив обучение, из-за необходимости работать и помогать семье. Это было обусловлено финансовыми трудностями, с которыми сталкивалось большинство деревень. Помимо отдельных семей, экономические проблемы отражались и на школах. На затруднение развития образования в деревнях влияло сильно ограниченное финансирование, выделявшееся на расходы учебных заведений, что оказывало сильное влияние на условия обучения: был недостаток учебных материалов, различных пособий и оборудования, не было возможности делать ремонт, вследствие чего дети учились в ветхих зданиях [2, s. 351]. Попытка повлиять на данный вопрос была также сделана журналом «Начальное образование». Так, в каждом номере периодического издания четыре страницы выделялись для рисунков, которые учителя могли использовать на уроках в качестве вспомогательных материалов. Они были разделены на четыре серии, продолжение для каждой из которых выходило в последующем номере. Данные рисунки были на темы краеведение, история, география и окружающий мир [10, s. 112]. На страницах журнала можно было встретить картинки, описывающие производство угля, рисунок пещерного человека, карту железных дорог Турции или картинки с насекомыми и их описаниями. Для того времени визуальный материал, предоставлявшийся в газетах, был значимым для каждого учителя начальной школы, поскольку в работе с младшими школьниками, которые мыслят образами, опираются на то, что когда-либо видели, разнообразные рисунки являются одним из главных способов объяснения материала. Кроме различных схем и картинок, в газете также можно было найти игры и головоломки, стихи и песни с нотами, а также статьи, посвященные рисованию, что помогало учителям проводить досуг школьников с пользой и развивать в них творческий потенциал. Исходя из этого, мы понимаем, что рассматриваемый журнал, хоть и в небольшой степени, старался компенсировать недостаток учебных материалов.

Таким образом, анализ статей, опубликованных в журнале «Начальное образование» в 1939 г., позволил выявить ряд наиболее значимых проблем, замедлявших улучшение качества образования и его распространение. Так, одна из наиболее значимых проблем, сохранявшихся в системе начального образования в Республике Турция в 1939 г., – низкий уровень образования учителей, недостаток навыков и компетенций для предоставления достаточно качественного образования младшим школьникам. В свою очередь периодическое издание «Начальное образование» стремилось восполнить нехватку знаний учителей и оказать поддержку в формировании и совершенствовании необходимых навыков.

Помимо вышеупомянутого среди проблем системы образования важно отметить нехватку кадров и, соответственно, переполненность учебных классов. Подобные условия ухудшали качество образования, а также в разы увеличивали нагрузку на учителей начальных школ.

Кроме того, из публикаций журнала мы понимаем, что одной из главных проблем оставался вопрос деревень. Ввиду того, что сельская местность составляла большую часть территории Турции, на которой проживало около 75 % населения, особенно важным было открытие школ в деревнях, однако низкий уровень их экономического развития оказывал сильное влияние на другие сферы жизни людей, в том числе на образование. В свою очередь, финансовая сторона вопроса влияла не только на открытие школ в целом, но и на зарплаты учителей, наличие различных учебных материалов в учебных классах. Помимо вышеупомянутого, по причине низких доходов сельчан, многие младшие школьники прерывали получение начального образования из-за острой необходимости работать с ранних лет и помогать своей семье.

Список литературы

1. Akyüz A. K. Öğretmenlik Sanatı // İlköğretim. 1939. № 1 (5). S. 68.
2. Akyüz Y. Türk Eğitim Tarihi M.Ö 1000 - M.S 2008. 13. baskı. Ankara : Pegem Akademi, 2009. 526 s.
3. Arda E. Bir Ünite Planı Nasıl Yapılır? // İlköğretim. 1939. № 1 (8). S. 115.
4. Arda E. Bir Ünite Planı Nasıl Yapılır? // İlköğretim. 1939. № 1 (13). S. 205–206.
5. Aytuna H. A. Birinci Sınıfta Bir Yazı Dersi Ve Tenkidi // İlköğretim. 1939. № 1 (9). S. 134–140.
6. Başoğlu M. Ş. Çocukta Ahlakın İnkişafı // İlköğretim. 1939. № 1 (15). S. 227–229.
7. Bilsel T. İyi Bir Öğretmenin Vasıfları // İlköğretim. 1939. № 1 (2). S. 29.
8. Beşinci Kurultayda Milli Şef'in Nutku // İlköğretim. 1939. № 1 (16). S. 241–243.
9. Dursunoğlu H. Cumhuriyet Döneminde İlköğretime Öğretmen Yetiştirmenin Tarihi Gelişimi // Milli Eğitim Dergisi. 2003. Sayı 160. URL: https://dhgm.meb.gov.tr/yayimlar/dergiler/Milli_Egitim_Dergisi/160/dursunoglu.htm (дата обращения: 15.01.2024).
10. Güçlü M. İlköğretim Dergisinde Yayımlanan Öğretmenlik Mesleği İle İlgili Makalelerin Değerlendirilmesi (1939–1966) // Nevşehir Hacı Bektaş Veli Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. 2014. № 3. S. 111–127.
11. Kayıran M. Atatürkçü Düşünce Işığında: Çağdaş Eğitim // Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi. 1998. № 14 (42). S. 780–830.
12. Kazamias A. M. Education and the quest for modernity in Turkey. Chicago : The University Of Chicago Press, 1966. 304 p.
13. Kuşçi A. Türk Eğitim Tarihi (1923–1950). Ankara : İksad Yayınevi, 2021. 560 s.
14. Tunç M. Ş. Ruhیات Musahabeleri // İlköğretim. 1939. № 1 (9). S. 132–133; № 1 (14). S. 212–213; № 1 (16). S. 250–251; № 1 (18). S. 274–275; № 1 (19). S. 291; № 1 (20). S. 306–307.
15. Üstün K. Ders Örnekleri Kubilay Günü // İlköğretim. 1939. № 1 (6). S. 94–95.

The primary education system in Turkey in 1923–1950: topical issues on the pages of the İlköğretim newspaper

Nafikov Ilsur Zakirzyanovich¹, Shaidullina Amina Railevna²

¹PhD in Historical Sciences, associate professor, Kazan (Volga Region) Federal University. Russia, Kazan. E-mail: ilsur.nafikov@gmail.com

²graduate student of the Department of Altaic Studies, Turkic and Central Asian Studies, Kazan (Volga Region) Federal University. Russia, Kazan. E-mail: aminusha234@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the problems of the primary education system of the Republic of Turkey in 1939 through the prism of the first volume of the professional pedagogical magazine "İlköğretim" (tour. "Primary Education"), which includes 20 issues in 1939. This publication was published by the Ministry of National Education of Turkey from 1939 to 1966 in order to provide teachers with up-to-date information about events and innovations in the field of education, as well as useful materials that gave teachers the opportunity to improve their professional skills. Within the framework of this work, articles on pedagogy and psychology, curricula and their development, as well as a description of the situation in primary schools in Turkey were considered. Journals are an important tool for studying the history of education, as they highlight issues relevant to the period of their publication and contribute to learning lessons from the past, without which it is impossible to develop the most effective solutions for the modern education system. The article uses the works of domestic and foreign historians and orientologists aimed at studying the historical development of education in the Republic of Turkey. When working on the article, historical, comparative and descriptive methods were used, which made it possible to show the main tasks in the field of national education policy, and the typological method in analyzing the source base and reviewing historiographical material. The results and conclusions made in the work made it possible to identify the main vectors in the strategic planning of the education sector during the period of global transformations on the eve of the Second World War.

Keywords: primary education in Turkey, history of Turkish education, İlköğretim magazine, periodical press in Turkey, formation of the Turkish Republic.

References

1. Akyüz A. K. Öğretmenlik Sanatı // İlköğretim. 1939. No. 1 (5). P. 68.
2. Akyüz Y. Türk Eğitim Tarihi M.Ö 1000 - M.S 2008. 13. baskı. Ankara : Pegem Akademi, 2009. 526 p.
3. Arda E. Bir Ünite Planı Nasıl Yapılır? // İlköğretim. 1939. No. 1 (8). P. 115.
4. Arda E. Bir Ünite Planı Nasıl Yapılır? // İlköğretim. 1939. No. 1 (13). P. 205–206.
5. Aytuna H. A. Birinci Sınıfta Bir Yazı Dersi Ve Tenkidi // İlköğretim. 1939. No. 1 (9). Pp. 134–140.
6. Başoğlu M. Ş. Çocukta Ahlakın İnkişafı // İlköğretim. 1939. No. 1 (15). P. 227–229.

7. *Bilsel T.* İyi Bir Öğretmenin Vasıfları // İlköğretim. 1939. No. 1 (2). P. 29.
8. Beşinci Kurultayda Milli Şef'in Nutku // İlköğretim. 1939. No. 1 (16). P. 241-243.
9. *Dursunoğlu H.* Cumhuriyet Döneminde İlköğretime Öğretmen Yetiştirme Tarihi Gelişimi // Milli Eğitim Dergisi. 2003. Sayı 160. Available at: https://dhgm.meb.gov.tr/yayimlar/dergiler/Milli_Egitim_Dergisi/160/dursunoglu.htm (date accessed: 15.01.2024).
10. *Güçlü M.* İlköğretim Dergisinde Yayımlanan Öğretmenlik Mesleği İle İlgili Makalelerin Değerlendirilmesi (1939-1966) // Nevşehir Hacı Bektaş Veli Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. 2014. No. 3. Pp. 111-127.
11. *Kayran M.* Atatürkçü Düşünce Işığında: Çağdaş Eğitim // Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi. 1998. No. 14 (42). Pp. 780-830.
12. *Kazamias A. M.* Education and the quest for modernity in Turkey. Chicago : The University Of Chicago Press, 1966. 304 p.
13. *Kuşçi A.* Türk Eğitim Tarihi (1923-1950). Ankara : İksad Yayınevi, 2021. 560 p.
14. *Tunç M. Ş.* Ruhیات Musahabeleri // İlköğretim. 1939. No. 1 (9). Pp. 132-133; No. 1 (14). Pp. 212-213; No. 1 (16). Pp. 250-251; No. 1 (18). Pp. 274-275; No. 1 (19). S. 291; No. 1 (20). Pp. 306-307.
15. *Üstün K.* Ders Örnekleri Kubilay Günü // İlköğretim. 1939. No. 1 (6). Pp. 94-95.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 327(47+474.5)(091)

DOI: 10.25730/VSU.2070.24.024

Советско-литовские отношения в рамках подготовки к заключению договора о ненападении с Литвой

Баканов Дмитрий Константинович

младший научный сотрудник Института Всеобщей истории, Российская академия наук.
Россия, г. Москва. ORCID: 0009-0000-1078-9373. E-mail: b79190524539@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена развитию советско-литовских отношений в 1923–1926 гг., приведшим к подписанию договора о ненападении между СССР и Литовской республикой 28 сентября 1926 г. Важность литовского направления внешней политики Народного комиссариата иностранных дел СССР была обусловлена попытками Франции и Великобритании создать антисоветский блок из появившихся на руинах Российской, Германской и Австро-Венгерской империй государств-лимитрофов. Однако возникший после «Бунта Желиговского» 1920 г. Виленский вопрос стал причиной польско-литовского конфликта, который делал невозможным данное объединение. Решение Лигой Наций «Виленского вопроса» в 1923 г. в пользу Варшавы усилило готовность руководства Литовской республики развивать двусторонние отношения с СССР. Польша оказалась более важным игроком для основных участников Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, и политические интересы Каунаса были не столь важны для Лондона и Парижа, как интересы Варшавы. Ввиду сложности советско-польских отношений Литва становилась естественным союзником СССР в регионе, что позволяло советской дипломатии противостоять планам участников Лиги Наций в формировании антисоветского «Санитарного кордона». Первая попытка подписать договор о ненападении с Литвой будет предпринята Народным комиссариатом иностранных дел в 1923 г. Однако вследствие благополучного для себя разрешения «Мемельского вопроса» литовская сторона в начале 1924 г. отказалась от столь тесного сближения с СССР, опасаясь негативной реакции Франции и Великобритании. В 1926 г. СССР и Литовская республика вновь вернулись к идее заключения договора о ненападении в связи с военным переворотом Ю. Пилсудского в Польше, угрозой силового подчинения Литвы польскими вооруженными силами, а также дипломатическими неудачами обеих сторон в переговорах с Латвией, Эстонией и Финляндией о гарантийных соглашениях.

Ключевые слова: СССР, Литва, Версальско-Вашингтонская система, Виленский вопрос, Г. В. Чичерин, гарантийные соглашения.

Советско-литовский мирный договор, заключенный в Москве 12 июля 1920 г., стал отправной точкой для развития взаимодействия и сотрудничества между Страной Советов и Литовской республикой. После ратификации Московского мирного договора 9 сентября 1920 г. между РСФСР и Литвой установились хорошие отношения. Позиции обоих государств сближал общий враг – Польша, руководимая Ю. Пилсудским. Неудачи РККА в Советско-польской войне вынудили советскую сторону пойти на заключение Рижского мирного соглашения с Польской республикой. Закрепление польско-советской границы восточнее советско-литовской, установленной Московским договором от 12 июля 1920, сделало возможным «Бунт Желиговского», результатом которого стала потеря Литвой своей столицы Вильнюса. Литовская республика утрачивала для советской стороны стратегическое значение, выражающееся в связующем положении Литвы между советским государством и Германией. Тем не менее, оставаясь крупнейшей страной Восточной Европы со стремлением играть активную роль в мировой политике, Советская Россия оказывала свое влияние на политику стран региона, в связи с чем советско-литовские отношения оставались важной составляющей политического ландшафта Восточной Европы.

В начале 1920-х гг. у руководства стран Антанты возникли планы по созданию «Балтийского союза», внешнеполитического объединения стран Балтии и Польши в антисоветском военном блоке [11, с. 186]. В Риге, Таллине и Варшаве антисоветский консенсус был достигнут, однако в Каунасе, без которого данное объединение было невозможно ввиду географического положения Литвы, данную позицию не разделяли [11, с. 242]. Созданию «Балтийского союза» препятствовал польско-литовский конфликт, который сближал Литву и Советскую Россию на антипольской основе. Уже 23 февраля 1921 г. Литовское руководство вручило советскому полпреду А. Е. Аксельроду ноту о невступлении Литвы в «Балтийский союз», которую советская сторона добивалась получить от литовского руководства с января 1921 г. [1, с. 122–123]. В дальнейшем именно позиция Литвы вносила разлад в попытки создать единый антикоммунистический санитарный кордон в Восточной Европе.

Небольшая, не густонаселенная и экономически не развитая Литва не могла самостоятельно противостоять возродившемуся польскому государству, за которым стояли Французская и Британская империи, ввиду чего литовское руководство было вынуждено искать сближения с Советским Союзом. Согласно мнению полпреда СССР в Литве И. Л. Лоренца, изложенному в записке члену коллегии НКВД В. Л. Коппу от 31 октября 1923 г.: «как бы это ни было не по душе буржуазно-клерикальным заправилам Литвы, они приходят по методу остатков к выводу, что единственную поддержку они могут найти в России» [17, л. 152].

Литовское руководство было готово пойти на подписание договора о ненападении с СССР еще в 1923 г. Накануне визита В. Л. Коппа в Варшаву 28 октября 1923 г. [5, с. 249] советский дипломат посетил Каунас. Литовские власти в разговоре с ним проявили просоветскую позицию в вопросе транзита советских грузов в Германию, где в тот момент сложилась революционная ситуация. Литовское руководство заявило о готовности зафиксировать устные договоренности с В. Л. Коппом 15 ноября 1923 г. Однако 16 ноября 1923 г. состоялось заседание литовского сейма, на котором был поднят вопрос о несоблюдении советской стороной нескольких пунктов Московского договора от 12 июля 1920 г. Литовские депутаты требовали от Москвы возместить вклады литовских граждан [17, л. 162]. Кроме того, литовские парламентарии требовали выполнения от советской стороны второго пункта XII статьи Московского договора о передаче Литве в концессию 100 тыс. десятин леса под вырубку в приграничных районах [9, с. 352], что по утверждению министра-председателя и министра иностранных дел Литвы Э. Галванаускаса было невозможно выполнить ввиду отсутствия советско-литовской границы и занятия Польшей предназначенных для вырубки леса литовцами те риторий [17, л. 164]. Данные выступления продемонстрировали НКВД наличие антисоветских групп в литовском политическом истеблишменте, готовых создавать напряжение в советско-литовских отношениях. В записке полпреда СССР в Литве И. Л. Лоренца В. Л. Коппу от 23 ноября 1923 г. подчеркивалась недопустимость таких требований от представителей правительственной фракции. Тем не менее советский дипломат предложил поручить послу Литвы в СССР Ю. Балтрушайтису, который должен был вернуться в Москву для утверждения литовского плана соглашения с СССР 25 ноября, выработку механизма возврата вкладов литовских граждан в банки Российской империи [17, л. 167].

На заседании коллегии НКВД СССР 20 ноября было решено пойти на заключение военной конвенции с Литвой [11, с. 249]. Согласно сообщению В. Л. Коппа от 4 декабря 1923 г., в процессе переговоров с Литовским правительством появилась возможность заключения трех соглашений: 1. Соглашение о невмешательстве во внутренние дела Германии; 2. Соглашения между генеральными штабами СССР и Литвы; 3. Политический договор, который должен был закрепить военное соглашение между генштабами [17, л. 107]. В секретном проекте договора, в частности, прописывались следующие пункты «1. В случае военного конфликта между СССР и Польшей вооруженные силы договаривающихся сторон действуют совместно, по плану, согласованному ген. штабами армий СССР и Литвы. 2. Если в ходе совместных военных операций область Виленской Литвы или какая-либо ее часть будет занята войсками СССР, правительство СССР будет рассматривать ее как составную часть Литовского государства в границах, определенных мирным договором между Россией и Литвой от 12 июля 1920 г. ... 3. С момента вступления в силу настоящего договора правительство Литвы обязуется не заключать с Польшей никаких договоров или соглашений относительно спорных территорий» [17, л. 109]. Таким образом, В. Л. Коппу предварительно удалось достичь на переговорах с литовским правительством соглашения, которое можно характеризовать как оборонительный союз против Польши. В сообщении советского полпреда в Литве И. Л. Лоренца В. Л. Коппу

28 ноября 1923 г., в котором советский дипломат сообщал о своем разговоре с литовским послом Ю. Балтрушайтисом, сообщалось, что ему удалось даже согласовать литовских генералов, которые должны были прибыть в Москву для выработки военной части соглашения [17, л. 169].

Однако данное соглашение могло привести к серьезному изменению военно-политической обстановки в Восточной Европе и для обеих сторон стоило оценить целесообразность такого шага. Для советской стороны было важнее договориться о транзите в Германию, а не создавать антипольскую коалицию. Миссия В. Л. Коппа подразумевала договоры с Польшей, Латвией и Литвой о транзите в Германию и из нее, а также обеспечить нейтралитет этих стран по отношению к Германии, независимо от режима, который мог установиться в ней [11, с. 244]. В секретной записке В. Л. Коппа секретарю ЦК РКП И. В. Сталину от 1 декабря 1923 г. сообщалось: «Наше дипломатическое выступление в Прибалтике встречает самое ожесточенное сопротивление со стороны Франции» [17, л. 113]. Ввиду польско-литовского конфликта и союзнических отношений между Варшавой и Парижем литовское руководство было заинтересовано в случае обострения конфликта иметь военное соглашение с СССР, чем и объясняется успех миссии В. Л. Коппа в Каунасе.

На заседании политбюро ЦК РКП от 13 декабря 1923 г. по вопросу о переговорах с Литвой было заключено следующее: «Принять в принципе предложенный НКВД проект договора с Литвой; внести в первый пункт проекта договора указание на то, что договор этот подписывается обеими правительствами максимально стремящимися к сохранению мира, но в случае, если эти усилия не увенчаются успехом и Польша так же, как в 1920 г. нарушит мир, то вооруженные силы договаривающихся сторон действуют совместно и т. д.; внести в пункт 2 проекта договора добавление о том, что признание Виленщины частью Литовской территории должно быть сделано на основе принципа самоопределения народностей; внести в остальные пункты проекта договора замечание о самоопределении; поручить окончательное редактирование проекта договора коллегии НКВД» [14, л. 2]. Данный документ, с одной стороны, подтверждал добрососедские отношения СССР и Литвы и признавал несправедливость решения Конференции послов по признанию Виленщины за Польшей, однако пункт про принцип самоопределения народностей не давал однозначную оценку принадлежности Виленщины Литве и оставлял «Виленский вопрос» в подвешенном состоянии в рамках даже советско-литовских отношений.

Примечательно, что по оценке советского полпреда в Литве И. Л. Лоренца, изложенной в записке В. Л. Коппу 28 ноября 1923 г.: «В патриотическо-националистических литовских кругах весьма сильно стремление к сближению с Совпра (советским правительством. – Д. Б.). Это стремление все крепнет и начинает приобретать адептов также среди других влиятельных кругов. Широкие массы крестьянства всегда относились к Совроссии весьма сочувственно» [17, л. 171].

За отказ от соглашения с Москвой выступали правоконсервативные круги литовского государства, интересы которых выражал министр-председатель и министр иностранных дел Литвы Э. Галванаускас [17, л. 171]. При этом националистические круги литовского политического истеблишмента прагматично выступали за формирование антипольского союза [7, с. 176]. Таким образом, в Литовской республике не было единства по вопросу сотрудничества с СССР, поскольку, несмотря на возможность вернуть Виленщину, данный союз серьезно осложнил бы отношение Каунаса с Парижем и Лондоном.

Невзирая на достигнутые устно договоренности с СССР, уже в конце декабря 1923 г. литовское руководство начало затягивать переговоры с Советским Союзом [17, л. 181]. Ввиду благополучного разрешения в свою пользу Клайпедского вопроса 4 января 1924 г. литовское правительство заявило о необходимости уточнения соглашения с СССР, а 24 марта и вовсе отказалось подписывать с Москвой договор о ненападении [11, с. 253]. Советская сторона, в свою очередь, также потеряла интерес к сближению с Литвой в конце 1923 г. из-за стабилизации обстановки в Веймарской Германии [7, с. 186–188]. В данных условиях Литва теряла положение стратегического пункта, потенциально связующего советское государство с охваченной революцией Германией. Таким образом, в 1923 г. советско-литовского сближения не случилось.

На фоне отказа от сближения с СССР, по инициативе Литвы в Каунасе 19–22 мая 1924 г. прошла литовско-латвийско-эстонская конференция по вопросу о создании союза стран Балтии (без Польши). Стороны договорились о созыве комиссии экспертов по выработке экономического соглашения, однако ввиду зависимости руководств балтийских стран от Лондона и

Парижа идея создания самостоятельного союза Литвы, Латвии и Эстонии не получила развития [11, с. 253]. Реализации данного союза мешал польско-литовский конфликт из-за Вильно, и латвийская сторона давила на Каунас в вопросе достижения компромисса с Варшавой [17, л. 171]. Без урегулирования Виленской проблемы Латвия и Эстония были не готовы вступать в союз с Литвой ввиду последовавшего бы в этом случае ухудшения отношений с Польшей, а следовательно, и с Францией. Литовское правительство было готово начать переговоры с Польшей для преодоления дипломатической изоляции Литвы, однако общественное мнение в республике было однозначно против уступок Польше. В сообщении полпреда СССР в Литве И. Л. Лоренца В. Л. Коппу от 28 ноября 1923 г. сообщалось: «Несколько попыток, сделанных в последнее время Литпра (литовским правительством. – Д. Б.) провести переговоры с Польшей вызвали в стране резкое возбуждение, и Гальвановский (Э. Галванаускас. – Д. Б.) счел нужным арестовать Сметону и Вольдемараса (находившихся в оппозиции правительству Э. Галванаускаса. – Д. Б.) за будто бы неправильное распространение сведения о переговорах, несмотря на то, что в Ковно в ответственных кругах открыто говорят, что переговоры эти имели место» [17, л. 171]. Тем не менее между Литвой и Латвией в июле 1924 состоялся конгресс по вопросам двустороннего сближения, на котором латвийская сторона признает Вильно за Литвой, однако под давлением стран Антанты в Риге отказались от данных соглашений, что привело к охлаждению литовско-латвийских отношений, а идеи сближения стран Балтии в 1924 г. окончательно заглохли [11, с. 254].

Послевоенное устройство Европы, претерпевавшее изменения в начале 1920-х, постепенно урегулировалось. С 1924 г. в Европе наступала «эра пацифизма», для которой были характерны принципиальный отказ от войны как инструмента политики и стремление к формулированию концепции этнокультурной общности всех европейских народов [2, с. 392]. В данных условиях страны Антанты потеряли интерес к организации антисоветского Балтийского союза. Последняя конференция министров иностранных дел стран Балтии и Польши прошла 7–11 ноября 1925 г. в Женеве [12, с. 112]. Таким образом, идея Балтийского союза сошла с повестки дня внешнеполитических ведомств европейских государств.

В конце 1925 г. НКВД СССР вновь после неудачи 1923 г. вернулся к идее подписания гарантийных соглашений с Польшей и странами Балтии. Во время визита Г. В. Чичерина в Варшаву 28–29 сентября 1925 г. советский наркоминдел провел встречу с главой польского МИД А. Скшиньским, на которой обсуждалось достижение советско-польских договоренностей в торговой и внешнеполитической сфере и в вопросе о взаимном нейтралитете в случае конфликта СССР в прибалтийском и причерноморском регионах [5, с. 416]. По утверждению Г. В. Чичерина: «Ничего связующего нас не имело места. Мы обсуждали со Скшиньским общие перспективы, оставляя место для будущих переговоров разработку обязательств. Чисто теоретически мы говорили о перспективах переговоров по гарантийному пакту» [5, с. 418]. Таким образом, несмотря на теплый прием советского наркома в Варшаве [5, с. 413], Г. В. Чичерин и А. Скшиньский не достигли взаимопонимания в вопросе заключения гарантийного соглашения, однако была создана почва для дальнейших переговоров.

На международной конференции в Локарно, прошедшей в октябре 1925 г., международное положение Польши осложнилось ввиду отказа руководства стран Антанты от приниженного положения Германии, и уравнивая последнюю в правах с державами-победительницами в Первой мировой войне [10, с. 324], данное обстоятельство было воспринято в Москве как возможность оказать давление на союзную Парижу Варшаву в переговорах о гарантийном соглашении [12, с. 113–114].

Следующий эпизод переговорного процесса прошел 18 февраля 1926 г. в Москве между Г. В. Чичериным и польским посланником в СССР С. Кентшиньским, на котором ключевым стал вопрос о нейтралитете стран Балтии [5, с. 464–465]. Польская сторона настаивала на заключении единого пакта о ненападении между Польшей, странами Балтии и СССР, а советская сторона усматривала в этом намерение Варшавы создать единый антисоветский фронт в Восточной Европе [5, с. 466]. Достигнуть консенсуса на данной встрече сторонам не удалось, и советско-польские переговоры продолжились.

Ввиду советско-польских переговоров литовское руководство приняло решение искать договоренностей с СССР, не дожидаясь решения судьбы Литвы крупными державами без ее участия. Этому способствовала возможность пересмотра Мемельского вопроса, которая обсуждалась на Локарнской конференции по инициативе Польши [12, с. 115]. Согласно телеграмме полномочного представителя СССР в Литве С. С. Александровского члену Коллегии

НКВД СССР С. И. Аралову от 9 ноября 1925 г.: «Министр иностранных дел Рейнис вызвал меня к себе и сделал следующее заявление: Литовское правительство желает видеть Чичерина в Ковно, с тем чтобы подписать с ним протокол, состоящий из двух пунктов. Первый – об определении места и времени первой советско-литовской конференции для заключения широкого торгового договора, основные положения которого будут на днях подготовлены литовской стороной в письменной форме. Второй – о согласии обеих сторон заключить политическое соглашение гарантийного характера или о взаимном ненападении с подтверждением литовских границ в рамках договора 1920 г. ... Рейнис обещал дать проект такого протокола, но просил меня не задерживать возбуждения вопроса перед Чичериным, чтобы не получилось, что Литва опоздала» [3, с. 660–661]. Данное сообщение демонстрирует высокую степень заинтересованности литовского руководства в заключении договоренностей с СССР как с единственным потенциальным партнером в регионе. В свою очередь для Москвы заключение гарантийных договоренностей с Каунасом давало возможность оказывать давление на Варшаву в вопросе переговоров последней с СССР [12, с. 117]. Данные обстоятельства в конце 1925 г. создали благодатную почву для советско-литовских переговоров по заключению договора о ненападении.

В расширении советско-литовского сотрудничества в конце 1925 г. было заинтересовано в первую очередь литовское правительство. В начале декабря литовским министром иностранных дел М. Рейнисом был представлен проект протокола о советско-литовских отношениях, который литовская сторона предлагала подписать во время кратковременного пребывания Г. В. Чичерина в Каунасе [3, с. 811].

23 декабря 1925 г. состоялся визит советского наркома иностранных дел Г. В. Чичерина в Каунас, где он встретился с президентом Литвы А. Стульгинским и министром иностранных дел Литвы М. Рейнисом. На данной встрече обсуждалась возможность заключения советско-литовского договора о ненападении. Основными вопросами будущих переговоров стали: 1. Координация политики двух стран в отношении Польши, Латвии и Эстонии; 2. Подтверждение Московских договоренностей 1920 г.; 3. Признание Советским Союзом Парижской конвенции о передаче Мемельского края Литве; неучастие Литвы в антисоветских коалициях. Советский нарком также отметил, что постановления Совета Лиги Наций, согласно ее уставу, могут быть изменены, что делает возможным пересмотр решения конференции послов от 15 марта 1923 г. о передаче Виленского края Польше. Однако Г. В. Чичерин не подписал подготовленный литовской стороной протокол, опасаясь осложнения советско-польских отношений [12, с. 118–119].

В начале 1926 г. советско-польские переговоры о заключении гарантийного пакта зашли в тупик. В письме члена коллегии НКВД С. И. Аралова полпреду СССР в Польше П. Л. Войкову о ходе советско-польских переговоров от 2 марта 1926 г. сообщалось: «Основным вопросом поляки поставили прибалтийский вопрос» [5, с. 471]. Во время беседы советского полпреда П. Л. Войкова с польским главой правительства и МИД А. Скшиньским 29 марта советский дипломат настаивал на заключении двусторонних договоров с Польшей, а польский дипломат добивался коллективного договора, несмотря на отсутствие дипломатических отношений Польши с Литвой [5, с. 480–482]. В инструкции министра иностранных дел А. Скшиньского посланнику Польши в СССР С. Кентшиньскому от 29 апреля 1926 г. подтверждалась приверженность Варшавы к идее заключения общего гарантийного пакта между странами Балтии и Польши, с одной стороны, и СССР, с другой [5, с. 487–489]. Позиция польских дипломатов ставила под сомнение целесообразность продолжения переговоров для советской стороны. Данные обстоятельства делали возможным советско-литовское сближение, поскольку в новых условиях для советской стороны вопрос о гарантийном договоре с Польшей терял свою актуальность.

Решение о начале переговоров со странами Балтии было принято на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 18 февраля 1926 г. Замысел советского руководства заключался в оказании давления на Польшу путем начала самостоятельных переговоров с руководством балтийских государств. Советские полпреды в Таллине, Риге, Гельсингфорсе и Каунасе получили инструкцию от НКВД о начале зондажа почвы для заключения гарантийных пактов [13, л. 23].

В планы советского дипломатического ведомства изначально входило заключение четверного гарантийного соглашения между Эстонией, Латвией, Литвой и СССР без участия Польши, тем самым НКВД планировал упредить Варшаву в создании коалиции в Восточной Европе. По замыслу выдающегося советского дипломата М. М. Литвинова после конференции

в Локарно у глав государств – лимитрофов, ввиду отсутствия гарантий границ в Восточной Европе от великих держав, могла возникнуть обеспокоенность за собственную территориальную целостность, которую могло обеспечить заключение договора о ненападении с Советским Союзом [19, с. 97].

Советский полпред в Каунасе С. С. Александровский получил указание из НКВД о выяснении позиции литовского правительства насчет заключения коллективного пакта в феврале 1926 г. По замыслу НКВД, наиболее дружелюбно настроенная к СССР Литва должна была стать ориентиром для руководства Латвии и Эстонии, однако С. С. Александровский не питал иллюзий насчет возможности заключения такого пакта. Несмотря на заверения литовского посла в Москве Ю. Балтрушайтиса о готовности литовского правительства подписать коллективный договор, в разговоре советского полпреда С. С. Александровского с директором экономического департамента МИД Литвы Леонасом Бистрасом литовский политик обозначил неготовность Литвы к заключению данного договора [12, с. 121–122]. В телеграмме С. С. Александровского члену Коллегии НКВД СССР С. И. Аралову от 9 марта сообщалось, что Л. Бистрас высказал личную точку зрения, что следует скорее закончить переговоры между Литвой и СССР о политическом соглашении, не осложняя их переводом в новую плоскость коллективного договора с Прибалтикой [4, с. 159]. Советский полпред в Литве так оценивал перспективы переговоров Литвой: «Общее впечатление таково, что Литва предпочитает отдельный договор и теперь торопится со своими предложениями» [4, с. 160].

Поскольку даже с самой лояльной к Советскому Союзу среди Балтийских государств Литвой не удалось прийти к взаимопониманию в вопросе четырехстороннего соглашения, НКВД отходит от идеи данного пакта [19, с. 98]. Советский полпред в Литве С. С. Александровский получил из Москвы директиву, в которой ему поручалось вести сепаратные переговоры с литовцами уже 13 марта 1926 г. [12, с. 122]. В свою очередь, литовское правительство 31 марта дало свое согласие на ведение двусторонних переговоров с Советским Союзом, которые начнутся в апреле 1926 г. [11, с. 277]. Таким образом, НКВД пришлось отказаться от идеи перехвата инициативы в Прибалтийском регионе у Польши путем заключения четырехстороннего договора и перейти к сепаратным переговорам со странами Балтии.

Советская сторона для переговоров с Литвой планировала взять в качестве образца советско-турецкий договор от 17 декабря 1925 г., предоставив литовским дипломатам возможность внести коррективы в текст соглашения [4, с. 159]. Согласно данному договору, СССР и Турецкая республика взаимно обязывались не начинать агрессивной войны, также отказывались от участия во враждебных коалициях по отношению к обоим подписантам [3, с. 739–741]. Для литовской стороны подобного соглашения было недостаточно, поскольку для Каунаса было важно, чтобы в Москве официально признали Виленский и Мемельский край за Литвой. Проект договора был представлен министром иностранных дел Литвы М. Рейнисом советскому полпреду С. С. Александровскому 16 апреля 1926 г. По утверждению литовского дипломата, в Москве были заинтересованы в существовании независимого литовского государства. В связи с чем военной агрессии со стороны Москвы в Каунасе и без договора не ожидали, в отличие от Варшавы, что в свою очередь для Литвы обуславливало необходимость подкрепления гарантийного соглашения с СССР секретным протоколом о взаимопомощи в случае нарушения территориального суверенитета одной из сторон [12, с. 123].

Данный проект был передан послом Литвы в Москве Ю. Балтрушайтисом члену коллегии НКВД СССР С. И. Аралову 20 апреля 1926 г., а уже 23 апреля коллегия НКВД постановила, что СССР не сможет гарантировать суверенитет Литвы, в связи с чем секретный протокол был отвергнут советской стороной, а Виленский и Мемельский вопросы было предложено вынести в отдельную статью договора. Ключевой причиной отказа НКВД от идеи секретного протокола было отсутствие гарантий, что этот протокол не будет обнародован, что неизбежно обостряло бы отношения СССР с Польской республикой [12, с. 123–124]. В Варшаве действительно обратили серьезное внимание на ведение сепаратных советско-литовских переговоров и на возможную официальную поддержку Литвы в «Виленском вопросе» [21, с. 89], однако для Варшавы гораздо серьезнее оказалась новость о заключении договора о ненападении и нейтралитете между СССР и Германией 27 апреля 1926 г. [4, с. 250–252].

Советско-германский договор о ненападении, а также переговоры с Литовской республикой о заключении подобного пакта должны были оказать отрезвляющее влияние на польское руководство, которое НКВД планировал склонить к подписанию подобного соглашения.

Дипломатические неудачи польского руководства в Локарно в октябре 1925 г. и советско-германский пакт о ненападении от 27 апреля 1926 г. осложнили положение Польской республики [10, с. 325]. Внешнеполитическая угроза и тяжелое экономическое положение послужили причиной правительственного кризиса в Варшаве в конце апреля – начале мая 1926 г., итогом которого станет военный переворот маршала Ю. Пилсудского 12–14 мая 1926 г. [19, с. 122–123]. Однако военный переворот не оказал серьезное влияние на дипломатические отношения в Восточной Европе, несмотря на одиозность польского маршала.

На фоне политической нестабильности в Польше произойдут политические изменения и в Литве. На выборах в Третий сейм Литвы 8–9 мая 1926 г. одержала победу левоцентристская коалиция. Занявшие в июне 1926 г. пост президента Литвы К. Гринюс и пост премьер-министра М. Слежявичюс пошли на либерализацию режима в республике, вследствие которой начался серьезный политический раскол между левоцентристским правительством и консервативно настроенной частью общества, в первую очередь армией [20, с. 175]. В декабре это приведет к авторитарному перевороту, но несколько месяцев правления Слежявичюса стали решающими для советско-литовских переговоров.

Правительству М. Слежявичюса не удалось наладить отношения с Польшей, в связи с чем литовское руководство продолжило подготовку к подписанию гарантийного соглашения с СССР. Понимая, что при подписании договора о ненападении с Литвой помимо общих формулировок о нейтралитете, которые использовались в договорах СССР с Турцией и Германией, литовцам был необходим пункт о признании границ согласно Московскому договору от 12 июля 1920 г., советское дипломатическое ведомство не спешило подписывать договор о ненападении с Литвой, поскольку напоминание о «Виленском вопросе» и позиции по нему Москвы оказало бы негативное влияние на советско-польские отношения. Тем не менее на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 13 мая 1926 г., после заслушивания доклада М. М. Литвинова было принято решение: «Принять предложение НКВД о заключении договора с Литвой о нейтралитете» [15, л. 2].

Ввиду политической неопределенности и угрозы силового подчинения Литвы Польшей, возглавляемой Ю. Пилсудским, к вопросу о заключении гарантийного соглашения с Литвой советское руководство вернулось только в августе 1926 г. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 12 августа 1926 г., после заслушивания докладов М. М. Литвинова, С. И. Аралова и С. С. Александровского [16, л. 2] были приняты следующие решения: «а) Принять в основе предложенную НКВД формулировку дополнительного к договору документа по виленскому вопросу. б) Предложить НКВД предварительно проверить все имеющиеся по этому вопросу официальные документы (ноты, заявления и т. п.) и переработать формулу, включив в нее ссылки на формальные акты советского правительства и общественное мнение СССР» [11, с. 284]. Таким образом, основа для подписания соглашения с Литвой была готова уже в августе 1926 г. Для подписания данного соглашения оставалось принять политическое решение, которое зависело от хода советско-польских переговоров, поскольку подписание договора с Литвой, в котором Виленский край будет признан литовской территорией, значительно ухудшало советско-польские отношения и затрудняло вопрос о подписании советско-польского гарантийного соглашения.

Переворот Ю. Пилсудского в Польше стал причиной приостановки процесса советско-польских переговоров о гарантийном пакте. Советское руководство опасалось вторжения польских войск в Литву. Несмотря на опровержение подобных планов министром иностранных дел Польши А. Залесским в разговоре с П. Л. Войковым [4, с. 296–297] и официальной политической программой Ю. Пилсудского, изложенной в секретном докладе НКВД СССР от 11 июня 1926 г., в которой польское правительство декларировало желание мирно договориться с Литовской республикой ввиду ее корректной позиции во время переворота [18, л. 76], в июле 1926 г. в Польше и Литве активно распространялись слухи о возможном силовом подчинении Литвы Польшей [12, с. 129]. Тем не менее польские власти не пошли на обострение отношений с Литвой в 1926 г., и внешнеполитическая ситуация в Восточной Европе кардинально не изменилась.

В августе 1926 г. процесс подписания гарантийного соглашения между Варшавой и Москвой был близок к своей реализации. Польский министр иностранных дел А. Залесский планировал совершить визит вежливости в Москву в ответ на визит Г. В. Чичерина в сентябре 1925 г. Стоит отметить, что в 1926 г. визит министра иностранных дел Польши в Москву был перенесен на позднюю осень, а в итоге не состоялся [4, с. 732]. Подготовленный советской

стороной проект договора о ненападении с Польской республикой был передан советским полпредом П. Л. Войковым министру иностранных дел А. Залесскому 24 августа [6, с. 45], однако ответ советской стороне придется ждать более двух месяцев [19, с. 131]. В августе 1926 г. советской стороне станет очевидна невозможность подписания двустороннего акта с Варшавой в обозримой перспективе. Переговоры о заключении гарантийных соглашений с руководством Латвии, Эстонии и Финляндии, начатые по решению заседания коллегии НКВД от 2 августа 1926 г., также не принесли ощутимый результат, и возможность заключения договоров о ненападении с руководствами Польши, Латвии, Эстонии и Финляндии на приемлемых для советской стороны условиях не предвиделась [19, с. 128–132]. Таким образом, надежды НКВД на достижения договоренностей по Гарантийному пакту с Польшей и странами-лимитрофами не оправдали ожиданий советских дипломатов, а переговорный процесс с дипломатами из данных государств не имел прогресса к сентябрю 1926 г.

Отсутствие прогресса в гарантийных переговорах с Польшей, Латвией и Эстонией в сентябре 1926 г. означало, что единственным возможным шагом советской дипломатии в данном регионе мог стать гарантийный договор с Литвой. Кроме того, угроза военного подчинения Литвы со стороны Польши также способствовала сближению позиций Москвы и Каунаса, в связи с чем советское руководство стало допускать возможность уступок Литве по вопросу о подтверждении статуса Виленского края в пользу Литовской республики [12, с. 129]. Недопустимость силового подчинения Литвы для СССР обуславливалась тем, что в Москве использовали «Виленский вопрос» и позицию Литвы для недопущения консолидации прибалтийского региона под эгидой Польши. Отказ же Литвы от Виленского края и политическое сближение Каунаса с Варшавой позволили бы польским властям организовать военно-политический Балтийский блок, который неизбежно имел бы антисоветскую направленность [8, с. 129–134].

В данных условиях на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 16 сентября 1926 г. были приняты следующие решения: «а) Считать возможным, чтобы НКВД при переговорах со Сляжевичем [М. Сляжевичюсом], в случае необходимости, в осторожной форме дал понять о возможности обращения советского правительства по поводу готовящегося нападения Польши на Литву» [13, л. 118]. Таким образом, ввиду отсутствия успехов в гарантийных переговорах с Польшей, Латвией и Эстонией советское дипломатическое ведомство вернулось к идее заключения гарантийного соглашения с Литовской республикой. В связи с этим в сентябре 1926 г. в Москве в общих чертах приняли апрельские требования литовской стороны и выразили готовность проявить позицию советской стороны по «Виленскому вопросу», а литовцы готовы были принять данное заявление вне основного текста договора о ненападении. Литовское руководство было готово подписать договор о ненападении с СССР в кратчайшие сроки при условии подтверждения признания СССР принадлежности Виленского края за Литвой, в связи с чем, прибыв в Москву в 15.00 28 сентября 1926 г., литовская делегация после непродолжительных переговоров в тот же день подписала гарантийный пакт с СССР [11, с. 284].

Важнее самого договора, который был типовым для советской дипломатии в те годы и носил формальный характер заявления о нейтралитете, неагрессии и неучастия во враждебных по отношению друг другу коалициях, были 4 дипломатические ноты, которыми Г. В. Чичерин и М. Сляжевичюс обменялись после подписания договора. В данных нотах советское правительство признавало Виленский край частью Литовской республики, а литовское правительство обязывалось не участвовать в антисоветских коалициях [4, с. 446–451]. Помимо письменных договоренностей в ходе визита М. Сляжевичюса в Москву было заключено устное «Джентельменское соглашение», по которому обе стороны обязывались обмениваться информацией касательно международных проблем, представлявших интерес для СССР и Литвы [11, с. 284]. Данные устные договоренности между Литвой и СССР сохранятся даже после военного переворота в Каунасе и отставки М. Сляжевичюса [8, с. 134].

Подписание советско-литовского договора 28 сентября 1926 г. о ненападении и нейтралитете стало успехом советской дипломатии, поскольку надежды недружественных по отношению к Советскому Союзу стран на объединение восточноевропейских государств в единый блок против СССР были торпедированы советско-германским и советско-литовским гарантийными договорами в 1926 г. Благодаря данному соглашению советской дипломатии удалось укрепить дипломатическое положение Советского Союза. Для Литвы сотрудничество с СССР также было выгодно, поскольку советская поддержка позволяла Каунасу отстаивать свои притязания на Виленский край и останавливала Польшу от силового подчинения Литвы.

Список литературы

1. Буткус З. Дипломатическая деятельность первого советского посла в Литве А. Е. Аксельрода (сентябрь 1920 – март 1921 г.) // Россия и Балтия. Народы и страны. Вторая половина XIX – 30-е гг. XX века. М. : ИВИ РАН, 2002. С. 113–129.
2. Всемирная история. Т. 6. Мир в XX веке: Эпоха глобальных трансформаций. Кн. 1 / отв. ред. А. О. Чубарьян. М. : Наука, 2019.
3. Документы внешней политики СССР. М. : Госполитиздат, 1963. Т. 8. 1925 г. 864 с.
4. Документы внешней политики СССР. М. : Политиздат, 1964. Т. 9. 1926 г. 784 с.
5. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М. : Наука, 1966. Т. 4. Апрель 1921 г. – май 1926 г. 562 с.
6. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 5. Май 1926 г. – декабрь 1932 г. М. : Наука, 1967. 616 с.
7. Зубачевский В. А. «Конфликтная модель» политики СССР в Центральной Европе (1922–1925 гг.) // Версальско-Вашингтонская система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг. : сборник статей. М. : ИВИ РАН, 2011. С. 180–200.
8. Каспаравичюс А. Советская дипломатия и литовско-польский конфликт. 1925–1935 // Советско-польские отношения в условиях Европы 30-х гг. XX столетия : сб. статей. М. : Наука, 2004. С. 129–138.
9. Литва – Россия. 1917–1920 гг. : сб. документов / сост. Ч. Лауринавичюс, А. Каспаравичюс, З. Буткус, И. А. Кукушкина, А. В. Шубин. Вильнюс : Институт истории Литвы, 2020. 522 с.
10. Матвеев Г. Ф. Пилсудский. М. : Молодая гвардия, 2008. 474 с.
11. Мельтюхов М. И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.). М. : Алгоритм, 2015. 608 с.
12. Павлова М. С. Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 гг. М. : Аспент пресс, 2016. 176 с.
13. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17 Центральный комитет КПСС (1898, 1903–1991). Оп. 162. Д. 3.
14. РГАСПИ. Ф. 17 Центральный комитет КПСС (1898, 1903–1991). Оп. 3. Д. 399.
15. РГАСПИ. Ф. 17 Центральный комитет КПСС (1898, 1903–1991). Оп. 3. Д. 560.
16. РГАСПИ. Ф. 17 Центральный комитет КПСС (1898, 1903–1991). Оп. 3. Д. 580.
17. РГАСПИ. Ф. 325 Троицкий Лев Давидович. Оп. 2. Д. 27.
18. РГАСПИ. Ф. 76 Дзержинский Феликс Эдмундович. Оп. 2. Д. 58.
19. Рупасов А. И. Гарантии. Безопасность. Нейтралитет. СССР и государства – лимитрофы в 1920-х – начале 1930-х гг. СПб., 2008. 284 с.
20. Эйдинтас А., Бумблаускас А. История Литвы / А. Кулакаускас, М. Тамошайтис; пер. Е. Суворовой. Вильнюс : Eugrimas, 2013. 317 с.
21. Łossowski P. Stosunki polsko-litewskie, 1921–1939. Warszawa, 1997.

Soviet-Lithuanian relations in preparation for the conclusion of a non-aggression treaty with Lithuania

Bakanov Dmitry Konstantinovich

junior researcher at the Institute of Universal History, Russian Academy of Sciences.
Russia, Moscow. ORCID: 0009-0000-1078-9373. E-mail: b79190524539@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the development of Soviet-Lithuanian relations in 1923–1926, which led to the signing of the non-aggression treaty between the USSR and the Republic of Lithuania on September 28, 1926. The importance of the Lithuanian direction of foreign policy of the People's Commissariat for Foreign Affairs of the USSR was due to attempts by France and Great Britain to create an anti-Soviet bloc from the states that appeared on the ruins of the Russian, German and Austro-Hungarian empires-limitrophes. However, it arose after the "Zheligovsky Riot" of 1920. The Vilna issue became the cause of the Polish-Lithuanian conflict, which made this unification impossible. The decision of the League of Nations of the "Vilna question" in 1923 in favor of Warsaw strengthened the willingness of the leadership of the Republic of Lithuania to develop bilateral relations with the USSR. Poland turned out to be a more important player for the main participants in the Versailles-Washington system of international relations, and the political interests of Kaunas were not as important for London and Paris as the interests of Warsaw. Due to the complexity of Soviet-Polish relations, Lithuania became a natural ally of the USSR in the region, which allowed Soviet diplomacy to resist the plans of the League of Nations participants in the formation of an anti-Soviet "Sanitary Cordon". The first attempt to sign a non-aggression treaty with Lithuania will be made by the People's Commissariat for Foreign Affairs in 1923. However, due to the successful resolution of the "Memel issue", the Lithuanian side in early 1924 refused such a close rapprochement with the USSR, fearing a negative reaction from France and Great Britain. In 1926 The USSR and the Republic of Lithuania returned to the idea of concluding a non-aggression treaty in connection with the mili-

tary coup of Yu. Pilsudski in Poland, the threat of the forceful subordination of Lithuania by the Polish armed forces, as well as the diplomatic failures of both sides in negotiations with Latvia, Estonia and Finland on guarantee agreements.

Keywords: USSR, Lithuania, Versailles-Washington system, Vilna issue, G. V. Chicherin, guarantee agreements.

References

1. Butkus Z. *Diplomatičeskaya deyatel'nost' pervogo sovetskogo posla v Litve A. E. Aksel'roda (sentyabr' 1920 – mart 1921 g.)* [Diplomatic activity of the first Soviet Ambassador to Lithuania A. E. Axelrod (September 1920 – March 1921)] // *Rossiya i Baltiya. Narody i strany. Vtoraya polovina XIX – 30-e gg. XX veka* – Russia and the Baltic States. Peoples and countries. The second half of the XIX – 30s of the XX century. M. IVI RAS, 2002. Pp. 113–129.
2. *Vsemirnaya istoriya. T. 6. Mir v XX veke: Epoha global'nyh transformacij. Kn. 1* – World History. Vol. 6. The world in the XX century: The era of global transformations. Book 1 / rev. A. O. Chubaryan. M. Nauka (Science), 2019.
3. *Dokumenty vneshnej politiki SSSR* – Documents of the foreign policy of the USSR. M. Gospolitizdat, 1963. Vol. 8. 1925. 864 p.
4. *Dokumenty vneshnej politiki SSSR* – Documents of the foreign policy of the USSR. M. Politizdat, 1964. Vol. 9. 1926. 784 p.
5. *Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-pol'skih otnoshenij* – Documents and materials on the history of Soviet-Polish relations. M. Nauka (Science), 1966. Vol. 4. April 1921 – May 1926. 562 p.
6. *Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-pol'skih otnoshenij. T. 5. Maj 1926 g. – dekabr' 1932 g.* – Documents and materials on the history of Soviet-Polish relations. Vol. 5. May 1926 – December 1932. M. Nauka (Science), 1967. 616 p.
7. Zubachevskij V. A. "Konfliktnaya model'" politiki SSSR v Central'noj Evrope (1922–1925 gg.) ["Conflict model" of the USSR policy in Central Europe (1922–1925)] // *Versal'sko-Vashingtonskaya sistema: vozniknovenie, razvitie, krizis, 1919–1939 gg. : sbornik statej* – The Versailles-Washington system: emergence, development, crisis, 1919–1939 : collection of articles. M. IVI RAS, 2011. Pp. 180–200.
8. Kasparavichyus A. *Sovetskaya diplomatiya i litovsko-pol'skij konflikt. 1925–1935* [Soviet diplomacy and the Lithuanian-Polish conflict. 1925–1935] // *Sovetsko-pol'skie otnosheniya v usloviyah Evropy 30-h gg. XX stoletiya : sb. statej* – Soviet-Polish relations in the conditions of Europe in the 30s of the XX century : collection of articles. M. Nauka (Science), 2004. Pp. 129–138.
9. *Litva – Rossiya. 1917–1920 gg. : sb. dokumentov* – Lithuania – Russia. 1917–1920 : collection of documents / comp. Ch. Laurinavicius, A. Kasparavicius, Z. Butkus, I. A. Kukushkina, A. V. Shubin. Vilnius. Institute of Lithuanian History, 2020. 522 p.
10. Matveev G. F. *Pilsudskij* [Pilsudsky]. M. Molodaya gvardiya (Young guard), 2008. 474 p.
11. Mel'tyuhov M. I. *Pribaltijskij placdarm v mezhdunarodnoj politike Moskvyy (1918–1939 gg.)* [The Baltic bridgehead in Moscow's international politics (1918–1939)]. M. Algorithm, 2015. 608 p.
12. Pavlova M. S. *Litva v politike Varshavy i Moskvyy v 1918–1926 gg.* [Lithuania in the politics of Warsaw and Moscow in 1918–1926]. M. Aspent Press, 2016. 176 p.
13. RSASPH (Russian State Archive of Socio-political History). F. 17 Central Committee of the CPSU (1898, 1903–1991). Inv. 162. File 3.
14. RSASPH. F. 17 Central Committee of the CPSU (1898, 1903–1991). Inv. 3. File 399.
15. RSASPH. F. 17 Central the CPSU Committee (1898, 1903–1991). Inv. 3. File 560.
16. RSASPH. F. 17 The Central Committee of the CPSU (1898, 1903–1991). Inv. 3. File 580.
17. RSASPH. F. 325 Trotsky Lev Davidovich. Inv. 2. File 27.
18. RSASPH. F. 76 Dzerzhinsky Felix Edmundovich. Inv. 2. File 58.
19. Rupasov A. I. *Garantii. Bezopasnost'. Nejtralitet. SSSR i gosudarstva – limitrofy v 1920-h – nachale 1930-h gg.* [Guarantees. Safety. Neutrality. The USSR and the limitrophe states in the 1920s – early 1930s]. SPb. 2008. 284 p.
20. Eidintas A., Bumblauskas A. *Istoriya Litvy* [The History of Lithuania] / A. Kulakauskas, M. Tamoshaitis; transl. E. Suvorova. Vilnius. Eugrimas, 2013. 317 p.
21. Łossowski P. *Stosunki polsko-litewskie, 1921–1939*. Warszawa, 1997.

Советская помощь Гоминьдану в 1920-е годы

Новиков Михаил Васильевич

доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. Россия, г. Ярославль. E-mail: m.novikov@yuspu.org

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об оказании Советской Россией – Советским Союзом – военно-политической, финансовой и организационной помощи национально-освободительному движению в Китае в 1920-е гг. Отмечается, что лидер политической партии – Гоминьдан, возглавившей китайскую национальную революцию, Сунь Ятсен, к началу 1920-х гг. осознал бесперспективность расчетов на поддержку со стороны демократических государств – Англии, Франции, США, принимавших активное участие в разграблении ресурсов Китая, и решил обратиться за помощью к Советской России. Подчеркивается, что советское руководство, действовавшее в тот период в рамках концепции мировой революции и соответствующей поддержки всех революционных и антиимпериалистических движений, в свою очередь также было заинтересовано в том, чтобы, несмотря на все послевоенные трудности, вмешаться в национально-революционные процессы в Китае. Приводятся данные о масштабах и значении советской военной и финансовой помощи Гоминьдану, подчеркивается ее интернационалистский, бескорыстный характер. Рассматриваются вопросы советского политического влияния на ранний Гоминьдан, попытки через членов Коммунистической партии Китая, ставших членами и Гоминьдана, возглавить эту политическую организацию и все национально-освободительное движение в Китае, иллюзии в части установления в Китае революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в 1927 г. Рассматриваются основные события так называемого «контрреволюционного переворота», предпринятого лидером правого Гоминьдана, главнокомандующим Национально-революционной армии Китая Чан Кайши в ответ на попытки отстранить его от власти и подвергнуть аресту, приведшего к жесткому военному противостоянию КПК и Гоминьдана на протяжении последующих 22 лет и закономерной победе КПК под руководством Мао Цзэдуна в 1949 г.

Ключевые слова: РКП(б), ВКП(б), КПК, Гоминьдан, военная помощь, финансовая помощь, революция, контрреволюция.

В 1920-е гг. Китай оставался полуколониальным государством, что было закреплено решениями Парижской и Вашингтонской мирных конференций по итогам Первой мировой войны. Центральное китайское правительство в Пекине во внешнеполитических акциях не было самостоятельным, оно принимало решения с оглядкой на Великобританию, США и Японию. Внутри страны правительство обладало лишь номинальной властью, фактическими хозяевами провинций были губернаторы, генералы-милитаристы. Ко времени свержения Октябрьской революции и появления Советской России в Китае образовался еще один центр политической силы – революционно-демократическое правительство в г. Кантон (Гуанчжоу) провинции Гуандун.

Его появление связано с именем великого сына китайского народа – Сунь Ятсеном, ставшим первым президентом Китайской Республики (КР) и основавшим в 1912 г. Гоминьдан – объединенную национально-революционную партию на базе нескольких созданных ранее кружков сторонников демократии. Следующие 10 лет истории КР вместили в себя бонопартистский переворот генерала Юань Шикая, политику реставрации империи, распад страны на отдельные провинции, вынужденную эмиграцию Сунь Ятсена, его возвращение в Кантон после смерти Юань Шикая и безуспешные попытки решения двух главных задач – распространения власти демократического китайского правительства на всю территорию страны и ослабления зависимости от империалистических государств. К 1922 г. Сунь Ятсен окончательно осознал бесперспективность расчетов на поддержку со стороны губернаторов и на помощь демократических правительств Англии, Франции, США, заинтересованных в дальнейшем грабеже ресурсов Китая.

Правительство Сунь Ятсена располагало широкой морально-политической поддержкой трудящихся Китая, прогрессивных сил в других странах, но его положение было крайне непрочным. Оно контролировало лишь одну треть провинции Гуандун, имея в качестве против-

ников правительство в Пекине, часть генералов-милитаристов и империалистические державы с базирующимися в китайских портах военными кораблями и воинскими контингентами.

Правительству Сунь Ятсена не хватало экономических и финансовых ресурсов, однако самым острым был вопрос о собственных вооруженных силах, способных защитить завоевания революции и военным путем распространить власть правительства на территорию всей страны. Формально подчиненные Сунь Ятсену армии некоторых генералов-милитаристов были ненадежными, их солдаты и офицеры имели слабую военную подготовку, были далеки от идеалов революции. Ситуация осложнялась и проблемой снабжения вооруженных сил оружием и боеприпасами, так как отсталая военная промышленность не могла обеспечить все потребности за счет внутренних ресурсов [2, с. 16].

Обращение к другим государствам о поставках оружия было неизбежным, причем на империалистические государства рассчитывать не приходилось. Как подчеркивал Чан Кайши, «одни западные державы не скрывали враждебного отношения к революционному правительству, а другие относились к нашему делу с полным безразличием, и, разумеется, никто из них даже не помышлял о том, чтобы протянуть нам руку помощи» [27, с. 39].

В этих условиях Сунь Ятсен мог рассчитывать на реальную помощь только от Советской России. Сунь Ятсен приветствовал Октябрьскую революцию в телеграмме на имя В. В. Ленина: «Революционная партия Китая выражает глубокое восхищение тяжелой борьбой, которую ведет революционная партия Вашей страны, и выражает надежду, что революционные партии Китая и России объединятся для совместной борьбы» [24, с. 68]. Тем не менее Сунь Ятсен достаточно долго присматривался к Советской России как возможному партнеру, в ходе переписки с советскими дипломатами и личных встреч с советскими представителями Г. Марингом, Л. М. Караханом, А. А. Иоффе в Китае формировался его подход к частичному заимствованию революционного советского опыта [5, с. 122–130].

По свидетельству китайского историка Пын Мина, «Сунь Ятсен отказался от пути учебы у Запада, которому следовали китайские демократы до Октябрьской революции, и искренне стал учиться у русских. Он не только об этом говорил, но и активно проводил этот курс во всей своей практической деятельности» [24, с. 104]. К такому же выводу пришла и Л. Н. Мамаева: «В целом, Сунь Ятсену импонировал революционный энтузиазм страны Советов и Коминтерна. В известной степени Гоминьдан чувствовал свою сопричастность к мировому коммунистическому движению, вернее, к его антиимпериалистическому аспекту» [20, с. 126].

Вопрос о советской помощи Гоминьдану в 1920-е гг. неоднократно становился предметом исследования в трудах советских и российских историков А. М. Григорьева, А. И. Картуновой, Н. Л. Мамаевой, А. В. Панцова, И. Н. Сотниковой, А. Г. Юркевича, М. Ф. Юрьева и др. [4; 17; 20; 22; 26; 29; 30; 31]. В данной статье на основе документальных источников, воспоминаний участников тех событий и исследовательских работ представлены основные аспекты актуальной в современных геополитических условиях проблемы.

Отношение советских руководителей к Сунь Ятсену определялось как государственными, так и революционными интересами. Будущий независимый, дружественный, буржуазный, а еще лучше коммунистический Китай вполне устраивал советских руководителей.

В соответствии с решениями II конгресса Коминтерна (1920 г.) Гоминьдан квалифицировался как национально-освободительное революционное движение и, соответственно, мог рассчитывать на помощь со стороны Советской России и Коминтерна. Важным шагом на пути к сотрудничеству СССР и Гоминьдана стало подписанное 26 января 1923 г. Коммюнике Сунь Ятсена – А. А. Иоффе, первого полпреда Советской России при Пекинском правительстве, который параллельно вел официальные переговоры об установлении дипломатических отношений с Пекинским правительством и секретные – с Сунь Ятсеном. В Коммюнике подчеркивалось, что советская сторона поддерживает Китай в его борьбе за национальное объединение и национальную независимость и готова оказать Гоминьдану всемерную помощь, в том числе финансовую и военную. В Коммюнике затрагивались проблемы, связанные с эксплуатацией КВЖД и со статусом Внешней Монголии (с XVII в. в составе Китайской Империи Цин, с 1924 г. – Монгольская Народная Республика). Сунь Ятсен считал также необходимым включить в Коммюнике положение, согласно которому «в настоящее время коммунистический строй или даже советская система не могут быть введены в Китае, так как там не существует тех условий, которые необходимы для успешного утверждения коммунизма или советизма» [20, с. 123].

В течение 1923 г. политбюро ЦК РКП(б) приняло ряд решений о конкретной финансовой, военно-технической и организационной помощи китайскому национально-революцион-

ному движению [6, с. 146]. В феврале 1923 г. Сунь Ятсен обратился к советскому руководству с просьбой направить в Китай военных советников, так как для китайских революционеров опыт советского военного строительства, создание победоносной Рабоче-крестьянской Красной армии представлял особый интерес. В марте 1923 г. этот вопрос обсуждался на заседании политбюро ЦК РКП(б), где было принято секретное решение об оказании финансовой поддержки Сунь Ятсену в размере 2 млн. мексиканских долларов [7, с. 149]. 24 января 1924 г. политбюро решило выделить Сунь Ятсену 500 000 золотых рублей [9, с. 245].

В сентябре – ноябре 1923 г. в ходе визита китайской военной делегации во главе с Чан Кайши в Москву была достигнута договоренность о советской помощи в подготовке командных и политических кадров для армии Сунь Ятсена, о командировании в распоряжение Сунь Ятсена советских военных и политических советников, о финансовой помощи для перевооружения создаваемой Национально-революционной армии (НРА) [15, с. 122]. По предложению Сталина политбюро ЦК РКП(б) 2 августа 1923 г. приняло решение направить в Китай для работы политическим советником Сунь Ятсена видного деятеля Коминтерна, члена РКП(б) с 1903 г. М. М. Бородин (Грузенберга). Ему предписывалось «в своей работе с Сунь Ятсеном руководствоваться интересами национально-освободительного движения в Китае, отнюдь не увлекаясь целями насаждения коммунизма в Китае» [8, с. 161].

В соответствии с достигнутыми договоренностями в 1924–1927 гг. в Китае одновременно работало до 135 военных советников из СССР. Все они имели боевой опыт, занимали высокие воинские должности в Красной армии, в их числе были известные военачальники В. К. Блюхер, П. А. Павлов, А. И. Черепанов, В. М. Примаков, В. К. Путна, А. Я. Лапин, Н. И. Пяткевич и др. Под руководством первого главного военного советника П. А. Павлова был подготовлен план военного строительства Национально-революционной армии, который предусматривал создание высшего военного руководства (совета обороны), подготовку офицерских кадров, организацию политической работы, создание в военных подразделениях ячеек Гоминьдана, укрепление тыла, изменение всей системы боевой подготовки личного состава с учетом опыта гражданской войны в России [2, с. 19]. Советское правительство оплачивало расходы по командированию советников в Китай (1131 тыс. руб. к 01.10.1927 г.), а также оплачивало транспортные расходы по доставке военных грузов [2, с. 131]. Секретное решение политбюро ЦК РКП(б) от 2 марта 1923 г. разрешало «отпустить 500 000 рублей, 10 000 винтовок и известное количество орудий, возложив личную ответственность за отпуск оружия на тов. Фрунзе» [10, с. 251].

По мнению А. Г. Юркевича, в настоящее время трудно воссоздать адекватную картину, связанную с выделением Советским Союзом Гоминьдану финансовых средств ввиду отсутствия значительной части первичных документов и разрозненности данных [29, с. 198, 199]. Распределением советских субсидий занималась советническая группа во главе с М. М. Бородиным. И хотя в абсолютных цифрах, – пишет А. Г. Юркевич, – финансовая помощь «была не слишком велика... однако она стимулировала создание и укрепление именно тех политических и военных институтов, которые по расчетам руководства ВКП(б) были призваны обеспечить доминирование в Гоминьдане «левых» сил... и развитие революционного процесса в Китае под контролем КПК – фактически Москвы» [30, с. 72].

Очевидно советское влияние на процесс партийного строительства Гоминьдана. В подготовке I съезда Гоминьдана (октябрь 1923 г.) активное участие приняли китайские коммунисты и М. М. Бородин, который стал не только главным советским политическим советником, но и личным другом Сунь Ятсена, предоставившим Бородину беспрецедентные полномочия, сохранившиеся в течение двух лет после смерти лидера Гоминьдана [28, с. 20]. На этом этапе национально-революционное и коммунистическое движения в целом тесно взаимодействовали и различия в подходах к революции еще не играли существенную роль. Сунь Ятсен на съезде предложил строить Гоминьдан по образцу большевистской партии – сильной и хорошо организованной. Съезд принял предложенные Коминтерном и Бородиным принципы организационного строительства партии по типу РКП(б). Новый партийный устав превращал аморфный Гоминьдан в четко структурированную массовую партию действия. Съезд постановил создать революционную армию по образцу советской РККА, причем самым принципиальным вопросом здесь было безоговорочное признание армией руководящей роли партии – Гоминьдана [15, с. 123–125].

Проводимая Гоминьданом военная реформа осуществлялась в двух направлениях: по решению I съезда Гоминьдана при поддержке Советской России создавалось ядро офицерско-

го корпуса на базе военного училища Хуанпу (Вампу); одновременно шел процесс переформирования существовавших локальных воинских подразделений, созданных в различных провинциях Китая. Военное училище Вампу было открыто 16 июля 1924 г. на острове, имевшем стратегическое значение и контролировавшем водные подступы к г. Кантону (Гуанчжоу). Часть расходов по его созданию и функционированию в 1924–1927 гг. взяло на себя советское руководство (1900 тыс. руб.). 8 октября 1924 г. военный корабль «Воровский» доставил в Кантон первую партию оружия (8 тыс. винтовок, 9 млн. патронов, орудия, снаряды). Военные советники А. И. Черепанов, В. Я. Поляк, Н. Терешатов, С. Н. Наумов, В. П. Рогачев приняли активное участие в организации учебного процесса в училище, разработав учебные планы, подобрав наиболее рациональные формы и методы обучения курсантов.

Военное училище готовило пехотных офицеров со сроком обучения шесть месяцев, командные кадры артиллеристов, саперов, связистов, снабженцев, а также политических армейских работников под руководством представителя КПК Чжоу Эньлая. Ведущую роль в подготовке новых китайских командных кадров для Национально-революционной армии играли советские советники. Однако в силу своей малочисленности, плохого знания или незнания китайского языка, они работали не с курсантами, а с китайскими инструкторами, которые потом передавали полученные знания курсантам. По свидетельству главного военного советника при военном училище А. И. Черепанова на 1 ноября 1924 г. в училище насчитывалось 1500 человек, в том числе преподаватели и строевые офицеры – 62, административный состав – 131, курсанты – 950, вестовые – 120, обслуживающий персонал – 237 [19, с. 379]. Всего за три года училище выпустило около 4500 офицеров (по другим данным – 6000) [31, с. 12], большинство которых были выходцами из семей мелких и средних помещиков, зажиточных чиновников, крестьян. По мнению советского добровольца С. Н. Наумова, прибывшего в Вампу в ноябре 1925 г., социальный состав четвертого выпуска училища существенно отличался от трех предыдущих: среди слушателей преобладали крестьяне или выходцы из крестьянских семей, рабочих было больше, чем во всех предыдущих выпусках, но меньше, чем крестьян [25, с. 129].

С самого начала работы военного училища между коммунистами (Чжоу Эньлай – заместитель ректора) и гоминьдановцами (Чан Кайши – ректор училища) развернулась ожесточенная борьба за умы и сердца курсантов. Чан Кайши большую часть времени проводил в стенах училища, контролируя настроения среди курсантов и преподавателей. В результате баланс сил в училище был не в пользу коммунистов. К тому же, по некоторым данным, в период до 1926 г. Чан Кайши вовсе не был противником левых идей. Напротив, гонконгские газеты того периода характеризовали его как «ультра-красного» союзника коммунистов [19, с. 381].

Реорганизация локальных воинских подразделений осуществлялась согласно плану, разработанному главными советскими военными советниками П. А. Павловым (Павел Андреевич Павлов, участник Первой мировой войны, герой Гражданской войны, награжден двумя орденами Красного Знамени, стал первым советским военным специалистом, погибшим в Китае 18 июля 1924 г. В телеграмме советскому правительству Сунь Ятсен писал: «Глубоко горю о генерале Павлове, который является первой жертвой России ради Китая в его борьбе за свободу») и В. К. Блюхером, она включала в себя, в том числе, и насильственные методы с применением оружия. Созданные на базе офицерской школы Вампу новые военные подразделения, отличавшиеся высокими боевыми качествами, с успехом решали поставленные перед ними задачи. К концу 1925 г. главному военному советнику В. К. Блюхеру и руководству Гоминьдана удалось создать первый боеспособный дисциплинированный корпус под командованием Чан Кайши, затем были созданы еще пять аналогичных корпусов при прикомандировании к ним советских военных специалистов в качестве военных советников, в том числе: при первом корпусе – А. И. Черепанов, при втором – И. Я. Зенин, при третьем – Ф. Г. Мацейлик, при четвертом – В. Н. Панюков и В. Е. Горев, при пятом – А. Б. Портненко, при шестом – Н. И. Кончиц и А. И. Черников [16, с. 1].

При штабе главкома Чан Кайши работали военные советники Н. Г. Васильев, М. Я. Гмира, при штабе главного военного советника – М. И. Дратвин, Е. А. Яковлев, И. Г. Герман, В. Я. Поляк, при военном училище Вампу – Н. А. Шевалдин, Т. А. Бесчастнов, М. Ф. Куманин. Советские военные советники были также прикомандированы к войскам генералов-милитаристов – союзников Гоминьдана в деле объединения страны. Все советские военные советники 1920-х гг., в отличие от военных советников 1930–1940-х гг., были прославленными полководцами Красной армии, героями гражданской войны, отлично знавшими свое дело. Им была

поставлена задача «представлять за рубежом советское военное искусство и укреплять дружбу с народом, борющимся за свободу и независимость» [16, с. 12]. Кроме того, как пишет А. Г. Юркевич, «советники нацеливались на «проникновение» в военные структуры, дабы проложить туда путь китайским коммунистам и «левым» гоминьдановцем» [30, с. 69].

В первой национальной армии Фэн Юйсяна в группу военных советников входили В. К. Путьна, В. М. Примаков, К. Б. Калиновский, А. В. Благодатов, П. П. Каратычин, С. С. Чекин, А. А. Аргентов, Н. Ю. Петкевич, Б. А. Жилин и др. Во второй национальной армии Ху Цзыни работала большая группа советников, 21 человек, в которую входили Г. Б. Скалов, А. Я. Лапин и др. [23]. Кроме военных советников непосредственное участие в боевых действиях приняли летчики-добровольцы Кравцов, Сергеев, Тальберг, Базенау, Костюченко и др., всего около 20 человек.

По свидетельству А. В. Благодатова, военные советники в национальных армиях работали в крайне сложных условиях. «Наше стремление разобраться в обстановке Национальных армий, – отмечает А. В. Благодатов в своих воспоминаниях, – наталкивалось на сопротивление китайских военачальников, которые под тем или иным предлогом нам в этом отказывали. Беглое знакомство с боевой подготовкой Национальных армий побудило наших советников заняться составлением планов коренной реорганизации армии на современный лад. Однако расчеты показали невозможность осуществить это мероприятие из-за недостатка времени, отсутствия необходимого количества инструкторов соответствующей квалификации, отсутствия наглядных пособий и приборов, а главное – военных переводчиков. Недостаточное наше знакомство с историей Китая, бытом и нравами китайского народа, его культурой приводило нас к ряду ошибок. Мы принимали за чистую монету заверения китайских генералов в глубокой преданности учению Сунь Ятсена и революции, пока не познакомились с ними на практике. Наши предложения по ведению операций не принимались во внимание, нас не приглашали на ответственные совещания; о важнейших решениях дубаня (руководителя провинции. – М. Н.) и подопечных генералов мы узнавали позже всех» [1, с. 126, 127].

Проводимая Гоминьданом военная реформа предусматривала введение централизованного военного командования, перевод всех локальных военных подразделений на централизованное денежное и вещевое довольствие, централизованное снабжение оружием и боеприпасами, введение института политических комиссаров [15, с. 128, 129]. Создаваемую новую армию Сунь Ятсен планировал использовать для объединения страны вооруженным путем.

Советскому руководству удалось встроить в процесс осуществления Гоминьданом национальной революции и всемерно поддерживаемую Коминтерном Коммунистическую партию Китая. Специально для Китая Коминтерном были разработаны правила, согласно которым члены КПК могли одновременно быть и членами Гоминьдана. Поощряя вступление членов КПК в Гоминьдан, советское руководство и руководство Коминтерна рассчитывали, что со временем коммунисты займут лидирующие позиции в Гоминьдане и возглавят эту массовую организацию [15, с. 163; 26, с. 64, 65].

Несмотря на то, что на II съезде Гоминьдана (январь 1926 г.) позиции коммунистов внутри этой партии существенно укрепились по сравнению с периодом I съезда (в два раза больше делегатов на съезде, до 25 % выросло количество коммунистов в рядах Гоминьдана), разногласия между Гоминьданом и коммунистами сохранялись и они особенно обострились после смерти Сунь Ятсена (1925 г.).

Весьма примечательно, что именно после кончины Сунь Ятсена в октябре 1925 г. китайская интеллигенция развернула широкую дискуссию о «красном империализме», которая стала поводом для обсуждения советской политики в Китае, оценки СССР в дихотомии «друг-враг» и возможности заимствования Китаем советского пути развития [18, с. 60, 61].

20 марта 1926 г. Чан Кайши под предлогом борьбы с «коммунистическим заговором» организовал так называемый «Кантонский переворот», ставший следствием борьбы за власть в Гоминьдане между тремя основными лидерами – Ху Ханьминем (правое крыло), Ван Цзинвэем (левое крыло) и руководителем военного крыла Чан Кайши. Непосредственным номинальным преемником Сунь Ятсена считался его ближайший соратник Ван Цзинвэй, однако реальная власть находилась в руках главнокомандующего вооруженными силами Чан Кайши. Используя коварство и вероломство, Чан Кайши сначала дискредитировал Ху Ханьмина, а после «Кантонского переворота» и Ван Цзинвэя, который был вынужден уехать на лечение во Францию. В результате Чан Кайши стал единственным беспорным лидером Гоминьдана [27, с. 56].

В ходе «Кантонского переворота» были блокированы помещения, в которых жили советские военные советники и члены военно-политической комиссии политбюро ЦК РКП(б)

во главе с членом ЦК и начальником политуправления РККА А. С. Бубновым. В процессе улаживания «инцидента» Чан Кайши и комиссия А. С. Бубнова договорились об отзыве из Китая скомпрометировавших себя начальника южно-китайской группы военных советников Н. В. Куйбышева, его заместителя В. П. Рогачева и помощника по политической части И. Я. Разгона, а также о постепенном свертывании деятельности политических комиссаров в армии, которые, как правило, были членами КПК. «Кантонский переворот» вызвал оживленную дискуссию в руководстве ВКП(б). Троцкистско-зиновьевская оппозиция предлагала разорвать отношения с Чан Кайши, однако секретное решение политбюро ЦК ВКП(б) от 4 мая 1926 г. постановило «считать такой разрыв совершенно недопустимым. Признать необходимым вести линию на сохранении компартии в составе Гоминьдана» [11, с. 358, 359].

9 июня 1926 г. Чан Кайши как главнокомандующий Национально-революционной армией официально объявил о начале Северного похода с целью объединения страны под руководством Гоминьдана [15, с. 139]. План Северного похода был разработан советскими военными специалистами во главе с В. К. Блюхером. Поход начался в обстановке общего революционного подъема и роста популярности КПК.

Большую роль в повышении боевой мощи НРА сыграла советская помощь: выделение Гоминьдану финансовых средств, поставки советского оружия, включая самолеты, подготовка военных командных кадров на базе военного училища Вампу [15, с. 140]. В октябре 1926 г. в Китай были отправлены вторая и третья партии оружия, включая 24 самолета, 205 артиллерийских орудий, 128 минометов, 295 пулеметов, 73 993 винтовки, 110 тыс. ручных гранат, 124 млн. патронов, 50 тыс. артиллерийских снарядов, средства связи, инженерные средства, медикаменты и оборудование для госпиталей. Кроме того, из Владивостока и Батуми пароходы доставили в Гуанчжоу бензин, керосин, мазут, уголь, лес [16, с. 13]. Весьма примечательно, что материально-финансовая поддержка Гоминьдана Советским Союзом не прерывалась даже в периоды напряженных отношений между ними. Так, 16 апреля 1927 г. политбюро ЦК ВКП(б) приняло секретное решение о выделении Гоминьдану 3 млн. долларов [12, с. 442].

С началом Северного похода [17, с. 80–187] обострились отношения внутри Гоминьдана, которые привели к фактическому расколу партии на две основные группировки. По решению политсовета Гоминьдана, находившегося под контролем левого крыла партии и М. М. Бородина, столица страны была перенесена в Ухань, куда должно было переехать Национальное правительство. Однако далеко не все члены Национального правительства и партийные функционеры переехали в Ухань, многие остались в ставке Чан Кайши в Нанчане, возникла ситуация двоевластия [17, с. 201–240].

В этих условиях КПК под давлением объективных факторов массового революционного движения и решений VII расширенного пленума ИККИ (ноябрь – декабрь 1926 г.) стала претендовать на ведущую роль в национально-революционном движении. Пленум ИККИ дал установку на быстрое перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, на создание на местах новой рабоче-крестьянской власти. По сути, эти решения Коминтерна нацеливали КПК, представителей СССР и Коминтерна в Китае на ведение подрывной работы внутри Гоминьдана и на его раскол [15, с. 145].

В марте 1927 г., когда НРА готовилась к взятию Шанхая, ВКП(б) и Коминтерн сделали еще один шаг в радикализации китайской политики. Китайская комиссия и политбюро ЦК ВКП(б) потребовали начать переход к «решительному курсу», к вытеснению правых из Гоминьдана путем снятия их «снизу с руководящих постов». В порядке выполнения данной директивы III пленум Гоминьдана (март 1927 г.) под давлением М. М. Бородина снял Чан Кайши со всех постов партии и ликвидировал пост главкома НРА, который тот занимал. 16 марта находившееся в Ухане гоминьдановское правительство отдало тайный приказ об аресте Чан Кайши [17, с. 236–240].

Поскольку Чан Кайши не подчинился решениям пленума и сумел избежать арест, политбюро ЦК ВКП(б) попыталось предотвратить неизбежный разрыв КПК и Гоминьдана, однако было уже поздно – Чан Кайши заручился финансовой поддержкой шанхайских банкиров и был готов к потере помощи со стороны СССР [27, с. 25]. 12 апреля 1927 г. Чан Кайши перешел в открытое наступление против коммунистов и левых гоминьдановцев сначала в Шанхае, а затем и в других городах, а также в подразделениях НРА. 18 апреля он объявил о создании собственного национального правительства [4, с. 305, 306].

Антикоммунистические и антисоветские акции в Китае расценивались советским руководством как враждебные акты по отношению к КПК и СССР. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло

решение об отзыве советских военных и политических советников из ставки Чан Кайши, и о прикомандировании их к правительству Гоминьдана в Ухане. Летом 1927 г. антисоветские настроения возобладали и в уханьском правительстве Гоминьдана. Была запрещена деятельность КПК в армии, что означало размежевание Гоминьдана и КПК. В ответ на это политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение об отзыве из Китая советских специалистов и о немедленном отъезде М. М. Бородин в Москву.

События 12 апреля 1927 г. означали полный крах советской политики в отношении КПК и Гоминьдана. Руководство ВКП(б) и Коминтерна, уцелевшие руководители КПК начали преследование тех, кто предлагал линию на сотрудничество коммунистов с Гоминьданом. В Москве предпринимались попытки свалить вину на вернувшегося из Китая М. М. Бородин, хотя он всего лишь строго следовал указаниям ИККИ и политбюро ЦК ВКП(б). Вопрос обсуждался на заседаниях политбюро ЦК ВКП(б) 1 и 22 марта, и еще несколько раз на протяжении 1928 г. [13, с. 513]. 23 мая 1929 г. М. М. Бородин за ошибки «оппортунистического характера» и нарушения дисциплины по отношению к ИККИ и ЦК ВКП(б) был снят с работы «специфически-политического характера» и переведен в ТАСС [14, с. 593]. Как подчеркивает А. В. Панцов, «основную вину Сталин решил возложить на Центральный комитет КПК» [22, с. 214–216].

Существует мнение, что Москва проиграла Чан Кайши и стоящему за ним Западу из-за внутривластной борьбы за власть между Троцким и Сталиным. С 1926 г. китайский вопрос курировали оба советских лидера, находившиеся в смертельной схватке друг с другом. Троцкий не доверял Чан Кайши, усмотрев в нем замашки Наполеона, а Сталин был уверен, что он сможет использовать Чан Кайши для усиления позиций коммунистов в Китае, но получилось все наоборот – Чан Кайши использовал Сталина и переиграл его [21, с. 149–159]. Главной проблемой советских руководителей, подчеркивает В. Глушаков, была плохая осведомленность о Китае, в отличие от западных империалистов, знавших об этой стране все, именно плохая информированность, осложненная междуусобной борьбой Троцкого и Сталина, стала главной причиной поражения коммунистов [3, с. 75, 76].

Чан Кайши сообщает в своих мемуарах, что решение о разрыве дипломатических отношений с СССР было принято гоминьдановским правительством 14 декабря 1927 г. в ответ на попытку военного мятежа в Кантоне 11–13 декабря. Он заявляет о причастности советского вице-консула и его помощника к подготовке мятежа, о якобы найденных секретных документах, свидетельствующих о том, что советское консульство в Кантоне и торгпредство были центрами подрывной работы и подготовки восстания. Чан Кайши утверждает, что Коминтерн засылал своих агентов в ряды Гоминьдана для установления связей с массами и организации беспорядков, паразитируя на национальной революции, с целью отстранить Гоминьдан от власти и захватить руководство революционным движением в свои руки [27, с. 75].

Так закончился период сотрудничества СССР, Коминтерна и КПК с Гоминьданом, после чего Гоминьдан предложил всем коммунистам, входившим в его ряды, отмежеваться от КПК, которая перешла на нелегальное положение. Между Гоминьданом и КПК началась гражданская война, которая закончилась только в 1949 г. победой КПК под руководством Мао Цзэдуна.

Исходя из принятой в 1920-е гг. политики поддержки всех революционных и национально-освободительных движений, советское руководство, несмотря на сложную внутривластную и внешнеполитическую обстановку, оказало демократическому правительству Китайской Республики всю возможную в тех условиях военно-политическую, финансовую и организационную помощь, что создало необходимые условия для успешного объединения страны и ослабления зависимости от империалистических государств. Антикоммунистический переворот Чан Кайши и начало гражданской войны между Гоминьданом и КПК привели к временному ухудшению советско-китайских отношений, однако агрессивная политика милитаристско-фашистской Японии на Дальнем Востоке в 1930-е гг. вновь привела к необходимости оказания Советским Союзом Гоминьдану военно-политической и дипломатической помощи, начиная с 1937 г.

Список литературы

1. *Благодатов А. В.* Записки о китайской революции 1925–1927 гг. Изд. 2-е, доп. М. : Наука, 1975. 277 с.
2. *Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа.* М. : Воениздат, 1975. 190 с.
3. *Глушаков В.* История Китая в XX веке. М. : Энциклопедия-ру, 2019. 480 с.
4. *Григорьев А. М.* Китайская политика ВКП(б) и Коминтерна. 1920–1937 // История Коммунистического Интернационала 1919–1943 : документальные очерки / отв. ред. А. О. Чубарьян. М. : Наука, 2002. С. 293–333.

5. Далин С. А. Китайские мемуары. 1921–1927. Изд. 2-е. М. : Наука, 1982. 382 с.
6. Из протокола № 42 заседания Политбюро ЦК РКП(б). 4 января 1923 г. // Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. М. : РОССПЭН, 2004. С. 146.
7. Из протокола № 53 заседания Политбюро ЦК РКП(б). 8 марта 1923 г. // Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. М. : РОССПЭН, 2004. С. 149.
8. Из протокола № 21 заседания Политбюро ЦК РКП(б). 2 августа 1923 г. // Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. М. : РОССПЭН, 2004. С. 161.
9. Из протокола № 64 заседания Политбюро ЦК РКП(б). 24 января 1924 г. // Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. М. : РОССПЭН, 2004. С. 245.
10. Из протокола № 80 (особый №) заседания Политбюро ЦК РКП(б). 20 марта 1924 г. // Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. М. : РОССПЭН, 2004. С. 251.
11. Из протокола № 22 (особый № 16) заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 29 апреля 1926 г. // Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. М. : РОССПЭН, 2004. С. 358–359.
12. Из протокола № 95 (особый № 73) заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 16 апреля 1927 г. // Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. М. : РОССПЭН, 2004. С. 442.
13. Из протокола № 15 (Особый № 14) закрытого заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 15 марта 1928 г. // Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. М. : РОССПЭН, 2004. С. 513.
14. Из протокола № 81 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 23 мая 1929 г. // Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. М. : РОССПЭН, 2004. С. 593.
15. История Китая с древнейших времен до начала XXI века : в 10 т. Т. 7: Китайская Республика (1912–1949) / гл. ред. С. Л. Тихвинский, отв. ред. Н. Л. Мамаева. М. : Наука, 2013. 863 с.
16. Калягин А. Я. По незнакомым дорогам (Записки военного советника в Китае). Изд. 2-е, доп. М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. 445 с.
17. Картунова А. И. Политика Москвы в национально-революционном движении в Китае: военный аспект (1923 г. – июль 1927 г.). Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Ин-т Дал. Востока РАН, 2001. 303 с.
18. Ломанов А. В. Китайская дискуссия о «красном империализме» и отношении к Советской России // Новая и новейшая история. 2019. № 1. С. 48–63.
19. Лоханин А. М. Военно-политическая деятельность школы Вампу (1923–1927) // Империя. Война. Революция. Международное значение Октябрьской революции и ее влияние на ход мировой истории (комплексный и междисциплинарный подходы) : мат-лы международной научной конференции (15–16 июня 2017 г. Пекин – Ярославль) / под науч. ред. проф. М. В. Новикова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. С. 376–383.
20. Мамаева Н. Л. Советский Союз в политике Сунь Ятсена (некоторые аспекты) // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 4. С. 119–130.
21. Не публиковавшаяся речь И. В. Сталина о Китае (вступительная статья А. Григорьева, публикация и комментарии А. Картуновой) // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 1. С. 149–159.
22. Панцов А. В. Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М. : Муравей-Гайд, 2001. 456 с.
23. Примаков В. М. Записки волонтера. Гражданская война в Китае. М. : Наука, 1967. 215 с.
24. Пын Мин. История китайско-советской дружбы / пер. с кит. А. Ф. Котовой. М. : Изд-во соц.-эконом. лит-ры, 1959. 360 с.
25. Советские добровольцы о первой гражданской революционной войне в Китае : воспоминания / отв. ред. и авт. вступ. статьи А. Г. Перевертайло. М. : Изд-во Восточной лит-ры, 1961. 163 с.
26. Сотникова И. Н. Китайский сектор Коминтерна: организационные структуры, кадровая и финансовая политика: 1919–1943 гг. М. : Наука, 2015. 407 с.
27. Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). Советская Россия в Китае. Воспоминания и размышления в 70 лет. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Посев, 2009. 440 с.
28. Черепанов А. И. Под знаменами Сунь Ятсена // На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев. М. : Наука, 1977. С. 14–25.
29. Юркевич А. Г. Москва – Кантон, 1920-е: помощь СССР Гомиьндану и две стратегии объединения Китая. М. : Вариант, 2013. 420 с.
30. Юркевич А. Г. Южнокитайская советническая группа и финансирование Советским Союзом политических и военных проектов Гомиьндана в 1924 г. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2011. № 4. С. 66–74.
31. Юрьев М. Ф. Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе китайского народа (20–40-е годы). М. : Наука, 1983. 335 с.

Soviet assistance to the Kuomintang in the 1920s

Novikov Mikhail Vasilyevich

Doctor of Historical Sciences, professor, Honored Scientist of the Russian Federation,
Head of the Department of Theory and Methodology of Vocational Education, Yaroslavl State Pedagogical
University n. a. K. D. Ushinsky. Russia, Yaroslavl. E-mail: m.novikov@yspu.org

Abstract. The article examines the issue of the provision by Soviet Russia – the Soviet Union – of military, political, financial and organizational assistance to the national liberation movement in China in the 1920s. It is noted that by the early 1920s, the leader of the Kuomintang political party that led the Chinese national revolution, Sun Yat-sen, realized the futility of relying on support from democratic states – England, France, the United States, which actively participated in the plundering of China's resources, and decided to seek help from Soviet Russia. It is emphasized that the Soviet leadership, which acted at that time within the framework of the concept of the world revolution and the corresponding support for all revolutionary and anti-imperialist movements, in turn was also interested in intervening in the national revolutionary processes in China, despite all the post-war difficulties. The data on the scale and importance of Soviet military and financial assistance to the Kuomintang are presented, and its internationalist, disinterested nature is emphasized. The issues of Soviet political influence on the early Kuomintang, attempts through members of the Communist Party of China, who became members of the Kuomintang, to lead this political organization and the entire national liberation movement in China, illusions regarding the establishment of the revolutionary democratic dictatorship of the proletariat and peasantry in China in 1927 are considered. The main events of the so-called "counterrevolutionary coup" undertaken by the leader of the right-wing Kuomintang, commander-in-chief of the National Revolutionary Army of China Chiang Kai-shek in response to attempts to remove him from power and arrest him, which led to a fierce military confrontation between the CPC and the Kuomintang over the next 22 years and the logical victory of the CPC under the leadership of Mao Zedong in 1949, are considered.

Keywords: RCP(b), CPSU(b), CPC, Kuomintang, military aid, financial aid, revolution, counterrevolution.

References

1. Blagodatov A. V. *Zapiski o kitajskoj revolyucii 1925–1927 gg. Izd. 2-e, dop.* [Notes on the Chinese Revolution of 1925–1927. Ed. 2nd, add.] M. Nauka (Science), 1975. 277 p.
2. *Voennaya pomoshch' SSSR v osvoboditel'noj bor'be kitajskogo naroda* – Military assistance to the USSR in the liberation struggle of the Chinese people. M. Voenizdat, 1975. 190 p.
3. *Glushakov V. Istoriya Kitaya v XX veke* [The history of China in the twentieth century]. M. Enciklopediya-ru, 2019. 480 p.
4. *Grigor'ev A. M. Kitajskaya politika VKP(b) i Komintern. 1920–1937* [The Chinese policy of the CPSU(b) and the Comintern. 1920–1937] // *Istoriya Kommunisticheskogo Internacionala 1919–1943 : dokumental'nye ocherki* – History of the Communist International 1919–1943 : documentary essays / ed. by A. O. Chubaryan. M. Nauka (Science), 2002. Pp. 293–333.
5. *Dalin S. A. Kitajskie memuary. 1921–1927. Izd. 2-e* [Chinese memoirs. 1921–1927. Ed. 2nd]. M. Nauka (Science), 1982. 382 p.
6. *Iz protokola No. 42 zasedaniya Politbyuro CK RKP(b). 4 yanvarya 1923 g.* – From the minutes No. 42 of the meeting of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b). January 4, 1923 // *Politbyuro CK RKP(b)-VKP(b) i Komintern: 1919–1943 gg. Dokumenty* – Politburo of the Central Committee of the RCP(b)-VKP(b) and the Comintern: 1919–1943. Documents. M. ROSSPEN, 2004. P. 146.
7. *Iz protokola No. 53 zasedaniya Politbyuro CK RKP(b). 8 marta 1923 g.* – From the minutes No. 53 of the meeting of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b). March 8, 1923 // *Politbyuro CK RKP(b)-VKP(b) i Komintern: 1919–1943 gg. Dokumenty* – Politburo of the Central Committee of the RCP(b)-VKP(b) and the Comintern: 1919–1943. Documents. M. ROSSPEN, 2004. P. 149.
8. *Iz protokola No. 21 zasedaniya Politbyuro CK RKP(b). 2 avgusta 1923 g.* – From the minutes No. 21 of the meeting of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b). August 2, 1923 // *Politbyuro CK RKP(b)-VKP(b) i Komintern: 1919–1943 gg. Dokumenty* – Politburo of the Central Committee of the RCP(b)-VKP(b) and the Comintern: 1919–1943. Documents. M. ROSSPEN, 2004. P. 161.
9. *Iz protokola No. 64 zasedaniya Politbyuro CK RKP(b). 24 yanvarya 1924 g.* – From the minutes No. 64 of the meeting of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b). January 24, 1924 // *Politbyuro CK RKP(b)-VKP(b) i Komintern: 1919–1943 gg. Dokumenty* – Politburo of the Central Committee of the RCP(b)-VKP(b) and the Comintern: 1919–1943. Documents. M. ROSSPEN, 2004. P. 245.
10. *Iz protokola No. 80 (osobyj No.) zasedaniya Politbyuro CK RKP(b). 20 marta 1924 g.* – From the minutes No. 80 (special number) of the meeting of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b). March 20, 1924 // *Politbyuro CK RKP(b)-VKP(b) i Komintern: 1919–1943 gg. Dokumenty* – Politburo of the Central Committee of the RCP(b)-VKP(b) and the Comintern: 1919–1943. Documents. M. ROSSPEN, 2004. P. 251.
11. *Iz protokola No. 22 (osobyj No. 16) zasedaniya Politbyuro CK VKP(b). 29 aprelya 1926 g.* – From the minutes No. 22 (special No. 16) of the meeting of the Politburo of the Central Committee of the CPSU(b). April

29, 1926 // *Politbyuro CK RKP(b)-VKP(b) i Komintern: 1919–1943 gg. Dokumenty* – Politburo of the Central Committee of the RCP(b)-the CPSU(b) and the Comintern: 1919–1943. Documents. M. ROSSPEN, 2004. Pp. 358–359.

12. *Iz protokola No. 95 (osobyj No. 73) zasedaniya Politbyuro CK VKP(b). 16 aprelya 1927 g.* – From Protocol No. 95 (special No. 73) of the meeting of the Politburo of the Central Committee of the CPSU(b). April 16, 1927 // – Politburo of the Central Committee of the RCP(b)-the CPSU(b) and the Comintern: 1919–1943. Documents. M. ROSSPEN, 2004. P. 442.

13. *Iz protokola No. 15 (Osobyj No. 14) zakrytogo zasedaniya Politbyuro CK VKP(b). 15 marta 1928 g.* – From Protocol No. 15 (Special No. 14) of the closed meeting of the Politburo of the Central Committee of the CPSU(b). March 15, 1928 // *Politbyuro CK RKP(b)-VKP(b) i Komintern: 1919–1943 gg. Dokumenty* – Politburo of the Central Committee of the RCP(b)-the CPSU(b) and the Comintern: 1919–1943. Documents. M. ROSSPEN, 2004. P. 513.

14. *Iz protokola No. 81 zasedaniya Politbyuro CK VKP(b). 23 maya 1929 g.* – From the minutes No. 81 of the meeting of the Politburo of the Central Committee of the CPSU(b). May 23, 1929 // *Politbyuro CK RKP(b)-VKP(b) i Komintern: 1919–1943 gg. Dokumenty* – Politburo of the Central Committee of the RCP(b)-the CPSU(b) and the Comintern: 1919–1943. Documents. M. ROSSPEN, 2004. P. 593.

15. *Istoriya Kitaya s drevnejshih vremen do nachala XXI veka : v 10 t. T. 7: Kitajskaya Respublika (1912–1949)* – The history of China from ancient times to the beginning of the XXI century : in 10 vols. Vol. 7: The Republic of China (1912–1949) / ch. ed. S. L. Tikhvinsky, ed. N. L. Mamaeva. M. Nauka (Science), 2013. 863 p.

16. *Kalyagin A. Ya. Po neznakomym dorogam (Zapiski voennogo sovetnika v Kitae). Izd. 2-e, dop.* [On unfamiliar roads (Notes of a military adviser in China). Ed. 2nd, add.] M. The main editorial office of Oriental literature of the publishing house "Nauka", 1979. 445 p.

17. *Kartunova A. I. Politika Moskvy v nacional'no-revolucionnom dvizhenii v Kitae: voennyj aspekt (1923 g. – iyul' 1927 g.). Izd. 2-e, ispr. i dop.* [Moscow's policy in the national revolutionary movement in China: the military aspect (1923 – July 1927). 2nd ed., corr. and add.] M. In-t of Far East of the Russian Academy of Sciences, 2001. 303 p.

18. *Lomanov A. V. Kitajskaya diskussiya o "krasnom imperializme" i otnoshenii k Sovetskoj Rossii* [The Chinese discussion on "red imperialism" and attitude to Soviet Russia] // *Novaya i novejsaya istoriya* – New and modern history. 2019. No. 1. Pp. 48–63.

19. *Lohanin A. M. Voенно-politicheskaya deyatel'nost' shkoly Vampu (1923–1927)* [Military-political activity of the Vampu school (1923–1927)] // *Imperiya. Vojna. Revolyuciya. Mezhdunarodnoe znachenie Oktyabr'skoj revolyucii i ee vliyaniye na hod mirovoj istorii (kompleksnyj i mezhdisciplinarnyj podhody) : mat-ly mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (15–16 iyunya 2017 g. Pekin – Yaroslavl')* – Empire. War. The revolution. The international significance of the October Revolution and its impact on the course of world history (integrated and interdisciplinary approaches) : proceedings of the International scientific Conference (June 15–16, 2017 Beijing – Yaroslavl) / under the scient. ed. of prof. M. V. Novikov. Yaroslavl. RIO YaSPU, 2017. Pp. 376–383.

20. *Mamaeva N. L. Sovetskij Soyuz v politike Sun' Yatsena (nekotorye aspekty)* [The Soviet Union in the politics of Sun Yat-sen (some aspects)] // *Problemy Dal'nego Vostoka* – Problems of the Far East. 2017. No. 4. Pp. 119–130.

21. *Ne publikovavshayasya rech' I. V. Stalina o Kitae (vstupitel'naya stat'ya A. Grigor'eva, publikaciya i kommentarii A. Kartunovoj)* – I. V. Stalin's unpublished speech on China (introductory article by A. Grigoriev, publication and comments by A. Kartunova) // *Problemy Dal'nego Vostoka* – Problems of the Far East. 2001. No. 1. Pp. 149–159.

22. *Pancov A. V. Tajnaya istoriya sovetско-kitajskih otnoshenij. Bol'sheviki i kitajskaya revolyuciya (1919–1927)* [The secret history of Soviet-Chinese relations. The Bolsheviks and the Chinese Revolution (1919–1927)]. M. Muravey-Hyde, 2001. 456 p.

23. *Primakov V. M. Zapiski volontera. Grazhdanskaya vojna v Kitae* [Notes of a volunteer. The Civil War in China]. M. Nauka (Science), 1967. 215 p.

24. *Pyn Min. Istoriya kitajsko-sovetskoy družby* [The history of Sino-Soviet friendship] / transl. from Chinese by A. F. Kotova. M. Publishing House of Social Economy. lit., 1959. 360 p.

25. *Sovetskie dobrovol'cy o pervoj grazhdanskoj revolyucionnoj vojne v Kitae : vospominaniya* – Soviet volunteers on the first civil Revolutionary war in China : memoirs / ed. and auth. introduction. articles by A. G. Perevertailo. M. Publishing House of Oriental Literature, 1961. 163 p.

26. *Sotnikova I. N. Kitajskij sektor Kominterna: organizacionnye struktury, kadrovaya i finansovaya politika: 1919–1943 gg.* [The Chinese sector of the Comintern: organizational structures, personnel and financial policy: 1919–1943]. M. Nauka (Science), 2015. 407 p.

27. *Jiang Zhongzheng (Chiang Kai-shek). Sovetskaya Rossiya v Kitae. Vospominaniya i razmyshleniya v 70 let. Izd. 2-e, ispr. i dop.* [Soviet Russia in China. Memoirs and reflections in 70 years. 2nd ed., coor. and add.] M. Posev (Sowing), 2009. 440 p.

28. *Cherepanov A. I. Pod znamenami Sun' Yatsena* [Under the banner of Sun Yat-sen] // *Na kitajskoj zemle. Vospominaniya sovetских dobrovol'cev* – On Chinese soil. Memoirs of Soviet volunteers. M. Nauka (Science), 1977. Pp. 14–25.

29. *Yurkevich A. G. Moskva – Kanton, 1920-e: pomoshch' SSSR Gomin'danu i dve strategii ob'edineniya Kitaya* [Moscow – Canton, 1920s: Soviet aid to the Kuomintang and two strategies for the unification of China]. M. Variant, 2013. 420 p.

30. Yurkevich A. G. *Yuzhnokitajskaya sovetnicheskaya gruppa i finansirovanie Sovetskim Soyuzom politicheskikh i voennykh proektov Gomin'dana v 1924 g.* [The South Chinese Soviet group and the financing by the Soviet Union of political and military projects of the Kuomintang in 1924] // *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii – Herald of RUDN (Russian University of Peoples' Friendship). Series: The History of Russia.* 2011. No. 4. Pp. 66–74.

31. Yur'ev M. F. *Vooruzhennyye sily KPK v osvoboditel'noj bor'be kitajskogo naroda (20–40-e gody)* [The armed forces of the CPC in the liberation struggle of the Chinese people (20–40s)]. М : Nauka (Science), 1983. 335 p.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 930.25(470.23)

DOI: 10.25730/VSU.2070.24.026

«Катастрофический распад колхозов»: дневники студенческой практики ЛО КУНМЗ 1930 г. как источник изучения коллективизации

Тихомиров Никита Вадимович

кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет.
Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0002-2808-3763. E-mail: tihomirov_n@rambler.ru

Аннотация. Насущной задачей исторической науки является выявление и включение в исследовательский оборот новых источников. Данная статья посвящена мало изученному виду источников, каковым являются отчётные документы университетской практики, которую в обязательном порядке проходили студенты коммунистических вузов СССР в 1930-е гг. В качестве примера использованы дневники, составленные учащимися Ленинградского отделения Коммунистического университета национальных меньшинств Запада в период партийной практики весной 1930 г. Цель работы – представить указанные материалы научному сообществу. В этой связи статья включает тексты двух студенческих дневников, подготовленных согласно методическим рекомендациям по публикации архивных документов в печатном виде. Автор убеждён, что данные материалы способны качественно дополнить источниковую базу научных исследований проблем колхозного строительства в СССР. Информация, содержащаяся в дневниках, показывает процесс коллективизации с точки зрения советских активистов. Это не только способствует лучшему пониманию процессов, которые вызвала социалистическая перестройка деревни, но также позволяет подробно изучить особенности труда коллективизаторов. Этим определяются новизна и актуальность настоящей работы. Перспективность методологического освоения названных источников обусловлена развитием антропологической парадигмы, расширяющей предметное поле исторической науки и подсказывающей новые подходы к изучению уже известной проблематики. В данном случае речь может вестись о приращении научного знания в области коллективизации за счёт изучения фактов обыденной жизни колхозных крестьян и практикантов, занимавшихся артельным строительством. Высокая степень информационной отдачи студенческих дневников может быть обеспечена в рамках таких исследовательских направлений, как история повседневности и микроистория.

Ключевые слова: дневники, история повседневности, коллективизация, коммунистический университет, микроистория.

Тема сплошной коллективизации в СССР является одной из наиболее востребованных в трудах историков новейшего периода. По проблематике колхозного строительства создан обширный корпус исследовательских трудов, освещающих ключевые аспекты данного процесса [3; 5]. Вместе с тем историография социалистической перестройки деревни содержит ряд лакун, обусловленных наличием вопросов, не охваченных в должной мере вниманием историков. К таковым относятся, например, вопросы, связанные с обыденной жизнью колхозного крестьянства [4, с. 13]. То же и в гораздо большей степени касается повседневности коллективизаторов.

С началом сплошной коллективизации советское руководство бросило на строительство сельскохозяйственных артелей различных активистов – рабочих, партработников, комсомольцев, студентов [2, с. 100]. Их работа с массами сельского населения велась по-разному, вне строгих планов и зачастую в отсутствие чётких представлений о приёмах и методах создания колхозов. Особняком, пожалуй, стоят учащиеся коммунистических вузов, которых также активно привлекали к процессу колхозного строительства. Их деятельность отличалась

идейно-воспитательной и пропагандистской направленностью [6], к чему молодых партийцев целенаправленно готовили.

Изучение этой деятельности способно обогатить и, возможно, в чём-то скорректировать имеющиеся знания о большевистской политике в деревне. В этой связи представляется интересным взглянуть на известные события глазами тех, кто систематически трудился над насаждением новых форм хозяйствования и быта в деревне. А именно – учащихся комвузов. Такую возможность даёт отчётная документация, возникавшая вследствие пребывания их на практике в сельской местности, где молодые люди активно участвовали в деле колхозного строительства. Это, прежде всего, дневники, в которых описаны основные события в период прохождения студентами практики, охарактеризована обстановка на местах, изложены впечатления и соображения практикантов об успехах и проблемах в работе.

В данной статье мы хотим обратиться к дневниковым записям студентов Ленинградского отделения Коммунистического университета национальных меньшинств Запада им. Ю. Ю. Мархлевского. Целью мы ставим познакомить научное сообщество с данной группой источников, которая, не смотря на существенный информационный потенциал, не вовлечена до настоящего времени в исследовательский оборот.

КУНМЗ был задуман как учебное заведение для подготовки «советских и партийных работников среди трудящихся масс западных народов на их родном языке» [8, л. 2]. Среди учащихся встречались иммигранты, которые в дальнейшем были призваны стать проводниками идей социалистической революции в собственных странах – Польше, Болгарии, Латвии и т. д. С отказом советского руководства от активной поддержки мировой революции, университет сосредоточился на подготовке большевистских кадров для работы внутри страны. КУНМЗ имел два отделения – в Москве и Ленинграде. В составе ленинградского отделения действовали эстонский и финский учебные секторы [9, л. 2]. Это было обусловлено наличием в северо-западной части РСФСР компактных поселений представителей данных национальностей.

Неотъемлемым элементом учебного процесса всех коммунистических университетов была производственная практика, которую студенты проходили на городских предприятиях и в сельской местности [1, с. 144]. В последнем случае учащиеся направлялись из Ленинграда в распоряжение местных партийных организаций (Райкомов), которые производили их расстановку по сельсоветам. Основными направлениями практической работы студентов были: партийно-комсомольская, политико-просветительская и советская. План мероприятий намечался внеуниверситетской комиссией ЛО КУНМЗ и затем согласовывался ответственными работниками на местах. Интересно отметить, что в указаниях комиссии для студентов особо подчёркивалось решение ими исследовательских задач [10, л. 1]. Практиканты должны были выявить, как работали первичные ячейки ВКП(б) и ВЛКСМ; в каком состоянии пребывали красные уголки, избы-читальни и библиотеки; насколько были вовлечены в массовую работу агрономы, ветврачи, учителя и другие культурные силы. Особое внимание предписывалось уделять умонастроениям крестьян: интересуются ли они международной политикой, сильно ли распространена в их среде религиозность, как они относятся к мероприятиям советской власти и т. д. [10, л. 2].

Таким образом, практиканты становились посредниками между крестьянством и советским партийно-государственным аппаратом. Своей работой они создавали на местах необходимые условия для осуществления колхозного строительства и культурной революции, снабжали районные парторганизации конкретными сведениями о препятствиях в разворачивании соответствующих мероприятий.

Каждый практикант был обязан вести дневник. Данные материалы служили отчётной документацией о проделанной работе, на их основе старосты студенческих групп готовили отчётные доклады для руководства ЛО КУНМЗ. Отбывавших на практику университет снабжал тетрадь, куда надлежало заносить «изо дня в день события, впечатления, цифры и даты наиболее важных событий» [10, л. 5]. Комплекс таких дневников отложился в фонде Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) (фонд Коммунистического университета национальных меньшинств Запада имени Ю. Мархлевского).

В настоящей публикации представлены дневники двоих студентов эстонского сектора ЛО КУНМЗ – Николая Пусепа и Александра Стальберга, которые весной 1930 г. работали в составе группы практикантов, распределённых Райкомом Ленобласти в сельсоветы Молоковичского района (существовал в составе Ленинградской области в 1927–1931 гг.) для обслуживания эстонского населения. По данным всесоюзной переписи 1926 г., в указанном районе численность эстонцев составляла 4090 человек, или 20,7 % от всех там проживавших [13, с. 85–87].

Практиканты оказалась на месте в трудный для колхозного строительства период. Незадолго до их прибытия в центральной газете «Правда» была напечатана статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов. (К вопросам колхозного движения)» [7, с. 1], всколыхнувшая крестьянство и подтолкнувшая его к массовым выходам из едва созданных колхозов [14, с. 78]. Таким образом, ленинградцам пришлось действовать в крайне неблагоприятных условиях, занимаясь не столько укреплением, сколько спасением стремительно разваливавшихся артелей.

Составленные ими дневники отразили характер и содержание повседневной работы, которую студенты проводили среди крестьян Ленинградской области. Они дают представление о тех подходах и конкретных мероприятиях, которые осуществляли советские активисты в ходе социалистической перестройки села. Данные материалы позволяют расширить и уточнить существующие представления о трудностях процесса коллективизации. Также они способствуют лучшему пониманию роли и образа действий коллективизаторов от студенчества на раннем этапе артельного строительства в СССР. В записях запечатлелись умонастроения и общая обстановка в местах. Прослеживаются социальные сдвиги, характерные для развития деревни на данном историческом этапе: усиление внутренних противоречий, политизация части населения, растущее недоверие к советской власти и т. д.

При том, что дневники формально являлись отчётной документацией, они обладают выраженными признаками источников личного происхождения. Наряду с протокольными формулировками в них даны размышления авторов, их оценки наблюдаемой действительности. Тексты, предлагаемые вниманию читателей, вполне отражают как внешние, так и содержательные особенности комплекса дневников партийной практики студентов ЛО КУНМЗ, которые удалось выявить в составе указанного фонда РГАСПИ.

Документы подготовлены к опубликованию в соответствии с принятыми принципами и приёмами передачи текста архивных документов. В тексте сохранены стилистические особенности оригинала. Авторские сокращения раскрыты в квадратных скобках. Слова, подчеркнутые в дневнике, даны курсивом, зачёркнутые – взяты в угловые скобки. Неразборчивые места показаны отточием.

Дневник Пусеп Н.
Молосковицкий р[айо]н
1930 г.

6/III

Приехал на ст[анцию] Молосковицы.

7/III

Утром в РК¹ ВКП(б) получил направление для нашей группы в два сельсовета: Врудский и Княжевск[ий].

Задание: укрепление имеющихся колхозов, производственные совещания, организация групп бедноты и налаживание п[олит]просвет учреждений.

<Утром> Вечером приехал во Вруду. Знакомился с положением там.

8/III

Переехал в Муромицы где и остался работать до приезда т[оварища] Стальберг и Югансон². Выясняется, что начинается уход массовым порядком из колхозов.

<Письмо> статья т[оварища] Сталина истолковывается неправильно, чем пользуются и кулацкие агитаторы.

Вечером *доклад* о женском дне на торжественном заседании.

9/III

Вместе с землеустроителем ходил в д[еревню] Горку, проводил беседу (около 3 ч[асов]) на колхозную тему. Остались в хорошем располож[ении] духа в отношении колхоза. Заявл[ение] подал только один зажиточный.

¹ Районный комитет.

² Югансон Гильда, студентка эстонского сектора ЛО КУНМЗ.

Второй сход вечером в д[еревне] Химосово, где из 15 чл[енов] подано 10 заявл[ений]. Здесь сход прошел крайне бурно. Несмотря на 4-часов[ую] агитацию, ушел без результатов.

Поданные заявления очень походят по содержанию друг на друга и льют помой, и брызжут слюной кулацких агитаций на партию и сов[етскую] власть. Написаны все одним челов[еком], на которого составили акт и переслали прокуратуре.

10/III

Знакомился с местным колхозом в Муромицах.

11/III

Собрание местной парт[ийной] ячейки с вопросами: 1) О закреплении колхозов; 2) Намечении кандидатов в новый состав през[идиума] сельсов[ета].

Провел орган[изационное] заседание нового и старого состава с[ель]с[овета].

Делал доклад о задачах советов в связи с сплошной коллекти[визаци]ей.

Вечером ходил в дер[евню] Княжево где было очень бурное собрание. Из 45 чл[енов] подано 23 заявл[ения]. Вел беседу около 4 часов. Проработали ст[атью] т[оварища] Сталина. Присутств[овали] 70 ч[еловек].

12/III

Был на пленуме РК. Катастрофический распад колхозов в р[айо]не.

13/III

Ходил в Княжево, где провел собрание с неподавшими заявл[ения] и из 10 дворов создал колхозное ядро.

14/III

Ввиду того, что в Княжевск[ом] с[ель]с[овете] скопилось нас трое³, я переехал во Вруду.

Вечером беседа о женработе с активом женщин.

15/III

Собрание в деревне Тресковицы по колхозн[ому] вопросу. Там имеется определенная кулацкая деятельность. Была вывешена афиша о времени выхода из колхоза, что так и случилось. Дело расследует ГПУ.

16/III

Общее собрание в д[еревне] Сяглицы, где в колхозе осталось 4 двора. 17 вышли. Настрое[ние] осталось поколебленное после моего выступления, когда предложил взять заявления обратно, то таковых не оказалось.

17/III

Пересмотр избиркомом списков лишенцев⁴, где я присутствовал. Имеются крайние искривления классов[ой] четкости. Лишен и индивидуально обложен бедняк Пент. Причина – наем пастуха. «Признак»! Комиссия восстановила, еще постановила возвратить право голоса отцу Иды Манних. Он лишен за то, что в этом году нанимал 24 дня поденных рабочих, это было во время, когда он строил дом с плотниками. Х[озяйст]во среднее.

18/III

Доклад делал во Врудской избе-чит[альне]. «Крестов[ый] поход папы Римского против СССР».

19/III

Партсобрание местной яч[ейки], где делал доклад «Крест[овый] поход папы Римского против СССР».

³ Имеется в виду группа практикантов.

⁴ Граждане, лишённые избирательных прав по классовому признаку.

20/III

Был на собрании нарзаседателей⁵. Созывалось комсомольское собрание, которое сорвалось, т[ак] к[ак] не собрались.

21/III

Комсом[ольское] собрание. Мой доклад о положении колхоза в п[оселке] Вруда. Вынесено постановление: колхоз закрепить из тех, кто еще не подали заявлений, а комсомольц[ам] всем вступить.

22/III

Беседовал с избачом⁶ о задачах его во время весенн[ей] посевн[ой] кампании.

23/III

Бедняцкое собр[ание] в дер[евне] Сяглицы по вопросам: 1) перевыборы потреб[ительской] кооперации; 2) о колхозе.

2 – Бедняцк[ое] собр[ание] в пос[елке] Вруда по этим же вопросам.

24/III

В совхозе Сяглицы назначены перевыборы лавкома⁷, приказчика п[отребительского] о[бщества], но не собрались.

25/III

Ездил в РИК⁸.

26/III

Приехал из РИКа.

27/III

Опять ходил в совх[оз] Сяглицы проводить кооп[еративное] собрание, но опять не собрались. Причинами можно считать, что недостаточно объявлено. И все же с колхозными вопросами устало население.

28/III

Репетиция.

29/III

Репетиция.

30/III

Спектакль, где мы с Г. Е... участвовали.

31/III

Собрание проводил в молочном т[оварищест]ве, где дела крайне запущены. Поднял вопрос о срочной ревизии.

1/IV

Производственный план весеннего сева составляли коллективно. И вечером уехал в РК для отчета на бюро о работе группы.

2/IV

Отчет мой на работе на бюро РК ВКП(б) не состоялся, т[ак] к[ак] очень большая повестка дня. Сопровождение советск[ого] актива в РИКе.

---

⁵ Народные заседатели – граждане, избранные в состав суда и принимающие участие в рассмотрении гражданских и уголовных дел в первой инстанции.

⁶ Заведующий избой-читальней.

⁷ Лавочная комиссия – объединения граждан, создававшиеся для общественного контроля за торговлей.

⁸ Районный исполнительный комитет.

3/IV

Составляли план проведения до отдельного двора заданий по посеву.

4/IV

Уехал в Ленинград.

Смотрите на обороте

Примечания:

Группа в р[айо]н приехала в период, когда было коллективизировано 85% населения, но эти колхозы представляли из себя картонные домики. Сразу же стали поступать сведения в РК, что потекли заявления об выходе.

Нас разбили в два с[ель]с[овета], где считали, что самые «больные» колхозы.

Прибыв на место, встретился с явлением, где 60 дворов в деревне – из них 45 дв[оров] в колхозе, из коих 23 двора подали заявления об выходе, не успев созвать собрания, как потекли заявления, и осталось только 10 дворов, коих закрепили. Это одна из деревень, но подобно же было чуть ли не во всех концах р[айо]на.

Наша задача было во всех деревнях провести собрания с вопросами о выходе из колхозов и рассмотрение заявлений. Несмотря на проведенные собрания, все же с 85 % осталось 12 %, думается, что эти %% закрепятся.

Проводили колоссальную работу с беднотой и активом. Характерно, что беднота в большинстве не хочет и слушать о вступлении в колхоз обратно, говорят: «Мы свой век волочили жалкую жизнь и теперь только стали хорошо жить, а вы нас лишаете» и «Дайте нам посмотреть, как будут существовать эти колхозы, если хорошо, и мы вступим».

Действительно, колхозного примера нет, имеется в р[айо]не коммуна, которая дает обратный пример, и этим кулацкие элементы пропагандируют против нас.

Основной причиной распада колхозов можно считать и для Молосковицк[ого] р[айо]на характерны ...

Колхозы организовались без серьезной подготовки с беднотой и средн[яцким] активом. Приезжал в деревню агитатор, ставил доклад, где припугивал выселением на болота невступающих. Страшал налогами и т.д. Это же безобразия! После подобного доклада предлагался собранию устав, который «принимался» – и...⁹ колхоз готов!

Окружн[ые] организации дают задания не менее 60 % к 1/IV – местные дают 85 % к 10/III. «Молодцы»!

Волна ухода началась, когда т[оварищ] Сталин написал, что колхозы добровольны. Но этот момент кулак не прозевал, он истолковывал статью, как ему было выгодно, т[о] е[сть] выходите из колхоза – и все.

Когда я в одной из деревень стал на сходе читать статью т[оварища] Сталина из «Лен[ин]гр[адской] правды», старушка не поверила, а подала из «Крестьян[ской] правды». Это доказывает еще и то положение, насколько деревня стала активна в общественно-политической жизни. Все *слои* участвуют сейчас в активной политической жизни.

Имеются безобразия в отношении «левых» перегибов. Это все только способствовало развалу колхозов.

Во Вруде лишенных на 50 % восстановили при пересмотре, в числе которых имеются самые бедняки, а лишили их за наемного пастуха. Кулаки говорят, что <вы> коммунисты в прошлые года нас лишили, а вот теперь и до вас добрались. Ведь диктатура пролетариата, они постепенно и лишают крестьян.

Этими примерами спекулируют вкривь и вкось!

Допускались искривления по обязательным вкладам в кредитн[ые] т[оварищест]ва, для кулацк[их] х[озяи]ст[в] в подгоняли чуть ли не под все хозяйство! Ну и после окружн[ые] организации запретили это безобразие, и районным организациям пришлось возратить кулаку коров. Так было во Вруде, где колхоз купил этих коров, а кулак с ехидной улыбкой на губах забрал и[х] обратно.

Весь авторитет наших работников потерян этим. И после можно ли провести вопрос его ликвидации. Конечно, собрание не пойдет против него.

---

⁹ Отточие в оригинале.

И вот ряд таких перегибов дали очень скверное положение для ликвид[ации] кулачества и коллективизации.

После тех колхозов, которые ликвидировали, остались маленькие ядра 4-5 дворов, согласных в колхоз пойти. И вот теперь разворачивается работа [во]круг этих ядер с беднотой, из которых со временем получатся колхозы.

[12, л. 63-70]

Дневник А. Стальберг[а]

9 марта

Прибыл на место. Хороший завтрак. Познакомился с бригадницей, учителем, председателем сельсовета и др[угими]. Был в с[ель]с[овете], где беседовали о массовом уходе из к[олхо]зов. Там был землеустроитель, с которым Пусеп пошел в обход 2-3-х к[олхо]зов для ознакомления. Мы здесь вдвоем с Пусеп. Е... в Вруде. К семи часам поехали на вечер, посвященный женскому дню. Сделал доклад.

10 марта

Обсуждения о предстоящей работе и составление плана. В виду того, что днем все на работе, а вечером кино, сегодня собраний никаких не провели.

11 марта

Собрание партячейки¹⁰ «Об укреплении созданных колхозов в борьбе против распада» (это массовой явление) и намечание кандидатуры в председатели сельсовета. Была беседа со стариком и его женой об их уходе из колхоза. Обсуждали спор между двумя членами правления колхоза (Муромицы). Вечером были намечены собрания в 4-х пунктах. Я был намечен в Арюкюль¹¹, но там собрания не было. Из этого колхоза были у меня 6 чел[овек]. Выбрали по списку членов колхоза – бедноту и более стойких середняков, которых созываем на собрание 13 с[его] м[есяца] с целью противодействия развалу. Вечером было еще собрание партячейки.

12 марта

Товарищи поехали утром в райком. Я пошел в 2 час[а] в Арукюль, но собрание бедноты оставили на завтра. Беседовал с председателем правления колхоза Оденбергом о посев[ном] плане, брожении и т.п. Вечером провел бедняцкое собрание в Тухове. Меньшинство бедноты «колхозников» за колхоз! Но провел все же пункты:

1) Будем бороться против выходов, строго придерживаясь правил выхода относительно выходящих.

2) Требуем выходящих принять заявления обратно.

3) Требуем правление выполнить прин[ятую] программу по сеvu.

13 марта

Собрание бедноты и актива колхоза «Сяде»¹². Присутств[овало] 14 чел[овек]. Собрание оставило надежду на жизннность артели. Всего чл[енов] артели 43 чел[овека]. Наметили кандидатов в постоянное правление.

14 марта

Днем совещание о подготовке к 18-му. Извещения о полит[ическом] часе с кандид[атами] и ВЛКСМ на завтра. Вечером собрание правления Муромицкой артели. Потом беседа о нормах труда, оплате и т.д. и т.п.

¹⁰ Имеется в виду районная ячейка ВКП(б).

¹¹ Современное название – Аракюля, деревня в Волосовском районе Ленинградской области.

¹² Säde (эст.) – Искра.

15 марта

Наброска планов бесед (3). Вечером провел беседу с канд[идатской] группой. Присутствовало 10 чел[овек]. Приехал Лоопер¹³. Беседа с ним.

16 марта

Собрание Муромицкого колхоза «Новая жизнь». Исключили около 30 семейств. Собрание Арукюльского колхоза «Сяде». Исключили 17 семейств. Развалы всюду. Остаются только ядра.

17 марта

Съездил в райком. Получил установку для дальнейшей работы, взял литературы из райполитпросвет¹⁴, купил продуктов. Вечером подготовка к антирелигиозн[ой] лекции. Беседа с партийцами.

18 марта

Днем подготовка, совещания и заседание колхоза «Новая жизнь». Вечером сделал на общем собрании колхоза доклад о Парижской ком[му]не, МОПр¹⁵ и Римском Папе. Собрание решило перейти на новый устав.

19 марта

Ездили в Вруду, свезли Лоопера.

20/III

Составлял тезисы для докладов. Спорил с пьяными (в комнате). Беседа с пред[седателем] с[ель]сов[ета].

21

Беседа с Арукюльск[им] пред[седателем] колхоза и с друг[ими]. Вечером проводил занятие политического кружка с вопросом «Уклоны в партии». Присутств[овало] 12 чел[овек].

22

Днем составляли план работы с[ель]совета. Вечером собрание партячейки с вопросом о кулаках (правильном обложении), о обязательных и добровольных вкладах, о колхозе, о первыборах правл[ения] кооперации.

23

Был немного времени на воскреснике по заполнению ледника. Беседа с бедняком о кулаках, с другим – о колхозе и партучебе. Вечером сделал антирелигиозн[ый] докладик для молодежи. Было больше 20 человек.

24

Колол дрова, ходил в Арукюль, где говорил относительно бедн[яцкого] собрания, по обязательным и добровольным вкладам. Помогал местному кандид[ату] партии составить статью в печатную газету, беседовал о постановке пьесы. Вечером кино.

25

Днем готовился, а вечером проводил полит[ический] кружок. Тема 5-летка. Присутств[овало] чел[овек] 12–13, чел[овек] 6 женщины.

26

Составляли стенную газету. Ходил в школу, где должна была состояться репетиция. Был на пленуме сельсовета.

¹³ Заведующий партийной практикой ЛО КУНМЗ [13, л. 8].

¹⁴ Районный политико-просветительский отдел.

¹⁵ Международная организация помощи борцам революции.

27

Работал над стенгазетой весь день. Ходил в школу на репетицию, которая опять не состоялась.

28

Работал над стенгазетой. Распределили ... член[ам] колхоза и другим. Был на производственном совещании колхоза.

29

Беседа с землеустроителем и местными партийцами о прирезке земли к колхозу за счет Туховского земельного об[щест]ва по причине влития в колхоз новых членов. Вечером ходили в Арукюль, но беднота на собрание не явилась.

30

Занимался со школьниками по физкультуре. Вечером секретарствовал на отчетном собрании п[отребительского] о[бщест]ва. Получил письмо от Пусеп о том, что необходимо поехать в Зимитицы.

31

Составлял отчет, закончил стенгазету, готовился к переходу в Зимитицы.

Сводка работ по дневнику Стальберга и Югансон

Всего собраний проведено за это время в районе с[ель]с[овета] б[олее] 15. Больше бедняцких. Нами проведено: 3 бедняцк[о]-колхозных, 3 женских, 3 общих колхозных, 1 коопер[ативно]-бедняцкое. Остальные проведены местными партийцами.

На бедняцких собр[аниях] были вопросы об укреплении колхозов, разъяснение ст[атьи] тов[арища] Сталина <и т.п.>, намечение кандидатов в правление, намечение кандидатов в кооп[еративные] уполномоченн[ые], о дальнейшей работе ядер колхозов¹⁶ и т.п.

На женских собраниях те же вопросы, а также создание жен[ских] бригад и др[угие] вопросы.

Кроме того, сделал 1 доклад к женскому дню (б[олее] 100 чел[овек]), один – о Парижской ком[мун]е, МОПРе и Римском папе. На собр[ании] колхоза и антирелигиозный (большинство молодежь).

Были на одном производ[ственном] совещании колхоза и на одном – в с[ель]советет (пред[седатели] колхозов и с[ельские] уполномоч[енные] о подгот[овке] к посеву).

Составляли план работы с[ель]совета, просматривали и беседовали по 2 произв[одственным] планам колхозов. Кроме того, было очень много бесед с членами партии, женских¹⁷, учителями, землеустроителем, зоотехником и др[угими].

С пионерами, со школьниками проведено до 10 занятий (пионер[ские] сборы, день Парижской ком[му]ны, организ[ация] ударн[ой] группы и полит[ического] кружка, репетиции, физкультура и беседы).

Начали полит[ические] занятия с чл[енами]партии, кандидатами, комсомольц[ами] и б[ез]п[артийными] и провели 4 занятия (темы: партия, ликвидация кулачества как класса, уклоны в партии и 5-летка). Членов партии здесь 3 чел[овека], кандидатов – 2 и комсомольцев 3 чел[овека]. Один комсомолец подал заявление об исключении его. Есть резерв для вовлечения в партию.

Выпустили стенгазету.

Проводя те или иные ударные вопросы,

Разбивали актив по участкам, а поэтому в данном перечне проведенной работы в районе Княжевского с[ель]с[овета] вся работа не учтена. Учтена часть работы, проведенная тов[арищем] Лоопером. Мы совместно с местными работниками проводили работу в семи уч[аст]ках-деревнях.

¹⁶ Карандашом подписан знак вопроса.

¹⁷ Вероятно, пропущено слово «организаций».

Общие замечания

От колхозов, которые охватывали 80–100 % дворов в отдельных деревнях, остались только ядра от 3 [до] 10 дворов. В Химосово не осталось в «колхозе» даже и такого. Из Г...-Горки оставшиеся 3 чел[овека] входят в Муромицкий колхоз. Там всего 8–10 дворов. Там есть возможность (тенденция) организовать самостоятельный колхоз. Из Туково осталось 6 чл[е-нов]. Здесь провели прирезку земли к Муромицкому колхозу. В Арукюле осталось 8–9 дворов, но затруднением для совместной работы является разбросанность

Членов и боязнь частью землеустройства. 29 числа было здесь создано собр[ание] бедноты с расчетом сорганизовать их так, чтобы произвести землеуказание, но собрание не состоялось. Явились 2 человека.

Если продолжать усиленную работу и с еще более конкретными вопросами (землеуказание, кредиты и т.п.), то можно, пожалуй, к началу посева добиться небольшого ра...¹⁸ ядер. Установка сейчас – сорганизовать группы бедноты.

Причины распада, по-моему, лежат в росте индивидуального хоз[яйст]ва, в медленном развертывании орг[анизационной] работы, в частичном нажиме, в оставлении кулака неликвидированным и т.п.

Нет поблизости хороших артелей и коммун. С недостатками коммуны Яана Томпа спекулируют сколько угодно.

Кр[естья]не говорят: «Мы против власти не пойдем, но вот газеты пишут, что не обязательно». Т[о] е[сть] гоните нас, и мы пойдем.

Благодаря влиянию новых членов, в старый Муромицкий колхоз перешел на новый устав, возврата по одной корове на двор. Но устав еще не зарегистрирован. Часть членов колхоза (старых) были против возвращения коров, а двух- и трехкоровники стали требовать и вторых коров («Что с одной хватит[?]»).

Установка партиячейки была, что партийцы не должны коров брать, но пред[седатель] колхоза Иванов (с 1919 г. чл[ен] партии) брал. Он вообще не под влиянием партии, а жены.

Подготовка к посеву идет плохо, ибо составленные планы для колхозов срывались. Теперь проводятся индивидуальные задания для выбывших. Недостаточно семян, железа и т. п., в чем, наверное, общий недостаток, а отчасти медленность работы рай[онных] организаций. Но засеяно будет все же больше <по крайней мере, не меньше>, чем в прошлом году.

Вот коротко все.

А. Стальберг
31/III – 30

[12, л. 55–62].

Список литературы

1. *Ергин Ю. В.* Башкирский коммунистический университет (1931–1939) // Педагогический журнал Башкортостана. 2008. № 5. С. 141–151.
2. *Ивницкий Н. А.* Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М. : ИРИ РАН, 2000. 350 с.
3. *Кедров Н. Г.* Апокриф аграрной историографии. Очерки изучения коллективизации в советской и российской исторической науке. Вологда : Полиграф-Периодика, 2022. 339 с.
4. *Кедров Н. Г.* Лапти сталинизма. Политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы. М. : РОССПЭН, 2013. 280 с.
5. *Мельникова Т. А.* Историография аграрной политики СССР 30-х гг. // Историческая социально-образовательная мысль. 2009. № 2. С. 61–71.
6. *Панин Е. В.* Роль производственной практики в обучении студентов коммунистических вузов в 1920-е гг. (на примере Коммунистического университета национальных меньшинств Запада) // Электронный журнал «Вестник МГОУ». 2013. № 2. URL: <https://www.vestnik-mgou.ru/jour/article/view/747/744> (дата обращения: 20.12.2023).
7. Правда. 1930. 2 марта. № 60.
8. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 529. Оп. 1. Д. 1.
9. РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 24. Д. 140.
10. РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 24. Д. 283.
11. РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 24. Д. 347.
12. РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 24. Д. 349в.

¹⁸ Возможно, «разрастания».

13. Ступин Ю. А. Эстонская диаспора на северо-западе России в 20 – 30-е гг. XX в.: итоги переселенческого движения // Балтийский регион. 2010. № 6. С. 83–90.

14. Фицпатрик Ш. Сталинистские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: декабрь. 2-е изд. М. : РОССПЭН, 2008. 422 с.

"The catastrophic collapse of collective farms": diaries of the student practice of Leningrad Branch of the Communist University of National Minorities of the West in 1930 as a source for studying collectivization

Tikhomirov Nikita Vadimovich

PhD in Historical Sciences, associate professor, Russian State University for the Humanities.
Russia, Moscow. ORCID: 0000-0002-2808-3763. E-mail: tikhomirov_n@rambler.ru

Abstract. The urgent task of historical science is to identify and include new sources in the research turnover. This article is devoted to a little-studied type of sources, which are the accounting documents of university practice, which students of communist universities of the USSR necessarily passed in the 1930s. As an example, diaries compiled by students of the Leningrad Branch of the Communist University of the National Minorities of the West during the period of party practice in the spring of 1930 are used. The purpose of the work is to present these materials to the scientific community. In this regard, the article includes the texts of two student diaries prepared according to the methodological recommendations for the publication of archival documents in printed form. The author is convinced that these materials are capable of qualitatively supplementing the source base of scientific research on the problems of collective farm construction in the USSR. The information contained in the diaries shows the process of collectivization from the point of view of Soviet activists. This not only contributes to a better understanding of the processes that the socialist restructuring of the village caused, but also allows you to study in detail the peculiarities of the work of collectivizers. This determines the novelty and relevance of this work. The prospects for the methodological development of these sources are due to the development of an anthropological paradigm that expands the subject field of historical science and suggests new approaches to the study of already known issues. In this case, we can talk about the increment of scientific knowledge in the field of collectivization by studying the facts of everyday life of collective farm peasants and trainees engaged in artel construction. A high degree of informational impact of student diaries can be provided within the framework of such research areas as the history of everyday life and microhistory.

Keywords: diaries, the history of everyday life, collectivization, communist university, microhistory.

References

1. Ergin Yu. V. *Bashkirskij kommunisticheskij universitet (1931–1939)* [Bashkir Communist University (1931–1939)] // *Pedagogicheskij zhurnal Bashkortostana* – Pedagogical journal of Bashkortostan. 2008. No. 5. Pp. 141–151.
2. Ivnickij N. A. *Repressivnaya politika sovetskoj vlasti v derevne (1928–1933 gg.)* [The repressive policy of Soviet power in the countryside (1928–1933)]. M. IRI RAS, 2000. 350 p.
3. Kedrov N. G. *Apokrif agrarnoj istoriografii. Ocherki izucheniya kollektivizacii v sovetskoj i rossijskoj istoricheskoj nauke* [The apocrypha of agrarian historiography. Essays on the study of collectivization in Soviet and Russian historical science]. Vologda. Polygraph Periodicals, 2022. 339 p.
4. Kedrov N. G. *Lapti stalinizma. Politicheskoe soznanie krest'yanstva Russkogo Severa v 1930-e gody* [Lapti of Stalinism. The political consciousness of the peasantry of the Russian North in the 1930s]. M. ROSSPAN, 2013. 280 p.
5. Mel'nikova T. A. *Istoriografiya agrarnoj politiki SSSR 30-h gg.* [Historiography of the agrarian policy of the USSR in the 30s.] // *Istoričeskaja social'no-obrazovatel'naja mysl'* – Historical socio-educational thought. 2009. No. 2. Pp. 61–71.
6. Panin E. V. *Rol' proizvodstvennoj praktiki v obuchenii studentov kommunističeskikh vuzov v 1920-e gg. (na primere Kommunističeskogo universiteta nacional'nyh men'shinstv Zapada)* [The role of industrial practice in teaching students of communist universities in the 1920s. (on the example of the Communist University of National Minorities of the West)] // *Elektronnyj zhurnal "Vestnik MGOU"* – Electronic journal "Herald of Moscow State University". 2013. No. 2. Available at: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/747/744> (date accessed: 20.12.2023).
7. *Pravda* – The truth. 1930. March 2. No. 60.
8. RSASPH (Russian State Archive of Socio-political History). F. 529. Inv. 1. File 1.
9. RSASPH. F. 529. Inv. 24. File 140.
10. RSASPH. F. 529. Inv. 24. File 283.

11. RSASPH. F. 529. Inv. 24. File 347.
12. RSASPH. F. 529. Inv. 24. File 349В.
13. *Stupin Yu. A. Estonskaya diaspora na severo-zapade Rossii v 20 – 30-e gg. XX v.: itogi pereselencheskogo dvizheniya* [The Estonian Diaspora in the North-West of Russia in the 20 – 30s of the twentieth century: the results of the resettlement movement] // *Baltijskij region – The Baltic region*. 2010. No. 6. Pp. 83–90.
14. *Fitzpatrick Sh. Stalinskie krest'yane. Social'naya istoriya Sovetskoj Rossii v 30-e gody: derevnya. 2-e izd.* [Stalin's peasants. The social history of Soviet Russia in the 30s: the village. 2nd ed.] M. ROSSPAN, 2008. 422 p.

Материалы белорусских епархий «Русского провинциального некрополя» в контексте генеалогических изысканий

Беляева Галина Николаевна

аспирант по форме соискательства по специальности «Отечественная история»,
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова. Республика Беларусь, г. Могилев.
ORCID: 0000-0001-5089-1153. E-mail: h.belyaeva@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты генеалогических исследований, сделанные на основе анализа материалов, собранных в 1908–1912 гг. Виленской, Могилевской, Минской, Гродненской, Полоцкой консисториями для публикации 4-го тома «Русского провинциального некрополя», сохранившихся в фондах великого князя Н. М. Романова в Российском государственном историческом архиве в г. Санкт-Петербурге. При подготовке статьи с опорой на принцип историзма применялся диалектический метод научного познания. Системный и сравнительный методы позволили сопоставить содержание эпитафий, списанных с надгробных памятников, стен храмов, определить родственные связи усопших, обозначить географию захоронения родов, коррелировать полученные данные с родословиями различных печатных изданий и публикаций, содержащих биографические данные, родословные записи. На основе рапортов священников, сводных списков белорусских консисторий, сохранившихся в фондах великого князя Н. М. Романова, были определены и проанализированы 4701 эпитафия, изучены биографии, профессиональная и общественная деятельность, родственные связи 100 (2,1 %) усопших, упоминаемых в материалах архива, определено их место в родословиях. Исследование позволило сделать вывод о том, что в основу сбора эпитафий инициаторами проекта был заложен сословно-конфессиональный, гендерный принципы, что обеспечило внесение в списки лиц, имеющих статусных предков или потомков, меценатов, особ, внесших вклад в развитие страны, региона, но ограничило возможность инверциям, представителям низших социальных категорий, женщинам, детям быть представленными в издании. Материалы, собранные белорусскими консисториями, можно считать важным источником по генеалогии, поскольку они дают возможность уточнить, дополнить, подтвердить биографические данные, родословия представителей дворянских и священнических родов, профессиональных династий, захороненных на территории Беларуси в XV – начале XX вв. В то же время изучение списков показало, что архивные материалы требуют перепроверки, поскольку в ходе полевых работ, исследований по иным источникам в них была выявлена неполнота собранных материалов, неточности.

Ключевые слова: некрополи, эпитафии, генеалогия, родословия, биографии.

Введение. В 1907–1908 гг. председателем Императорского русского исторического общества великим князем Н. М. Романовым (1859–1919 гг.) был инициирован проект, охватывающий некрополь всей Российской империи: сбор эпитафий с погребений дворян, священников, общественных деятелей [20, с. 5]. Собранные сведения планировалось опубликовать в 4-х томах «Русского провинциального некрополя». Материалы, представленные в 1908–1912 гг. Могилевской, Виленской, Минской, Гродненской, Полоцкой консисториями для выпуска 4-го тома книги, так и не были изданы. Сегодня они хранятся в Российском государственном историческом архиве в г. Санкт-Петербурге (РГИА).

Историки в своих исследованиях обращались к материалам опубликованного 1-го тома «Русского провинциального некрополя», к неопубликованным рапортам из фондов Н. М. Романова (Киевский, Рыбинский, Уфимский некрополи) [8; 17; 18; 32; 33; 34]. Опубликованные российским историком Д. Н. Шиловым «Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» Великого Князя Николая Михайловича» [15] стали объектом генеалогических изысканий исследователей Волгоградской области (Российская Федерация) [26]. Однако специальных исследований, анализа материалов, собранных духовенством белорусских епархий с позиции генеалогического источника ни белорусскими, ни зарубежными исследователями проведено не было, что обосновывает актуальность данной статьи.

Основываясь на принципе историзма, диалектическом методе научного познания, системном и сравнительном методе, были проанализированы 4701 эпитафия, собранные белорусскими консисториями к изданию 4-го тома «Русского провинциального некрополя», изу-

чены биографии, профессиональная и общественная деятельность, родственные связи 100 (2,1 %) усопших, захороненных на территории белорусских губерний, определено их место в родословиях.

Основная часть. Изучение переписки участников проекта (секретаря великого князя Н. М. Романова А. А. Гоздаво-Голомбиевского (1863–1913 гг.), архивиста В. В. Шереметевского (1963–1943 гг.), представителей белорусских консисторий), анализ 4701 эпитафии усопших, погребенных в период с 1368 г. по 1909 г. на территории Минской, Могилевской, Полоцкой, Гродненской, Виленской губерний, показали, что одними из главных критериев отбора фамилий являлась сословно-конфессиональная, гендерная принадлежность умершего, его личные заслуги перед православной церковью, государством.

Наличие в эпитафиях антропонимов, дат жизни, возраста, заслуг, последнего чина, упоминание родственных связей усопших позволяют уточнить и дополнить, подтвердить биографии отдельных лиц, родословия как знатных родов, так и представителей профессиональных династий, проживавших на территории белорусских земель в XV – начале XX в. Примером является эпитафия с надгробия Соинской церкви: «От жены и друга незабвенному мужу Михайле Казимировичу Галынскому, стольнику Полоцкому, умер 11 июля 1830 г.» [30, л. 57]. Изыскания показали, что могилевский помещик М. К. Галынский (1760–1830 гг.) родился в семье Казимира Галынского и Кристины Ходкевич, был женат на княжне Марии Михайловне Шаховской (1790–1849 гг.), являлся отцом Елизаветы, Прасковьи, Матильды и Ивана Галынских [36].

На благосостояние усопшего, наличие многочисленных потомков указывает надгробие владельца с. Олтуш Гродненской губернии: «Оставшиеся после кончины его в сиротстве жену с 13 детьми охраня от бед» [29, л. 69], о продолжении рода и об отношении к предкам рассказывает эпитафия с погоста Мытской церкви Виленской губернии: «Посвящает внук деду своему Тимофею» [31, л. 63].

В списке «Некрополя» был внесен «родственник архипастыря Георгия Конисского» протоиерей Иоанн Григорович (ум. 1824 г.), похороненный в Петропавловском соборе г. Гомеля [30, л. 133]. Родственные связи И. Григоровича и Г. Конисского выяснить не удалось, однако изыскания позволили сделать вывод, что усопший являлся отцом русского археолога, историка, археографа И. И. Григоровича (1792–1852 гг.). В Федоровской кладбищенской церкви Гомельского уезда был погребен «строитель храма, брат известного догматика, епископа Сильвестра» Федор Васильевич Малеванский (ум. 1896 г.) [30, л. 134]. Таким образом, рапорты «Некрополя» дополнили родословие епископа Каневского, викария Киевской митрополии Сильвестра (в миру С. В. Малеванского) (1828–1908 гг.) [1] именем и местом захоронения брата.

На территории женского Спасо-Преображенского монастыря г. Минска была погребена начальница гимназии Екатерина Николаевна Бабошина (ум. в 1903 г.) [28, л. 2]. Изыскания показали, что погребенная принадлежала роду Стеблиных-Каменских, известных своей преподавательской и научной деятельностью [3]. Тут же находились надгробия минского губернатора, князя Н. Н. Трубецкого (ум. 1902 г.) и его супруги Е. А. Трубецкой (ум. 1902 г.) [28, л. 2]. Николай Николаевич являлся представителем старшей ветви князей Трубецких, породнившейся через супругу князя Елизавету Александровну с родом Безак (Е. А. Трубецкая приходилась дочерью генерал-губернатору Юго-Западного края А. П. Безаку (ум. 1868 г.), правнучкой профессору «философских, политических, исторических наук» Х. Х. Безаку (ум. 1800 г.) [23, с. 630–633]).

Рапорты священников по имению Глазуново, Маклаковской церкви, Церковиценой церкви Вележского уезда Полоцкой губернии позволяют географически соотнести разрозненные захоронения, отследить второе и третье поколение династии Меллер-Закомельских (Федор Иванович, Петр Петрович, София Петровна, Мария Петровна Меллер-Закомельские) [27, л. 39].

Род князей Дондуковых происходил от внука калмыцкого хана Аюки – Дондук-Омбо (ум. 1741 г.). Переехав в Санкт-Петербург и приняв крещение, представители рода стали именоваться князьями Дондуковыми. На рубеже XVIII в. в связи с отсутствием потомков мужского пола Вере Ионовне Дондуковой (ум. 1833 г.) и ее мужу Никите Ивановичу Корсакову (ум. 1857 г.) было дано разрешение называться князьями Дондуков-Корсаковыми [24, с. 591–592]. В соответствии со списками «Некрополя» захороненный в имении Романово Могилевской епархии Сергей Владимирович Дондуков-Корсаков являлся сыном действительного статского советника, камергера Владимира Михайловича Дондукова-Корсакова (ум. 1902 г.) и баронессы Марии Александровны Фредерикс [30, л. 141]. Сергей Владимирович был послед-

ним представителем рода по мужской линии. Его сестра княжна Надежда Владимировна (род. 1867 г.) вышла замуж за корнета лейб-гвардии Гусарского полка Льва Ивановича Изъединова (1864–1939 гг.). В 1906 г. в соответствии с указом Правительствующего Сената им было разрешено именоваться князьями Дондуковыми-Изъединовыми. Династия оборвалась на князе Юрии Львовиче Дондуков-Изъединове (1891–1967 гг.) [6, с. 62].

Последними представителями в своем роду были погребенный на территории Могилевской епархии генерал А. П. Мелессино [30, л. 48], Виленской епархии – генерал Мари Ксавье Жозеф Лефевр [31, л. 287].

При церкви Рождества-Богородицы в м. Круглое Быховского уезда был захоронен полковник Степан Алексеевич Кропоткин (1785–1833 гг.) и его дети Аркадий, Ольга [30, л. 161]. Около церкви Рождества-Богородицы в м. Пропойск располагались захоронения поручика Николая Дмитриевича Кропоткина (1830–1887 гг.) и его жены Марии Александровны фон Бенкендорф (1834–1887 гг.) [30, л. 131]. Изучение родословий позволило сделать вывод: представители этих двух семей в XV в. имели общего предка – воеводу Михаила Ивановича Кропотку [2]. Одного предка – стряпчего Юрия Федоровича Плишку (ум. 1636/1637 г.) [4] – имели захороненный на кладбище с. Лозовица Могилевской губернии князь Николай Степанович Мещерский (1800–1869 гг.) [30, л. 144] и погребенный на кладбище г. Дисна Виленской губернии князь Николай Николаевич Мещерский [31, л. 50].

Материалы «Некрополя» позволили сложить поколенные группы, пополнить родословия графов Салтыковых именами графини Параскевы Александровны Салтыковой (ум. 1780 г.), младенцев Алексея Григорьевича (1803–1808 гг.), Александра Львовича (1931–1834 гг.), Григория Львовича (1830–1830 гг.), Екатерины Львовны (1834–1883 гг.) [30, л. 167], захороненных в м. Хиславичи Могилевской епархии. Погребенные дети предположительно являлись братом и детьми тайного советника, графа Льва Григорьевича Салтыкова (род. 1800 г.). Установить родственные связи графини Параскевы Александровны Салтыковой не удалось.

Материалы «Некрополя» уточнили родственные связи, место погребения представителей графского рода Цукато: Георгий Михайлович, Михаил Георгиевич, Александра Иосифовна Цукато [30, л. 141] (Маслаковская церковь Рождества Пресвятой Богородицы Могилевской епархии, церковь с надгробиями не сохранились). Цукато вели свой род от потомка древнего венецианского рода, участника Русско-турецкой войны 1787–1791 гг., итальянского похода А. В. Суворова (1799 г.) генерал-майора Георгия Гавриловича Цукато (ум. 1810 г.). Следующие поколения были представлены участником войны 1812 г. генералом от кавалерии Николаем (ум. 1867 г.) и Михаилом Георгиевичем Цукато [25, с. 510–511]. Сыном последнего и был погребенный Георгий Михайлович Цукато [14, с. 192]. Изыскания выявили еще одного сына Михаила Георгиевича – командира Ченстоховской бригады отдельного корпуса пограничной стражи, графа Николая Михайловича Цукато (1845–1906 гг.) [7, с. 173–177].

Десятым ребенком могилевского губернатора Дмитрия Александровича Толстого и княжны Екатерины Александровны Вяземской была дочь Елисавета – будущая супруга действительного статского советника Михаила Ивановича Галынского. Известно, что родилась Елисавета Дмитриевна в 1799 г. [22, с. 509], списки «Некрополя» уточняют дату смерти – 12 февраля 1875 г. [30, л. 131]. В ходе исследования выяснилось, что захороненный рядом граф Дмитрий Павлович Толстой (1843–1894 гг.) был сыном гофмейстера двора принца П. Г. Ольденбургского Павла Дмитриевича Толстого (1797–1875 гг.) и баронессы Софии Егоровны Аретин (1807 г. р.) [22, с. 509], внуком владельца с. Грудиновка Д. А. Толстого. На момент смерти имел чин камер-юнкера, был женат на княжне Александре Григорьевне Щербатовой [22, с. 516]. Благодаря спискам удалось восстановить дату смерти графа – 1894 г. [30, л. 131].

Материалы архива позволили дополнить «Родословный сборник русских дворянских фамилий» В. В. Руммеля [22, с. 312] именем погребенного в Свято-Духовской церкви м. Паричи Егора Ивановича Пущина (1803–1833 гг.) [28, л. 52]. Выяснилось, что последний являлся сыном генерал-лейтенанта, сенатора Ивана Петровича Пущина (ум. 1843 г.) и Александры Михайловны (урожденной Рябининой), братом коменданта Бобруйской крепости Михаила Ивановича (1800–1869 гг.) и декабриста Ивана Ивановича Пущина (1798–1859 гг.). В «Русской родословной книге» А. Б. Лобанова-Ростовского говорится о трех детях могилевского губернатора Николая Александровича Скалона (1809–1857 гг.): Александре (1831–1885 гг.), Николае (1844–1859 гг.), Евстафии (1845 г. р., эстляндский губернатор) [11, с. 468]. Архивы «Некрополя» называют имя еще одной дочери – Елены (ум. 1856 г.) [30, л. 102]. В то же время исследование выявило ошибку в фондах Н. М. Романова: губернатор Н. А. Скалон «умер в 1873 г.»

[14, л. 102]. Однако по иным источникам датой смерти последнего является 2 ноября 1557 г. [11, с. 222; 16, с. 109]. На кладбище в д. Стаховка Оршанского района Витебской области к нашему времени сохранилось надгробие участника швейцарского похода А. В. Суворова, русско-турецкой войны 1806–1812 гг., наполеоновских войн, генерал-майора М. М. Трухачева (1784–1850) [12, с. 240]. Однако в списки «Некрополя» данное захоронение внесено не было. В то же время в рапорте священника г. Орши Могилевской епархии есть запись о захоронениях дочерей генерал-майора – Анны, Дарьи, Елизаветы, Марьи [30, л. 115], что помогает дополнить родословие рода Трухачевых.

«Некрополь» дополнил биографию и родословие члена-учредителя Русского географического общества, географа и военного геодезиста, генерал-майора Михаила Павловича Вронченко датой его рождения, местом служения и датами жизни его отца протоиерея Павла (1749–1826 гг.), матери Пелагеи (ум. 1835 г.), наличием сестры и зятя – подполковника и кавалера Густава фон Крузе (1781–1856 гг.), местом погребения семьи Вронченко (церковное кладбище при Копысской Вознесенской церкви) [30, л. 138].

Захоронение под Сиротинской церковью Рождества Пресвятой Богородицы Полоцкой епархии указывает на последнее место упокоения барона Ф. Ф. фон Розена [27, л. 41]. Традиция рода давать старшим сыновьям имя Федор, отсутствие в записи дат затрудняет идентификацию надгробия, но позволяет выдвинуть гипотезу, что умерший мог являться родственником участнику боев при Ушачах, Чашниках, Смольнах и Борисове барону Ф. Ф. фон Розену из ветви Кикель (1767–1851 гг.) или ротмистру Ф. Ф. фон Розену из ветви Ликгольм (1771–1847 гг.) [19].

В списках Полоцкой епархии кроме эпитафии героя войны 1812 г. Я. П. Кульнева представлена эпитафия с надгробия его брата Михаила Петровича Кульнева (1776–1841 гг.), его жены Надежды Кульневой (Розеншильдт-Паулин (1780–1837 гг.)) и их сына Николая Кульнева (1840–1841 гг.) [27, л. 42]. Данные сведения расходятся с генеалогическим изданием В. В. Румеля: дата рождения Михаила Петровича – 1773 г., супруга – Мавра Николаевна фон Розеншильдт-Паулин, среди детей пары сын Николай не значится [21, с. 476–477]. Имеет место и несоответствие в материалах самого «Некрополя»: 57-летняя Надежда Кульнева умерла за три года до рождения младенца Николая.

В книге Д. Ф. Козлова «Краткая боевая история 117-го Пехотного Ярославского полка. (1763–1913)» описан подвиг, совершенный под Плевной майором Соколовым [9]. Инскрипция с надгробия учительницы Вицковского училища Софьи Васильевны Соколовой (ум. 1902 г.) [28, л. 17] позволила восстановить забытое имя, генеалогические связи ее брата Давида Васильевича Соколова.

Установить родственные связи семьи Трусковских позволили эпитафия с надгробия при Литвянской церкви Минского уезда, принадлежавшая инспектору Якутской духовной семинарии Николаю Петровичу Трусковскому (ум. 1892 г.) [28, л. 18], и захоронение Станьковской церкви протоиерея Петра Федоровича Трусковского (ум. 1874 г.) [28, л. 18]. Исследование показало, что последний являлся братом архимандрита Николая Трусковского (ум. 1881 г.), отцом редактора «Могилевских епархиальных ведомостей» Ивана Петровича Трусковского (1850/1851–1891 гг.) [35].

Благодаря фондам Н. М. Романова стали известны места погребения отца члена ЦК партии социалистов-революционеров Антона Иосифовича Бонч-Осмоловского (1857–1930 гг.) [5] – действительного статского советника Иосифа Бонч-Осмоловича [28, л. 35], автора книги «Вывод о происхождении прозвищ Севрук и Курчевич-Севрук, дополненный и исправленный» [10], Василия Михайловича Курчевича-Севрука [28, л. 3], губернского маршалка Франца Пусловского и уездного маршалка Осипа Пусловского [31, л. 16], родоначальника династии офицеров Российской Императорской и Советской армий Карла Ивановича Утгофа [29, л. 27] и др.

Систематизация архивных документов «Некрополя» по Могилевской и Минской епархиям позволила объединить разрозненные погребения, определить географию захоронений представителей рода Ватаци: Вера Александровна Ватаци (Деметти) (1839–1902 гг.) захоронена в имении Аниковичи [30, л. 138], Иван Иванович Ватаци (1808–1877 гг.) – при Цуглевской церкви Могилевской епархии [30, л. 141], Евгения Александровна Ватаци (1864–1910 гг.) – на Минском военном кладбище [13, с. 15]; фонды Минской и Виленской епархии – географию захоронений родственников митрополита Литовского и Виленского Иосифа Семашко (Фекла Семашко (Ивановская) и Лука Кудржицкий – на кладбище Свято-Троицкой церкви м. Мир Минской епархии, Иосиф Семашко – на кладбище Дикушской церкви Виленской епархии [3; 28, л. 52; 31, л. 73]).

«Некрополь» является источником, позволяющим косвенно (язык эпитафий, место захоронения) или напрямую определить этническую, религиозную принадлежность усопших: «надгробие Евсевия Словацкого, отца славного польского поэта Иоанна Словацкого» [31, л. 299].

Прорисовки, описание гербов, представленные в «Некрополе», позволяют судить о знатности, древности рода, о статусе его владельца (Эйсмонт [29, л. 11], Шуйский [29, л. 65], др.). Содержание эпитафии позволяет сделать предположение о личных качествах усопшего, об отношении к нему заказчиков памятника, раскрыть фрагменты личной жизни (что редко встречается в иных источниках), определить приоритеты в выборе надгробия (деревянный крест, памятник, чугунная плита и т. п.), идеологические представления заказчиков памятника: «увенчанный славой и латами, он гремел, ибо был высокопорядочным» [28, л. 35], «от друга А. Русецкой – одинокой Карташовой» [28, л. 69], «памятник, воздвигнут местной интеллигенцией мученику-патриоту <...> убит польскими мятежниками в 1864 г.» [29, л. 59].

Заключение. Таким образом, материалы, собранные белорусскими консисториями для публикации 4-го тома «Русского провинциального некрополя» Н. М. Романова можно считать важным источником по генеалогии XV – начала XX в., поскольку они позволяют выявить особ, принадлежавших к элитарным (неэлитарным) слоям населения белорусских губерний; определить их конфессиональную, этническую, социальную принадлежность; уточнить, дополнить, подтвердить происхождение, биографические данные, родственные связи отдельных лиц; отследить историю происхождения фамилий, эволюцию дворянских гербов; зарождения (Меллер-Закомельские, Утгофы), развития родов, угасания некоторых из них (Дондуковы-Корсаковы, Мелиссино, Лефевр); выявить профессиональные династии; определить место проживания, владения собственностью, очертить географию захоронений представителей родов Ватаци, фон Витторфов, Воронцовых-Вельяминовых, Вронченко, Голынских, Гомолицких, князей Городецких, Двигубских-Покусаевых, Дедерко, Караффа-Корбутов, Коноржевских, Косаковских, Костровицких, Кульневых, Кропоткиных, Курчевич-Севруков, Мавросов, Мещерских, Олельковичей, Полубинских, Радзивиллов, Рихтеров, Салтыковых, Соколовых, Стеблин-Каменских, Сколонов, Стебутов, Трубецких, Хрептовичей, Шуйских, Щитомир-Сухозолетов и др.); сложить поколенные группы; определить статус, уровень культурного развития погребенного, членов его семьи, менталитет, идеологические представления, характер взаимоотношений представителей рода; выявить инициаторов установки, приоритет в выборе надгробия, эпитафии.

Материалы «Некрополя» представляют интерес для частных изысканий современных генеалогов при составлении и уточнении собственных родоводов (Борхманы, Булаи, Пославские).

В то же время сословно-конфессиональный, гендерный принципы отбора фамилий ограничили сбор информации: в архивах сохранились 1335 (61 %) эпитафий, принадлежавших духовенству, 598 (27,2 %) – дворянам, 229 (10,4 %) – крестьянам, 23 (1 %) – купцам, 9 (0,4 %) – мещанам. Переписчики эпитафий игнорировали лиц женского пола, детей (лишь 944 (20,1 %) эпитафии принадлежат женщинам, 120 (5,1 %) – детям до 10 лет, упомянутые чаще всего принадлежали к сословию духовенства или дворян), иноверцам (711 эпитафий)).

Изучение списков «Некрополя» показало, что они требуют перепроверку, поскольку в ходе полевых работ, исследований по иным источникам в них были выявлены неточности, неполнота собранных материалов.

Список литературы

1. *Аристарх (Лебедев), архим.* Епископ Сильвестр (Малеванский) – представитель новой догматической школы в Киевской духовной академии на рубеже XIX – XX веков // Труды Киевской Духовной Академии. Киев, 2002. № 4. С. 119–123.
2. *Безносюк С.* Кропоткины-Рюриковичи. URL: <https://www.sites.google.com/site/rurikovici11/home/Smolenskie/kropotkinu> (дата обращения: 28.05.2023).
3. *Беляева Г. Н.* Материалы Минской епархии «Русского провинциального некрополя» как источник генеалогических исследований // Генеалогия и архивы. Челябинск, 2021. С. 8–14.
4. Генеограф. URL: <http://rurik.hostenko.com/2020/01/15/meshherskie/> (дата обращения: 28.05.2023).
5. Деятели революционного движения в России : библиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма. М., 1933. Т. 3. С. 379.
6. *Дорджиева Е. В.* Калмыцкие нойоны и зайсанги на российской военной службе. XVII – начало XX века // Военно-исторический журнал. 2007. № 9. С. 58–62.
7. Книга Русской скорби. СПб. : Электронпечатня А. К. Четверикова. 1911. Т. 1. 230 с.
8. *Кобак А. В., Пирютко Ю. М.* Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М. ; СПб. : Центрполиграф : МиМ Дельта, 2011. 800 с.
9. *Козлов Ф.* Краткая боевая история 117-го Пехотного Ярославского полка. (1763–1913). Рогачев, 1913. С. 64.
10. *Курчевич-Севрук В. М.* Вывод о происхождении прозвищ Севрук и Курчевич-Севрук, доп. и испр. Минск : Типолит. Тасьмана, 1896. 24 с.

11. Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. СПб. : Издание А. С. Суворина, 1895. Т. 2. 488 с.
12. Лукашевич А. М. Памятники и памятные места 1812 года в Беларуси. Минск : Харвест, 2012. 287 с.
13. Лукьянов А. А., Самович А. Л., Шумков А. А. Минское военное кладбище: захоронения дореволюционного периода (сохранившиеся к настоящему времени). СПб. : ВИРД, 2002. 32 с.
14. Любимов С. В. Титулованные роды Российской империи: опыт подробного перечисления всех титулованных российских дворянских фамилий, с указанием происхождения каждой фамилии, а также времени получения титула и утверждения в нем. СПб. : Типография товарищества Общественная польза, 1910. Т. 1. 296 с.
15. Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» великого князя Николая Михайловича. СПб., 2012. Т. 1. 1032 с.
16. Памятная книжка Могилевской губернии на 1861 год, изданная Могилевским губернским правлением. Могилев : Типография губернского правления, 1861. 144 с.
17. Проценко Л. А. Історія Київського некрополя. Київ, 1995. 413 с.
18. Роднов М. И. Уфимский некрополь. СПб. : Свое изд-во, 2015. 176 с.
19. Розен А. Е. Очерк фамильной истории баронов фон Розен из родовых домов Рооп, Гохрозен, Шенангерн или Розенгоф, Райсум, Моян и пр. : монография. СПб. : Типография Ретгера и Шнейдера, 1876. 86 с.
20. Романов Н. М. Русский Провинциальный Некрополь. М. : Типолитография товарищества И. Н. Кушнерев и Ко, 1914. Т. 1. 1020 с.
21. Румель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб. : Издание А. С. Суворина, 1886. Т. 1. 608 с.
22. Румель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1887. Т. 2. 918 с.
23. Русский биографический словарь. Алексинский – Бестужев-Рюмин. СПб. : Типография Главного Управления Уделов, 1900. Т. 2. 796 с.
24. Русский биографический словарь. Дабелов – Дядьковский. СПб. : Типография товарищества Общественная польза, 1905. Т. 6. 750 с.
25. Русский биографический словарь. Фабер – Цявловский. СПб. : Типография товарищества Общественная польза, 1901. Т. 21. 750 с.
26. Рябец И. А. Материалы «Русского провинциального некрополя» в контексте исторических и генеалогических исследований Волгоградской области // Нижне-Волжский исторический сборник Царицынского генеалогического общества. Волгоград : Царицынское генеалогическое общество, 2018. Т. 11. С. 160–170.
27. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 549. Оп. 2. Д. 27.
28. РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 20.
29. РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 11.
30. РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 21.
31. РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 56.
32. Царькова Т. С. Рыбинский некрополь (по картотеке Н. К. Эссена из архива Б. Л. Модзалевского). СПб., 1998. 78 с.
33. Шилов Д. Н. «Русский некрополь» великого князя Николая Михайловича: История создания, неопубликованные материалы и проблемы их изучения и издания : дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.09. СПб., 2005. 174 с.
34. Шокарев С. Ю. Источники по истории московского некрополя XII – начала XX в. М. ; СПб. : Нестор: История, 2020. 488 с.
35. Щеглов Г. Э. Знаменитые выпускники Минской духовной семинарии : биографический справочник. Жировичи : Минская духовная семинария, 2016. 194 с.
36. GENI. Михаил Галынский. URL : <https://www.geni.com/people/Михаил-Голынский/6000000018234795717> (дата обращения: 04.06.2023).

Materials of the Belarusian dioceses of the "Russian Provincial Necropolis" in the context of genealogical research

Belyaeva Galina Nikolaevna

postgraduate student in the form of an application in the specialty "National History",
Mogilev State University n. a. A. A. Kuleshov. Republic of Belarus, Mogilev.
ORCID: 0000-0001-5089-1153. E-mail: h.belyaeva@mail.ru

Abstract. The article presents the results of genealogical research based on the analysis of materials collected in 1908–1912. The consistories of Vilna, Mogilev, Minsk, Grodno, Polotsk for the publication of the 4th volume of the "Russian Provincial Necropolis" preserved in the funds of Grand Duke N. M. Romanov in the Rus-
100

sian State Historical Archive in St. Petersburg. When preparing the article, based on the principle of historicism, the dialectical method of scientific cognition was used. Systematic and comparative methods made it possible to compare the contents of epitaphs copied from tombstones, temple walls, determine the kinship ties of the deceased, identify the geography of burial of the clans, correlate the data obtained with the genealogies of various printed publications and publications containing biographical data, genealogical records. Based on reports of priests, consolidated lists of Belarusian consistories preserved in the funds of Grand Duke N. M. 4701 epitaphs were identified and analyzed, biographies, professional and social activities, family ties of 100 (2.1 %) of the deceased mentioned in the archive materials were studied, their place in the genealogies was determined. The study led to the conclusion that the initiators of the project based the collection of epitaphs on class-confessional, gender principles, which ensured the inclusion in the lists of persons with status ancestors or descendants, patrons, persons who contributed to the development of the country, region, but limited the opportunity for Gentiles, representatives of lower social categories, women, children should be represented in the publication. The materials collected by the Belarusian consistories can be considered an important source on genealogy, as they provide an opportunity to clarify, supplement, confirm biographical data, genealogies of representatives of noble and priestly families, professional dynasties buried on the territory of Belarus in the XV – early XX centuries. At the same time, the study of the lists showed that archival materials require rechecking, since in the course of field work, research on other sources, incompleteness of the collected materials and inaccuracies were revealed in them.

Keywords: necropolises, epitaphs, genealogy, genealogies, biographies.

References

1. Aristarchus (Lebedev), *archim. Episkop Sil'vestr (Malevanskij) – predstavitel' novoj dogmaticheskoy shkoly v Kievskoj duhovnoj akademii na rubezhe XIX – XX vekov* [Bishop Sylvester (Malevansky) is a representative of the new dogmatic school at the Kiev Theological Academy at the turn of the XIX – XX centuries] // *Trudy Kievskoj Duhovnoj Akademii* – Proceedings of the Kiev Theological Academy. Kiev, 2002. No. 4. Pp. 119–123.
2. Beznosyuk S. *Kropotkiny-Ryurikovichi* [Kropotkins-Rurikoviches]. Available at: <https://www.sites.google.com/site/rurikovici11/home/Smolenskie/kropotkiny> (date accessed: 28.05.2023).
3. Belyaeva G. N. *Materialy Minskoj eparhii "Russkogo provincial'nogo nekropolya" kak istochnik genealogicheskikh issledovanij* [Materials of the Minsk diocese of the "Russian provincial necropolis" as a source of genealogical research] // *Genealogiya i arhivy* – Genealogy and Archives. Chelyabinsk, 2021. Pp. 8–14.
4. *Geneograf* – Geneograph. Available at: <http://rurik.hostenko.com/2020/01/15/meshherskie/> (date accessed: 28.05.2023).
5. *Deyateli revolyucionnogo dvizheniya v Rossii : biobibliograficheskij slovar': Ot predshestvennikov dekabristov do padeniya carizma* – Figures of the revolutionary movement in Russia : a bio-bibliographic dictionary: From the predecessors of the Decembrists to the fall of Tsarism. M., 1933. Vol. 3. P. 379.
6. Dordzhieva E. V. *Kalmyckie nojony i zajsangi na rossijskoj voennoj sluzhbe. XVII – nachalo XX veka* [Kalmyk noyons and zaisangs in the Russian military service. XVII – early XX century] // *Voенно-istoricheskij zhurnal* – Military History magazine. 2007. No. 9. Pp. 58–62.
7. *Kniga Russkoj skorbi* – The Book of Russian Sorrow. SPb. Electroprinting by A. K. Chetverikov. 1911. Vol. 1. 230 p.
8. Kobak A. V., Piryutko Yu. M. *Istoricheskie kladbishcha Sankt-Peterburga* [Historical cemeteries of St. Petersburg]. M. ; SPb. Tsentrpoligraf : MiM Delta, 2011. 800 p.
9. Kozlov D. F. *Kratkaya boevaya istoriya 117-go Pekhotnogo Yaroslavskogo polka. (1763–1913)* [Brief combat history of the 117th Infantry Yaroslavl Regiment. (1763–1913)]. Rogachev, 1913. p. 64.
10. Kurchevich-Sevruck V. M. *Vyvod o proiskhozhdenii prozvizhch Sevruck i Kurchevich-Sevruck, dop. i ispr.* [Conclusion about the origin of the nicknames Sevruck and Kurchevich-Sevruck, add. and corr.] Minsk. Tipolit. Tasman, 1896. 24 p.
11. Lobanov-Rostovskij A. B. *Russkaya rodoslovnaya kniga* [Russian genealogical book]. SPb. Edition of A. S. Suvorin, 1895. Vol. 2. 488 p.
12. Lukashovich A. M. *Pamyatniki i pamyatnye mesta 1812 goda v Belarusi* [Monuments and memorials of 1812 in Belarus]. Minsk. Urozhay (Harvest), 2012. 287 p.
13. Luk'yanov A. A., Samovich A. L., Shumkov A. A. *Minskoe voенnoe kladbishche: zahoroneniya dorevolucionnogo perioda (sohranivshiesya k nastoyashchemu vremeni)* [Minsk military cemetery: burials of the pre-revolutionary period (preserved to date)]. SPb. VIRD, 2002. 32 p.
14. Lyubimov S. V. *Titulovannye rody Rossijskoj imperii: opyt podrobnogo perechisleniya vsekh titulovannyh rossijskikh dvoryanskikh familij, s ukazaniem proiskhozhdeniya kazhdoj familij, a takzhe vremeni polucheniya titula i utverzheniya v nem* [Titled families of the Russian Empire: the experience of a detailed enumeration of all titled Russian noble surnames, indicating the origin of each surname, as well as the time of obtaining the title and approval in it]. SPb. Printing house of the Public Benefit Association, 1910. Vol. 1. 296 p.
15. *Materialy k "Russkomu provincial'nomu nekropolju" velikogo knyazya Nikolaya Mihajlovicha* – Materials for the "Russian Provincial Necropolis" of Grand Duke Nikolai Mikhailovich. SPb, 2012. Vol. 1. 1032 p.

16. *Pamyatnaya knizhka Mogilevskoj gubernii na 1861 god, izdannaya Mogilevskim gubernskim pravleniem* – Commemorative book of Mogilev province for 1861, published by the Mogilev provincial board. Mogilev. Printing house of the provincial government, 1861. 144 p.
17. Prochenko L. A. *Istoriya Kiivs'kogo nekropolya* [History of Kiev necropolis]. Kiev, 1995. 413 p.
18. Rodnov M. I. *Ufimskij nekropol'* [Ufa necropolis]. SPb. Our publishing house, 2015. 176 p.
19. Rozen A. E. *Ocherk famil'noj istorii baronov fon Rozen iz rodovyh domov Roop, Gohrozen, Shenangern ili Rozengof, Rajskum, Moyan i pr. : monografiya* [An essay on the family history of the von Rosen barons from the ancestral houses of Roop, Gokhrozen, Schoenangern or Rosengoff, Raiskum, Moyan, etc. : monograph]. SPb. Printing house of Retger and Schneider, 1876. 86 p.
20. Romanov N. M. *Russkij Provincial'nyj Nekropol'* [Russian Provincial Necropolis]. M. Typolithography of the partnership I. N. Kushnerev and Co., 1914. Vol. 1. 1020 p.
21. Rumel' V. V., Golubcov V. V. *Rodoslovnij sbornik russkih dvoryanskih familij* [Genealogical collection of Russian noble surnames]. SPb. Edition of A. S. Suvorin, 1886. Vol. 1. 608 p.
22. Rumel' V. V., Golubcov V. V. *Rodoslovnij sbornik russkih dvoryanskih familij* [Genealogical collection of Russian noble surnames]. SPb. Publishing house of A. S. Suvorin, 1887. Vol. 2. 918 p.
23. *Russkij biograficheskij slovar'. Aleksinskij – Bestuzhev-Ryumin* – Russian biographical dictionary. Aleksinsky – Bestuzhev-Ryumin. St. Petersburg : Printing House of the Main Department of the Estates, 1900. Vol. 2. 796 p.
24. *Russkij biograficheskij slovar'. Dabelov – Dyad'kovskij* – Russian biographical dictionary. Dabelov – Dyadkovskij. St. Petersburg : Printing house of the Public Benefit partnership, 1905. Vol. 6. 750 p.
25. *Russkij biograficheskij slovar'. Faber – Cyavlovskij* – Russian biographical dictionary. Faber – Tsyavlovskij. St. Petersburg : Printing house of the Public Benefit partnership, 1901. Vol. 21. 750 p.
26. Ryabec I. A. *Materialy "Russkogo provincial'nogo nekropolya" v kontekste istoricheskikh i genealogicheskikh issledovanij Volgogradskoj oblasti* [Materials of the "Russian provincial necropolis" in the context of historical and genealogical research of the Volgograd region] // The Lower Volga historical collection of the Tsaritsyn Genealogical Society. Volgograd : Tsaritsyn Genealogical Society, 2018. Vol. 11. Pp. 160–170.
27. RSHA (Russian State Historical Archive). F. 549. Inv. 2. File 27.
28. RSHA. F. 549. Inv. 2. File 20.
29. RSHA. F. 549. Inv. 2. File 11.
30. RSHA. F. 549. Inv. 2. File 21.
31. RSHA. F. 549. Inv. 2. File 56.
32. Car'kova T. S. *Rybinskij nekropol' (po kartoteke N. K. Essena iz arhiva B. L. Modzalevskogo)* [Rybinsk necropolis (according to the file of N. K. Essen from the archive of B. L. Modzalevsky)]. SPb, 1998. 78 p.
33. Shilov D. N. *"Russkij nekropol'" velikogo knyazya Nikolaya Mihajlovicha: Istoriya sozdaniya, neopublikovannye materialy i problemy ih izucheniya i izdaniya : diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.09* ["Russian necropolis" of Grand Duke Nikolai Mikhailovich: The history of creation, unpublished materials and problems of their study and publication : diss. ... PhD in Historical Sciences: 07.00.09]. SPb, 2005. 174 p.
34. Shokarev S. Yu. *Istochniki po istorii moskovskogo nekropolya XII – nachala XX v.* [Sources on the history of the Moscow necropolis of the XII – early XX century]. M. ; SPb. Nestor: History, 2020. 488 p.
35. Shcheglov G. E. *Znamenitye vypusniki Minskoj duhovnoj seminarii : biograficheskij spravocnik. Zhirovichi : Minskaya duhovnaya seminariya, 2016* [Famous graduates of the Minsk Theological Seminary : a biographical reference book]. Zhirovichi. Minsk Theological Seminary, 2016. 194 p.
36. *GENI. Mihail Galynskij* – GENI. Mikhail Galinsky. Available at: <https://www.geni.com/people/Mikhail-Golynsky/600000018234795717> (date accessed: 04.06.2023).

Комплекс погребения 83 Камышлы-Тамакского могильника и пряжки «западных» типов в пьяноборской культуре

Красноперов Александр Анатольевич¹, Камалеев Эльвир Винерович²

¹кандидат исторических наук, научный сотрудник Удмуртского института истории, языка, литературы, Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук.

Россия, г. Ижевск. ORCID: 0000-0001-7931-4536. ResearcherID: AAN-4831-2021. E-mail: alexander.kaa@mail.ru

²кандидат исторических наук, исполняющий обязанности старшего научного сотрудника Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук. Россия, г. Уфа. ORCID: 0000-0002-3143-5037.

ResearcherID: ABA-1299-2020. E-mail: kamaleev-ilvir@mail.ru

Аннотация. Накопление новых данных иногда позволяет по-новому оценить материалы старых раскопок, уточнить атрибуции и контексты находок. При обработке коллекции Камышлы-Тамакского могильника (с. Камышлы-Тамак Бакалинского района Республики Башкортостан; раскопки Н. А. Мажитова 1961 г.), хранящейся в Музее археологии и этнографии Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН, были найдены фрагменты железной пряжки редкой формы. Она относится к группе «западных» типов, распространенных в начале нашей эры на границах и в ближней периферии Римской империи. Но отдельные находки проникают далеко на Восток, вплоть до Средней Азии и Алтая. В рамках этой публикации авторами учтено в Прикамье 7 пряжек (фонды Национального музея Республики Башкортостан (Уфа), Музея археологии и этнографии народов Прикамья (Ижевск), Сарапульского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (Сарапул)) двух групп. Все они связаны с контекстом пьяноборской культуры. Но местный материал не очень выразителен, преимущественно представлен разнообразными бляшками. Большинство могил может быть датировано 2 пол. I – нач. II в. н. э. Самое позднее погребение из рассмотренных – Афоново, п. 5 – относится ко 2 пол. II – 1 четв. III в. Выделяется комплекс Сасыкуль, п. 75. Детское погребение кроме пряжки – единственной находки такого типа, сопровождалось фибулой с S-образным завитком на конце приемника, также единственной в Прикамье. Комплекс Камышлы-Тамак, п. 83 важен тем, что является реперным для хронологии «этнографической» поясной гарнитуры пьяноборского населения – прямоугольных накладок с рядами треугольников.

Ключевые слова: хронология, пряжка, пьяноборская культура.

Камышлы-Тамакский I могильник расположен в с. Камышлы-Тамак Бакалинского района Республики Башкортостан [6, № 179]. Был выявлен при разведочных работах А. П. Шокурова 1960 г. [29, л. 158–159; 30, № 236], срочно раскапывался Н. А. Мажитовым в 1961 г. вокруг периметра деревенского клуба [22], осматривался Ф. А. Сунгатовым в 1989 г., установившим, что могильник полностью разрушен при планировке местности и строительстве детского сада [27, с. 17]. Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН (колл. № 63) [23, с. 99, № 431] и отдельные разрозненные предметы в Национальном музее Республики Башкортостан (№ ОФ 6156)¹. Памятник опубликован в формате статьи (101 номер погребений, но пропущен № 85, а № 45 дублируется) с описаниями погребений и типами вещей [21]. Материалы использовались в диссертациях Б. Б. Агеева [2] и Р. Р. Саттарова [24].

Обработка коллекции в процессе внесения в госкаталог² выявила несколько новых аспектов, позволяющих уточнить атрибуцию находок [19].

При разборе коллекции внимание привлекли фрагменты железной пряжки из погребения 83.

© Красноперов Александр Анатольевич, Камалеев Эльвир Винерович, 2024

¹ Благодарим хранителя фонда «Археология» Светлану Леонидовну Воробьеву за помощь в работе.

² Работа по сверке коллекции осуществлена в рамках государственного задания по теме «Культурные интеграции населения Южного Урала в древности, Средневековье и Новое время: факторы, динамика, модели», № 223020700851-6.

«Погребение 83, 190x60x90 см. Ориентировка ЮВ. Железный нож с костяной рукоятью (см. рис. 7, 22); 2 прямоугольные (см. рис. 3, 22) и 2 сдвоенные (см. рис. 3, 23) накладки, 2 обломка железного стержня на поясе; бронзовая кольцевая пряжка (см. рис. 5, 1) между бедренными костями»³.

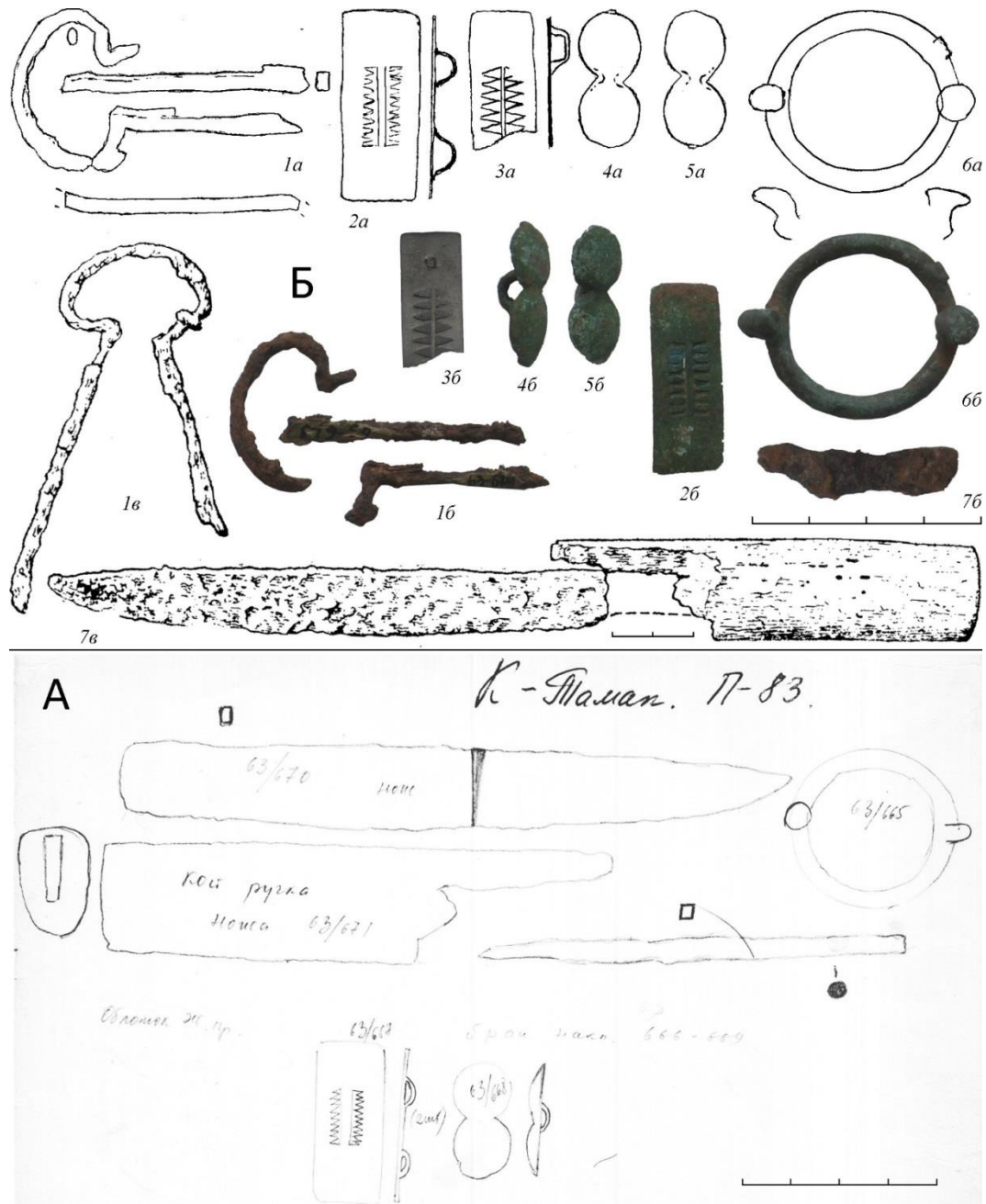

Рис. 1. Камышлы-Тамак, п. 83. А – комплекс по Б. Б. Агееву (архив Б. Б. Агеева);
Б – комплекс: а – рисунки, б – фото, в – по публикации [21, рис. 3: 21, 7: 22]

Среди находок внимание привлекли обломки тонких железных стержней, являющихся фрагментами пряжки. Формально предмет опубликован [21, рис. 3: 21] (рис. 1: 1в), но идентифицировать его невозможно. Пряжка, железная, «длинная дугоконечная» по терминологии А. А. Труфанова [28]. Сохранился контур рамки, одна из длинных боковых планок и язычок (рис. 1: 1, 2: В-3). Пряжка относится к группе С по К. Радацу, ML-A9,10 (с осью) по Р. Мадыде-Легутко, или «дугоконечных» варианта А [28, рис. 3: 5–10, с. 164–165] – с выделенной передней частью, без оси для язычка, закрепленного вокруг задней части рамки. География находок этой формы широка –

³ Описание цитируется по публикации без изменений.

вплоть до Алтая [26, рис. 6: 7, 8]⁴. В памятниках Причерноморья комплексы относятся ко 2–3 четв. I в., причем А. А. Труфанов специально подчеркивает короткий период их бытования [28, с. 168], или 2 пол. I в. [25, с. 30]. В центральном Предкавказье датировка шире, I – нач. II в. – но комплексы менее хронологически выразительны [1, рис. 1: 14, 15].

Прочие находки из Камышлы-Тамак, п. 83 представлены местными типами: застежкой с неподвижным крючком с гладкой рамкой круглой формы (рис. 1: 6), двумя 8-видными накладками (рис. 1: 4, 5), двумя прямоугольными накладками с параллельными рядами треугольников (рис. 1: 2, 3). Они широко распространены в пьяноборских памятниках и собственной датировки не имеют. От ножа (рис. 1: 7в) сохранился мелкий фрагмент (рис. 1: 7б). Могила датируется именно по пряжке, и может быть отнесена ко 2 пол. I – нач. II в. Сужать датировку только до предложенной А. А. Труфановым представляется излишним.

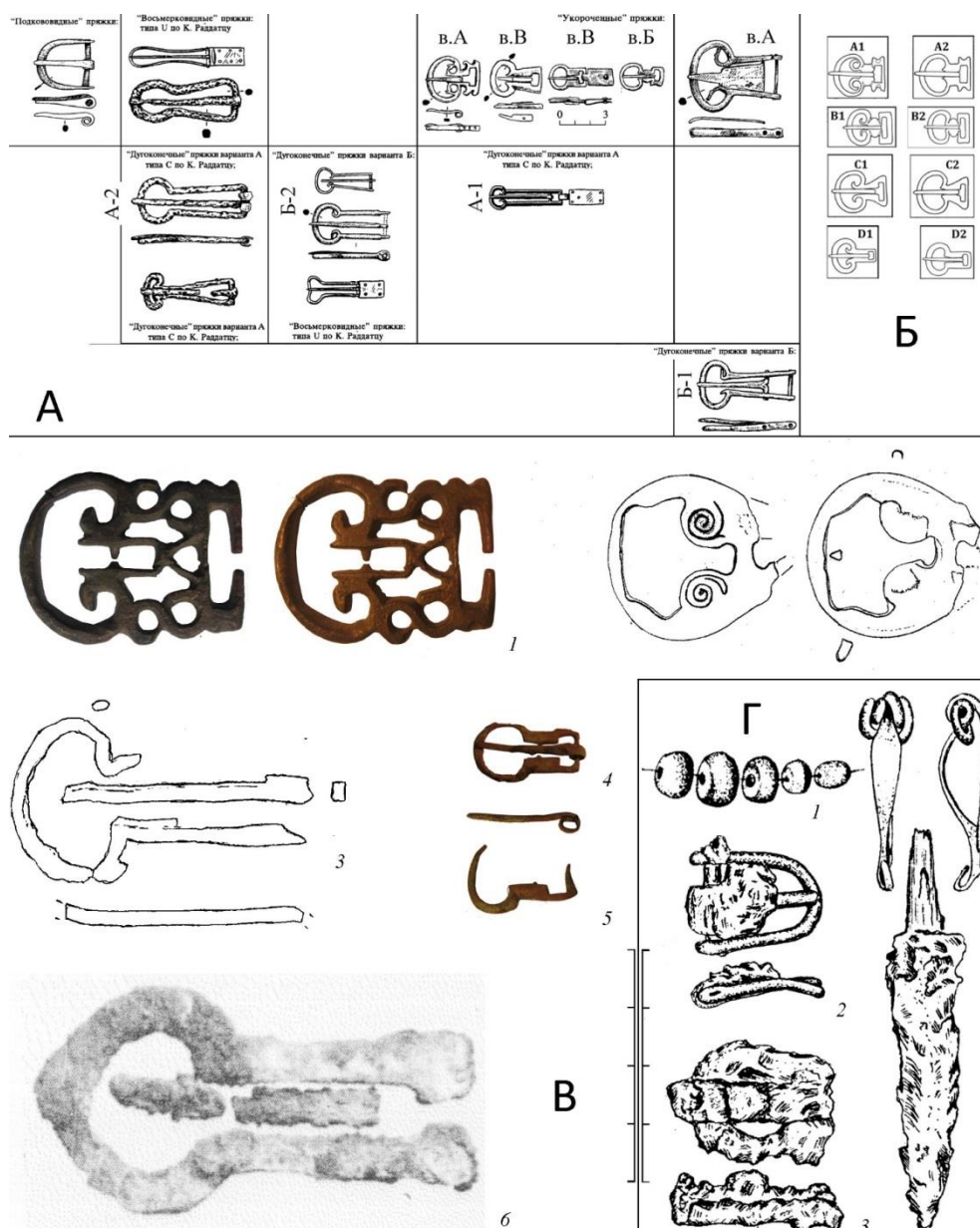

Рис. 2. Пряжки «западных» типов. А – типологическая схема А. А. Труфанова [28], с изменениями; Б – Типологическая схема Д. А. Костромичева [17]; В – находки в Прикамье: 1 – городище Чеганда I, 2 – Тарасово, п. 1209, 3 – Тамышлы-Тамак, п. 83, 4, 5 – Афоново, п. 5, 6 – Сасыкуль, п. 286 (ссылки смотри в тексте); Г – Сасыкуль, п. 75, комплекс [9, рис. 179, 180]

⁴ Подробно вопрос распространения, влияния и эволюции рассматривался в работах П. П. Азбелева [3; 4; 5, с. 271].

Пряжка этой группы из Камышлы-Тамак, п. 83 – не единственная находка «западных» пряжек в пьяноборской культуре (рис. 2: В, Г-2). Б. Б. Агеевым рассматриваемая форма [2, табл. 12: 19] отнесена к «отделу В, типу 11» [2, с. 43], учтено 2 экземпляра: Сасыкуль⁵, п. 168, Сасыкуль, п. 268 [2, с. 116]. Р. Р. Саттаров, перепроверив все данные, уточнил список. Оказалось, что в погребении 168 пряжки нет [24, с. 107–прим. 1]; пряжка есть только в погребении 268 [24, с. 106–107, прил. 20/18] (рис. 2: В-6). Кроме пряжки [10, рис. 14: 17] в парном захоронении [10, рис. 4: 1] найдены бляшки, нож, бисер, сьюлгамы с широким кольцом треугольного сечения, костяные трехгранные и железный трехлопастной наконечники стрел, костяное острие («распутыватель узлов») [10, рис. 18: 24], костяная застежка [10, рис. 18: 8], 2 железных удила со стержневыми псалиями и в форме лука [10, рис. 17: 9], пряжки: железная, с несохранившимся язычком, и бронзовая, с клёпкой на рамке (Малашев-ПО) (рис. 3). По двум пряжкам погребение относится ко 2 пол. I – нач. (1 четв./1 пол. – ?) II в.

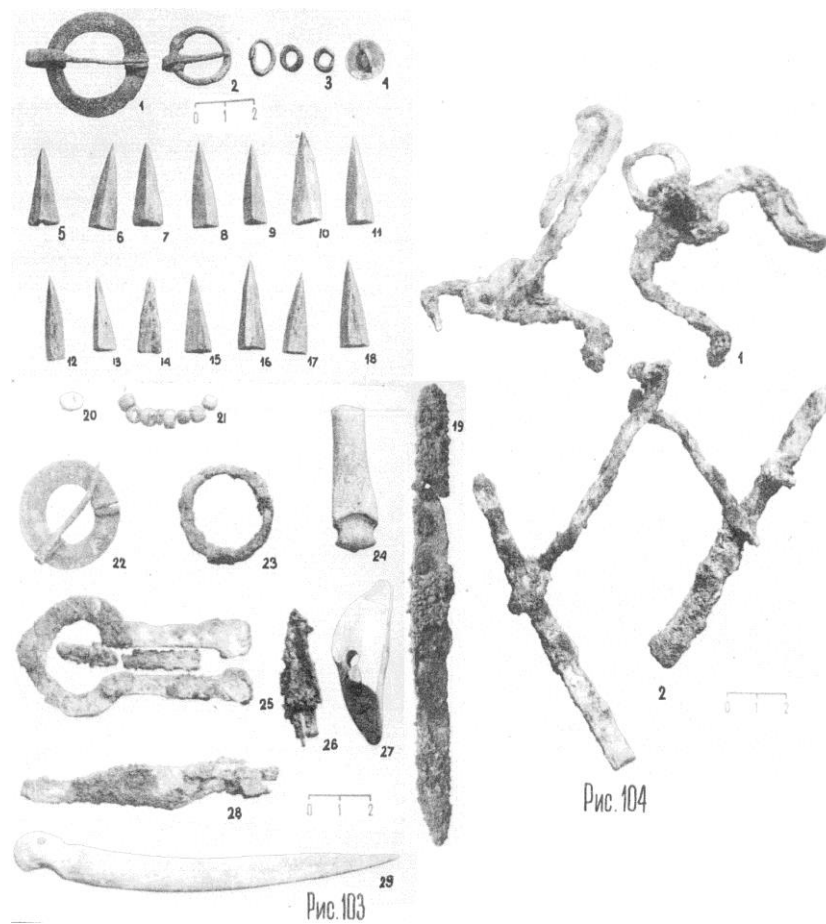

Рис. 3. Сасыкуль, п. 286, комплекс [15, рис. 103, 104]

«Длинным» «дугоконечным» пряжкам А. А. Труфанов противопоставил «укороченные» [28, с. 167–168, рис. 5] (рис. 2: А). Варианты выделены по особенностям декора внутри рамки, в том числе вариант В – с не выделенной перехватом задней частью в виде трапеции или прямоугольника, отнесенный ко 2 пол. II – 1 четв. III в. [28, с. 168, рис. 5: 15, 16]. В систематике А. Х. Вадаи – В. Кульчар это тип II/группа 2 (с овальной рамкой) или группа 3 (с сердцевидной рамкой) [8, рис. 2, 3]. В более дробной типологии Д. А. Костромичева им соответствует вариант D2 [17, рис. 26, 27, с. 328] (рис. 2: Б).

Две маленькие бронзовые пряжки этого типа найдены в Афонино, п. 5 (материал не опубликован: МИКСП, колл. № 655/85,86)⁶ (рис. 2: В-4, 5). В погребении также нож, бисер,

⁵ Подробно о проблемах коллекции см.: [11, с. 76; 12]. Здесь авторы используют данные из отчетов о раскопках и публикации.

⁶ Благодарим за возможность работы с коллекциями хранителя фонда «Археология» Николая Леонидовича Решетникова.

браслет, височные подвески, витая гривна, бляшки, в т. ч. из зеркал, застежка-бляха с одним валиком [167]. Могила датируется по пряжкам 2 пол. II – 1 четв. III в.

Короткая пряжка варианта А по А. А. Труфанову [28, рис. 5: 3, с. 168] или А1 по Д. А. Костромичеву [17, рис. 7–11] – с волютами внутри рамки – происходит с городища Чеганда I [13, табл. I: 7, с. 144–145] из находок Л. А. Беркутова в 1913 г. (МИКСП, № 30 М. Ч.) (рис. 2: В-1). А. А. Труфанов относит их ко II в. Находки этого варианта особенно многочисленны в Британии и Паннонии. Контекст находка не имеет, т. к. происходит из недокументированных сборов. На городище найдена керамика пьяноборской, мазунинской и других культурных групп.

Возможным, очень неудачным, подражанием этого варианта является находка в Тарасово, п. 1209 [14, табл. 478/1209: 1] (МАЭНП, колл. № 1677/1536) (рис. 2: В-2). Это единственная находка в могиле.

Из «западных» типов еще важна находка в Сасыкуль, п. 75 [10, рис. 14: 3] – «отдел Б, тип 22» по Б. Б. Агееву⁸ [2, табл. 12: 8, с. 42, 115]. Она относится к группе «подковообразных» по А. А. Труфанову [28, с. 160, рис. 1: 2, 8]. Большинство из них плоского, в двух плоскостях, сечения с осью для язычка, но встречаются и экземпляры с рамкой из прута круглого сечения. Датировка Усть-Альма, ск. 43/п. 51 не конкретна из-за сложной стратиграфии склепа, наиболее вероятна в пределах кон. I в. до н. э. – 1 пол. I в. н. э. [28, с. 160, 162, 168]. В центральной Европе подвижная конструкция появляется со времени правления Августа, ранние экземпляры «подковообразных» пряжек известны в самом начале римского времени и характерны в периоды В1 и В2. Комплекс Сасыкуль, п. 75 (рис. 2: Г) в целом выделяется находками. Детское погребение кроме указанной пряжки (рис. 2: Г-2) сопровождалось фибулой [10, рис. 9: 8] с пластинчатой спинкой, нижней тетивой и S-образным завитком конце приемника (рис. 2: Г-4) – группа 13, вариант 2 по А. К. Амброзу [7, с. 45], или группа 8 по В. В. Кропотову, серия I «причерноморская». В 1 пол. I в. еще не встречаются, распространение получают во 2 пол. I – II в. н. э. [20, с. 183]. Это единственная находка фибулы такого типа в пьяноборских памятниках [18]. Особенности крепления язычка второй пряжки (рис. 2: Г-3) не устанавливаются из-за коррозии.

Рассмотренные находки пряжек «дугоконечных» и «подковообразных»⁹ отражают не только связи населения Прикамья в пьяноборскую эпоху. Важен набор сопутствующих находок. Все типы широко распространены в пьяноборских могильниках, но большинство из, собственно, пьяноборских вещей не имеют оснований для датирования. Это относится и к одной из характерных («этнографических») особенностей пьяноборской поясной гарнитуры – прямоугольным накладкам с рядами треугольников (рис. 1: 2, 3). Комплекс Камышлы-Тамак, п. 83 является реперным для хронологии «этнографической» поясной гарнитуры пьяноборского населения.

Список литературы

1. *Абрамова М. П.* Хронологические особенности северокавказских пряжек первых веков н. э. // Материалы по археологии, истории, этнографии Таврии. Т. VI. Симферополь, 1998. С. 209–229.
2. *Агеев Б. Б.* Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.
3. *Азбелев П. П.* Хунские элементы в таштыкском декоре // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 7. Горно-Алтайск: АКИН, 2008. С. 66–75.
4. *Азбелев П. П.* Таштыкский пояс // Древности Сибири и Центральной Азии. № 2 (13–14). Горно-Алтайск: ГАГУ, 2009. С. 29–49.
5. *Азбелев П. П.* Таштыкская хронология: состояние вопроса // Stratum plus. 2012. № 4: От Римского Лимеса до Великой Китайской Стены. С. 257–280.
6. *Археологическая карта Башкирии / отв. ред. О. Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 262 с.*
7. *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н. э. – IV в. н. э.) // Свод археологических источников. Вып. Д1-30. М.: Наука, 1966. 169 с.
8. *Вадай А., Кульчар В.* К вопросу о так называемых сарматских пряжках // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungarica 36. Budapest, 1984. S. 239–261.
9. *Васюткин С. М., Калинин В. К.* Отчет археологической экспедиции Башгосуниверситета 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6239, 6239а.
10. *Васюткин С. М., Калинин В. К.* Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях р. Белой / отв. ред. А. Х. Пшеничнюк. Уфа, 1986. С. 95–122.

⁷ Благодарим Г. Н. Журавлеву (Клюеву).

⁸ К сожалению, Б. Б. Агеев практически пропустил эти находки, о чем свидетельствует и «местная» типология, и отсутствие аналогий в тексте.

⁹ Группу «восьмерковидных» пряжек имеет смысл рассматривать отдельно.

11. Воробьева С. Л. Керамика пьяноборской культуры по материалам Ново-Сасыкульского могильника // Уфимский археологический вестник. 2018. Вып. 18. С. 75–85. DOI: 10.31833/uav.2018.18.006.
12. Воробьева С. Л., Куфтерин В. В. Ново-Сасыкульский могильник как опорный памятник пьяноборской культуры в Нижнем Прикамье // Новые материалы и методы археологического исследования: от критики источника к обобщению и интерпретации данных : мат-лы V международной конференции молодых ученых / отв. ред. В. Е. Родинкова. М. : ИА РАН, 2019. С. 91–93.
13. Генинг В. Ф. Городище Чеганда I в мазунинское время // Вопросы археологии Урала. Вып. 7 // Памятники Мазунинской культуры / отв. ред. А. Ф. Медведев. Ижевск, Свердловск, 1967. С. 141–163.
14. Голдина Р. Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. 2, иллюстрации. Ижевск : Удмуртия, 2003. 724 с.
15. Калинин В. К. Отчет об археологических раскопках Ново-Сасыкульского могильника в БАССР в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7646, 7646а.
16. Ключева Г. Н. Отчет об археологических исследованиях, проведенных летом 1977 г. в Каракулинском и Сарапульском р-нах УАССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 6572.
17. Костромичев Д. А. Ажурные пряжки с пельтовидной рамкой: вопросы типологии, хронологии и происхождения // Stratum plus. 2015. № 4: Время перемен: «На рубеже эр». С. 299–356.
18. Красноперов А. А. Привозные фибулы Прикамья первых веков н. э.: динамика распространения // 2024, в печати.
19. Красноперов А. А., Камалеев Э. В. Удила из погребения 86 Камышлы-Тамакского I могильника: к вопросу о ранних комплексах пьяноборской культуры // Археология евразийских степей. 2023. № 3. С. 249–256. DOI: 10.24852/2587-6112.2023.3.249.256.
20. Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. Киев : Адеф-Украина, 2010. 384 с.
21. Мажитов Н. А., Пшеничнюк А. Х. Камышлы-Тамакский могильник // Археология и этнография Башкирии. Т. III / отв. ред. Р. Г. Кузеев. Уфа : БФ АН СССР, 1968. С. 38–58.
22. Мажитов Н. А. Научный отчет археологической экспедиции ИИЯЛ за 1961 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2274, 2274а.
23. Памятники эпохи камня, бронзы и раннего железа: Каталог археологических коллекций МАЭ. Вып. 1 / сост. Н. Г. Рутто. Уфа : УНЦ РАН, 1994. 130 с.
24. Саттаров Р. Р. Импортные предметы в пьяноборской культуре (конец II в. до н. э. – II в. н. э.) : дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2019.
25. Симоненко А. В. Римский импорт у сарматов северного Причерноморья. СПб. : Филол. фак-т СПбГУ ; Нестор-История, 2011. 272 с.
26. Сорокин С. С. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 18. Л. : Аврора, 1977. С. 57–67.
27. Сунгатов Ф. А. Отчет об исследованиях памятников в Кушнаренковском, Чекмагушевском, Дюртюлинском, Илишевском, Бакалинском, Туймазинском, Еремеевском р-нах БАССР в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14815.
28. Труфанов А. А. Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье // Российская археология. 2004. № 3. С. 160–170.
29. Шокуров А. П. Отчет об археологической работе 3 отряда Башкирской экспедиции ИИМК АН СССР летом 1960 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2054.
30. Шокуров А. П. Материалы к археологической карте нижнего течения р. Белой и среднего течения р. Ик // Древности Башкирии / отв. ред. А. П. Смирнов. М. : Наука, 1970. С. 131–160.

The burial complex of 83 Kamyshly-Tamak burial grounds and buckles of "Western" types in the Pianobor culture

Krasnoperov Alexander Anatolyevich¹, Kamaleev Elvir Vinerovich²

¹PhD in Historical Sciences, researcher at the Udmurt Institute of History, Language, Literature, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Russia, Izhevsk. ORCID: 0000-0001-7931-4536. ResearcherID: AAN-4831-2021. E-mail: alexander.kaa@mail.ru

²PhD in Historical Sciences, researcher at Institute of Ethnological Research n. a. R. G. Kuzeev, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Russia, Ufa. ORCID: 0000-0002-3143-5037. ResearcherID: ABA-1299-2020. E-mail: kamaleev-ivir@mail.ru

Abstract. The accumulation of new data sometimes makes it possible to evaluate the materials of old excavations in a new way, to clarify the attributions and contexts of finds. When processing the collection of the Kamyshly-Tamak burial ground (Kamyshly-Tamak village, Bakalinsky district of the Republic of Bashkortostan; excavations by N. A. Mazhitov in 1961), stored in the Museum of Archeology and Ethnography of the Institute of Ethnological Research of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, fragments of a rare iron buckle

were found. It belongs to the group of "Western" types common at the beginning of our era on the borders and in the near periphery of the Roman Empire. But individual finds penetrate far to the East, up to Central Asia and Altai. As part of this publication, the authors took into account 7 buckles in the Kama Region (funds of the National Museum of the Republic of Bashkortostan (Ufa), the Museum of Archeology and Ethnography of the Peoples of the Kama Region (Izhevsk), the Sarapul Historical, Architectural and Art Museum-Reserve (Sarapul)) of two groups. All of them are related to the context of the Pianobor culture. But the local material is not very expressive, mainly represented by various plaques. Most of the graves can be dated to the 2nd floor. I – beginning. II century A. D. The latest burial of the examined – Afonino, item 5 – refers to the 2nd floor II – 1st fourth. III. The Sasykul complex stands out, item 75. In addition to the buckle, the only find of this type, the children's burial was accompanied by a fibula with an S-shaped curl at the end of the receiver, also the only one in the Kama region. The Kamyshly-Tamak complex, item 83, is important because it is a reference for the chronology of the "ethnographic" waist headset of the Pianobor population – rectangular overlays with rows of triangles.

Keywords: chronology, buckle, Pianobor culture.

References

1. Abramova M. P. *Hronologicheskie osobennosti severokavkazskikh pryazhek pervykh vekov n. e.* [Chronological features of the North Caucasian gingerbread of the first centuries A. D.] // *Materialy po arheologii, istorii, etnografii Tavrii* – Materials on archeology, history, ethnography of Tavria. Vol. VI. Simferopol, 1998. Pp. 209–229.
2. Ageev B. B. *P'yanoborskaya kul'tura* [Pianobor culture]. Ufa. BNC Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 1992. 140 p.
3. Azbelev P. P. *Hunnskie elementy v tashtytskom dekore* [Hunnic elements in Tashtyk decor] // *Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Yuzhnoj Sibiri* – Studying the historical and cultural heritage of the peoples of Southern Siberia. Is. 7. Gorno-Altaysk. AKIN, 2008. Pp. 66–75.
4. Azbelev P. P. *Tashtytskiy poyas* [Tashtytsky belt] // *Drevnosti Sibiri i Central'noj Azii. No. 2 (13–14)* – Antiquities of Siberia and Central Asia. No. 2 (13–14). Gorno-Altaysk. Gorno-Altaysk Humanitarian University, 2009. Pp. 29–49.
5. Azbelev P. P. *Tashtytskaya hronologiya: sostoyanie voprosa* [Tashtyk chronology: the state of the question] // *Stratum plus* – Stratum plus. 2012. No. 4: from the Roman Limes to the Great Wall of China. Pp. 257–280.
6. *Arheologicheskaya karta Bashkirii* – Archaeological map of Bashkiria / ed. by O. N. Bader. M. Nauka (Science), 1976. 262 p.
7. Ambroz A. K. *Fibuly yuga evropejskoj chasti SSSR (II v. do n. e. – IV v. n. e.)* [Fibulae of the upper European part of the USSR (II century BC) BC – IV century AD] // *Svod arheologicheskikh istochnikov. Vyp. D1-30* – Set of archaeological sources. Is. D1-30. M. Nauka (Science), 1966. 169 p.
8. Vadaj A., *Kul'char V. K voprosu o tak nazyyvaemykh sarmatskikh pryazhkah* [On the question of the so-called Sarmatian buckles] // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungarica 36* – Acta archaeologica academiae scientiarum hungarica 36. Budapest, 1984. Pp. 239–261.
9. Vasyutkin S. M., Kalinin V. K. *Otchet arheologicheskoy ekspeditsii Bashgosuniversiteta 1976 g.* [Report of the archaeological expedition of the Bashgosuniversity 1976] // *Arhiv IA RAN* – Archive of IA RAS. R-1. No. 6239, 6239a.
10. Vasyutkin S. M., Kalinin V. K. *Novo-Sasykul'skij mogil'nik* [Novo-Sasykul'sky burial ground] // *Arheologicheskie raboty v nizov'yah r. Beloj* – Archaeological work in the lower reaches of the river Belaya / ed. by A. H. Pshenichnyuk. Ufa, 1986. Pp. 95–122.
11. Vorob'eva S. L. *Keramika p'yanoborskoj kul'tury po materialam Novo-Sasykul'skogo mogil'nika* [Ceramics of the Pianobor culture based on the materials of the Novo-Sasykul'sky burial ground] // *Ufimskij arheologicheskij vestnik* – Ufa archaeological Bulletin. 2018. Is. 18. Pp. 75–85. DOI: 10.31833/uav.2018.18.006.
12. Vorob'eva S. L., Kufterin V. V. *Novo-Sasykul'skij mogil'nik kak opornyj pamyatnik p'yanoborskoj kul'tury v Nizhnem Prikam'e* [Novo-Sasykul'sky burial ground as a reference monument of the Pianobor culture in the Lower Kama region] // *Novye materialy i metody arheologicheskogo issledovaniya: ot kritiki istochnika k obobshcheniyu i interpretatsii dannykh : mat-ly V mezhdunarodnoj konferentsii molodykh uchenykh* – New materials and methods of archaeological research: from criticism of the source to generalization and interpretation of data : materials of the V International Conference of Young Scientists / ed. V. E. Rodinkova. M. IA RAS, 2019. Pp. 91–93.
13. Gening V. F. *Gorodishche Cheganda I v mazuninskoe vremya* [The settlement of Cheganda I in the Mazunin time] // *Voprosy arheologii Urala* – Questions of archeology of the Urals. Is. 7 // *Pamyatniki Mazuninskoj kul'tury* – Monuments of the Mazunin culture / ed. by A. F. Medvedev. Izhevsk, Sverdlovsk, 1967. Pp. 141–163.
14. Goldina R. D. *Tarasovskij mogil'nik I–V vv. na Srednej Kame. T. 2, illyustratsii* [Tarasov burial ground of the I–V centuries. flows into the Middle Kama. Vol. 2, illustrations]. Izhevsk. Udmurtia, 2003. 724 p.
15. Kalinin V. K. *Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh Novo-Sasykul'skogo mogil'nika v BASSR v 1979 g.* [Report on the archaeological excavations of the Novo-Sasykul burial ground in the BASSR in 1979] // *Arhiv IA RAN* – Archive of IA RAS. R-1. No. 7646, 7646a.
16. Klyueva G. N. *Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyakh, provedennykh letom 1977 g. v Karakulinskom i Sarapul'skom r-nah UASSR* [Report on archaeological research conducted in the summer of 1977 in the Karakulinsky and Sarapul'sky districts of the UASSR] // *Arhiv IA RAN* – Archive of IA RAS. R-1. No. 6572.

17. Kostromichev D. A. *Azhurnye pryazhki s pel'tovidnoj ramkoj: voprosy tipologii, hronologii i proiskhozhdeniya* [Openwork buckles with a pelt-shaped frame: issues of typology, chronology and origin] // *Stratum plus – Stratum Plus*. 2015. No. 4: Time for change: "at the turn of the era". Pp. 299–356.
18. Krasnoperov A. A. *Privoznye fibuly Prikam'ya pervyh vekov n. e.: dinamika rasprostraneniya* [Imported fibulae of the Kama region of the first centuries A. D.: dynamics of distribution] // 2024, in print.
19. Krasnoperov A. A., Kamaleev E. V. *Udila iz pogrebeniya 86 Kamyshly-Tamakskogo I mogil'nika: k voprosu o rannih kompleksah p'yanoborskoj kul'tury* [Fishing rods from burial 86 of the Kamyshly-Tamak I burial ground: on the question of early complexes of the Pianobor culture] // *Arheologiya evrazijskih stepej – Archeology of the Eurasian steppes*. 2023. No. 3. Pp. 249–256. DOI: 10.24852/2587-6112.2023.3.249.256.
20. Kropotov V. V. *Fibuly sarmatskoj epohi* [Fibulae of the Sarmatian epoch]. Kiev. Adef-Ukraine, 2010. 384 p.
21. Mazhitov N. A., Pshenichnyuk A. H. *Kamyshly-Tamakskij mogil'nik* [Kamyshly-Tamak burial ground] // *Arheologiya i etnografiya Bashkirii. T. III – Archeology and ethnography of Bashkiria. Vol. III* / ed. by R. G. Kuzeev. Ufa. BF of the USSR Academy of Sciences, 1968. Pp. 38–58.
22. Mazhitov N. A. *Nauchnyj otchet arheologicheskoy ekspedicii IYAL za 1961 g.* [Scientific report of the archaeological expedition of the IYAL for 1961] // *Arhiv IA RAN – Archive of IA RAS. R-1. No. 2274, 2274a*.
23. *Pamyatniki epohi kamnya, bronzы i rannego zheleza: Katalog arheologicheskikh kollekcij MAE. Vyp. 1 – Monuments of the Stone, Bronze and early Iron age: Catalog of archaeological collections of the MAE. Is. 1 / comp. N. G. Rutto. Ufa. UNC RAS, 1994. 130 p.*
24. Sattarov R. R. *Importnye predmety v p'yanoborskoj kul'ture (konec II v. do n. e. – II v. n. e.): diss. ... kand. ist. nauk* [Imported objects belong to the Pianobor culture (late II century). BC – II century AD) : diss. ... PhD in Historical Sciences. Kazan, 2019.
25. Simonenko A. V. *Rimskij import u sarmatov severnogo Prichernomor'ya* [Roman import from the Sarmatians of the northern Black Sea region]. SPb. Philol. Faculty of St. Petersburg State University; Nestor-history, 2011. 272 p.
26. Sorokin S. S. *Pogrebeniya epohi velikogo pereseleniya narodov v rajone Pazyryka* [Burials of the epoch of the Great Migration of Peoples in the area of Pazyryk] // *Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha. Vyp. 18 – The archaeological collection of the State Hermitage Museum. Is. 18. L. Aurora, 1977. Pp. 57–67*.
27. Sungatov F. A. *Otchet ob issledovaniyah pamyatnikov v Kushnarenkovskom, Chekmagushevskom, Dyurtyulinskom, Ilishevskom, Bakalinskom, Tujmazinskom, Ermekeevskom r-nah BASSR v 1989 g* [Report on the study of monuments in Kushnarenkovsky, Chekmagushevsky, Dyurtyulinsky, Ilishevsky, Bakalinsky, Tuymazinsky, Yatekeyevsky districts of the BASSR in 1989] // *Arhiv IA RAN – Archive of IA RAS. P-1. No. 14815*.
28. Trufanov A. A. *Pryazhki rannih provincial'no-rimskih form v Severnom Prichernomor'e* [Buckles of early provincial Roman forms in the Northern Black Sea region] // *Rossijskaya arheologiya – Russian Archeology*. 2004. No. 3. Pp. 160–170.
29. Shokurov A. P. *Otchet ob arheologicheskoy rabote 3 otryada Bashkirskoj ekspedicii IIMK AN SSSR letom 1960 g.* [Report on the archaeological work of the 3rd detachment of the Bashkir expedition of the IIMK of the USSR Academy of Sciences in the summer of 1960] // *Arhiv IA RAN – Archive of IA RAS. P-1. No. 2054*.
30. Shokurov A. P. *Materialy k arheologicheskoy karte nizhnego techeniya r. Beloj i srednego techeniya r. Ik* [Materials for the archaeological map of the lower reaches of the Belaya River and the middle reaches of the IK River] // *Drevnosti Bashkirii – Antiquities of Bashkiria* / ed. by A. P. Smirnov. M. Nauka (Science), 1970. Pp. 131–160.

Тема жизни и смерти в произведениях Агъея и Кришны Собати

Стрелкова Гюзэль Владимировна

кандидат филологических наук, доцент кафедры индийской филологии Института стран Азии и Африки, МГУ им. М. В. Ломоносова; старший научный сотрудник Отдела литератур народов Азии Института востоковедения, Российская академия наук.

Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0003-4989-2428. E-mail: gstr@mail.ru

Аннотация. Актуальность данного исследования определяется тем, что в отечественной индологии тема жизни и смерти, раскрытая в произведениях писателей хинди Агъея «Сами себе чужие» и Кришны Собати «Эй, Девочка», прежде практически не рассматривалась. Цель статьи – рассмотреть подход к пониманию природы Бога, жизни и смерти на примере этих двух романов, которые являются яркими образцами индийского модернизма. Предметом статьи становятся эти два романа – «Сами себе чужие», автор которого – Агъей – считается основоположником литературного направления экспериментализм, и «Эй, Девочка», написанный Кришной Собати – представительницей направления «женское письмо». Основной метод статьи – метод сравнительного анализа, позволяющий рассмотреть художественные произведения во взаимосвязи с произведениями других писателей, с другими литературными и философскими концепциями.

Главные герои Агъея – одинокие люди, выступающие против консервативного общества и испытывающие чувство исключенности из общего мира. Герои Кришны Собати могут восприниматься как маргинальные личности, но они стремятся преодолеть свою маргинальность. Творчество этих писателей хинди сочетает западный и индийский подходы к пониманию и изображению мира, в котором живут их герои. Эти произведения близки композиционно, в создании образов главных героев и в формировании повествовательных элементов. Агъей и Кришна Собати достигают практически противоположного результата, описывая своих героев на грани между жизнью и смертью, в поисках Бога и в стремлении познать смысл своего существования.

Ключевые слова: роман хинди, женское письмо, индуизм, экзистенциализм.

Выдающийся поэт, прозаик, литературный критик, фотохудожник Саччидананд Хиранианд Ватсыян, известный под псевдонимом Агъей¹, занимает особое место в литературе хинди. Его творчество отличается своеобразием, он один из самых ярких индийских писателей XX в., произведения которого анализировались в отечественном и индийском литературоведении [2; 6; 7; 20]. Агъей внес большой вклад в развитие литературы хинди и как родоначальник нового литературного направления *прайогад* – экспериментализм. Он сказал новое слово в поэзии и прозе хинди, а позже сопровождал свои стихи художественными фотографиями, создавая гармоничное целое, внося вклад в новую поэтическую форму – *chitrit padya* – иллюстрированная поэзия. Кроме литературных проблем его волновала проблема нравственного выбора и противостояния ахимсы (букв. «ненасилие») и революции. Вклад этого писателя в литературу хинди определяется той глубиной и разнообразием нового, что он внес – как поэт, прозаик, новатор, создавший новое литературное направление, и наставник начинающих поэтов. Его разностороннее творчество значимо не только для литературы хинди, но и мировой.

Этого поэта и писателя волновали философские вопросы, такие как постижение Бога, а также онтология человеческого бытия: можно ли познать жизнь и смерть, каким должно быть к ним отношение индивидуума. Эти вопросы связаны с поисками Бога и продолжают быть наиболее важными темами мировой литературы [3].

© Стрелкова Гюзэль Владимировна, 2024

¹ Это имя, Агъея, которое в качестве литературного псевдонима взял писатель, в переводе на русский язык означает «непознаваемый, таинственный, загадочный». В исследованиях на русском языке, как правило, это имя пишется именно таким образом, но иногда встречается его написание Агъей или Аджня.

Если человек-герой в традиционалистском типе художественного сознания имел четкие ответы на эти вопросы, что также отражается в литературе хинди [5], то начиная с конца XVIII в. или с появлением индивидуально-творческого сознания, подход к этому вопросу и его интерпретация начинают меняться – в произведениях художественной литературы появляется отражение внутреннего мира героя [1, с. 105–125]. Позже наступает эпоха «смерти Бога», в соответствии с тезисом Ницше.

Как нам представляется, литература хинди эпохи модернизма рассматривала этот вопрос следующим образом. Божество постигается сразу же после появления человека на свет. По мере взросления индивид воспринимает это как должное, и только радикальные изменения в самой личности или обществе могут привести его на путь поисков Бога, более того, заставить изменить его религию. В индийском контексте разнообразие религиозных традиций приводит к синтезу концепций и идей, традиций, мест паломничества, ритуалов, привычек. Начиная со времен средневекового религиозного направления бхакти, подразумевающего безграничную преданность верующего своему божеству, одним из главных вопросов был – пребывает ли Бог в храме или же в сердце верующего, можно ли его обрести, идя путем любви, личностным служением, обожанием и совершая добрые дела, или же идти по пути знания и ритуалов, строго следуя традициям. Современная литература хинди продолжает обсуждать эти вопросы. В основном, как представляется, литература хинди отвечает на вопрос «Жив ли Бог?» положительно.

Роман Агъея «Сами себе чужие» (Arne arne Ajnabi) [21], опубликованный в 1961 г., и повесть писательницы Кришны Собати «Эй, девочка» (Ai, Larḱi) [7], опубликованная в 1991 г., демонстрируют восприятие жизни и смерти, отношение к Богу и то, каким образом это отражается в литературе хинди второй половины XX в. Из отечественных исследований нам известен анализ романов Агъеи, сделанный С. А. Эминовой и опубликованный в ее книге «Традиции и новаторство в литературе хинди» [9]. Кроме этого, о творчестве Агъеи пишет Н. Д. Гаврюшина в книге «Премчанд и роман хинди XX в.» [4]. В европейской индологии вышел сборник статей под названием «Hindi Modernism: Rethinking Agyeya and His Times» (2012) [17], в котором переосмысливается влияние творчества Агъеи на развитие современной индийской литературы. При этом детальный обзор примеров индийского экзистенциализма отсутствует. Роман Кришны Собати исследован отечественной индологией только с точки зрения лингвистики – так, филологи Санкт-Петербургского университета Е. А. Костина и А. В. Челнокова в статье «Лингвистические особенности коммуникации «мать-дочь» в современном хинди (на примере рассказов Кришны Собати)» [5] рассматривают взаимоотношения представительниц двух разных поколений – матери и дочери, что дает возможность читателю лучше понять их отношения.

В данной статье сделана попытка сравнения этих произведений, написанных двумя выдающимися писателями хинди, которых волновали эти проблемы. С начала литературной карьеры Агъеи главным героем его прозы был человек, идущий по пути «бунта и сопротивления», испытывающий чувство исключенности из обычного мира. Некоторых героинь Кришны Собати также можно воспринимать как маргинальных, например, Митро Марджани в одноименной повести (Mitro marjanī, в переводе на русский язык – «Чертова Митро»), Ратти из романа «Подсолнухи во тьме» (Sūrajmukhī andhere ke), Махак Бану – главная героиня романа «Сердце и разум» (Dilo-dānīś), который был переведен на английский язык под заголовком «The heart has its reasons» («У сердца свои причины») переводчицами Риной Ананд и Менакши Свами. Эти героини пытаются преодолеть свою маргинальность, что им иногда удается. Они достигают цели с помощью бунта или открытого протеста, который может быть и бунтом против Бога. Причины их бунта или маргинальности разные. Очевидно, главная разница заключается в том, что Агъея рассматривает внутренний кризис героя, который сам противопоставляет себя обществу, в то время как главная героиня Кришны Собати изначально противопоставлена семье как части общины или обществу в целом только из-за того, что является женщиной. В то же время герои и того, и другого автора размышляют и решают вечные вопросы, пытаясь понять причину того, ради чего человеку стоит жить или умереть. Агъей показывает процесс размышлений откровенно, используя дневник или внутренний монолог героя, который обычно действует лишь после глубоких размышлений. В противоположность этому многие героини Кришны Собати не мыслители, чаще это обычные, простые женщины, ведущие повседневную жизнь. Многие из них поступают неожиданно, без особых размышлений. Несмотря на это, автор искусно показывает, что даже заурядная женщина не может из-

бежать поисков истины и Бога. Героини Кришны Собати живут, действуют и разговаривают о жизни, таким путем они могут понять и принять Бога и примириться с концом жизни. Такой конец можно назвать смертью, но он не будет означать «совершенный конец или вечную пустоту», это «освобождение тела и души» (*dehātṁ kā nistārā*) [15, с. 10], а жизнь – это *лила* (*līlā*), божественная игра, созданная Всевышним, который сам в ней участвует.

Примечательно, что в этих двух произведениях, созданных независимо друг от друга, есть много совпадений в сюжете и в описании главных героинь. Это две женщины – молодая, стоящая на пороге жизни, своего рода свидетельница, но не бездействующая, и старая, ожидающая прихода смерти. В противоположность героиням Кришны Собати, героиня Агъеи Йоке, например, задумывается и приходит к заключению, что «жизнь – лишь форма восприятия и познания Бога» [10, с. 41]. Она раздумывает над этой тайной (*rahasya*) и удивляется, почему «захоронение и спасение происходят в одно и то же мгновение» (*ek kā madfan aur dūsge kā nistār ek sāth ek hī kṣaṇ meṁ hotā hai*) [10, с. 80]. Слово – тайна, загадка также представляет своего рода предел, который привлекает героиню Агъеи и приводит к глубоким размышлениям. Лишь после этого она будет действовать так, как и вообразить не могут героини Кришны Собати.

Молодая героиня Агъеи играет активную роль: она помогает умирающей Сельме, ухаживает за ней, раздумывает над их заточением в снежных горах, стремясь найти причину того, что происходит с ней самой и Сельмой в этой невольной изоляции. Такая позиция, особенно благодаря тому, как она изображена в этом романе, делает неизбежной необходимость осветить проблему обретения или потери Бога. В этих произведениях читатель может найти довольно схожие точки зрения на основные проблемы, которые обсуждают авторы, изображая своих героинь. И в том, и в другом романе повествование в основном ведется от первого лица, или же это своеобразный диалог о жизни и смерти, об отношениях между поколениями и родственниками, о вечности и быстротечности бытия и других подобных темах. Агъея и Кришна Собати создают особую атмосферу для своих героинь. Это своего рода чистый мир, с минимумом обычных, будничных деталей, но не лабораторно стерильный. В нем героини могут обсуждать и решать вечные проблемы, чтобы обрести чувство и смысл бытия. Тема существования Бога, очевидно, главная для этих двух произведений. В чем заключается роль божества в жизни отдельно взятой личности и общества, что такое жизнь и смерть? Авторы, каждый своим путем, приходят к выводам. Разницу, вероятно, можно объяснить, ссылаясь на индийский – особенно индуистский – менталитет, что прежде всего относится к роману Кришны Собати «Эй, девочка». Это подтверждает и другой роман писательницы «Сердце и разум», в котором индуизм и ислам сосуществуют или противостоят друг другу.

Агъея демонстрирует более европейски ориентированную точку зрения, основанную на христианстве с буддийским подтекстом, но сосредоточенном не на религии, а философии. В отличие от Агъеи, Кришна Собати, создавая образ умирающей матери в романе «Эй, девочка», демонстрирует индуистский подход, то есть индуизм как путь жизни [12]. У этой героини нет никаких сомнений в существовании Бога, она уходит в мир иной довольная своей жизнью. Она знает, что ее жизнь будет продолжена жизнью дочери: «Давая рождение дочери, мать будет жить вечно» [16, с. 56].

Отличительной чертой Агъеи было то, что он испытал сильное влияние марксизма, русской философии и революционного движения. Он получил драматичный жизненный опыт – за участие в антиколониальном движении был посажен в тюрьму, разочаровался в жизни, в результате увлекся буддизмом и французским экзистенциализмом. Это отразилось в его ранних рассказах и первом романе «Шекхар: история одной жизни» (*Śekhhar: ek jīvanī*), написанном в 1941–44 гг. Сюжеты некоторых ранних рассказов Агъеи, написанных в 1930-е гг., были заимствованы из истории русского революционного движения. Это был мир атеизма, противостоящего христианству. В них читатель встречается с русскими персонажами, такими как Мария Ивановна в рассказе «Сбившаяся с пути» (*Vipathagaa*), или три друга – Максим, Леон и Антон в рассказе «Превыше разума» (*Vivek se baRhkar*) [10, с. 185–198]. Эти герои для индийца Агъеи иностранцы, как и герои его последнего романа «Сами себе чужие», за исключением персонажа второго плана Джаганнатха, который появляется в последнем эпизоде романа, воспринятом как демонстрация европейского подхода к проблеме Бога, но в двух вариантах. Сельма, одна из двух героинь, старая женщина, верующая в Бога, уходит в мир иной успокоенной и удовлетворенной. В противоположность ей молодая героиня Йоке делает свой экзистенциальный выбор. Она проводит несколько недель, живя в изолированном мире вме-

сте с умирающей Сельмой в маленьком домике высоко в горах, где две женщины отрезаны от мира снегопадом. Они ведут долгие разговоры, а когда их в конце концов освобождают из снежного плена, Йоке предпочитает смерть. В ходе повествования читатель узнает, что Йоке была вынуждена стать проституткой – *veṣṭā*, так как город оккупирован немцами, для нее это означало, что «Йоке умерла» (*Yoke mar gayī*). Героиня выбирает себе новое имя – Мариам, так как «Мариам никогда не умирает» (*Mariam kabhī nahīn martī*) [10, с. 87]. Несмотря на это, героиня совершает самоубийство в конце романа. Читателю приходится думать, почему она сделала именно этот выбор, а не другой, почему Йоке повторяла, что она сделала этот выбор по своей воле [10, с. 86–87]. Этот выбор – как и вся жизнь Йоке – могут быть интерпретированы как иллюстрация экзистенциальной философской концепции «критической точки», «пограничной ситуации» или «проблемы выбора». Если это так, то читатель может воспринять роман как диалог этого писателя с европейскими философами, начиная с Хайдеггера вплоть до Сартра. Многие читатели следовали этим путем, что помогает понять роман «Сами себе чужие». Обращая внимание даже на самые небольшие, но значимые детали, читателю следует сосредоточиться на его своего рода «зеркальной структуре», представить и сравнить жизнь и поведение двух героинь – Сельмы и Йоке, вспомнить, в какое время и где они живут. Уместно подумать и о том, что Агъея не делал какой-либо современный, модный на то время выбор, когда писал этот роман. Это было время, когда философия экзистенциализма была чрезвычайно популярна, а писатель был в постоянном поиске истины и верного выбора между правильным и неправильным, честным и бесчестным, верностью и предательством.

Герой первого романа Агъея «*Śekhar: ek jīvanī*» [11] также должен преодолеть пограничную ситуацию и возродиться. Это происходит в тюрьме, где Шекхара поддерживают другие заключенные. Спустя некоторое время он выбирает новую жизнь – не террориста, а верующего человека. В более позднем романе Агъея «Сами себе чужие» две главные героини – своего рода двойники двух героев-мужчин второго плана. Сельма Долберг противопоставлена Яну Экелюфу, фотографу, что описывается в эпизоде, действие которого относится к 1906 г., задолго до того, как Сельма встречает Йоке. В городе происходит наводнение, мост, соединяющий две части города, рушится. Остается только центральная часть моста, где находятся Сельма и Ян, он, не выдержав напряжения, сходит с ума и бросается в реку. Сельме на помощь приходят люди и спасают ее.

Уже в другой ситуации Йоке неожиданно встречается со своим другом Полом и решает вместе с ним провести рождественские праздники, а когда в горах происходит сход снежной лавины, и дом, в котором она остановилась, завалило снегом, Пол вместе с друзьями приходит ей на помощь. В противоположность героиням, которые «сами себе чужие», эти герои второго плана не одиноки. Маргинальность в романе «Сами себе чужие» выражается на многих уровнях. Сама граница подтверждает, что все в мире тесно связано и не может существовать друг без друга. В мире существуют противоположности, поэтому граница между ними неизбежна. В романе показаны и другие противоположности: равнина и горы, небольшой дом, расположенный в центральной части моста, где живет Сельма между двумя разделенными частями этого моста [10, с. 55], одинокий коттедж, расположенный высоко в горах. Время в романе связано с форс-мажорными обстоятельствами, препятствующими нормальному образу жизни: это поток воды, метафорически связанный с *пралайей* – катастрофическим наводнением, землетрясением, снегопадом, Второй мировой войной. В других эпизодах это канун Рождества, что означает поворотный момент, границу как в религиозном, так и в природном контексте. Существует противостояние Света и Тьмы – двух символов жизни и смерти: солнечный свет и солнечные лучи противостоят ночной тьме в коттедже на холме, изолированном от мира белым снегом. Сельма чувствует, что была оставлена одна, в отличие от всего мира, и не испытывает никакого сострадания к двум мужчинам, с которыми была вместе, не чувствуя единения с ними перед лицом смерти. Она должна убедиться на собственном жизненном опыте, что одинока во вселенной, прежде чем начнет поиски Бога, и найдет Его в сострадании и любви. Прежде чем героиня получит ответ, она должна преодолеть барьер, совершить обряд посвящения. Из романа становится понятно, что только маргинальные ситуации, а не обычные, могут создать условия для понимания того, познаваемы ли жизнь и смерть или непостижимы, можно ли достичь Бога или нет.

Йоке, в отличие от Сельмы, так и не смогла обрести Бога, в этом заключается причина того, почему она в финале романа совершает самоубийство. Последняя сцена романа многое объясняет. До того, как оставить земную юдоль, Йоке принимает христианское имя Мариам и

исповедуется индусу Джаганнатхану. Она не только выбирает время своей смерти, встретив хорошего, по ее мнению, человека, которого может воспринимать не как чужого, но сознательно выбирает себе новое имя – это имя Божией Матери, Девы Марии [10, с. 86]. Более важно то, что избранный ею «добрый человек» – тот, кому она может доверять, у кого может попросить прощения. Точно так же Сельма попросила Йоке простить ее, прежде чем умереть, и говорит ей: «Я сделала выбор. Мы не выбираем незнакомцев, а выбираем хорошего человека. Натхан, прости меня» [10, с. 87]. Для Йоке этот добрый человек – Джаганнатхан. Он простил Мариам, даже не зная – за что, может быть, за ее странное, провокационное поведение в магазине, где они случайно встретились, и Джаганнатхан был выбран Йоке – Мариам. Это был ответный поступок: она тоже простила его. Таким образом будет сохраняться непрерывность, преемственность. Йоке-Мариам простила еще кого-то (*usko bhii*), и Джаганнатхану удается выяснить, что это не Пол, друг Йоке, которого она называет «незнакомцем», а Бог, которого Йоке-Мариам называет «*ишвар*» – на индуистский лад.

Йоке-Мариам умирает с именем Бога на устах. В индуистской традиции это очень важно, так как со времен Средневековья в традиции бхакти это означало спасение от бесконечного круга перерождений. Мятая Йоке пошла против Бога, совершив самоубийство. Ранее она была готова совершить смертный грех – убить Сельму после того, как долгое время пробыла с ней один на один в их «снежной тюрьме». Финал романа предполагает, что Йоке свободна в своем выборе между жизнью и смертью, и возможно, что после смерти она узнает правду. Некоторые размышления Йоке на столь важную для нее тему можно найти в ее дневнике, датированном 6 января. Следует подчеркнуть, что основное действие романа происходит в канун православного Рождества, и весь роман основывается на христианском символизме. Читатель знает, что Сельма христианка, имена двух персонажей второго плана Пол (Paul) и Ян (Joan) тоже соответствуют сюжету. Даже последний поступок, хотя и не последнее слово в романе – это знак креста, который адресует пустым небесам (*sune akaś men*) незнакомый старец, и этот знак выглядит как нечто странное в пустых небесах [10, с. 88], что отсылает читателя к названию романа – «Сами себе чужие».

Своего рода «пустой и открытый» конец романа дает возможность предложить различные интерпретации его смысла. Поведение двух героинь – Йоке и Сельмы – свидетельствует, что первое и последнее желание живого существа до конца жизни – быть живым, что очевидно: любой индивид хочет продолжения, чтобы его жизнь сохранилась тем или иным способом. Даже если человек сам себе незнакомец, несмотря ни на что он должен найти «хорошего человека» – чтобы жизнь продолжалась и после того, как его самого не станет. Поведение Йоке-Мариам подтверждает это. Человек не мог бы существовать или погибнуть, уйти в небытие в одиночку, все равно кто-то должен поделиться с ним опытом жизни и смерти. И Агъея умело использует *шлоку* – двустишие древнеиндийского поэта Бхартрихари «*bhoga na bhuktam vayameva bhuktam*» («Не насладились мы желанным наслаждением, желание наслаждения нас пожрало»), чтобы применить его к современному миру. «*Akele vah bhoge bhugtā hī nahīn*» [10, с. 72] означает: «Если наслаждаться в одиночестве, этим нельзя наслаждаться». У «хорошего человека» могло быть любое имя: Бог, Ишвар, Джаганнатан, Будда. Последнее имя не упоминалось в романе, но в нем было много косвенных намеков на буддизм.

Несомненно, Агъея был одним из тех, кто искал вечную истину. Он получил бакалаврскую степень в Христианском колледже Формана в Лахоре в 1929 г. Писатель не мог дать однозначного ответа ни на один из вечных вопросов, которые составляли основу его ментального и литературного мира. Его собственный жизненный опыт послужил основой для создания образов героев его романов и повестей. У него самого, приговоренного к тюремному заключению, было достаточно времени, чтобы поразмыслить о жизни, смерти и Боге.

Как Рабиндранат Тагор, Агъея был космополитом, его интересовали мировая культура и религиозный опыт, не ограниченный миром индуизма. Очевидно, поэтому его произведения привлекают внимание, они открыты для читателей любой страны. Видимо, в этом заключается один из способов «не быть одиноким». Подтверждение можно найти, рассматривая имена, которые Агъея дает своим героям: героиню его последнего романа «Сами себе чужие» Сельму можно соотнести с Хильдой, героиней второго плана в рассказе Агъея «Превыше разума». Фамилия Сельмы, героини преклонного возраста, – Экелов (Ekelov), что почти созвучно слову хинди «*akelī, akela*», значение которого – один, одинокий, а по-английски – «*alone*». Это слово часто употребляется в связи с Сельмой, например, Йоке погружается в одиночестве после смерти Сельмы, чувствуя себя без нее одинокой [9, с. 79]. Раздумывая о жизни

и смерти, героиня сравнивает их с зажатым кулаком и открытой ладонью. Она вспоминает историю о монахе, который копал подземный ход из своей одинокой кельи в монастыре, но закончив работу, попал в пустую одиночную келью. Очевидно, такой эпизод неслучаен. В 1957–58 гг. Агъея совершил путешествие в Японию, в страну, в которой исповедуют буддизм и синтоизм. Она произвела на него большое впечатление. Даже человек, которому посвящен этот роман – Памяти Джин Лейн (Jīn Lain kī smṛti ko) – подтверждает, что этот роман был обращен к людям всего мира, преодолевая границы и запреты. Интернациональный характер творчества Агъеи демонстрирует его определенное сходство с творчеством Рабиндраната Тагора, автором не только романов, рассказов, поэзии, картин, но и понятия Дживан Девата – Божество жизни, которое проявляется в каждом живом существе. Тагор прошел путь раздумий и поисков Бога, предпринял много усилий для того, чтобы понять смысл и природу жизни и смерти и отразить их в своих литературных произведениях [3, с. 20–56]. Агъея и его герои тоже стремятся к этому.

Есть своего рода ирония и парадоксальность, даже некая загадка – *rahāsyā* – в том, что последний роман Агъеи подвергся критике в Индии, ему дали определение «не может быть охарактеризован как удовлетворительный» [19, с. 118], тем не менее этот роман и спустя много лет привлекает внимание читателей и выдержал почти два десятка переизданий. Специалисты по индийской литературе – в самой Индии и в других странах – обращаются к произведениям Агъеи. Например, важная, хотя и небольшая статья французской исследовательницы индийской литературы Анни Монто «Western influence on Hindi literature: a dialogical process: Agyeya's *Apne-apne ajnabī*» [19] демонстрирует, что этот роман был хорошим примером диалогических отношений между западным экзистенциалистским и индийским полюсами, что помогло читателю, жившему в 1960-е гг., найти свой путь по направлению к правде, и даже спустя много лет после того, как роман был написан в 1961 г., он «звучит все так же». Очевидно, это можно понять как то, что Агъея, обсуждая вечные вопросы и философские проблемы, был слишком современным для критиков того времени. Действительно, этот писатель и поэт опережал свое время, много раздумывал о времени, и его герои поступают так же.

В Советском Союзе Агъея воспринимался как модернист, что в те времена означало «декадент» и имело негативный смысл, но поэзия и проза Агъеи привлекали индологов – литературоведов. Светлана Эминова посвятила главу творчеству этого писателя и его роману «Сами себе чужие» в книге «Традиции и новаторство в литературе хинди» [8]. Она разделила мнение многих индийских критиков – Девараджа, Индупракаша Панде, Прабхакара Мачве, которые охарактеризовали этот роман как «экзистенциалистский и модернистский». Сравнивая роман «Сами себе чужие» с двумя предыдущими романами Агъеи, С. Эминова подчеркнула, что «эксплуатация обнаженного приема неизбежно приводит к деконструкции художественной структуры произведения. Решается философская задача, но это привело к созданию особенного “эзотерического” литературного произведения, и писателю был найден эпитет “элитарный”» [8, с. 57]. В советские времена такая характеристика для подготовленного читателя не звучала как нечто негативное, скорее, была приглашением прочесть книгу и больше узнать об авторе. Этот роман Агъеи можно рассматривать не только как логический результат его художественного развития, но и веху в литературе хинди, определившую направления и приоритеты, что было впоследствии отражено в произведениях других писателей хинди. С этим мнением согласна и литературовед Н. Д. Гаврюшина, охарактеризовавшая Агъею как одного из крупнейших писателей хинди XX в. в главе «Экзистенциализм и «новый роман» своей книги «Премчанд и роман хинди XX в.» [4, с. 138].

Как и роман Агъеи «Сами себе чужие», роман писательницы хинди Кришны Собати «Эй, девочка!», написанный примерно на 30 лет позже романа Агъеи, может рассматриваться как *prayogvādī* – экспериментальный и как «ответ» (*nazirā*) на роман Агъеи «Сами себе чужие» или стилистически альтернативную модель. И хотя Кришна Собати называет свою книгу противоположностью роману «Сами себе чужие», определив ее жанр как роман (*urāṇyaas*), эта книга больше напоминает пьесу, в которой играют две героини – мать и дочь, обмениваясь репликами, сопровождающимися минимумом авторских замечаний. Две главные героини – мать (Амми) и дочь – девочка (Лаṛkī); а также героиня второго плана, служанка по имени Сусан. Она зовет старшую «уважаемая Матушка» (Аммийī), а девочку – Старшая сестра (Didī). Имя Сусан звучит как христианское – еще один признак, который так или иначе сближает рассматриваемые произведения Агъеи и Кришны Собати. Это произведение Кришны Собати можно назвать романом о женщинах, то есть отнести его к литературному направлению

«женское письмо» (Women's writing). Его сюжет имеет некоторые автобиографические черты, хотя сама Кришна Собати подчеркивала, что при создании образа матери она опиралась не только на характер своей матери, но и других женщин, таким образом, это была своего рода смесь характеристик нескольких знакомых писательнице женщин. «Кроме этого, это именно мать, являющаяся душой этого создания» [14, с. 72–73]. В действительности, это не роман, а как назвал его в частной беседе писатель хинди Кришна Балдев Вайд, «длинный рассказ» (*lambī kahānī*)² или повесть, это глубокое произведение, рассматривающее актуальные проблемы, которые обсуждались и в романе Агъеи «Сами себе чужие» [18].

Подобно Йоке и Сельме в романе Агъеи, героини Кришны Собати – две женщины: ожидающая прихода смерти больная Мать и Девочка – дочь, которая вместе со служанкой заботится о ней. Основное действие происходит в комнате матери. Дочь иногда уходит из дома за покупками или делает что-то по хозяйству, но быстро возвращается, чтобы послушать воспоминания матери. Когда Девочка уходит, комната становится для Матери «пустой» (*beraunak*) [14, с. 12]. Кроме этих двух женщин, в романе есть еще несколько персонажей второго плана – врач, приходящий с короткими визитами, навещают их сын и деверь матери. Связь с внешним миром поддерживается с помощью телефона, но позвонившие обычно общаются с Девочкой. В отличие от мира, представленного в романе Агъеи, где преобладали темнота, холод, снег, почти не оставлявшие надежды на спасение, лишь солнечный луч, который Сельма не успела увидеть перед смертью, – атмосфера в романе Кришны Собати светлая. Но Амми требует больше света и сердится, если выключают лампу. Здесь волны ветра и свежего воздуха, щебет птиц, многочисленные воспоминания, как будто мать хочет передать всю свою жизнь дочери, чтобы сохранить ее и продолжить. Время действия романа (если не упоминать «биографическое время» матери) намного короче, чем в романе Агъеи – всего один-два дня. Этого достаточно, чтобы показать картину отношений между матерью и дочерью, подчеркнув главную идею: «Родив дочь, мать будет жить вечно... Это источник творения (*beṭī ke paidā hote hī mām sadājīvī ho jātī hai. Vah kabhī nahīṃ martī...vahī sṛṣṭi kā srot hai*). Она никогда не умирает... (*Vah kabhī nahīṃ martī...vahī sṛṣṭi kā srot hai*)» [16, с. 56–57]. «Став дочерью, ты стала моей матерью и мной...» (*beṭī ke paidā hote hī mām sadājīvī ho jātī hai. Vah kabhī nahīṃ martī...vahī sṛṣṭi kā srot hai*) [16, с. 56–57]. Это вечный круговорот Жизни, преодолевающей Смерть.

Иногда между героинями возникает напряженность, которая не приводит к вспышкам гнева или жестокости. Есть элементы отчуждения, но читатель ощущает их в связи с членами семьи мужского пола, которые никогда не появляются в комнате матери, лишь разговаривают с ней по телефону. Девочке нет нужды жаловаться или бунтовать. Она своего рода последовательница концепции непротivления злу насилеи в индуистском духе. Последние предложения романа таковы: девочка уверяет свою мать, что все будет хорошо (*sab ṭhīk ho jāyegā!*), а затем «глубокий вздох, дрожь, и в комнате все спокойно» [16, с. 119]. Мать никогда не бывает показана ни испуганной, ни делящейся размышлениями о природе Бога и Смерти. Для матери смерть – «освобождение тела и души» (*dehātṃ kā nistārā*) [16, с. 10], а жизнь – это *лила* (*līlā*), божественная игра. Примечательно, что Амми называет врача, который лечит ее, «мой пациент/больной» (*merā mariiz*) – потому что он не может понять причину ее болезни. Что касается Амми, то она знает, что необходим какой-то предлог для освобождения тела и души (*dehātṃ kā nistārā*), в данном случае это ее болезнь.

Амми знает какую-то вечную истину, ей стоит лишь вспомнить свою жизнь, начиная с раннего детства. Она хочет передать все свои знания дочери. Автор постоянно подчеркивает – с помощью своей героини, что она будет жить в будущих поколениях, о страхе перед смертью не может быть и речи. Сельме также удастся рассказать Йоке историю своей жизни, но это не помогает молодой женщине выжить и преодолеть искушение сделать «свой собственный выбор» и умереть.

Девочка Ларки (*Laṛkī*) и Сюзен, которые, как читатель может понять из романа Кришны Собати, не замужем, и поэтому пока не могут следовать девизу матери: «Родив дочь, мать будет жить вечно» [14, с. 56]. Главное различие между героинями романов Агъеи и Кришны Собати заключается в том, что Мать – Амми, Девочка и Сюзен не чувствуют этой «странности», отчужденности – ни по отношению к другим, ни друг к другу. Возможно, ответ женщи-

---

² Это мнение было высказано в частной беседе во время интервью, которое я брала у К. Б. Вайды в Дели в 2007 г.

ны-писательницы писателю Агъее таков: прежде всего человек должен любить себя и тех, кто ему близок. Настоящая женщина научит любить, а не выбирать любовь и прощение, и не только «хорошего человека» (*acchā ādmī*), как это сделала Йоке-Мариам, но и любого «незнакомца», который тогда уже не станет незнакомцем. Если это произойдет, то «пустое небо» будет похоже на «Царство Господне». Если нет, то, по крайней мере, «в комнате все будет спокойно», как в финале романа «Эй, Девочка».

Кришна Собати передает своего рода послание мира и спокойствия – «шанти» (*śānti*). Взаимодействие между двумя текстами также очень важно для понимания отношения писателей к идеологии, культуре – как индийской, так и европейской, а также эстетике, которые меняются со временем. Произведения этих писателей сочетают в себе западный и индийский подходы к пониманию и изображению мира в своих произведениях. Очевидно, «индийский подход» к жизни становится более универсальным, западный подход также меняется. Эти произведения Агъеи и Кришны Собати, рассматривающие проблему жизни и смерти, не исключение в литературе хинди, например, роман писательницы Гитанджали Шри «Мама» (*Mai*) [13] показывает три поколения женщин, отношения между дочерью, матерью и свекровью демонстрируют поиск ответов на вечные вопросы, связанные с жизнью, смертью и Богом, ответов, которые можно получить на пути Любви. Сам роман также подтверждает, что традиция продолжается и современная литература хинди рассматривает и ценит то, что было написано и обсуждалось во второй половине XX в.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Авторство и авторитет. Источник: Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М, 1994. С. 105–125.
2. Бросалина Е. К. и коллектив авторов. Очерки истории литератур Индии. СПГУ, 2014. 319 с.
3. Вишневецкая Н. А. Жизнь и смерть в литературе романтизма. Оппозиция или единство // Н. А. Вишневецкая, Е. Ю. Сапрыкина (ред.). М. : ИМЛИ, 2010. С. 20–56. 432 с.
4. Гаврюшина Н. Д. Премчанд и роман хинди XX века. М., Институт востоковедения РАН, 2006. 224 с.
5. Костина Е. А., Челнокова А. В. Лингвистические особенности коммуникации «мать-дочь» в современном хинди (на материале повестей Кришны Собати). Коммуникативные стратегии информационного общества : труды X Международной научно-теоретической конференции. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, 2018. Рр. 107–115.
6. Паевская Е. В. Литература хинди // Литература Востока в Новейшее время. М. : Изд. МГУ, 1977. 199–207 с.
7. Сенкевич А. Н. Человек и природа в лирике Агъея // Художественные направления в индийской литературе XX в. М. : Наука, 1977. С. 226–245.
8. Стрелкова Г. В. Русские герои индийского писателя // Известия Пензенского государственного университета им. В. Г. Беллинского. 2011. № 23. С. 252–258.
9. Эминова С. М. Традиции и новаторство в современном романе хинди. М. : Наука, 1987. С. 44–58. 134 с.
10. *Ajneya*. *Apne-apne ajnabī*. N. Delhi : Bharatiya Jnanpith, 1961. Pp. 5–127.
11. *Ajneya*. *Sanchayitaa*. N. Delhi : Rajkamal prakashan. 2001. 496 p.
12. *Ajneya*. *Shekhar Ek jivanī*. N. Delhi : Ilahabad, 1941–1944. 249 p.
13. *Garg Ganga Ram*. *Encyclopedia of the Hindu World*. N. Delhi : Concept Publishing Company, 1992. 285 p.
14. *Gitanjali Shri*. "Mai". *Kali for women*. 2015. 208 p.
15. *Hindi Modernism: Rethinking Agyeya and His Times* : STEDT monograph series (English and Hindi Edition) / Hindi Edition by Vasudha Dalmia (Author, Editor). February 17, 2012.
16. *Krishna Sobati*. *Listen, Girl* / Translated from Hindi by Shivanath. Katha Publishing House, 2002. 107 p.
17. *Kṛṣṇā Sobtī*. *A Counter Archive*. Delhi : Rajkamal Publishers, 2015; Routledge 2022. 306 p.
18. *Kṛṣṇā Sobtī*. *Ai, Laṛkī*. N. Delhi : Rajkamal Prakashan, 1991. 82 p.
19. *Kṛṣṇā Sobtī*. *The Heart Has Its Reasons* / Translated by Reema Anand and Meenakshi Swami. N. Delhi : Katha, 2005. 220 p.
20. *Kṛṣṇā Sobtī, Krishna Baldev Vaid*. *Sobti-Vaid samvād*. N. Delhi : Rājkamal Prakāśan, 2007. 207 p.
21. *Mountaut Annie*. *Western Influence on Hindi Literature: a Dialogical Process: Agyeya's Apne-apne ajnabī* // *Literature, Language and the Media in India*. Proceedings of the 11th ECMSAS, Amsterdam 1990. Panel 13. Delhi : Manohar, 2000. Pp. 117–137.
22. *Shaah Rameshchandar*. *Agyey Sahitya Academy*. Delhi, 1990. 81 p.
23. *Vatsyayan Sachchidan Hironanda*. *To each his stranger* H. Delhi, 1982. 119 p.

The theme of life and death in the works of Agyei and Krishna Sobati

Strelkova Guzel Vladimirovna

PhD in Philological Sciences, associate professor of the Department of Indian Philology at the Institute of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University; Senior Researcher at the Department of Asian Literatures at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
Russia, Moscow. ORCID: 0000-0003-4989-2428. E-mail: gstr@mail.ru

Abstract. The relevance of this study is determined by the fact that in Russian Indology, the theme of life and death, revealed in the works of Hindi writers Agyei "Strangers to Themselves" and Krishna Sobati "Hey, Girl", had not been considered before. The purpose of the article is to consider an approach to understanding the nature of God, life and death using the example of these two novels, which are vivid examples of Indian modernism. The subject of the article are these two novels – "Strangers to themselves", the author of which – Agyei – is considered the founder of the literary direction of experimentalism, and "Hey, Girl", written by Krishna Sobati, a representative of the direction of "women's writing". The main method of the article is the method of comparative analysis, which allows us to consider works of fiction in relation to the works of other writers, with other literatures and philosophical concepts.

The main characters of Agyei are lonely people who oppose a conservative society and feel excluded from the common world. Krishna Sobati's characters may be perceived as marginal personalities, but they strive to overcome their marginality. The work of these Hindi writers combines Western and Indian approaches to understanding and depicting the world in which their characters live. These works are close compositionally, in creating images of the main characters and in forming narrative elements. Agyei and Krishna Sobati achieve almost the opposite result, describing their characters on the verge between life and death, in search of God and in an effort to know the meaning of their existence.

Keywords: Hindi novel, women's writing, Hinduism, existentialism.

References

1. Averincev S. S. *Avtorstvo i avtoritet. Istochnik: Istoricheskaya poetika. Literaturnye epohi i tipy hudozhestvennogo soznaniya* [Authorship and authority. Source: Historical Poetics. Literary epochs and types of artistic consciousness]. M. 1994. Pp. 105–125.
2. Brosalina E. K. and team of authors. *Ocherki istorii literatur Indii* [Essays on the History of Indian Literature]. SPSU, 2014. 319 p.
3. Vishnevskaya N. A. *Zhizn' i smert' v literature romantizma. Opozitsiya ili edinstvo* [Life and death in the literature of romanticism. Opposition or unity] // N. A. Vishnevskaya, E. Y. Saprykina (ed.). M. IMLI, 2010. Pp. 20–56. 432 p.
4. Gavryushina N. D. *Premchand i roman hindi XXveka* [Premchand and the Hindi novel of the twentieth century]. M. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2006. 224 p.
5. Kostina E. A., Chelnokova A. V. *Lingvisticheskie osobennosti kommunikacii "mat'-doch'" v sovremennom hindi (na materiale povestej Krishny Sobti). Kommunikativnye strategii informacionnogo obshchestva : trudy X Mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konferencii* [Linguistic features of mother-daughter communication in modern Hindi (based on the stories of Krishna Sobti). Communicative strategies of the information society : proceedings of the X International Scientific and Theoretical Conference]. SPb. Publishing House of St. Petersburg State Polytechnic University, 2018. Pp. 107–115.
6. Paevskaia E. V. *Literatura hindi* [Hindi Literature] // *Literatura Vostoka v Novejshee vremya* – Literature of the East in Modern times. M. Publishing House of Moscow State University, 1977. 199–207 p.
7. Senkevich A. N. *Chelovek i priroda v lirike Ag'eya* [Man and nature in the lyrics of Agyei] // *Hudozhestvennye napravleniya v indijskoj literature XX v.* – Artistic trends in Indian literature of the twentieth century. M. Nauka (Science), 1977. Pp. 226–245.
8. Strelkova G. V. *Russkie geroi indijskogo pisatelya* [Russian heroes of the Indian writer] // *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta im. V. G. Belinskogo* – Proceedings of Penza State University n. a. V. G. Belinsky. 2011. No. 23. Pp. 252–258.
9. Eminova S. M. *Tradicii i novatorstvo v sovremennom romane hindi* [Traditions and innovation in the modern Hindi novel]. M. Nauka (Science), 1987. Pp. 44–58. 134 p.
10. *Ajneya*. Apne-apne ajnabi. N. Delhi : Bharatiya Jnanpith, 1961. Pp. 5–127.
11. *Ajneya*. Sanchayitaa. N. Delhi : Rajkamal prakashan. 2001. 496 p.
12. *Ajneya*. Shekhar Ek jivani. N. Delhi : Ilahabad, 1941–1944. 249 p.
13. *Garg Ganga Ram*. Encyclopedia of the Hindu World. N. Delhi : Concept Publishing Company, 1992. 285 p.
14. *Gitanjali Shri*. "Mai". Kali for women. 2015. 208 p.

15. Hindi Modernism: Rethinking Agyeya and His Times : STEDT monograph series (English and Hindi Edition) / Hindi Edition by Vasudha Dalmia (Author, Editor). February 17, 2012.
16. *Krishna Sobati*. Listen, Girl / Translated from Hindi by Shivanath. Katha Publishing House, 2002. 107 p.
17. *Kṛṣṇā Sobtī*. A Counter Archive. Delhi : Rajkamal Publishers, 2015; Routledge 2022. 306 p.
18. *Kṛṣṇā Sobtī*. Ai, Laṛkī. N. Delhi : Rajkamal Prakashan, 1991. 82 p.
19. *Kṛṣṇā Sobtī*. The Heart Has Its Reasons / Translated by Reema Anand and Meenakshi Swami. N. Delhi : Katha, 2005. 220 p.
20. *Kṛṣṇā Sobtī*, *Krishna Baldev Vaid*. *Sobti-Vaid samvād*. N. Delhi : Rājkamal Prakāśan, 2007. 207 p.
21. *Mountaut Annie*. Western Influence on Hindi Literature: a Dialogical Process: Agyeya's Apne-apne ajnabi // Literature, Language and the Media in India. Proceedings of the 11th ECMSAS, Amsterdam 1990. Panel 13. Delhi : Manohar, 2000. Pp. 117–137.
22. *Shaah Rameshchandar*. *Agyey Sahitya Academy*. Delhi, 1990. 81 p.
23. *Vatsyayan Sachchidan Hironanda*. *To each his stranger* H. Delhi, 1982. 119 p.

УДК 821.161.1

DOI: 10.25730/VSU.2070.24.030

Евгений Боратынский и душа неупокоенного младенца

Коршунков Владимир Анатольевич

кандидат исторических наук, доцент, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. E-mail: vla_kor@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрено стихотворение Е. А. Боратынского «Недоносок», которое считается шедевром русской философской лирики. В стихотворении говорится о некоем духе, блуждающем между землей и райскими небесами. В отличие от иных, «высших» духов, он не может достичь рая: им был оживлен «недоносок», оказавшийся нежизнеспособным. Исследователи поэзии Боратынского обращали внимание на то, что это произведение соотносится с поэмами Данте Алигьери, И. В. Гёте, а также философией Платона и ветхозаветными образами. Была намечена связь стихотворения с традиционными славянскими поверьями. Цель статьи – проанализировать сюжетно-образную систему стихотворения Боратынского «Недоносок», сопоставив ее с распространенными у восточных славян фольклорно-мифологическими представлениями.

Важная особенность славянской мифологии состояла в том, что недоношенные и мертворожденные дети считались существами опасными. Они появлялись из «иного мира» и были «нечистыми». Поэтому столь важно было крещение младенца и наделение его христианским именем: так его «очеловечивали». Покинув наш мир, некрещеные младенцы (недоношенные, мертворожденные) начинали обитать в воздухе. Они были схожи с «нечистой силой», а также с душами вредоносных людей – колдунов и грешников. Не допущенные в рай и не упокоившиеся, они страдали сами и заставляли страдать других.

В стихотворении «Недоносок» Боратынский поэтически выразил распространенные в народе представления о «злой», «неправильной», не подготовленной к смерти и ее последствиях для младенца, покинувшего наш мир некрещеным. Эти архаические сюжеты и образы стали основой произведения. Они побуждали поэта к религиозно-философским размышлениям, в которых отразились впечатления от текстов знаменитых авторов прошлого.

Ключевые слова: русская поэзия XIX в., Е. А. Боратынский (Баратынский), философская лирика, посмертная судьба души человека, славянская этнография.

Проблематика: странный персонаж. Евгения Боратынского весьма занимало бытие духа, отделившегося от тела. Около 1835 г. он написал стихотворение «Недоносок». Весной того года оно было опубликовано в журнале «Московский наблюдатель». В 1842 г. Боратынский значительно его переработал и включил в свой поэтический сборник «Сумерки». В стихотворении говорится о некоем духе, блуждающем меж землей и райскими небесами.

По оценке И. М. Семенко, это стихотворение – «шедевр русской философской лирики» [55, с. 228]. Г. Хетсо тоже именовал его шедевром (указывая при том, что оно «труднодоступное», то есть непростое для понимания) [60, с. 321, 482]. М. Вайскопф назвал стихотворение «прославленным» [14, с. 278].

Слово «недоносок» прежде того использовалось П. А. Вяземским и А. С. Пушкиным как в прямом значении, так и в расширенном [45, с. 227–228; 47, с. 68, 72–73]. Возможно, Боратынский употребил его как аналог французского «avorton», значение которого и «мертворожденный», и «рожденный до срока» [3, с. 368–369; 4, с. 644; 11, с. 130; 60, с. 482, прим. 1; 65, pp. 277–278]¹. Обычно обращают внимание, что в этом стихотворении оно стоит в такой форме, которая указывает на неодушевленность: «оживил недоносок» (а не «недоноска»). Соответственно, речь может идти о мертворожденном [39, с. 142].

У Боратынского этот странный персонаж вещает, что он «не житель Эмпирея» – в рай он попасть не может. «И ношусь, крылатый вздох, // Межь землей и небесами». В ранней редакции текста было сетование, что дух не принадлежит к высшим: «Духи высшие, не я, // Постигают тайны мира...». Он подобен птице. Когда блещет солнце, ему радостно. А во время бури по нему бьют древесные листья и земной прах удушает его. Райские арфы звучат для него лишь дальними отголосками. Порою ему смутно слышны и звуки снизу: «...Гром

войны и крик страстей, // Плачь недужного младенца... // Слезы льются из очей: // Жаль земного поселенца!»

Важная деталь: младенца жалко, потому что парящий над юдолью страданий дух предвидит, что может ожидать умирающего ребенка.

Отчего же дух, оторвавшийся от грешной земли и не допущенный в рай, обречен вечно витать в пространстве? Вот финал стихотворения:

На земле
Оживил я недоносок.
Отбыл он без бытия:
Роковая скоротечность!
В тягость роскошь мне твоя,
В тягость твой простор, о вечность!²

Последняя строка была такой: «О, бессмысленная вечность!» Цензор ее вычеркнул, и тогда Боратынский заменил эту строку иной, о тягостном просторе вечности [11, с. 127]³.

Такому автору, как Боратынский, не была свойственна прямолинейность замыслов и образов. По-видимому, это стихотворение – развернутая метафора, его определяют также как метафизическое. Оно о скудости земного бытия, ограниченности человеческого одухотворения, роковой скоротечности жизни [13, с. 117–119], о ненужности человека в мироздании и бессилии человеческого духа [55, с. 257–260], о мучительном разладе человеческого существа, с возвышенными порывами души и низкой его природой [54, с. 15–16]. В нем усматривают образное описание судьбы творца-поэта [14, с. 278–280; 21, с. 15; 39; 47, с. 71–72; 52, с. 9–16], либо одинокого, отчужденного человека [60, с. 482–483], причем с отсылкой к личности и мировосприятию автора [48, с. 63–68]. Действительно, настроение, которое характерно для «Недоноска», заявлено Боратынским в стихотворном посвящении П. А. Вяземскому, которым открывается сборник «Сумерки» [8, с. 11].

В этом стихотворении находили отголоски Данте [39, с. 144–147], Гёте [6; 13, с. 118; 39, с. 161, прим. 38; 65] и философии Платона. Прослежены переключки с предшествующей русской поэзией.

Недавно появилась работа, в которой смыслы этого произведения сопоставлены с ветхозаветными образами. Согласно наблюдениям автора, стихотворение – «отзвук библейского Духа». Святой Дух в Библии – это Божий ветер (или Божье дыхание). Понимаемый так Дух одушевляет человеческое тело, без него человек мертв. «В самой сути библейского Духа, в его “ветрености”, заложено понятие смерти, мимолетности бытия. И эта страшная диалектика создает возможность “хулы на Дух”. Пример тому... “Недоносок” ...» [32].

И. Л. Альми при анализе этого произведения допускала «возможность многих толкований, в равной степени верных и не исчерпывающих поэтического смысла сказанного» [1, с. 106]. С. Г. Бочаров судил так: «“Недоносок” неуследимо почти “собрал в одно целое” очень многое из весьма обширного контекста “материалов поэтических” не только народной поэзии, но и литературы не только национальной, а также и философской мысли, в который он уходит корнями...» [11, с. 141]⁴.

Вполне оправданы поиски не только отдаленных, глубоких религиозно-философских прообразов и смыслов, но также народно-религиозных представлений, которые могли дать творческий импульс Боратынскому. Схожие образы есть в той культуре, которая была ему не менее близка, чем ветхозаветная или западноевропейская, а конкретно – у славян. На славянские поверья о детях, умерших при рождении или до крещения, в связи с этим стихотворением было указано Н. Н. Мазур и затем А. Ю. Панфиловым [39, с. 143–144; 43]. Это наблюдение требует дальнейшего развития.

Боратынскому доводилось размышлять о русской народной поэзии. В 1832 г. в письме к И. В. Киреевскому он отзывался о пушкинской «Сказке о царе Салтане»: «Это совершенно русская сказка, и в этом, мне кажется, ее недостаток». По его мнению, Пушкину нужно было собрать «материалы народной поэзии... в одно полное целое» или уж оставить их, как они есть.

² Это стихотворение в составе сборника «Сумерки»: [58, с. 31–35]. Здесь текст дается по изданию: [8, с. 33–41].

³ Боратынский хотел было написать «безжизненная» вечность, но исправил: «бессмысленная» [7, с. 35, 36].

⁴ См. также исследования этого стихотворения, опубликованные в самое последнее время: [31; 59, с. 89–101].

А собрать их можно только через поэтический вымысел... [2, с. 245]. Н. Н. Мазур отметила, что такое отношение к мифологии дано в его стихотворении «Предрассудок! Он обломок...» [39, с. 159, прим. 23]. В «Недоноске» Боратынский сделал то же самое: на основании народных поверий сформулировал последовательный сюжет [39, с. 143].

Посмертная судьба младенцев. Из стихотворения следует, что дух внедрился в тельце ребенка, когда тот находился еще в утробе матери. Слишком рано появившийся на свет младенец оказался оживлен совсем ненадолго, вскоре его покинула одухотворяющая сила – он «отбыл без бытия».

Между тем глубоко укорененная особенность славянской мифологии состояла в том, что недоношенные и мертворожденные дети считались существами опасными. Они появлялись из «инога мира», а потому считались «нечистыми» и лишь со временем мало-помалу «очеловечивались». Важнейшим было таинство крещения и связанное с ним наделение христианским именем. Говорили, что до крещения души у ребенка нет, только «пар» [29, с. 658]⁵. Поэтому близкие обычно стремились как можно быстрее его окрестить, хотя бы предвзвешенно (это могла сделать бабка-повитуха) или «заочно» [27, с. 102–105, 110; 28; 37; 64, pp. 52–55]⁶. Покинув наш мир, такие младенцы начинали обитать где-то в воздухе и носиться там взад-вперед [16, с. 145–148]. Это роднило их с «нечистой силой», а также с душами вредоносных людей – колдунов и грешников [15, с. 137–139; 28, с. 86–87; 35, с. 379–382; 49, с. 358]. Не допущенные в рай и не упокоившиеся должным образом, они страдали сами и заставляли страдать других.

Поскольку такие младенцы были зловредны и опасны для людей, то их зачастую не хоронили по-людски. Таких закапывали не на кладбище, а за его оградой или же под домом, в саду, вдоль дорог и т. п. [33, с. 138–149; 66, р. 56]. Даже в случае смерти обычных, крещеных детей и подростков их иной раз хоронили сами члены семьи, без участия священника [5, с. 183–184]. Скромно, с минимумом обрядов (не так, как в случае с взрослыми), обставляли погребение ребенка на Урале и в Вятском крае [19, с. 119; 20, с. 60–61].

Герой повести Н. Г. Помяловского «Мещанское счастье» (1861) Егор Молотов обнаружил посреди леса странные погребения некрещеных детей. Могилки оказались связанными с поверьями о душах таких младенцев и представлениями о том, где и как следует таких хоронить [34].

В повести («этнографическом очерке») Ф. М. Решетникова «Подлиповцы» (1864) описаны подробности жизни уральских крестьян. «У Апроськи на семнадцатом году был ребенок, но ребенок этот не дожил до приезда священника, и когда он умер, его зарыли в лесу». А у Сысойки умерли младшие брат и сестра: «Зарыть их так – поп узнает, и тогда беда; ехать к попу – будет денег просить...» [50, с. 10, 14]. Вас. Ив. Немирович-Данченко в 1870-х гг. писал об искавших золото на Урале старателях, которые забирались в самую глушь. Среди них были и женщины. Одна рассказывала о страшном: «А то словно дите малое заплачет где – это непременно младенец, который помер некрещеный» [41, с. 304].

В тех случаях, когда мертворожденных хоронили на обычных кладбищах, то такое погребение не всегда становилось семейной церемонией: все участники – и члены семьи, и кладбищенские служители – относились к этому делу небрежно. Вот два примера, относящихся к Вятскому уезду Вятской губернии.

В 1870 г. крестьянка родила мертвого ребенка. Ее муж передал гробик с телом для погребения церковному сторожу, который велел своему работнику заняться этим. Тот унес гробик на кладбище и там, достав тельце, изрезал его, чтобы достать запекшейся крови, так как слышал, будто бы ею можно лечиться [18, с. 4; 57, с. 119]. Тут даже не церковный сторож, а его помощник в одиночку, без присутствия членов семьи, отправился закапывать гробик.

В 1886 г. в крестьянской семье родился мертвый мальчик. Отец привез гробик с телом в церковь. Священник велел передать гробик церковному сторожу. Отец заплатил сторожу и уехал. Лишь в 1890 г. младенца, оставшегося непогребенным, случайно обнаружили в подвале под колокольной. Сторож просто позабыл о нем [61, ф. 237, оп. 193, д. 525]. И в этом случае погребение должно было свершиться без участия семьи.

Интересные суждения о посмертной судьбе детей высказывались литератором И. М. Долгоруковым (1764–1823), который много размышлял о религии. В автобиографических записках он упоминал о смерти сына-младенца: «Где невинная душа его встретит родителей своих, о

⁵ См. также: [30].

⁶ См. также: [40, с. 225–272; 66, р. 56].

коих он умер, не имел еще понятия? Трудно решить вопрос: счастливы или несчастливы дети, в таком раннем возрасте умирающие? <...> Признаемся, что жизнь, какова она ни есть, есть благо для рода человеческого. Младенец об ней не жалеет, но свойственно участвующим в нем жалеть, что он ее не провел с нами...» [22, т. 1, с. 491–492]. Долгорукова считают деистом, который со временем стал склоняться к православию [56, с. 282; 63]. Но такую эволюцию едва ли можно проследить. Характерно, что сам он отвергал мнение, будто его любимая жена Евгения была деисткой [22, т. 1, с. 644–645]. Он высоко чтит христианство и следовал православным обрядам, хотя осознавал, что обрядность в религии – не главное. При этом, подмечая недостойное поведение священнослужителей, он нередко бывал настроен антиклерикально. Примечательны его сомнения в осмыслении непростой религиозно-этической проблемы – посмертной судьбы младенцев.

Долгорукова долго не оставляли эти мысли. В 1813 г. ему пришлось наблюдать погребение ребенка. Описав суетливые действия попа, он заметил: «...На что для младенцев, для чистейшего, так сказать, духа, такие нескладные обряды?» [25, с. 7].

Подобно «нечистой силе». Согласно же народным представлениям, некрещеные и мертворожденные дети уподоблялись зловредным мертвецам – тем, которые погибли неестественной смертью, не прожив отпущенного им срока. Это убитые, самоубийцы, утопленники, опойцы (сгинувшие от неумеренного питья) и т. д. Таких нельзя было погребать на освященной земле кладбища. Их прикапывали или просто клали на поверхность земли, закидывая ветвями, где-нибудь в дальнем, глухом месте – в чащобе, в овраге, на болоте, на распутье. Когда-то Д. К. Зеленин назвал всех таких вредоносных мертвецов вятским диалектным словом «заложные». Согласно его исследованию, даже образ русалок восходит к представлению о «заложных» покойниках [26]⁷.

Кое-где рассказывали об игошах – уродцах-проказниках в виде безруких, безногих младенцев. Полагали, что они происходят от мертворожденных и от тех детей, что умерли некрещеными. На Русском Севере верили в ичетиков – маленьких водяных существ, которые были душами младенцев, утопленных своими матерями. Дети, от которых избавились их жестокие матери, часто представлялись летучими, наподобие птиц или крылатых насекомых. Родившиеся неживыми или умершие некрещеными становились кикиморами. Вообще же к недоношенным детишкам относились сурово: зачастую их просто укладывали в теплое место, на печь, и почти никак за ними не ухаживали. Если такие выживали, то когда они, наконец, достигали положенного срока, о них начинали заботиться как о нормальных детях. В Полесье считали, что и выкидыши должны «дозреть» – их не зарывали в землю, а оставляли «доспевать» под кучей ветвей и бурелома [10, с. 1342, 1344–1345; 17, с. 166, 168; 24, с. 203–206; 26, с. 70–73; 37, с. 10; 42, с. 138–162; 53, с. 207–208]. У русских старообрядцев в Коми крае выкидыш помещали в долбленную колоду и хоронили в могиле одного из родственников. А если родившийся ребенок умирал до крещения, то говорили: у него «слепая душа». Считалось, что хоть души младенцев, умерших некрещеными, слепые, но зато они не погрязли в грехах и потому пребывают в некоей «южной стране» [23, с. 22, 29].

В Полесье выкидыши, а еще дети мертворожденные, умершие до крещения, погубленные своими матерями, представлялись существами, которые не могли упокоиться на «том свете». По заключению Е. Е. Левкиевской, полесские представления о них весьма архаичны, поскольку «те не обладают сколько-нибудь заметными вредоносными функциями и принадлежат скорее к классу “душ”, чем к классу демонов». Такие души, в отличие от умерших крещеными, не могут попасть в рай и обрести покой. Они маются, страдают от своей «нечистоты», носятся в воздухе, блуждают возле тех мест, где их закопали [37].

Боратынский и смерть. Сходство между старинными славянскими фольклорно-мифологическими представлениями и неким духом, который обрисован Боратынским, весьма значительно. Витание в воздухе между «тем» и «этим» светом, неуспокоенность, уподобление птице (дух летает и иногда поет по-птичьи). Даже своего рода материальность, свойственная демоническим существам, в которых верили крестьяне, заметна и в стихотворении: дух может слышать отдаленные звуки, по нему бьют древесные листья, его удушает прах, из его очей льются слезы. На библейский Дух – глобальный, все оживляющий – этот персонаж, не принадлежащий к разряду «высших духов», похож не слишком.

⁷ См. еще: [36; 38]. Иной взгляд на «заложных» покойников развивает А. А. Панченко, согласно которому это были оставшиеся неизвестными мертвецы, лишенные семейного поминовения (см., например: [44]).

Н. В. Патроева обратила внимание на то, как сам Боратынский переживал смерть собственного ребенка [46, с. 155]. В 1829 г. он писал П. А. Вяземскому: «Смерть подобна деспотической власти. Обыкновенно она кажется дремлющею, но от времени до времени некоторые жертвы выказывают ее существование и наполняют сердце продолжительным ужасом» [2, с. 183]. Для Боратынского смерть малого дитяти – не великая трагедия, однако она внезапно, подобно тирану, напоминает о своей власти над всеми нами. В стихотворении «Смерть» Боратынский воспевал ее могущество [9, с. 33–41]. По словам С. Г. Бочарова, в этом стихотворении смерть – «космический регулятор», она «патетически прославляется как полицейская сила, смиряющая “буйство бытия”...» [12, с. 329]. С. В. Рудакова пришла к выводу, что поэт воспринимал смерть не только как «негативное», но и как «позитивное явление бытия»: она торжественно-возвышенна, она открывает ворота вечности, ею заканчивается земное страдание [51]. Д. Н. Черниговский отметил, что такой вот мотив смерти «как благотворной силы, гармонизирующей мироздание... достаточно редок». Боратынский увидел «в смерти не неизбежное и трагическое прекращение жизни, а наоборот, источник ее вечного обновления» [63]⁸.

Стихотворение «Недоносок» – это произведение, в котором Боратынский поэтически выразил, помимо прочего, широко распространенные в народе представления о «злой», «неправильной», не подготовленной как должно смерти и ее последствиях для младенца, покинувшего наш мир некрещеным. Эти архаические сюжеты и образы побуждали поэта к религиозно-философским размышлениям, в которых, очевидно, отразились впечатления и от Ветхого Завета, и от текстов знаменитых авторов прошлого.

Список литературы

1. Альми И. Л. Метод и стиль лирики Е. А. Баратынского // Русская литература. 1968. № 1. С. 96–106.
2. Баратынский Е. А. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников / сост. С. Г. Бочарова; вступ. ст. Л. В. Дерюгиной; примеч. Л. В. Дерюгиной и С. Г. Бочарова. М.: Правда, 1987. 480 с.
3. Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений / вступ. ст., подг. текста и примеч. Е. Н. Купреяновой. Л.: Советский писатель, 1957. 412 с.
4. Баратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы / изд. подг. Л. Г. Фришман. М.: Наука, 1982. 720 с.
5. Бернштам Т. А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: учение и опыт Церкви в народном христианстве. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. 394 с.
6. Бодрова А. «Духи высшие, не я...»: к истории текста стихотворения Е. А. Баратынского «Недоносок» // История литературы. Поэтика. Кино: сб. в честь М. О. Чудаковой / ред.-сост. О. Лямина, О. Лекманов, А. Осповат. М.: Новое издательство, 2012. С. 53–62.
7. Бодрова А. С. Поздняя лирика Е. А. Баратынского: источниковедческий и текстологический аспекты: дисс. ... канд. филол. наук / Российский государственный гуманитарный университет. М., 2010. 245 с.
8. Боратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. М.: Языки славянских культур / ред. тома А. С. Бодрова, Н. Н. Мазур; подг. текста и текстологич. коммент. А. С. Бодровой при участии А. Р. Зарецкого, Н. Н. Мазур, А. М. Пескова. М.: Языки славянских культур, 2012. Т. 3. Ч. 1. 608 с.
9. Боратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем / ред. О. В. Голубева, А. Р. Зарецкий, А. М. Песков. М.: Языки славянских культур, 2002. Т. 2. Ч. 1. 440 с.
10. Боряк О. Традиційні уявлення про душу на теренах Українського Полісся (за польовими матеріалами) // Народознавчі зошити. 2021. № 6 (162). С. 1335–1348. DOI: <https://doi.org/10.15407/nz2021.06.1335>.
11. Бочаров С. Г. «О бессмысленная вечность!» От «Недоноска» к «Идиоту» // К 200-летию Боратынского: сб. мат. междунар. науч. конф., сост. 21–23 февр. 2000 г. / ред. И. А. Пильщиков. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 127–150.
12. Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. 632 с.
13. Бочаров С. Г. О художественных мирах. М.: Советская Россия, 1985. 296 с.
14. Вайскопф М. Птица тройка и колесница души: работы 1978–2003 гг. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 576 с.
15. Виноградова Л. Н. Духи, вселяющиеся в человека // Studia mythologica Slavica. Ljubljana, 1998. № 1. С. 131–140.
16. Виноградова Л. Н. Материальные и бестелесные формы существования души // Славянские этюды: сб. к юбилею С. М. Толстой / отв. ред. Е. Е. Левкиевская. М.: Индрик, 1999. С. 141–160.
17. Власова М. Новая АБЕВЕГА русских суеверий: иллюстрированный словарь. СПб.: Северо-Запад, 1995. 383 с.
18. Вятские губернские ведомости. 1871. № 33 (24 апр.).

⁸ См. также: [67, pp. 168–169].

19. Голикова С. В. Народная религиозность русского населения Урала XVIII – начала XX вв. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2011. 236 с.
20. Голикова С. В. Отношение к детской смертности в традиционной культуре русских Урала XVIII – начала XX вв. // Уральский исторический вестник. 2017. № 1 (54). С. 59–64.
21. Гофман М. Л. Поэзия Боратынского : историко-литературный этюд. Пг. : Государственная типография, 1915. 28 с.
22. Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-м году от рождения моего. СПб. : Наука, 2004–2005. Т. 1–2. 816, 727 с.
23. Дронова Т. И. Рождение и воспитание детей в традициях русских староверов-беспоповцев Усть-Цильмы // «Жили мы у бабушки, кушали оладышки...» (детский фольклор Усть-Цильмы) / сост. Т. И. Дронова (отв. сост.), Т. С. Канева. Сыктывкар : Коми книжное издательство, 2006. С. 20–47.
24. Журавлёв А. Ф. Из мелкой сволочи (русское демонологическое название *игоша*) // Славянские этюды : сб. к юбилею С. М. Толстой / отв. ред. Е. Е. Левкиевская. М. : Индрик, 1999. С. 203–206.
25. Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года князя И. М. Долгорукова. М. : В Унив. ситетской типографии, 1870. 122 с. С. II.
26. Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественною смертью и русалки. М. : Индрик, 1995. 432 с.
27. Кабакова Г. И. Антропология женского тела в славянской традиции. М. : Ладомир, 2001. 335 с.
28. Кабакова Г. И. Дети некрещеные // Славянские древности : этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 86–88.
29. Кабакова Г. И. Крестины // Славянские древности : этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 658–660.
30. Кабакова Г. И. Крещение // Славянские древности : этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 664–667.
31. Касаткина Т. А. Е. А. Боратынский: аспекты художественной антропологии. «Недоносок» // Поэзия мысли: от романтизма к современности. К 220-летию Е. А. Боратынского : коллективная монография / общ. ред. и сост. Е. А. Тахо-Годи. СПб. : Нестор-История, 2023. С. 54–62.
32. Ковельман А. Б. Дух, бытие и свобода: «Недоносок» Боратынского в библейском контексте // Вопросы философии. 2021. № 1. С. 88–99.
33. Королёва С. Ю. «В голбче-то у нас могильник»: детские захоронения вне общего кладбища в XX в. (практики и нарративы Северного Прикамья) // Традиционная культура. 2018. Т. 19. № 3. С. 138–149.
34. Коршунков В. А. Имеют ли душу животные и некрещеные младенцы? Как герой повести Н. Г. Помяловского стал свидетелем создания мифа // Человек. 2010. № 5. С. 122–131.
35. Левкиевская Е. Е. Вихрь // Славянские древности : этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 379–382.
36. Левкиевская Е. Е. Покойник «заложный» // Славянские древности : этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 118–124.
37. Левкиевская Е. Е. Полесские поверья о некрещеных детях // Живая старина. 2009. № 4. С. 7–10.
38. Левкиевская Е. Е. Самоубийца // Славянские древности : этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 538–541.
39. Мазур Н. Н. «Недоносок» Боратынского // Поэтика. История литературы. Лингвистика : сб. к 70-летию Вяч. Вс. Иванова / редкол.: А. А. Вигасин [и др.]. М. : ОГИ, 1999. С. 140–168.
40. Народная демонология Полесья: публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века / сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2012. Т. 2. 800 с.
41. Немирович-Данченко Вас. Ив. Кама и Урал (очерки и впечатления). СПб. : Изд. П. П. Сойкина, [1904]. [Ч. 2]. Урал. С. 184. 448 с.
42. Никитина А. В. Образ кукушки в славянском фольклоре. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2002. 176 с.
43. Панфилов А. Ю. Из литературной предыстории стихотворения Е. А. Боратынского «Недоносок». URL: http://samlib.ru/p/panfilow_a_j/01cook.shtml (дата обращения: 11.09.2023).
44. Панченко А. «Заложные родители»: смерть, коллективная память и сакральное пространство // Сакральная география в славянской и еврейской культурной традиции : сб. ст. / отв. ред. О. В. Белова. М., 2008. ([Сэфер]. Академическая серия. Вып. 22). С. 232–259.
45. Патроева Н. В. История «прозаизма» *недоносок* в русском поэтическом дискурсе // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2020. № 3. С. 226–233.
46. Патроева Н. В. Стихотворение Е. А. Боратынского «Недоносок» и русская поэтическая традиция // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6–2 (24). С. 153–158.
47. Патроева Н. В. Судьба *недоноска*: история «непоэтического» слова в русской лирике // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2019. № 19. С. 67–77.
48. Песков А. М. Е. А. Боратынский: очерк жизни и творчества // Боратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. М. : Языки славянских культур, 2002. Т. 1. С. 22–70.

49. Плотникова А. А. Ветер // Славянские древности : этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 357–361.
50. Решетников Ф. М. Полн. собр. соч. Свердловск : Свердловское областное издательство, 1936. Т. 1. С. XVI. 475 с.
51. Рудакова С. В. Мотив смерти в поэтическом мире Е. А. Боратынского // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 34 (172). Серия: Филология. Искусствоведение. Вып. 36. С. 91–95.
52. Рудакова С. В. Трагедия человека в «Недоноске» Е. А. Боратынского // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2013. Вып. 4. С. 9–16.
53. Русский демонологический словарь / авт.-сост. Т. А. Новичкова. СПб. : Петербургский писатель, 1995. 640 с.
54. Саводник В. Е. А. Баратынский. 1800–1900 : критический очерк. М. : Товарищество типо-литографии Владимир Чичерин, 1900. 18 с.
55. Семенко И. М. Поэты пушкинской поры. М. : Художественная литература, 1970. 295 с.
56. Степанов В. П. Долгоруков // Словарь русских писателей XVIII века / отв. ред. А. М. Панченко. Л. : Наука, 1988. Вып. 1. С. 279–283.
57. Столетие Вятской губернии. 1780–1880 : сб. мат-в к истории Вятского края. Вятка : Типография Губернского правления и литография Котлевич, 1881. Т. 2. 389–852, 111–186 с.
58. Сумерки : сочинение Евгения Боратынского. М. : В типографии А. Семена, 1842. 88, II с.
59. Тахо-Годи Е. А. Е. А. Боратынский – искушение недоказуемым // Поэзия мысли: от романтизма к современности. К 220-летию Е. А. Боратынского : коллективная монография / общ. ред. и сост. Е. А. Тахо-Годи. СПб. : Нестор-История, 2023. С. 74–107.
60. Хетсо Г. Евгений Баратынский: жизнь и творчество. Oslo; Bergen; Tromsø : Universitetsforlaget, 1973. 755 с.
61. Центральный государственный архив Кировской области.
62. Черниговский Д. Н. Антиклерикальные мотивы в сатирической поэзии И. М. Долгорукова // На пересечении языков и культур: актуальные проблемы гуманитарного знания. 2021. № 3 (21). С. 353–358.
63. Черниговский Д. Н. К истории одного мотива: Е. А. Баратынский и И. М. Долгоруков // Анализ художественного произведения : сб. науч. тр. / отв. ред. К. Г. Бронников. Киров : Кировский госпединститут, 1993. С. 23–30.
64. Kabakova G. La mort d'un enfant dans la tradition slave orientale // La mort de l'enfant: approches historiques et littéraires / sous la direction de Ch. Zaremba. Aix-en-Provence : Publications de l'Université de Provence, 2011. Pp. 47–58.
65. Liapunov V. A. Goethian subtext of E. A. Baratynskij's «Nedonosok» // Slavic poetics: essays in honor of Kiril Taranovsky / ed. by R. Jakobson, C. H. van Schooneveld, D. S. Worth. The Hague; Paris : De Gruyter and Mouton, 1973. Pp. 277–281.
66. Sedakova I. Unlived life: the death and funeral of a child in Slavic traditional culture // Folklore: Electronic Journal of Folklore. 2020. Vol. 80. Pp. 47–68. URL: <https://www.folklore.ee/folklore/vol80/sedakova.pdf> (дата обращения: 16.12.2023).
67. Yamaji A. Russian poets on death and the dead // Quaestio Rossica. 2016. Т. 4. № 4. Pp. 168–169. DOI: 10.15826/qr.2016.4.198.

Evgeny Boratynsky and the restless soul of an unbaptized baby

Korshunkov Vladimir Anatol'evich

PhD in Historical Sciences, associate professor, Vyatka State University, Russia, Kirov. E-mail: vla_kor@mail.ru

Abstract. This article examines Evgeny Boratynsky's poem "Nedonosok" (The Abortion), which is considered to be a masterpiece of Russian philosophical lyrics. The poem talks about a spirit wandering between the earth and the paradise in heaven. Unlike other "higher" spirits it cannot reach heaven: such the spirit revived a "nedonosok" who was not unviable. Researchers of Boratynsky's poetry have drawn attention to the fact that this poem reflects impressions from the texts of Dante Alighieri, Johann Goethe, as well as the Plato's philosophy and Old Testament images. The connection of Boratynsky's poem with traditional Slavic beliefs was also outlined. The purpose of this article is to analyze the narrative and image system of the poem, comparing it with the folklore and mythological ideas of Eastern Slavs.

An important feature of Slavic mythology was that premature and stillborn children were considered dangerous creatures. They appeared from the "other world" and were "unclean". That's why it was so important to baptize an infant and give him a Christian name: in this way a child was to be "humanized". Having left our world, unbaptized (premature, stillborn) babies began to dwell in the air. They were similar to "evil spirits", as well as to the souls of harmful people – sorcerers and sinners. Not allowed into heaven and not resting, they suffered themselves and made others suffer.

In his poem "Nedonosok" Boratynsky expressed folk beliefs about the "evil," "wrong," unprepared death and its consequences for a baby who left our world unbaptized. These archaic plots and images formed the

basis of this poem. They prompted the poet to the religious and philosophical meditations which reflected impressions from the texts of famous authors of the past.

Keywords: Russian poetry of 19th century, Evgeny A. Boratynsky (Baratynsky), philosophical lyrics, posthumous fate of human soul, ethnography of Slavs.

References

1. Almi I. L. *Metod i stil' liriki E. A. Baratynskogo* [Method and style of the E. A. Baratynsky's lyrics] // *Russkaya literatura* – Russian Literature. 1968. No. 1. Pp. 96–106.
2. *Baratynsky E. A. Stihotvoreniya. Pis'ma. Vospominaniya sovremennikov* [Poems. Letters. Memoirs of contemporaries] / ed. by S. G. Bocharova, L. V. Deryugina. M. Pravda (Truth). 1987. 480 p.
3. *Baratynsky E. A. Poln. sobr. stihotvoreniy* [Complete collection of poems] / ed. by E. N. Kupreyanova. L. Sovetskij pisatel' (Soviet Writer). 1957. 412 p.
4. *Baratynsky E. A. Stihotvoreniya. Poemy* [Poems] / ed. by L. G. Frizman. M. Nauka (Science). 1982. 720 p.
5. *Bernshtam T. A. Molodost' v simbolizme perekhodnykh obryadov vostochnykh slavyan: uchenie i opyt Cerkvi v narodnom hristianstve* [Youth in symbolism of the transitional rites of the Eastern Slavs: the teaching and experience of the Church in folk Christianity]. SPb. Peterburgskoe vostokovedenie. 2000. 394 p.
6. *Bodrova A. "Duhi vysshie, ne ya...": k istorii teksta stihotvoreniya E. A. Baratynskogo "Nedonosok"* ["Higher spirits, not me...": on the history of the text of E. A. Baratynsky's poem "Nedonosok"] // *Istoriya literatury. Poetika. Kino: sb. v chest' M. O. Chudakovej* – History of Literature. Poetics. Cinema: collection in honor of M. O. Chudakova / ed. by O. Lyamina, O. Lekmanov, A. Ospovat. M. Novoe izdatel'stvo (New Publishing House). 2012. Pp. 53–62.
7. *Bodrova A. S. Pozdnyaya lirika E. A. Boratynskogo: istochnikovedcheskij i tekstologicheskij aspekty: dis. ... kand. filol. nauk* [Late lyrics by E. A. Boratynsky: source study and textual aspects: diss. ... PhD in Philol. Sciences] // *Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet* – Russian State University of Humanities. M. 2010. 245 p.
8. *Boratynsky E. A. Poln. sobr. soch. i pisem* [Complete works and letters]. M. Yazyki slavyanskih kultur. 2012. Vol. 3, part 1 / ed. by A. S. Bodrova, N. N. Mazur, A. M. Peskov. 608 p.
9. *Boratynsky E. A. Poln. sobr. soch. i pisem* [Complete works and letters]. M. Yazyki slavyanskih kultur, 2002. Vol. 2, part 1 / ed. by O. V. Golubeva, A. R. Zarecky, A. M. Peskov. 440 p.
10. *Boryak O. Tradicijni uyavleniya pro dushu na terenah Ukrain'skogo Polissya (za pol'ovimi materialami)* [Traditional ideas about a soul on the territory of Ukrainian Polissya (based on field materials)] // *Narodoznavchi zoshiti* – Ethnographic notebooks. 2021. No. 6 (162). Pp. 1335–1348. DOI: 10.15407/nz2021.06.1335
11. *Bocharov S. G. "O bessmyslennaya vechnost'!" Ot "Nedonoska" k "Idiotu"* ["Oh senseless eternity!" From the "Nedonosok" to the "Idiot"] // *K 200-letiyu Boratynskogo: sb. mat. mezhdunar. nauch. konf., sost. 21–23 fevr. 2000 g.* – To the 200th anniversary of Boratynsky: collection of materials from the international scientific conference, February 21–23, 2000 / ed. by I. A. Pil'shchikov. M. IMLI RAN Publ. House. 2002. Pp. 127–150.
12. *Bocharov S. G. Syuzhety russkoj literatury* [Plots of Russian literature]. M. Yazyki russkoj kul'tury. 1999. 632 p.
13. *Bocharov S. G. O hudozhestvennykh mirakh* [About artistic worlds]. M. Sovetskaya Rossiya. 1985. 296 p.
14. *Vajskopf M. Ptica trojka i kolesnica dushi: raboty 1978–2003 godov* [The troika bird and the chariot of soul: works from 1978–2003]. M. Novoe literaturnoe obozrenie. 2003. 576 p.
15. *Vinogradova L. N. Duhi, vselyayushchiesya v cheloveka* [Spirits possessing a person] // *Studia mythologica Slavica*. Ljubljana, 1998. No. 1. Pp. 131–140.
16. *Vinogradova L. N. Material'nye i bestelesnye formy sushchestvovaniya dushi* [Material and incorporeal forms of existence of a soul] // *Slavyanskie etyudy: sb. k yubileyu S. M. Tolstoj* – Slavic etudes: collection for the anniversary of S. M. Tolstoy / ed. by E. E. Levkivskaya. M. Indrik. 1999. Pp. 141–160.
17. *Vlasova M. Novaya ABEVEGA russkikh suverij: illyustrirovannyj slovar'* [New vocabulary of Russian superstitions: illustrated dictionary]. SPb. Severo-Zapad. 1995. 383 p.
18. *Vyatskie gubernskie vedomosti* [Vyatka Provincial Gazette]. 1871. No. 33 (April, 24).
19. *Golikova S. V. Narodnaya religioznost' russkogo naseleniya Urala XVIII – nachala XX vekov* [Folk religiosity of the Russian population of the Urals in the 18th – early 20th centuries]. Ekaterinburg. Bank kul'turnoj informacii. 2011. 236 p.
20. *Golikova S. V. Otnoshenie k detskoj smertnosti v tradicionnoj kul'ture russkikh Urala XVIII – nachala XX vv.* [Attitude to infant mortality in the traditional culture of Russians of the Urals in the 18th – early 20th centuries] // *Ural'skij istoricheskij vestnik* – Ural Historical Journal. 2017. No. 1 (54). Pp. 59–64.
21. *Gofman M. L. Poeziya Boratynskogo: istoriko-literaturnyj etyud* [Boratynsky's poetry: a historical and literary study]. Petrograd. Gosudarstvennaya tipografiya. 1915. 28 p.
22. *Dolgorukov I. M. Povest' o rozhdenii moem, proiskhozhdenii i vsej zhizni, pisannaya mnoj samim i nachataya v Moskve 1788-go goda v avguste mesyace, na 25-m godu ot rozhdeniya moego* [The story of my birth, origin and whole life written by myself and begun in Moscow in August 1788, in the 25th year from my birth]. SPb. Nauka (Science). 2004–2005. Vol. 1–2. 816, 727 p.
23. *Dronova T. I. Rozhdenie i vospitanie detej v tradiciyah russkikh staroverov-bespopovcev Ust'-Cil'my* [Birth and upbringing of children in the traditions of the Russian Old Believers-Bespopovtsy of Ust-Tsilma] // *"Zhili my u babushki, kushali oladyshki..." (detskij fol'klor Ust'-Cil'my)* – "We lived with our grandmother, ate pan-

cakes..." (children's folklore of Ust-Tsilma) / ed. by T. I. Dronova, T. S. Kaneva. Syktyvkar. Komi knizhnoe izdatel'stvo. 2006. Pp. 20–47.

24. Zhuravlyov A. F. *Iz melkoj svolochi (russkoe demonologicheskoe nazvanie 'igosha')* [From the petty bastard (Russian demonological name 'igosha')] // *Slavyanskije etyudy : sb. k yubileyu S. M. Tolstoj* – Slavic sketches : collection for the anniversary of S. M. Tolstaya / ed. by E. E. Levkievskaya. M. Indrik. 1999. Pp. 203–206.

25. *Zhurnal puteshestviya iz Moskvy v Nizhnij 1813 goda knyazya I. M. Dolgorukova* [Journal of travel from Moscow to Nizhny in 1813 by Prince I. M. Dolgorukov]. M. Universitetskaya tipografija. 1870. 122, II p.

26. Zelenin D. K. *Izbrannye trudy. Ocherki russkoj mifologii: umershie neestestvennoyu smert'yu i rusalki* [Selected works. Essays on Russian mythology: those who died an unnatural death and the rusalkas]. M. Indrik. 1995. 432 p.

27. Kabakova G. I. *Antropologiya zhenskogo tela v slavyanskoj tradicii* [Anthropology of a female body in the Slavic tradition]. M. Lodomir. 2001. 335 p.

28. Kabakova G. I. *Deti nekreshchenye* [Unbaptized children] // *Slavyanskije drevnosti : etnolingvisticheskij slovar'* – Slavic antiquities : ethnolinguistic dictionary / ed. by N. I. Tolstoy. M. Mezhdunarodnye otnosheniya (International Relations). 1999. Vol. 2. Pp. 86–88.

29. Kabakova G. I. *Krestiny* [Christening] // *Slavyanskije drevnosti : etnolingvisticheskij slovar'* – Slavic antiquities : ethnolinguistic dictionary / ed. by N. I. Tolstoy. M. Mezhdunarodnye otnosheniya (International Relations). 1999. Vol. 2. Pp. 658–660.

30. Kabakova G. I. *Kreshchenie* [Baptism] // *Slavyanskije drevnosti : etnolingvisticheskij slovar'* – Slavic antiquities : ethnolinguistic dictionary / ed. by N. I. Tolstoy. M. Mezhdunarodnye otnosheniya (International Relations). 1999. Vol. 2. Pp. 664–667.

31. Kasatkina T. A. E. A. *Boratynskij: aspekty hudozhestvennoj antropologii. "Nedonosok"* [Boratynsky: aspects of artistic anthropology. "Nedonosok"] // *Poeziya mysli: ot romantizma k sovremennosti. K 220-letiyu E. A. Boratynskogo : kollektivnaya monografiya* – Poetry of thought: from romanticism to modernity. To the 220th anniversary of E. A. Boratynsky : collective monograph / ed. by E. A. Takho-Godi. SPb. Nestor-Istoriya. 2023. Pp. 54–62.

32. Kovel'man A. B. *Duh, bytie i svoboda: "Nedonosok" Baratynskogo v biblejskom kontekste* [Spirit, being and freedom. Baratynsky's "Nedonosok" in the Bible context] // *Voprosy filosofii* – Questions of Philosophy. 2021. No. 1. Pp. 88–99.

33. Korolyova S. Yu. *"V golbche-to u nas mogil'nik": detskie zahoroneniya vne obshchego kladbishcha v XX v. (praktiki i narrativy Severnogo Prikam'ya)* ["There are graves in our cellar": burials of children outside the common cemeteries in the 20th century (practices and narratives of the Northern Kama river's basin)] // *Tradicionnaya kul'tura* – Traditional Culture. 2018. Vol. 19. No. 3. Pp. 138–149.

34. Korshunkov V. A. *Imeyut li dushu zhivotnye i nekreshchenye mladency? Kak geroj povesti N. G. Pomyalovskogo stal svidetelem sozdaniya mifa* [Do animals and infants died unbaptized possess a soul? How the hero of Nikolai Pomyalovsky's story has witnessed the creation of a myth] // *Chelovek* – The Man. 2010. No. 5. Pp. 122–131.

35. Levkievskaya E. E. *Vihr'* [Vortex] // *Slavyanskije drevnosti : etnolingvisticheskij slovar'* – Slavic antiquities : ethnolinguistic dictionary / ed. by N. I. Tolstoy. M. Mezhdunarodnye otnosheniya (International Relations). 1995. Vol. 1. Pp. 379–382.

36. Levkievskaya E. E. *Pokojnik "zalozhnyj"* ["Zalozhny" dead man] // *Slavyanskije drevnosti : etnolingvisticheskij slovar'* – Slavic antiquities : ethnolinguistic dictionary / ed. by N. I. Tolstoy. M. Mezhdunarodnye otnosheniya (International Relations). 2009. Vol. 4. Pp. 118–124.

37. Levkievskaya E. E. *Poleskie pover'ya o nekreshchenyh detyah* [Polesie beliefs about unbaptized children] // *Zhivaya starina* – The Living Past. 2009. No. 4. Pp. 7–10.

38. Levkievskaya E. E. *Samoubijca* [Suicide] // *Slavyanskije drevnosti : etnolingvisticheskij slovar'* – Slavic antiquities : ethnolinguistic dictionary / ed. by N. I. Tolstoy. M. Mezhdunarodnye otnosheniya (International Relations). 2009. Vol. 4. Pp. 538–541.

39. Mazur N. N. *"Nedonosok" Baratynskogo* ["Nedonosok" by Baratynsky] // *Poetika. Istorija literatury. Lingvistika : sb. k 70-letiyu Vyach. Vs. Ivanova* – Poetics. History of literature. Linguistics : collection to the 70th anniversary of Vyach. Vs. Ivanov / ed. by A. A. Vigin [et al.]. M. OGI. 1999. Pp. 140–168.

40. *Narodnaya demonologiya Poles'ya: publikacii tekstov v zapisyah 80–90-h gg. XX veka* [Folk demonology of Polesie: publication of texts in records of the 80–90s of the 20th century]. M. Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi. 2012. Vol. 2 / ed. by L. N. Vinogradova, E. E. Levkievskaya. 800 p.

41. *Nemirovich-Danchenko Vas. Iv. Kama i Ural (ocherki i vpechatleniya)* [Kama and Ural (essays and impressions)]. SPb. P. P. Soykin's Edition. [1904]. [Part 2]. 184, 448 pp.

42. Nikitina A. V. *Obraz kukushki v slavyanskom fol'klore* [Image of a cuckoo in Slavic folklore]. SPb. SPbSU Filological Faculty Publ. House. 2002. 176 p.

43. Panfilov A. Yu. *Iz literaturnoj predystorii stihotvoreniya E. A. Baratynskogo "Nedonosok"* [From the literary background of E. A. Baratynsky's poem "Nedonosok"]. Available at: http://samlib.ru/p/panfilov_a_j/01cook.shtml (date accessed: 11.09.2023).

44. Panchenko A. *"Zalozhnye roditeli": smert', kollektivnaya pamyat' i sakral'noe prostranstvo* ["Zalozhnye roditeli": death, collective memory and sacred space] // *Sakral'naya geografiya v slavyanskoj i evrejskoj kul'turnoj tradicii : sb. st.* – Sacred geography in the Slavic and Jewish cultural tradition : collection of articles / ed. by O. V. Belova. M. 2008. ([Sefer]. Akademicheskaya seriya. Is. 22). Pp. 232–259.

45. Patroeva N. V. *Istoriya "prozaizma" nedonosok v russkom poeticheskom diskurse* [Story of the "prosaic" word 'nedonosok' in the Russian poetic discourse] // *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* – Slavic Historical Lexicology and Lexicography. 2020. No. 3. Pp. 226–233.
46. Patroeva N. V. *Stihotvorenie E. A. Baratynskogo "Nedonosok" i russkaya poeticheskaya tradiciya* [Poem "Nedonosok" by E. A. Baratynsky and Russian poetic tradition] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* – Philology. Theory and Practice. 2013. No. 6–2 (24). Pp. 153–158.
47. Patroeva N. V. *Sud'ba nedonoska: istoriya "nepoeticheskogo" slova v russkoj lirike* [Fate of 'nedonosok': story of "non-poetic" word in Russian lyrics] // *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* – Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute. 2019. No. 19. Pp. 67–77.
48. Peskov A. M. E. A. *Boratynskij: ocherk zhizni i tvorchestva* [Boratynsky: an essay on life and work] // *Boratynskij E. A. Poln. sobr. soch. i pisem* – Boratynsky E. A. Complete collection of works and letters. M. Yazyki slavyanskih kul'tur. 2002. Vol. 1. Pp. 22–70.
49. Plotnikova A. A. *Veter* [Wind] // *Slavyanskije drevnosti : etnolingvisticheskij slovar'* – Slavic antiquities : ethnolinguistic dictionary / ed. by N. I. Tolstoy. M. Mezhdunarodnye otnosheniya (International Relations). 1995. Vol. 1. Pp. 357–361.
50. *Reshetnikov F. M. Poln. sobr. soch.* [Complete collection of works]. Sverdlovsk. Sverdlovskoe oblastnoe izdatel'stvo. 1936. Vol. 1. XVI, 475 pp.
51. Rudakova S. V. *Motiv smerti v poeticheskom mire E. A. Boratynskogo* [Motive of a death in the E. A. Boratynsky's poetic world] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* – Bulletin of Chelyabinsk State University. Ser. : Philology. Art history. 2009. No. 34 (172). Is. 36. P. 91–95.
52. Rudakova S. V. *Tragediya cheloveka v "Nedonoske" E. A. Boratynskogo* [Tragedy of a person in the "Nedonosok" by E. A. Boratynsky] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta* – Bulletin of Udmurt University. Ser. : History and Philology. 2013. Is. 4. Pp. 9–16.
53. *Russkij demonologicheskij slovar'* [Russian demonological dictionary] / ed. by T. A. Novichkova. SPb. Peterburgskij pisatel'. 1995. 640 p.
54. *Savodnik V. E. A. Boratynskij. 1800–1900 : kriticheskij ocherk* [Boratynsky. 1800–1900 : critical essay]. M. Tovarishchestvo tipo-litografii Vladimir Chicherin. 1900. 18 p.
55. *Semenko I. M. Poety pushkinskoj pory* [Poets of the Pushkin's era]. M. Hudozhestvennaya literatura (Fiction). 1970. 295 p.
56. *Stepanov V. P. Dolgorukov* [Dolgorukov] // *Slovar' russkikh pisatelej XVIII veka* – Dictionary of Russian writers of the 18th century / ed. by A. M. Panchenko. L. Nauka (Science). 1988. Is. 1. Pp. 279–283.
57. *Stoletie Vyatskoj gubernii. 1780–1880 : sbornik materialov k istorii Vyatskogo kraja* [Centenary of the Vyatka province. 1780–1880 : collection of materials on the history of the Vyatka region]. Vyatka. Tipografiya Gubernskogo pravleniya i litografiya Kotlevich, 1881. Vol. 2. 389–852, 111–186 pp.
58. *Sumerki : sochinenie Evgeniya Boratynskogo* [Twilight : composition by Evgeny Boratynsky]. M. V tipografii A. Semena. 1842. 88, II pp.
59. *Takho-Godi E. A. E. A. Boratynskij – iskushenie nedokazuemym* [E. A. Boratynsky – temptation of the inprovable] // *Poeziya mysl: ot romantizma k sovremennosti. K 220-letiyu E. A. Boratynskogo : kollektivnaya monografiya* – Poetry of thought: from romanticism to modernity. To the 220th anniversary of E. A. Boratynsky : collective monograph / ed. by E. A. Takho-Godi. SPb. Nestor-Istoriya. 2023. Pp. 74–107.
60. *Kjetsaa G. Evgenij Baratynskij: zhizn' i tvorchestvo* [Evgeny Baratynsky: life and work]. Oslo ; Bergen ; Tromsø. Universitetsforlaget, 1973. 755 p.
61. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Kirovskoj oblasti* – Central State Archive of Kirov Region.
62. *Chernigovsky D. N. Antiklerikal'nye motivy v satiricheskoy poezii I. M. Dolgorukova* [Anti-clerical motifs in the satirical poetry of I. M. Dolgorukov] // *Na peresechenii yazykov i kul'tur: aktual'nye problemy gumanitarnogo znaniya* – At the Intersection of Languages and Cultures: Current Problems of Humanitarian Knowledge. 2021. No. 3 (21). Pp. 353–358.
63. *Chernigovsky D. N. K istorii odnogo motiva: E. A. Boratynskij i I. M. Dolgorukov* [On the history of one motif: E. A. Boratynsky and I. M. Dolgorukov] // *Analiz hudozhestvennogo proizvedeniya : sb. nauch. tr.* – Analysis of a work of fiction : collection of scientific works / ed. by K. G. Bronnikov. Kirov. Kirov State Pedagogical Institute Publ. House. 1993. Pp. 23–30.
64. *Kabakova G. La mort d'un enfant dans la tradition slave orientale // La mort de l'enfant: approches historiques et littéraires / sous la direction de Ch. Zarembo. Aix-en-Provence. Publications de l'Université de Provence. 2011. Pp. 47–58.*
65. *Liapunov V. A. Goethian subtext of E. A. Boratynskij's "Nedonosok"* // *Slavic poetics: essays in honor of Kiril Taranovsky* / ed. by R. Jakobson, C. H. van Schooneveld, D. S. Worth. The Hague; Paris. De Gruyter and Mouton. 1973. Pp. 277–281.
66. *Sedakova I. Unlived life: the death and funeral of a child in Slavic traditional culture* // *Folklore: Electronic Journal of Folklore*. 2020. Vol. 80. Pp. 47–68. Available at: <https://www.folklore.ee/folklore/vol80/sedakova.pdf> (date accessed: 16.12.2023).
67. *Yamaji A. Russian poets on death and the dead* // *Quaestio Rossica*. 2016. Vol. 4. No. 4. Pp. 168–169. DOI: 10.15826/qr.2016.4.198.

УДК 821.161.1

DOI: 10.25730/VSU.2070.24.031

Эволюция мотива расставания с возлюбленной в лирике Леонида Завальнюка

Гавриленко Виктория Дмитриевна

старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного,
Благовещенский государственный педагогический университет,
Россия, г. Благовещенск. ORCID: 0000-0002-1489-1196. E-mail: gin_kitsune@list.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию поэзии советского и российского поэта Леонида Завальнюка и направлена на изучение одного из ключевых мотивов в его лирике – мотива расставания. Данный мотив в творчестве Завальнюка многогранен: это расставание с семьей, с малой родиной, а также с любимой женщиной. В этой статье мы обратимся именно к мотиву расставания с возлюбленной. Стоит отметить, что на сегодняшний день творческое наследие Завальнюка остается малоизученным и данный аспект ранее не становился предметом исследования.

Выделяется два периода, когда поэт обращался к мотиву расставания с возлюбленной: период становления и поиска собственной манеры (1950–1960-е гг.) и период зрелости (1990–2000-е гг.). Лирику Завальнюка отличает философичность, автобиографичность и ироничность повествования. Фактором, обусловившим появление мотива расставания с возлюбленной, становится тяжело переживаемое поэтом расставание со второй женой Ритой Шипош. Этот мотив ярко заявляет о себе в стихотворении «Быть честным – это тяжело...», существующем в двух вариантах. В этом стихотворении поэт переосмысливает произошедший разрыв, примиряется с ним и берет на себя ответственность за событие.

Впоследствии мотив расставания с возлюбленной претерпевает существенные изменения. В стихотворениях «В белых тапках», «Гриппозное», «Женщине к вдовству не привыкать» Завальнюк пишет о неминуемой разлуке с третьей женой. словно предчувствуя, что умрет раньше, поэт, по сути, прощается с ней. Предвидение собственной судьбы сближает Завальнюка со многими поэтами прошлого.

Ключевые слова: Леонид Завальнюк, мотив расставания, возлюбленная, поэзия, автобиографичность.

Введение. Мотив расставания встречается в лирике многих поэтов, в том числе русских авторов XIX и XX вв., среди которых А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Ф. И. Тютчев, А. А. Блок, А. А. Ахматова, С. А. Есенин, В. В. Маяковский.

Этот мотив является одним из ключевых в лирике Леонида Завальнюка (1930–2010) – поэта, прозаика, драматурга, сценариста и художника, вошедшего в литературу в 1950-е гг. При этом мы можем смело утверждать, что данный мотив в творчестве поэта раскрывается разными гранями: это не только расставание с возлюбленной, но и расставание с домом, малой родиной, семьей и близкими [5; 6]. Продолжая литературную традицию, Завальнюк переосмысливает мотив расставания с любимой, наполняя новыми образами и идеями, пропуская через свой жизненный опыт и передавая дух эпохи. В данной статье мы рассмотрим лишь одно проявление мотива – расставание с любимой, и проследим его эволюцию в ранней и поздней лирике Завальнюка.

На сегодняшний день поэтическое наследие Леонида Завальнюка можно считать малоизученным, однако его лирика вызывает интерес у литературоведов. Так, в Центре литературного краеведения Благовещенского государственного педагогического университета больше 20 лет ведется изучение как опубликованных произведений поэта, так и его рукописного архива [8; 9; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 31]. В 2016 г. в Амурской области, откуда Завальнюк начал свой путь в литературу и где была опубликована его первая книга, была учреждена литературная премия имени Завальнюка. После смерти поэта продолжается публикация его произведений [13; 17; 19; 20; 22; 23]. Наиболее интересными проектами можно считать издание альбома стихов и картин [21] и подготовленный российским литературоведом А. А. Белым сборник избранной лирики «Все с Вами, но не Ваш», куда вошло более ста пятидесяти ранее не издававшихся стихотворений [10]. Таким образом, Завальнюк, известный широкой публике как поэт-песенник, только сейчас начинает обретать свое заслуженное место, как точно было подмечено Белым: «Об авторстве Завальнюка оповещают два десятка сборников

стихов, изданных в Москве и на Дальнем Востоке <...>, но широкая аудитория о них мало что знает. А знающие говорят как о поэзии неординарной» [2, с. 5].

Материалы и методы. Материалом исследования стали лирические произведения Леонида Завальнюка, опубликованные в стихотворных сборниках в период с 1962 г. по 2014 г.

Работа опирается на совмещение методов: биографического, описательного, сравнительно-исторического, мотивного и интертекстуального анализа. Кроме того, мы обращаемся к теоретическому опыту психологии. Как было отмечено еще Л. С. Выготским, искусство все больше нуждается в психологическом объяснении [3, с. 5]. С другой стороны, и психология нуждается в искусстве.

На сегодняшний день одним из востребованных и активно применяемых направлений в психологии является арт-терапия. Новым и еще недостаточно разработанным является такой вид арт-терапии, как поэзиотерапия или стихотерапия, в котором лирика становится средством самопознания, переосмысления действительности [1]. Обращаясь к изучению лирики Завальнюка, мы можем отметить, что она во многом автобиографична: на страницах его произведений живут воспоминания о прожитых годах, раскрываются самые личные чувства. Ключом к пониманию текстов становится жизнь поэта. Сам Завальнюк, отвечая на вопрос о том, отождествляет ли он себя с лирическим субъектом своих стихотворений и насколько его стихи автобиографичны, говорил: «Во многом отождествляю. Если я говорю “я” в стихотворении, то это я, а не какой-то условный лирический герой. А если у меня стихотворение без этого яканья, то это, как правило, портрет или картинка, в которой я все равно существую как некто воспринимающий» [33, с. 451]. В этих словах – ключ к пониманию лирики Леонида Андреевича: через его биографию, опыт и мировоззрение. По нашему мнению, Завальнюк проходит путь самоисцеления от психологических проблем, создавая поэтические произведения, в которых осмысливает свои эмоции и переживания. Во многом его лирика – это способ преодоления болезненных событий жизни. Одним из таких тягостных событий и является расставание с любимой.

Изучение лирики Завальнюка с позиции терапевтичности обладает несомненной практической значимостью. На сегодняшний день нами создается проект «Леонид Завальнюк: Исцеляющее слово». Цель проекта – отобрать лирические произведения, в которых центральное место занимает работа с различными эмоциями и состояниями, переживаемыми человеком, и разработать методику проработки эмоциональных проблем и достижения психологического благополучия читателем этих стихотворений.

Мотив расставания в ранней лирике Л. Завальнюка. Мотив расставания с возлюбленной появляется в поэзии Завальнюка в 1960-е гг. в стихотворных сборниках «Моя прописка» (1962) [16] и «Лирика» (1963) [14]. Причиной его возникновения стало расставание с женой Ритой Шипош, тяжело переживаемое поэтом. В автобиографии о своем состоянии в этот период жизни Завальнюк скажет так: «Ну, вот я и один. Один... Немало грустных и даже совсем уж безысходных стихов написал я тогда...» [18, с. 83]. Через свое творчество поэт вновь и вновь переживает разлуку с любимой. Это первая стадия в психотерапии, когда человек приходит к осознанию проблемы, делает первый шаг на пути к излечению.

Поэт познакомился с Ритой Шипош – румынкой, работающей в Бухаресте главным редактором пионерской газеты и пишущей детские рассказы, – и влюбился в нее, будучи студентом Литературного института им. М. Горького. Их брак не был долгим: Леонид хотел жить в далеком провинциальном Благовещенске, в котором он обрел дом [4], а Рита тосковала по родной Румынии. О последнем, третьем, приезде Риты в Благовещенск поэт написал в стихотворении «Ты грустная сходишь с поезда...». По воспоминаниям Завальнюка, он понял, что эта встреча будет последней, как только увидел жену [18, с. 82]:

Ты грустная сходишь с поезда,
Который тебя привез.
В глазах у тебя беспокойство,
Как свет улетающих звезд.
<...>
Ты мне улыбаешься,
Но
Глаза беспокойные тают,

Как звезд улетающих свет,
И я в них легко читаю:
– Купи мне обратный билет... [16, с. 27].

Уже в первой строке появляется значимый для лирики Завальнюка образ поезда. Традиционно для поэта поезд являлся символом пути, странствования и даже бездомности, как в стихотворении «Моя прописка» [16, с. 3–4], но в этом произведении он становится символом расставания.

Важной деталью в стихотворении являются глаза возлюбленной. Не случайно эта деталь используется в семантически значимых позициях начала и конца стихотворения. Казалось бы, перед нами традиционное и привычное сравнение глаз со звездами, но здесь поэт использует непривычный эпитет – «улетающие», тем самым акцентирует внимание на разлуке. Как далеки звезды, так недостижима оказывается и любимая женщина.

В стихах этого периода будут соседствовать мотивы надежды на возвращение возлюбленной и отчаяния человека, потерявшего смысл жизни. Лирические произведения Завальнюка начала 1960-х гг. демонстрируют разные стадии психологического отношения к проблеме расставания: от первой стадии (осознание проблемы) поэт приходит к следующей (принятие проблемы). Как и в детские годы, пришедшие на войну, лирический герой снова ощущает себя одиноким и покинутым:

Конечно же, ты не пришла ко мне,
Ни пожурить тебя и ни коснуться...

Я сплю и думаю:
Да, это все во сне.
И плачу.
И стараюсь не проснуться [16, с. 36].

Завальнюк, равно как и его лирический герой, осознает свою неисклнучительность: он не единственный человек, испытавший боль расставания. Оттого в стихотворении «Весенний разговор, который состоялся в январскую стужу на самом краю безвременной могилы» лирический герой ведет разговор-монолог с неким Колей, которого бросила возлюбленная. Уже имеющий болезненный опыт расставания герой понимает отчаяние своего собеседника, но вместе с тем к нему уже пришло понимание: расставание – не конец жизни, а лишь один из ее этапов. Лирический герой продолжает жить и призывает к этому Колю:

Смерть и разлука – одно и то же.
Но одно проходит,
Другое – нет.
<...>
А Гришку придется простить, по-моему.
Хороший парень. Моряк. Футболист...
О человек по имени Коля!
Сладчайшим именем жизнь назови.
Пусть будет счастлива девочка Оля
И все, кто причастен к нашей любви,
Кто в стужу дарил нам мечту о лете.
Посмотри в это небо. Чисты и ясны
Раскинулись крылья.
Это белые лебеди
Возвещают начало небывалой весны! [16, с. 83–85].

Важным шагом для принятия ситуации становится способность и готовность простить и возлюбленную, и соперника, и самого себя.

Вызывает интерес стихотворение «От товарища Н. уходит жена...» [16, с. 74–76], в котором нам видится попытка поэта осмыслить развод с женой, понять, правильно ли он поступил, отпустив ее. Композиция стихотворения построена на традиционном для фольклора

тремя повторами: от трех товарищей Н., Ц. и К. уходят жены. И если двое принимают выбор, сделанный любимой, смиряются с ним, то товарищ К. совсем иначе реагирует на решение жены:

Но взгляд у К. суров и колюч.
– Тебя проводить? Смешно.
Он грозно запер двери
И ключ
Выбросил через окно.
Слезами он полотенце смочил
И, скрутив на манер бича,
Долго, долго жену учил
Искусству любви, крича [16, с. 75].

Да, К. удается сохранить брак, но какой ценой: отныне этот союз основан на насилии. Читателю может показаться, что автор одобряет действия своего героя:

Смотрите, как просто
И как легко
Он встретил решительный час,
<...>
И я ловлю себя вдруг на том.
Что он симпатичен мне [16, с. 76].

Но, как можно убедиться, читая стихотворение, одобрение вызывает лишь решимость К. сохранить семью. А его действия противоречат мировоззрению поэта:

Но так ли надо на свете жить,
Не знаю.
Наверно, нет... [16, с. 76].

Для Завальнюка насилие недопустимо ни в каком виде, ему нет оправдания. И отмечая готовность К. сохранить брак даже с помощью крайних мер, поэт осознает, что сам бы так поступить не смог. Одной из его мировоззренческих доминант является принцип ненасилия. В своем творчестве Завальнюк неоднократно подчеркивал: долг мужчины – оберегать женщину даже ценой собственного благополучия («Баллада о тающем снеге» (1956), «Куда ж мы гоним старую собаку» (1966), «Наследила лисица» (1982)).

В стихотворении «От товарища Н. уходит жена...» Завальнюк стремится показать и то, как по-разному люди реагируют на расставание (смиряются или противятся и борются), и то, что расставание болезненно для обеих сторон. Для этого поэт в лирическое произведение добавляет элементы, свойственные прозе. Композиционно и содержательно стихотворение приближено к рассказу: легко прослеживается сюжет, важное место отведено диалогам героев, присутствует автор-рассказчик, дающий оценку происходящим событиям. При этом Завальнюк отказывается от традиционных стихотворных размеров, деления на строфы, что весьма характерно для его поэзии. По нашему мнению, это только усиливает сюжетную составляющую лирики.

Стихотворение «Быть честным – это тяжело...» станет своего рода подведением итогов после расставания с Ритой. Оно построено в форме разговора с невидимым собеседником – бывшей возлюбленной. Это стихотворение интересно тем, что существует в двух вариантах. В ранней версии, опубликованной в 1966 г. в сборнике «Мой дом», героем становится третье лицо – некто «он». Но уже в публикации 1975 г. в книге «Вторые травы» Завальнюк использует местоимение «я»:

Таблица 1

Два варианта стихотворения «Быть честным – это тяжело...» (фрагмент)

Вариант 1 (1966)	Вариант 2 (1975)
Жесток? Конечно. Он жесток. Он никогда не вспоминает	Жесток? Конечно, я жесток: Я никогда не вспоминаю

Окончание табл. 1

Вариант 1 (1966)	Вариант 2 (1975)
Твою улыбку и глаза. Где ты сейчас, что ты сейчас – Ему, по сути, безразлично. <...> Но, вновь обретший мир большой, Отдавшись жизни без границы, Он чувствует твоей душой И видит сквозь твои ресницы. Ты в нем жива и будешь жить. Он уж не волен задушить Тот хилый, маленький росток, Что порожден минутой счастья. Жесток? Да нет, он не жесток. Он просто стал тобой отчасти [15, с. 38–39].	Твою улыбку и глаза. Где ты сейчас, что ты сейчас, Мне это, в общем, безразлично. <...> Но, вновь обретший мир большой, Отдавшись жизни без границы, Я чувствую твоей душой И вижу сквозь твои ресницы. Во мне ты вечно будешь жить, Я уж не волен задушить Тот слабый, маленький росток, Что порожден минутой счастья. Жесток? Да нет, я не жесток, Я просто стал тобой отчасти [11, с. 14].

Леонид Завальнюк нередко, переиздавая стихотворения, вносил в них небольшие изменения, чаще всего они касались заглавия. Между тем в этом стихотворении поэт прибегает к изменению типологии точек зрения. Изменение третьего лица на первое – важная деталь. Как было отмечено Б. А. Успенским, поступки и состояние героя возможно описать двумя принципиально разными способами: через стороннего наблюдателя (внешняя точка зрения) и через самого себя (внутренняя точка зрения) [32, с. 111–112]. Используя внешнюю точку зрения, автор подчеркивает свою непричастность к описываемому, максимально отстраняется [32, с. 113, 129]. Если первоначально Завальнюк разграничивает себя-поэта и лирического героя, то позже он сливается с лирическим субъектом в единое целое. По нашему мнению, спустя время Завальнюк по-новому взглянул на расставание со второй женой. Он оказывается готов взять на себя ответственность за отношения, больше не ощущает потребности прятаться за маской «он». Старые обиды позабыты, они оказываются не важны в новой жизни, на их место пришло чувство благодарности за подаренные счастливые мгновения и осознание того, что человек не уходит из нашей жизни бесследно, часть его продолжает жить, формируя нас как личность.

Проанализировав мотив расставания в ранней лирике Завальнюка, мы видим эволюцию его лирического «я» через призму психологии: он проходит долгий путь от признания проблемы к ее решению, к излечению, к принятию жизни во всем ее многообразии. Отныне герой способен жить дальше, более того, он обретает гармонию с собой и миром.

Мотив расставания в поздней лирике Л. Завальнюка. Мотив расставания с возлюбленной вернется в лирику Завальнюка в поздний период его творчества. Чувством неизбежного расставания наполнены стихотворения «В белых тапках» [12, с. 117], «Гриппозное» [13, с. 227], «Женщине к вдовству не привыкать» [19, с. 88] (два последних были опубликованы уже после смерти поэта). Это своего рода стихотворения-прощания, в которых Завальнюк обращается к своей третьей жене Наташе, предчувствуя, что умрет раньше, оставив ее одну:

В белых тапках индошова
Лягу тихо под стеной.
И приедет спецмашина
С черным буфером за мной...
Пламя. Дым.
Легко и странно
Я взлечу, как в детском сне [12, с. 117].

Начало стихотворения отличает ироничность и простота повествования, приближающая текст к бытовому разговору. Собственная смерть не мыслится поэтом как трагедия. Стоит отметить, что в миропонимании Завальнюка смерть – это всего лишь окончание земного пути, ведь душа человека вечна [7]. Оттого так спокоен и лирический герой, находясь на пороге смерти. И хотя в самом стихотворении не встречаются слова «смерть» или «умереть», но с первой строки это подразумевается. Мысль о смерти передана с помощью укороченной вер-

сии крылатой фразы «в гробу и в белых тапочках». Впервые она прозвучала в 1960 г. в стихотворении Николая Анциферова «Крещение», а уже после, в 1968 г., в широко известной комедии Леонида Гайдая «Бриллиантовая рука»:

«Ах ты, думаю, дюжий идол!»
И смеюсь, закусив губу:
– Я сегодня во сне вас видел
В белых тапочках и в гробу [30].

Во второй части мы видим, как изменяется тональность стихотворения. Смерть лирического героя совсем иначе воспринимается его возлюбленной: для нее это несправедливая утрата:

И твердя:
– Зачем так рано?! –
Ты заплачешь обо мне [12, с. 117].

Но если для нее смерть любимого происходит неоправданно рано, то лирическим героем уход воспринимается как избавление от трагедии – потери возлюбленной. В этом ясно видится вполне осознаваемый страх потерять любимого человека, страх вновь ощутить свое одиночество в мире. Лирический герой надеется избежать боль потери:

И тогда я крикну с болью
Сквозь разъятые года:
– А затем, чтоб над тобою
Мне не плакать
Никогда!.. [12, с. 117].

Признание героем своих слабостей перед самим собой и любимой – это смелый шаг, требующий мужества. Для читателя он становится примером и поддержкой в осознании: бояться не стыдно, а абсолютно естественно.

Мотивы любви и расставания являются ключевыми в стихотворении «Гриппозное»:

Вот когда я умру – это будет ужасно нескоро –
На могилку мою принеси ты любого кота.
А с котом принеси и котомку
С прекрасным, коту подобающим, кормом
И корми его ласково, чтоб светилась твоя доброта [13, с. 227].

В стихотворении, написанном в форме обращения к любимой женщине, звучит неожиданная просьба – принести на могилу кота. Объяснить столь странное пожелание помогают строки из стихотворения «К автобиографии» (1989):

Любил (умеренно) животных. В основном лошадей и собак.
Кошек побаивался неосознанным мистическим страхом [18, с. 91].

И действительно, в лирике Завальнюка часто фигурируют образы животных, а в особенности образы лошадей («Бега», «Не может быть того, что быть не может...», «Гнедая, серая...», «Высокий конь», «Конь» и др.) и собак («Шутки шутками...», «Куда ж мы гоним старую собаку?..», «Разговор на птичьем рынке» и др.). В таких стихотворениях прослеживается особое отношение лирического героя к ним: чувство некой духовной близости. Значительно реже фигурирует образ кошки. Возможно, это связано с «мистическим страхом»: ведь издревле считается, что именно представители семейства кошачьих связаны с потусторонним миром, они могут видеть то, что недоступно человеческому взгляду. Таким образом, кошка может восприниматься как символ связи с ушедшим в иной мир человеком, оттого лирический герой «Гриппозного» озвучивает такую странную просьбу.

В этом же стихотворении поэт отвергает мысль, что для любимого человека непременно нужно меняться: стремиться угодить ему, пытаюсь стать лучше. Лирический герой призывает возлюбленную быть самой собой – настоящей, именно такой он ее и любит:

Ты меня не лечи.
Пусть простуженный я – ничего!
Будешь доброй, когда я умру.
А пока что
Будь такой, как ты есть, –
Я люблю тебя больше всего! [13, с. 227].

Стихотворение представляет собой имитацию бытового разговора, потому здесь вновь наблюдается отказ Завальнюка от соблюдения рифмы, слогового метра, изосиллабизма. Имитация помогает трагическую и отчасти табуированную тему перевести в плоскость того, что может обсуждаться и проговариваться.

Истинная любовь безусловна, безгранична. Поэт верит, что даже смерть не является преградой для любви. Неслучайно одно из поздних стихотворений, опубликованных уже после смерти, он завершил словами:

Я с тобой надолго, но до срока.
Ты со мной – навечно, навсегда [19, с. 88].

Заключение. Мотив расставания в лирике Завальнюка является одним из важнейших, он многогранен и связан с разными темами: взаимоотношения с родителями, родиной и любимой женщиной. Этот мотив характеризуется автобиографичностью, можно без труда установить связь стихотворений с событиями личной жизни автора. Мы выделяем два периода, когда мотив расставания с любимой женщиной становился в поэзии Завальнюка одним из ключевых: период становления и поиска собственного стиля (1950–1960-е гг.) и период зрелости (1990–2000-е гг.).

Сопоставление стихов, в которых присутствует данный мотив, позволяет убедиться в его эволюции. В ранний период причиной появления мотива расставания с возлюбленной становится реально произошедшее событие: развод со второй женой. В зрелый период взгляд поэта нацелен в будущее, за грань земного мира. В бытовом, очень личном плане он выступает пророком, предсказателем своей судьбы.

Лирика Завальнюка характеризуется целительной силой, особой терапевтичностью, способностью возвращать личности утраченную целостность. Данная особенность поэзии находит практическое применение в стихотерапии: помогает человеку как самостоятельно, так и в совместной работе с психологом в решении его проблем, в преодолении страхов, в переживании различных эмоций и чувств (боли, любви, одиночества, обиды и др.). Исследование мотива расставания с возлюбленной ярко демонстрирует эту особенность художественного мира лирики Завальнюка. Для раннего периода творчества характерно стремление к самоисцелению самого поэта, стремящегося пережить болезненный разрыв. При этом лирический герой Завальнюка не перекладывает вину на любимую, наоборот, он старается понять ее – посмотреть на мир ее глазами («Я чувствую твоей душой / И вижу сквозь твои ресницы»). В лирике зрелого периода поэт стремится дать инструменты самоисцеления другому. Используя мотив расставания с возлюбленной, Завальнюк создает стихотворения, которые должны помочь жене – и любому человеку – пережить утрату. Таким образом, Завальнюк не просто продолжает литературную традицию, но и вносит свой вклад в развитие мотива расставания с возлюбленной.

Список литературы

1. Арпентьева М. Р. Стихотерапия: новое и старое направление психотерапии // Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики, Белгород, 25–26 февраля 2016 г. : сб. докладов Всероссийской научно-практической конференции : в 4-х т. Т. 2. Белгород : Белгородский государственный институт искусств и культуры, 2016. С. 123–129.

2. Белый А. А. «А без корней я – древесина...» // Л. А. Завальнюк «Всё с вами, но не ваш». Избранное. СПб. : Алетей, 2019. С. 5–43.

3. *Выготский Л. С.* Психология искусства. Ростов н/Д : Феникс, 1998. 480 с.
4. *Гавриленко В. Д.* Город на Амуре: образ Благовещенска в лирике Леонида Завальнюка // Мир русскоговорящих стран: научный журнал. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. № 4 (14). С. 81–91.
5. *Гавриленко В. Д.* "Моя прописка" Леонида Завальнюка: история одного стихотворения // Лосевские чтения-2018 : мат-лы XI региональной научно-практической конференции / под ред. А. В. Урманова. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2018. С. 122–130.
6. *Гавриленко В. Д.* "Сиротское сердце" Леонида Завальнюка: тема одиночества в лирике поэта // Лосевские чтения : мат-лы региональной научно-практической конференции / под ред. А. В. Урманова. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2021. № 14. С. 81–90.
7. *Гавриленко В. Д.* Тема конечности и бесконечности бытия в лирике Леонида Завальнюка // Лосевские чтения : мат-лы региональной научно-практической конференции / под ред. А. В. Урманова. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2022. № 1 (15). С. 143–156.
8. *Гамерман Ю. В.* Мифологическая символика в художественном мире поэмы Л. Завальнюка «В пути» // Проблемы художественного миромоделирования в русской литературе : сб. научных трудов. Вып. 7 / под ред. А. В. Урманова. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2004. С. 109–122.
9. *Гамерман Ю. В.* Человек, которого я люблю. Благовещенск : Макро-С, 2009. 189 с.
10. *Завальнюк Л. А.* «Все с вами, но не ваш». Избранное. СПб. : Алетейя, 2019. 680 с.
11. *Завальнюк Л. А.* Вторые травы. Стихи. М. : Молодая гвардия, 1975. 63 с.
12. *Завальнюк Л. А.* Деревья, птицы, облака. Стихи. М. : Советский писатель, 1989. 124 с.
13. *Завальнюк Л. А.* Другое измерение. М. : Зебра Е, 2012. 504 с.
14. *Завальнюк Л. А.* Лирика. Благовещенск : Хабаровское книжное издательство, 1963. 128 с.
15. *Завальнюк Л. А.* Мой дом. Хабаровск : Хабаровское книжное издательство, 1966. 70 с.
16. *Завальнюк Л. А.* Моя прописка. Книга стихов. Благовещенск : Амурское книжное издательство, 1962. 88 с.
17. *Завальнюк Л. А.* Мужик ласкает даму. СПб. : Алетейя, 2014. 208 с.
18. *Завальнюк Л. А.* Планета Зет. М. : Зебра Е, 2006. 416 с.
19. *Завальнюк Л. А.* Предвестие. СПб. : Алетейя, 2014. 296 с.
20. *Завальнюк Л. А.* Пророка жду. СПб. : Алетейя, 2017. 200 с.
21. *Завальнюк Л. А.* Слово и цвет. Сто стихов – сто картин. СПб. : Алетейя, 2014. 208 с.
22. *Завальнюк Л. А.* Токи души. СПб. : Алетейя, 2017. 176 с.
23. *Завальнюк Л. А.* Три поэмы. СПб. : Алетейя, 2018. 226 с.
24. *Киреева Н. В.* Литературная премия имени Леонида Завальнюка: выработка механизмов поддержки и продвижения "Амурского текста" к читателю // Лосевские чтения-2019 : мат-лы региональной научно-практической конференции / под ред. А. В. Урманова. Благовещенск, 2019. С. 55–60.
25. *Киреева Н. В.* Неизвестный Леонид Завальнюк: первые итоги работы над рукописным архивом писателя // Лосевские чтения-2018 : мат-лы XI региональной научно-практической конференции / под ред. А. В. Урманова. Благовещенск, 2018. С. 57–64.
26. *Киреева Н. В., Тимошкова В. В.* Образ пути в лирике Леонида Завальнюка // Лосевские чтения-2014 : мат-лы региональной научно-практической конференции / под ред. А. В. Урманова. Благовещенск, 2014. С. 46–54.
27. *Красовская С. И.* Завальнюк Леонид Андреевич // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / под ред. А. В. Урманова. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. С. 149–153.
28. *Красовская С. И.* Леонид Завальнюк между "углом" и "овалом", или об одном стихотворении с двумя эпитафиями // Культура и наука Дальнего Востока. 2021. № 2 (31). С. 37–42.
29. *Назарова Т. В.* Мыслящее слово (Заметки о фразеологии стихотворений Л. Завальнюка) // Лосевские чтения-2011 : мат-лы региональной научно-практической конференции / под ред. А. В. Урманова. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2011. С. 74–86.
30. *Нестеров В.* Мемасики временных лет, или Служба поиска авторов цитат [цифровая книга]. М. : ЛитРес, 2020. 90 с. URL: <https://clck.ru/3ZzqCR> (дата обращения: 09.08.2022).
31. *Урманов А. В.* Леонид Завальнюк: Восхождение // Мы твердо стали на Амуре...: История литературы Приамурья в лицах, судьбах, творческих исканиях : монография. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2019. С. 475–477.
32. *Успенский Б. А.* Поэтика композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы. М. : Искусство, 1970. 225 с.
33. *Эфендиева Г. В.* «Я ответил как мог, от души»: заочное интервью с поэтом Леонидом Завальнюком // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск : АмГУ, 2020. Вып. 13. С. 440–455.

The evolution of the motive of parting with his beloved in the lyrics of Leonid Zavalnyuk

Gavrilenko Victoria Dmitrievna

senior lecturer at the Department of Russian as a Foreign Language, Blagoveshchensk State Pedagogical University.
Russia, Blagoveshchensk. ORCID: 0000-0002-1489-1196. E-mail: gin_kitsune@list.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the poetry of the Soviet and Russian poet Leonid Zavalnyuk and is aimed at studying one of the key motives in his lyrics – the motive of parting. This motif in Zavalnyuk's work is multifaceted: it is parting with family, with a small homeland, as well as with the woman he loves. In this article, we will turn specifically to the motive of parting with the beloved. It is worth noting that today Zavalnyuk's creative legacy remains poorly understood and this aspect has not previously been the subject of research.

There are two periods when the poet turned to the motive of parting with his beloved: the period of formation and search for his own manner (1950–1960s) and the period of maturity (1990–2000s). Zavalnyuk's lyrics are distinguished by philosophical, autobiographical and ironic narration. The factor that caused the appearance of the motive for parting with his beloved is the poet's hard-felt parting with his second wife Rita Shiposh. This motif vividly expresses itself in the poem "Being honest is hard ...", which exists in two versions. In this poem, the poet rethinks the breakup that occurred, reconciles with it and takes responsibility for the event.

Subsequently, the motive for parting with his beloved undergoes significant changes. In the poems "In white slippers", "Flu-like", "A woman is no stranger to widowhood", Zavalnyuk writes about the imminent separation from his third wife. As if sensing that he will die sooner, the poet, in fact, says goodbye to her. Foreseeing his own fate brings Zavalnyuk closer to many poets of the past.

Keywords: Leonid Zavalnyuk, the motive of parting, beloved, poetry, autobiography.

References

1. Arpent'eva M. R. *Stihoterapiya: novoe i staroe napravlenie psihoterapii* [Poetry therapy: new and old directions of psychotherapy] // *Nauka. Kul'tura. Iskusstvo: aktual'nye problemy teorii i praktiki, Belgorod, 25–26 fevralya 2016 g. : sb. dokladov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii : v 4-h t. T. 2 – Science. Culture. Art: actual problems of theory and practice, Belgorod, February 25–26, 2016 : collection of reports of the All-Russian scientific and practical conference : in 4 vols. Vol. 2. Belgorod. Belgorod State Institute of Arts and Culture, 2016. Pp. 123–129.*
2. Belyj A. A. "A bez kornej ya – drevesina..." ["And without roots I am wood..."] // L. A. Zaval'nyuk "Vsyo s vami, no ne vash". *Izbrannoe* ["Everything is with you, but not yours." Favourites]. SPb. Aleteya, 2019. Pp. 5–43.
3. Vygotskij L. S. *Psihologiya iskusstva* [Psychology of art]. Rostov-na-Donu. Phoenix, 1998. 480 p.
4. Gavrilenko V. D. *Gorod na Amure: obraz Blagoveshchenska v lirike Leonida Zaval'nyuka* [The city on Amur: the image of Blagoveshchensk in the lyrics of Leonid Zavalnyuk] // *Mir russkogovoryashchih stran: nauchnyj zhurnal – The world of Russian-speaking countries: a scientific journal. Yaroslavl. Editorial and Publishing Department of YaSPU, 2022. No. 4 (14). Pp. 81–91.*
5. Gavrilenko V. D. "Moya propiska" Leonida Zaval'nyuka: istoriya odnogo stihotvoreniya ["My residence permit" by Leonid Zavalnyuk: the story of a poem] // *Losevskie chteniya-2018 : mat-ly XI regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii – Losev Readings-2018 : proceedings of the XI regional scientific and practical conference / ed. by A. V. Urmanov. Blagoveshchensk. Publishing House of BSPU, 2018. Pp. 122–130.*
6. Gavrilenko V. D. "Sirotskoe serdce" Leonida Zaval'nyuka: tema odinochestva v lirike poeta ["Orphan Heart" by Leonid Zavalnyuk: the theme of loneliness in the poet's lyrics] // *Losevskie chteniya : mat-ly regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii – Losev readings : materials of the regional scientific and practical conference / ed. by A. V. Urmanov. Blagoveshchensk. Publishing House of BSPU, 2021. No. 14. Pp. 81–90.*
7. Gavrilenko V. D. *Tema konechnosti i beskonechnosti bytiya v lirike Leonida Zaval'nyuka* [The theme of finiteness and infinity of being in the lyrics of Leonid Zavalnyuk] // *Losevskie chteniya : mat-ly regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii – Losev readings : materials of the regional scientific and practical conference / ed. by A. V. Urmanov. Blagoveshchensk. Publishing House of BSPU, 2022. No. 1 (15). Pp. 143–156.*
8. Gamerman Yu. V. *Mifologicheskaya simvolika v hudozhestvennom mire poemy L. Zaval'nyuka "V puti"* [Mythological symbolism in the artistic world of L. Zavalnyuk's poem "On the way"] // *Problemy hudozhestvennogo miromodelirovaniya v russkoj literature : sb. nauchnyh trudov. Vyp. 7 – Problems of artistic world modeling in Russian literature: collection of scientific papers. Is. 7 / ed. by A. V. Urmanov. Blagoveshchensk. Publishing House of BSPU, 2004. Pp. 109–122.*
9. Gamerman Yu. V. *Chelovek, kotorogo ya lyublyu* [The man I love]. Blagoveshchensk. Makro-S, 2009. 189 p.
10. Zaval'nyuk L. A. "Vse s vami, no ne vash". *Izbrannoe* ["Everything is with you, but not yours." Favourites]. SPb. Aleteya, 2019. 680 p.
11. Zaval'nyuk L. A. *Vtorye travy. Stihi* [Second herbs. Poems]. M. Molodaya Gvardiya (Young guard). 1975. 63 p.

12. Zaval'nyuk L. A. *Derev'ya, pticy, oblaka. Stihi* [Trees, birds, clouds. Poems]. M. Sovetskiy pisatel (Soviet writer). 1989. 124 p.
13. Zaval'nyuk L. A. *Drugoe izmerenie* [Another dimension]. M. Zebra E, 2012. 504 p.
14. Zaval'nyuk L. A. *Lirika* [Lyrics]. Blagoveshchensk. Khabarovsk Book Publishing House, 1963. 128 p.
15. Zaval'nyuk L. A. *Moj dom* [My house]. Khabarovsk. Khabarovsk Book Publishing House, 1966. 70 p.
16. Zaval'nyuk L. A. *Moya propiska. Kniga stihov* [My residence permit. A book of poetry]. Blagoveshchensk. Amur Book Publishing House, 1962. 88 p.
17. Zaval'nyuk L. A. *Muzhik laskaet damu* [A man caresses a lady]. SPb. Aleteya, 2014. 208 p.
18. Zaval'nyuk L. A. *Planeta Zet* [Planeta Zet]. M. Zebra E, 2006. 416 p.
19. Zaval'nyuk L. A. *Predvestie* [Foreshadowing]. SPb. Aleteya, 2014. 296 p.
20. Zaval'nyuk L. A. *Proroka zhdu* [Waiting the Prophet]. SPb. Aleteya, 2017. 200 p.
21. Zaval'nyuk L. A. *Slovo i cvet. Sto stihov – sto kartin* [Word and color. One hundred poems – one hundred paintings]. SPb. Aleteya, 2014. 208 p.
22. Zaval'nyuk L. A. *Toki dushi* [Currents of the soul]. SPb. Aleteya, 2017. 176 p.
23. Zaval'nyuk L. A. *Tri poemy* [Three poems]. SPb. Aleteya, 2018. 226 p.
24. Kireeva N. V. *Literaturnaya premiya imeni Leonida Zaval'nyuka: vyrabotka mekhanizmov podderzhki i prodvizheniya "Amurskogo teksta" k chitatel'nyu* [Leonid Zavalnyuk Literary Prize: development of mechanisms for supporting and promoting the "Amur text" to the reader] // *Losevskie chteniya-2019 : mat-ly regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii* – Losev readings-2019 : materials of the regional scientific and practical conference / ed. by A. V. Urmanov. Blagoveshchensk, 2019. Pp. 55–60.
25. Kireeva N. V. *Neizvestnyj Leonid Zaval'nyuk: pervye itogi raboty nad rukopisnym arhivom pisatelya* [Unknown Leonid Zavalnyuk: the first results of work on the writer's manuscript archive] // *Losevskie chteniya-2018 : mat-ly XI regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii* – Losev Readings-2018 : proceedings of the XI regional scientific and practical conference / ed. by A. V. Urmanov. Blagoveshchensk, 2018. Pp. 57–64.
26. Kireeva N. V., Timoshkova V. V. *Obraz puti v lirike Leonida Zaval'nyuka* [The image of the path in the lyrics of Leonid Zavalnyuk] // *Losevskie chteniya-2014 : mat-ly regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii* – Losev readings-2014 : materials of the regional scientific and practical conference / ed. by A. V. Urmanov. Blagoveshchensk, 2014. Pp. 46–54.
27. Krasovskaya S. I. *Zaval'nyuk Leonid Andreevich* [Zavalnyuk Leonid Andreevich] // *Enciklopediya literaturnoj zhizni Priamur'ya XIX–XXI vekov* – Encyclopedia of literary life of the Amur region of the XIX–XXI centuries / ed. by A. V. Urmanov. Blagoveshchensk. Publishing House of BSPU, 2013. Pp. 149–153.
28. Krasovskaya S. I. *Leonid Zaval'nyuk mezhdru "uglom" i "ovalom", ili ob odnom stihotvorenii s dvumya epigrafami* [Leonid Zavalnyuk between the "corner" and the "oval", or about one poem with two epigraphs] // *Kul'tura i nauka Dal'nego Vostoka* – Culture and Science of the Far East. 2021. No. 2 (31). Pp. 37–42.
29. Nazarova T. V. *Myslyashchee slovo (Zametki o frazeologii stihotvorenij L. Zaval'nyuka)* [The thinking word (Notes on the phraseology of L. Zavalnyuk's poems)] // *Losevskie chteniya-2011 : mat-ly regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii* – Losev readings-2011 : materials of the regional scientific and practical conference / ed. by A. V. Urmanov. Blagoveshchensk. Publishing House of BSPU, 2011. Pp. 74–86.
30. Nesterov V. *Memasiki vremennykh let, ili Sluzhba poiska avtorov citat [cifrovaya kniga]* [Memasics of bygone years, or the search service for authors of quotations [digital book]]. M. LitRes, 2020. 90 p. Available at: <https://clck.ru/32ZqCR> (date accessed: 09.08.2022).
31. Urmanov A. V. *Leonid Zaval'nyuk: Voskhozhdenie* [Leonid Zavalnyuk: Ascent] // *My tvrdo stali na Amure...: Istoriya literatury Priamur'ya v licah, sud'bah, tvorcheskikh iskaniiyah : monografiya* – We firmly stood on the Amur...: The history of literature of the Amur region in faces, destinies, creative searches : monograph. Blagoveshchensk. Publishing House of BSPU, 2019. Pp. 475–477.
32. Uspenskij B. A. *Poetika kompozicii. Struktura hudozhestvennogo teksta i tipologiya kompozicionnoj formy* [Poetics of composition. The structure of a literary text and the typology of a compositional form]. M. Iskusstvo (Art), 1970. 225 p.
33. Efendieva G. V. *"Ya otvetil kak mog, ot dushi": zaachnoe interv'yuu s poetom Leonidom Zaval'nyukom* ["I answered as best I could, from the heart": an absentee interview with the poet Leonid Zavalnyuk] // *Rossiya i Kitaj na dal'nevostochnykh rubezhah* – Russia and China on the Far Eastern borders. Blagoveshchensk. AmSU, 2020. Is. 13. Pp. 440–455.

Рожденная мифом: репрезентация женских типов в русской артистической среде конца XIX – первой половины XX века

Осипова Нина Осиповна¹, Хлопонина Ольга Олеговна²

¹доктор филологических наук, профессор кафедры культурологии, социологии и философии,
Вятский государственный университет.

Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-9247-9279. E-mail: nina.osipova@list.ru

²кандидат культурологии, доцент кафедры философии, социологии и культурологии,
Московский гуманитарный университет.

Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0001-6422-2954. E-mail: hloponinaolga@gmail.com

Аннотация. В статье исследуются особенности восприятия и трансформации мифологического сюжета «Суд Париса» в русской культуре 1890–1930-х гг. Опираясь на культурно-исторический и семиотический подходы к анализу образов и образных систем в культуре, авторы прослеживают связь мифологических конструктов с женским мифом в русской культуре конца XIX – первой половины XX в. На основе предложенной теории архетипики женской образности (Ю. Лотман) и теории ремифологизации (З. Г. Минц) прослеживается вторичная семиотизация основного ядра мифологического сюжета, которая формируется в рамках трех основных женских архетипов: героического, традиционного («деметрианского») и рокового («венерианского»). Показана их связь с типами культуры, в рамках которых они развиваются, доминируют и встраиваются в идеологическое, политическое, художественное и социокультурное пространство конкретной эпохи. Опираясь на культурно-исторический и семиотический подходы к анализу образов и образных систем в культуре, авторы прослеживают связь сюжетно-мифологической модели «Суд Париса» с женским мифом в культуре конца XIX – первой половины XX в.

На примере судеб и творчества представительниц артистической богемы (преимущественно театральной и кинематографической) проводится исследование мифологического «конструирования» женской природы в биографии и творчестве через взаимоотношения (часто трагические) актрис с аудиторией, художественными мастерами, критикой и властью.

Ключевые слова: древнегреческая мифология, русская культура XIX – XX вв., типология женской образности, театр, кино.

Исследование женской образности, доминирующей в ту или иную эпоху, располагается на перекрестке различных областей знания и требует комплексного подхода и соответствующего теоретико-понятийного инструментария. В определенные периоды развития культуры ролевые функции женщины в обществе и их художественная репрезентация трансформируются в соответствии с запросами общества, его политического и идеологического фона, эстетической составляющей. Тот или иной тип женской поведенческой и психологической стратегии оказывается наиболее актуальным и востребованным временем – либо соответствуя ему, либо идя с ним вразрез. В особой степени это относится к женщинам, которые олицетворяют свое время, являются эталоном, образцом для подражания, предметом поклонения и поэтической страсти, музами-вдохновительницами для поэтов, художников и композиторов. Будучи разными, они при этом сохраняют связь с доминирующим архетипическим ядром, которое было описано Ю. Лотманом [12] и В. Кардапольцевой [7], установившими связи доминирующих типов женских образов и тех типов культуры, в рамках которых они развиваются.

Опираясь на культурно-исторический и семиотический подходы к анализу образов и образных систем в культуре, мы ставим цель проследить связь мифологической модели «Суд Париса» с женским мифом в культуре конца XIX – первой половины XX в.

Положив в основу типологию женской образности (Ю. Лотман) и теорию моделирования неомифологических текстов (З. Г. Минц) [16], рассмотрим пути и способы трансформации традиционных мифологических конструктов, их перехода в эго-миф (на начальном этапе) и пространство социально-политической мифологии. В качестве исходного материала был взят судьбы представительниц русской артистической богемы конца 1890-х – первой половины XX в. Не стремясь полностью охватить весь спектр персоналий (да это и невозможно), мы положили в основу эмпирической базы материалы из фондов Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства, составившие содержание выставки «Суд Париса. Рождение богини» (2023–2024).

Принцип подхода к анализу художественного и биографического материала в обозначенном историко-культурном сегменте определяет новизну данного исследования. Несмотря на обширный материал, посвященный изучению визуальной репрезентации женщины в искусстве [5; 21; 23], включая отдельные персоналии, ее роли в социально-историческом процессе [7; 24], конструирование собственной биографии [2; 9], постановка проблемы в обозначенном ракурсе не становилась предметом специального исследования.

В качестве мифообразующего ядра в данном случае выступает сюжет «Суд Париса» – один из самых увлекательных и интригующих в древнегреческой мифологии [14, с. 201–203]. Оригинальный текст мифа не дошел до нашего времени – сохранились лишь более поздние версии, среди которых наиболее распространен сюжет, описанный в «Диалогах богов» Лукиана. С точки зрения структурно-содержательной в нем есть все: интрига, проблема выбора, четкая выстроенность коллизии – от завязки, через кульминацию и далее к событиям глобального масштаба. С точки зрения основных, как бы сейчас сказали, «трендов» он также включает в себе любопытные аспекты развития социума: пасторальный «конкурс красоты», выборы «королевы» (разумеется, в «зеркале» мужского взгляда, при главном участии мужского «жюри» – Париса), «предвыборные обещания» претенденток (этакая античная система подкупа), глобальные последствия выбора – похищение Елены и Троянская война. Прежде всего, каждая из богинь демонстрирует не внешнюю красоту (они одинаково прекрасны), а определенный тип функции и поведения. Афина обычно ассоциируется с могуществом разума и мудростью; Гера, как супруга Зевса, обладает властью и силой, охраняет супружеский очаг и свой матримониальный статус; Афродита, будучи лишенной «полезных» качеств других богинь, олицетворяет красоту и любовь.

Например, в работе Менгса «Суд Париса» в соответствии с сюжетом на суд царевича-пастуха вышли три обнаженные и одинаково прекрасные дамы, различить которых можно только по их «реквизиту»: рядом с Афиной лежит шлем, у Геры на голове тиара, а Афродите сопровождает Купидон. Гера посулила власть над Азией, Афина – славную военную победу, а Афродита – любовь той женщины, которую он выберет. В итоге прекраснейшей была объявлена Афродита, а Парис получил Елену. Эти внешние «маркеры» опираются на внутренние свойства женских «стандартов». Отсутствие отличительных характеристик внешности – важная черта мифа, которая позволяет каждой эпохе заполнять это «белое пятно» в соответствии со своими предпочтениями.

Рис. 1. Менгс Антон Рафаэль. «Суд Париса», 1757 г.

«Суд Париса» явно демонстрирует, что представления о женщине конструируются мужским взглядом. Эти представления усваиваются самими женщинами и определяют их реальность. Он воспроизводит три женских архетипа, которые пройдут через всю культуру и будут отражать ее тенденции в разные эпохи. Привлекая современную типологию Ю. Лотмана, можно установить, что три богини представляют три вектора самореализации женщины, три психотипа: Афина – героический тип, Гера – традиционный тип, Афродита – роковой тип (который позже назовут «венерианским»), или, иначе говоря, Афина – воительница, Гера – хранительница, Афродита – любовница.

Примечательно, что здесь не акцентируется «темная», теневая сторона богинь, которую античный миф также с удовольствием воспроизводил: непомерно ревнивая Гера, страшная в своей мести; Афина, истинная дочь своего отца, покровительница ремесел и знаний и в то же время беспощадная к ткачихе Арахне и Медузе Горгоне; наконец, Афродита, очаровательная сексуальность которой сопровождалась неверностью, тщеславием, вспыльчивостью и конфликтностью – но, единственная из богинь, именно своей двойственностью (то, что потом назовут «роковой») она и привлекательна. Не случайно в позднемифологическом изводе этот образ представлен полярными ипостасями: Афродитой Уранией – воплощением любви небесной, и Афродитой Пандемос – воплощением чувственных удовольствий и плотской страсти. Раздваиваясь, этот тип воплощался в гендерных клише, основанных на мужских стереотипах: с одной стороны – муза-вдохновительница, духовная возлюбленная и идеал женственности, с другой – сексуальный объект, символ плотской страсти, разрушающая, губящая мужчин *femme fatale*.

Описанная выше типология основана на архетипических представлениях о женских ролях, укорененных в культуре. Как в каждой женщине те или иные качества могут быть представлены сильнее или слабее, так и в каждую эпоху актуализируется тот или иной тип, в котором эта эпоха нуждается. Смысловое ядро типов сохраняется, но границы между ними проницаемы, и «дух времени» может синтезировать их в различных комбинациях.

«Мы – чада хаоса. Мы – маски карнавала...». Belle Époque в Западной Европе (1880–1914) и Серебряный век в России¹ – это время радикальных перемен во всех сферах общественной жизни, интенсивных поисков новых духовных ориентиров, время грез о новой эстетике, новых принципах красоты и гармонии. В центре дискуссий оказываются проблемы пола, «новой сексуальности», ставшие знаменем декаданса и ряда современных течений в искусстве. Переплетение античных и христианских идей в пестрой философии эпохи определяло характерное противопоставление духовной женственности (Дева Мария) и женственности природно-родовой (Ева), что в упомянутом античном мифе соответствовало спору Афины с Афродитой. Культура Belle Époque переосмыслила античную модель мира, воспринятую Ренессансом, подчинив собственным принципам: не без влияния Ницше гармонии мироздания, заключенной в аполлоническом начале, сопутствовала хаосу и дисгармонии, проявляющимся в дионисийском начале.

В пространстве русской культуры материнская ипостась Девы Марии как Богородицы особенно глубоко сопоставима почитанием чистоты девства, что в концепции «нового религиозного сознания» породило образ Вечной Женственности, «небесной жены». Соответственно, и типы женской образности, сохраняя цельность трехчастного типологического ядра, трансформируются и приобретают новые грани и отражения.

В художественном сознании «нового ренессанса» доминирует роковой («венерианский») тип с его тенденцией к двойственности, позволявшей наиболее адекватно проявляться крайностям этой бурлящей эпохи. Указанный тип распадается на два полярных аспекта, основанных на бинарной модели культуры и оппозиции сакральное/профанное.

Афродита Урания скрывается за многими образами: «вечная жена» Андрея Белого, Прекрасная Дама Александра Блока, Психея Марины Цветаевой, София – Премудрость Божия и Мировая душа Владимира Соловьева – далекий, неведомый и непостижимый чистый образ, основанный на переосмыслении образа Девы Марии.

Афродита Пандемос – темное, роковое начало – также имеет множество воплощений и масок: Лилит, Саломея, Сирена, вакханка, Клеопатра, а также «русские» версии этого типа – Жар-Птица, Шамаханская царица.

¹ Границы эпохи в научной литературе различаются: если по поводу нижней границы разночтений, как правило, нет, то в отношении верхней границы даты до сих пор не устоялись – от 1914 г. до конца 1920-х гг.

Традиционный тип в его материнском аспекте акцентируется в творчестве сторонников патриархального взгляда на женский функционал (Николай Бердяев, Лев Толстой), но не слишком занимает самих представительниц художественной среды. Чаще всего эпоха пытается «поймать» ускользающую сущность женской натуры, как это делает Николай Гумилев.

...У Лилит – недоступных созвездий венец,
В ее странах алмазные солнца цветут:
А у Евы – и дети, и стадо овец,
В огороде картофель, и в доме уют.
...Ты еще не узнала себя самое.
Ева ты – иль Лилит?.. [4, с. 68].

Героический тип в творческой среде представлен ограниченно, он вписывается в общую тенденцию повышения активности женщин и часто сочетается с проявлениями типа роковой соблазнительницы (в отличие от иных «эмансипе», заимствовавших мужской стиль поведения и отрицавших внешнюю привлекательность).

«Парисы» рубежа XIX–XX вв., подобно своему мифологическому предшественнику, вершили свой суд над «богинями» эпохи в соответствии со своими критериями. Если в Англии Оскар Уайльд устами лорда Генри провозглашает типичную для декаданса аксиому: «...женщины не бывают гениями. Они – декоративный пол. Им нечего сказать миру, но они говорят – и говорят премо» [22], то Б. Лившиц через четверть века попытается реабилитировать женскую «гениальность», причем сделает это с неподражаемой иронией, называя художниц «амазонками» и «скифскими наездницами» [11, с. 413].

Может ли женщина быть самостоятельным творцом, или ее предназначение – помогать реализоваться мужчине-творцу? Кто она – создатель или произведение? При всех изменениях в социокультурной сфере – от замкнутости в стенах дома к активной самореализации – женское начало воспринималось как пассивное, вторичное. Идея дополнительности женского выражена в «Смысле любви» Владимира Соловьева: «...человек должен творить и созидать свое женское дополнение. Что мужчина представляет активное, а женщина – пассивное начало, что первый должен образовательно влиять на ум и характер второй – это положения азбучные» [18, с. 322].

Муза, искра, вдохновение, божий дар – все это метафоры того смутного полуиррационального начала, которое рождает желание и способность творить. В основе этого лежит идея оплодотворения, слияния двух противоположных начал во имя синергетического результата, но при этом творец – всегда мужчина. Этим возмущалась Зинаида Гиппиус: «...Ни одним автором не было еще нарушено это мировое, Вейнингером определенное, отношение к женщине: женщина – объект поклонения, вождения, почтения, презрения, или отвращения, зверь или бог, нечто связанное с полом, «совсем другое», нежели человек, – уже потому, что всегда объект» [3, с. 325].

Подобные размышления привели к появлению идей об обмене гендерными ролями, к использованию «масок» в жизни и творчестве.

К рубежу XIX–XX вв. на первый план выходят женщины, которые претендуют на мужскую территорию творца и субъекта творчества. А в символистском контексте, когда все искусства были пронизаны особой эстетикой, процесс самопознания женщины требовал осмысления всех граней собственной личности –отсюда множество индивидуализированных автопортретов – их пишут Башкирцева, Гончарова, Серебрякова. Во многих случаях мы встречаемся с отсылкой к легендарно-мифологическим образам, как, например, у Анны Ахматовой:

Мне с Морозовою класть поклоны,
С падчерицей Ирода плясать,
С дымом улетать с костра Дидоны,
Чтобы с Жанной на костер опять [1, с. 264–265].

Любопытна своеобразная классификация женских мифотипов героинь античной Трои, которую дает Марина Цветаева сквозь призму собственного биографического мифа:

Елена – пустое место красоты
Кассандра – видящая
Поликсена – страсть к врагу
Андромаха – вдова Гектора, мать
Пенфезилея – любовь-ненависть
Ифигения – смерть за Грецию
Энона, жена Париса – ненависть до гроба.

И в финале этого списка Цветаева заключает: «...и все, кроме первой и последней – я» [27, с. 215].

Процесс ремифологизации и создания «неомифа», типичный для западноевропейской и русской культуры этого времени, можно считать одним из проявлений философии и эстетики «культурного ренессанса». И женский миф занимает в этом процессе одно из главных мест, а женщине отведена роль своеобразного «барометра» эпохи, предчувствия будущих мировых катастроф.

Заметной линией в пространстве Серебряного века стала греческая идея андрогинизма, экстраполированная на творчество. Она проявилась, в частности, в череде ярких творческих пар, среди которых: Н. Гончарова и М. Ларионов, З. Гиппиус и Дм. Мережковский, В. Степанова и А. Родченко, С. Судейкин и О. Глебова-Судейкина, Вс. Мейерхольд и З. Райх, А. Таиров и А. Коонен. Не все обладали талантом в равной мере, но наилучшим образом их творческие способности смогли проявиться именно в партнерстве. Так, Зинаида Райх была буквально «сотворена» Вс. Мейерхольдом; С. Судейкин смог воплотить все свои фантазии в О. Глебовой-Судейкиной – актрисе довольно посредственной, но оказавшейся исключительно «пластичной» в его руках: по словам А. Мгеброва, «Судейкин иступленно обожал ее... как только может обожать художник женщину, если женщина до конца растворяется в нем и жертвенно отдает ему все, переставая даже быть женщиной и превращаясь в мечту, у которой нет уже ни плоти, ни собственной воли, но лишь одна все поглощающая воля того, кто ею владеет» [15, с. 186–187].

Преодоление разрыва с божественным, достижение гармонии и теургическое сотворение мира вписывалось в игровое пространство культуры. Не случайно эпицентр эстетических экспериментов переместился в театр, культивируя изощренный артистизм, который, в свою очередь, мог реализовываться как в ролях, так и в повседневной жизни. Сама жизнь в творческой среде в этот период стала театром: представители артистических кругов не играли роли, они в них жили; «сцена» стала пространством преображения, способствуя, по меткому выражению В. Ходасевича, «разыгрыванию собственной жизни на театре жгучих импровизаций. Знали, что играют, но игра становилась жизнью» [25, с. 180–182]. Пример тому – многочисленные салоны, театральные-литературные кабаре, где под масками разыгрывались личные драмы: Вяч. Иванов – Л. Зиновьева-Ганнибал, З. Гиппиус – Дм. Мережковский – Дм. Философов, Вл. Маяковский – Л. Брик – О. Брик, М. Цветаева – С. Парнок. Результатом становились в том числе и мистификации: например, вымышленная история (сейчас бы сказали – «проект») Черубины де Габриак, воплощенная М. Волошиным и ставшая подлинной драмой для всех ее участников.

Важное место в трансляции новых идей средствами новой театральной эстетики отводится осмыслению античности: в театрах на суд зрителя в 1900–1910 гг. выносятся новые интерпретации классических «женских» трагедий, в том числе «Федра», «Медея», «Антигона» в новой обработке И. Анненского, Ф. Сологуба, М. Цветаевой... Примечательно, например, что в символистской трагедии Ф. Сологуба на античный сюжет «Дар мудрых пчел» (1906) эта двойственность обнаруживается в такой героине, как «Мойра-Афродита, богиня, движущая миры и волнующая сердца». Этот удивительный сплав выражал синтетическую природу античного театра, наделяя ее современным звучанием.

Практически во всех знаковых пьесах русской драматургии – у Островского, Тургенева, Толстого, Чехова, Горького, не считая символистов, – женским персонажам отводится едва ли не главное место. Наступает эпоха великих драматических актрис, профессия получает широкое распространение и признание. Именно женские качества, воплощенные в сценических персонажах, приобретают особую значимость: эмоциональная глубина, гибкость и пластичность женщины по сравнению с мужчиной открывали широчайшие возможности в сценической интерпретации характера (особенно с приходом в театр режиссера).

Понятие «актриса» воспринимается уже не как профессия, а как образ жизни, тип сознания и воплощение венецианского типа в обеих его ипостасях: с одной стороны – любовница, фаворитка, падшая женщина, интриганка, с другой – идеал высокой духовности и самопожертвования. В процессе конструирования мифа обстоятельства личной жизни переплетались с особенностями сыгранных ролей, а факты личной биографии причудливым образом вписывались в биографию творческую. Например, вечное соперничество «заласканной публичкой» Марии Савиной (женщины «выдающегося ума, скорее мужского склада») с горящей внутренним огнем В. Комиссаржевской.

М. Савина, по отзывам критиков, создала на сцене новый женский тип, который отражал укорененный в русской культуре образ защищающей свое право на счастье женщины. В то же время Савина «не знала, не чувствовала и не понимала сложных и запутанных соединений отшельничества с искушением, фантазии с ренегатством, любви со злобой, страсти с истерией» [10, с. 158]. В. Комиссаржевская, напротив, всегда умевшая воплотить стихию, страсть, – навсегда останется Ларисой из «Бесприданницы» и чеховской Чайкой. Конфликт эмоционального и рассудочного здесь отражает причудливый синтез дионисийского и аполлонического в искусстве, который станет визитной карточкой эпохи.

Даже смерть актрис, много раз умиравших в своих героинях и разделявших с ними судьбу на сцене, была сродни античной неумолимости рока. А. Блок именно так воспринял смерть Комиссаржевской, которой суждено было уйти, словно героине символистской лирики – «куда-то за какие-то синие, синие пределы человеческой здешней жизни» – и своим стихотворением-некрологом он фактически создал посмертный миф об актрисе. Столь же трагичны и другие уходы: внезапная смерть В. Холодной и ее похороны, снятые на камеру; роковая смерть вакханки – А. Дункан; мучительная смерть от плеврита А. Павловой, психический слом и трагическая гибель З. Райх; актерская «смерть» А. Коонен после «ухода» А. Таирова и закрытия Камерного театра; – все эти обстоятельства способствовали превращению тленного текста жизни в бессмертный текст искусства.

Поэтому и главные, «знаковые» роли навсегда сливались с образом актрисы: А. Павлова навечно осталась «умирающим лебедем», И. Рубинштейн – Клеопатрой, О. Спесивцева – Жизелью, З. Райх – Маргаритой Готье, А. Коонен – Федрой и Комиссаром.

В этот контекст органично вписались как реформа М. Фокина, превратившего балет в полноценный театральный спектакль, так и обращение к стихии танца, словно вышедшего из синкретизма античной трагедии. Таков, например, феномен Айседоры Дункан, воплотившей саму природу дионисийства, которую точно передал С. Есенин: «...Я искал в этой женщине счастье, а нечаянно гибель нашел!»

Новая версия ее танца, восходящая к античным техникам, вызывала противоречивое восприятие – от восторга до агрессивного возмущения. Танец А. Дункан нес не отработанную красоту классического балета, где сексуальность вытеснена со сцены жесткой пластической схемой и лишь отдаленно подразумевается, а чистую вакхическую энергию и силу. Парадоксально, но популярность Дункан в России превосходила ее популярность на Западе еще и потому, что она органично вписалась в атмосферу постреволюционной эпохи. Бурная история отношений с Есениным и восхищение русской революцией способствовали конструированию двойственного мифотипа Дункан – синтезу роковой «Афродиты» и героической «Афины», а трагический финал ее жизни стал последним аккордом этого неразрешимого конфликта.

Неоднородная роль, сложный характер подразумевают борьбу внутренних чувств и страстей, поэтому буря эмоций в душе женщины часто бывает скрыта под маской противоположного чувства, и такие характеры актрисам особенно интересны. Так, А. Коонен в инсценировке «Мадам Бовари» волновала трагедия Эммы, «всю жизнь мечтавшей о возвышенной любви, о романтическом герое и вдруг увидевшей себя в грязном, третьеразрядном кабаке рядом с уличными девицами и пьяными оголтелыми мужчинами» [9, с. 380]. Актриса ломала стереотип о том, что женщина может существовать в обществе только в рамках типичных ролей – жены или куртизанки, что проявление разных аспектов личности в одной женщине неприемлемо.

«Галатеи» советской эпохи. Революционная эпоха отвела женщине роль идеологического рупора новой власти. В первое постреволюционное десятилетие женщина воплощает идею перерождения – это новая советская женщина, получившая с первыми декретами все права и свободы. Типология женской образности также трансформируется, меняя акцент. Роковой тип в новых условиях становится неактуальным, наделяется отрицательной коннота-

цией как элемент развратного буржуазного прошлого. Воспетый Серебряным веком культ женщины-Афродиты в новом обществе оказывается невостребованным – советская эпоха создает свою «Галатею».

Гера в ее традиционном понимании тоже не стала символом революционной эпохи, потому что новый образ женщины был связан с коллективными интересами и общественной работой, а не с приватной сферой дома и семьи. На первый план выходит тип Афины-воительницы, героический, наделенный мужскими характеристиками, такими, как твердость характера и отсутствие гендерной и половой идентичности. На фоне отрицания прошлых традиций и стремления максимально полно обозначить различия «старого» и «нового» в репрезентации женской образности практически редуцируется все женственное и подчеркивается героическое начало. Подчас это приводит к трагическим последствиям – вспомним в этой связи в рассказе А. Толстого «Гадюка» (1928) емкую характеристику героини, в прошлом хрупкой дворянской барышни, искалеченной жерновами революции и гражданской войны: «Ольга Вячеславовна была худа и черна; могла пить автомобильный спирт, курила махорку и, когда надо, ругалась не хуже других» [20, с. 92].

Основополагающим мифом, на который опирается власть в репрезентации женской образности, становится дева-воительница. Женщина трактуется в первую очередь как товарищ, полноценный гражданин общества, для которой главное – быть достойным и правильным его «винтиком». В противовес прежнему пониманию женственности новая женщина наделяется мужскими качествами: выносливостью, настойчивостью, силой – достаточно вспомнить образы метростроевок А. Самохвалова и физкультурниц А. Дейнеки, имплицитно ассоциирующихся с образом матери-земли. На перекрестке языческих, античных («Девушку, с телом стальным, встретил сегодня в пути») и христианских («Она в завод вступила рано, сдружилась с ним, как с женихом/Ему венки она сплетала, слагала песни за станком» [цит. по: 28, с. 18] мотивов выковывается образ новой богини, женщины-сверхчеловека.

Театру и кино как зрелищным искусствам предписывалось стать транслятором новых образов, что было достаточно сложно для актеров, чье творчество формировалось на другом драматургическом материале. Многие актрисы так и не смогли найти себя в новом репертуаре. Но были и исключения.

Удивительный пример трансформации своей героини демонстрирует А. Коонен в сценической эволюции от Вакханки, Саломеи, Федры – к роли Комиссара в пьесе Вс. Вишневского, которую она сама предложила назвать «Оптимистической трагедией». Актриса смогла точно почувствовать глубинную сущность своей героини, иллюстрирующую синтез женственного и героического: «Мне хотелось показать свою героиню (Комиссара – Н. О., О. Х.) женственной, лиричной, спокойной, человеческой. Но в то же время в ней должна была чувствоваться непреклонная воля, абсолютная мобилизованность и трепетная настороженность» [19, с. 168]. Партия здесь – это обновленный женский архетип матери-земли, чьим олицетворением в новой культуре выступает женщина-Комиссар, неслучайно не имеющая имени. Маскулинность революционного хаоса противопоставляет и переворачивает гендерные роли. Власть присваивает себе роль демиурга, а идея сверхчеловека персонифицируется в женщине, что является характерной чертой эпохи и укладывается в ее смысловые доминанты.

Миф и мифотворчество с новой силой оживают с развитием кинематографа. Здесь сходятся несколько направляющих линий: и само по себе иллюзорное искусственное пространство экрана, и особенности функционирования массовой культуры [6, с. 38]. При этом киноактрисы и сами создают новую реальность, становясь образцами для массового подражания, многократно тиражированными и подкрепленными новыми технологиями кинематографа и СМИ [см. об этом: 13; 17; 26].

Наиболее последовательно и полно новый тип женщины-героини в кино воплотили киноактрисы Л. Орлова и М. Ладынина. Обе они иллюстрировали, в первую очередь, востребованные женские модели 1930-х гг.: сестра-товарищ, «своя девчонка» и «новая женщина», ухоженная и самостоятельная. В основе обоих типов образности мы видим прежде всего героическое начало, но – приспособленное к новым условиям. Популярность актрис была невероятной, открытки с их изображениями расходились по всей стране. Орлова и Ладынина являлись типичным порождением и «продуктом» эпохи. Режиссеры Г. Александров и И. Пырьев «лепили» их образы в соответствии с основными идеологемами времени. Основным мифом советского времени становится инициальный миф: «светлый путь» от старой жизни к новой, переход от забитой женщины прошлого к сияющим социальным вершинам. На этом пути ге-

роиню не останавливали никакие преграды – женщина становилась идеальным проводником доктрин верховной власти. По сути, это переосмысленная в советской интерпретации мифология Золушки, восходящая и к обрядам инициации, и к античным легендам – вспомним историю Родопис, рассказанную Геродотом.

Новая идеология, подразумевающая братско-сестринские отношения всех детей «отца народов», исключает принца или замужество в качестве награды. Советская Золушка получает все преимущества смены своего социального статуса как раз вне связи с замужеством – эту награду ей предоставляет власть (социальный аналог Феи-крестной) за ее упорство, настойчивость, активность, смелость и в то же время терпение, покорность, скромность в прежнем ценностном диапазоне. Ну а любовь – она остается, потому что миф без нее не будет работать, хотя в новой архитектуре ценностей она перестает быть необходимым условием счастливой жизни, вполне в духе призыва А. Коллонтай: «Буржуазная мораль требовала: все для любимого человека. Мораль пролетариата предписывает – все для коллектива» [8, с. 4].

Этот новый образ советской кинозвезды с абсолютным попаданием в мифологему был воплощен Л. Орловой. Актриса в полной мере смогла визуализировать советский миф о новой женщине – ухоженной, уверенной в себе, красивой и деятельной. При этом образ новой женщины исключал сексуальность, поскольку она, подобно греческой богине, совершенно идеальна. Включение в коллектив и всеобщее равенство перед лицом партии не предполагали индивидуальности, и лишь Л. Орловой удалось воплотить этот тип в нужной тональности, несмотря на калькирование образа исключительно сексуальной Марлен Дитрих. И если М. Ладынина приближалась к Л. Орловой на этом «олимпе», так как занимала нишу «сестры-товарища», то остальным бесспорным звездам эпохи (среди которых В. Серова, Т. Окуневская, Л. Смирнова, Л. Целиковская) именно «слишком человеческая» индивидуальность и слишком земная женская привлекательность не позволили подняться на самый пик кинематографического Олимпа.

Чрезвычайный интерес представляет трансформация героини в фильме «Цирк» (1936), где актриса воплощает одновременно все три мифотипа: *материнский*, *роковой* и *героический*. Все эти типы претерпевают определенную трансформацию в соответствии с запросами своего времени: материнство оказывается *отчужденным* (ребенка укачивают всем цирком и воспитывать будут всей страной); ампула роковой женщины, востребованное на Западе, оказывается в русских реалиях отброшенной шелухой (в качестве символа выступает сброшенный героиней черный парик); в центре сюжета мы видим традиционную инициацию героини. Визуально мотив трансформации показан через постепенный переход от черного к белому (от тьмы к свету) в облике Марион Диксон. Под порочной внешностью и стильным париком таится чистая душа – именно это сблизает «иностранку» с русскими женщинами и с давно укорененной в русской культуре идеей возвышения через падение, с упованием на очищающую силу греха, что, в свою очередь, укладывается в полярную схему двух Афродит.

В реальной жизни Любовь Орлова почти не имела ничего общего ни с одной из своих героинь – ни с писмонощицей Стрелкой, ни с американкой Марион Диксон, ни с артисткой оперетты Верой Шатровой. Личная жизнь актрисы была максимально закрытой, а ее главной ролью стала роль советской звезды Любви Орловой, и эта маска предельно срослась с ней. В некотором смысле она навсегда осталась статуей – могущества Афродиты не хватило, чтобы оживить эту Галатею. В пределах советского мифа асексуальность Орловой укладывалась в советскую идеологическую структуру – она была мифологической парой Вождя.

«Суд Париса» получил в мифологическом пространстве «советского Олимпа» совсем иное звучание: вождельные яблоки обрели статус государственных премий и званий, спор «богинь» уже ничего не решал, а «гермесы» служили посланцами иного «бога». Но это уже совсем другая история...

Список литературы

1. Ахматова А. А. Стихотворения и поэмы. Л. : Советский писатель, 1976. 560 с.
2. Башкирцева М. Дневник Марии Башкирцевой. Избранные страницы. М. : Мол. гвардия, 1991. 318 с.
3. Гиппиус З. Н. Собр. соч. Т. 7. М. : Русская книга, 2003. 528 с.
4. Гумилев Н. С. Полное собр. соч. : в 10 т. Т. 2. Стихотворения. Поэмы (1910–1913). М. : Воскресенье, 1998. 344 с.
5. Дашкова Т. Визуальная репрезентация женского тела в советской массовой культуре 30-х гг. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_11_12/10.htm (дата обращения: 20.01.2024).

6. Зоркая Н. М. На рубеже столетий: У истоков массового искусства в России в 1900–10 гг. М. : Наука, 1976. 297 с.
7. Кардапольцева В. Н. Женщина и женственность в русской культуре. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. горн. ун-та, 2005. 432 с.
8. Коллонтай А. Дорога крылатому эросу! // Свобода и любовь. М., 2014. 302 с.
9. Коонен А. Г. Страницы жизни. Изд. 2-е. М. : Искусство, 1985. 446 с.
10. Кугель А. Р. Театральные портреты. Л. : Искусство, 1967. 382 с.
11. Лившиц Б. К. Полутораглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания. Л. : Советский писатель, 1989. 718 с.
12. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб. : Азбука, 2015. 602 с.
13. Малышев В. С., Геращенко Л. Л. Мифотехнологии в кино в системе координат искусства и философии // Аналитика культурологии. 2014. № 29. С. 108–117.
14. Матышак Ф. Греческие и римские мифы. От Трои и Гомера до Пандоры и "Аватара". М. : Манн, Иванов и Фербер, 2020. 270 с.
15. Мгебров А. А. Старинный театр. Театральная лирика предреволюционной эпохи и Мейерхольд. Пролеткульт // Жизнь в театре : в 2 т. Т. 2. Л. : Academia, 1932. 510 с.
16. Миц З. Г. Поэтика русского символизма. СПб. : Искусство – СПб, 2004. 480 с.
17. Некрасова Е. С. Мифологические конструкции в советской культуре и искусстве // Альманах «Studioculturae». СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2002. № 2. С. 179–188. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/nekrasova-es/mifologicheskie-konstrukcii-v-sovetskoj-kulture-i-iskusstve> (дата обращения: 12.12.2023).
18. Соловьев В. С. Чтения о Богочеловечестве. СПб. : Худож. лит., 1994. 526 с.
19. Спектакли и годы: Статьи о спектаклях русского советского театра / ред. сост. А. Н. Анастасьев, Е. П. Перегудова. М. : Искусство, 1969. 522 с.
20. Толстой А. К. Гадюка. Собр. соч. : в 8 т. Т. 4. М. : Правда, 1972.
21. Туровская М. И. Амазонки русского киноавангарда // Киноведческие записки. 2003. № 62. С. 56–63.
22. Уайльд О. Портрет Дориана Грея. М. : АСТ ; Владимир : ВКТ, 2008. 445 с.
23. Хлопонина О. О. Архетипические модели художественной репрезентации женских типов в русской массовой культуре 1920-х гг. // Вопросы культурологии. 2016. № 9. С. 30–34.
24. Хлопонина О. О. Женский мир в русской культуре рубежа XIX–XX вв.: типологические характеристики и художественная репрезентация // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 7. С. 19–24.
25. Ходасевич В. Ф. Некрополь. М. : Вагриус, 2006. 442 с.
26. Хренов Н. А. Кино. Реабилитация архетипической реальности. М. : Аграф, 2006. 704 с.
27. Цветаева М. И. Неизданное. Сводные тетради. М. : Эллис Лак, 1997. 637 с.
28. Якименко Е. Р. Мифологические образы в пролетарской поэзии // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2015. № 1. С. 15–22.

Born by a myth: the representation of female types in the Russian artistic environment of the late XIX – first half of the twentieth century

Osipova Nina Osipovna¹, Khloponina Olga Olegovna²

¹Doctor of Philological Sciences, professor of the Department of Cultural Studies, Sociology and Philosophy, Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-9247-9279. E-mail: nina.osipova@list.ru

²PhD in Cultural Studies, associate professor of the Department of Philosophy, Sociology and Cultural Studies, Moscow University of the Humanities. Russia, Moscow. ORCID: 0000-0001-6422-2954.
E-mail: hloponinaolga@gmail.com

Abstract. The article examines the peculiarities of perception and transformation of the mythological plot "The Court of Paris" in the Russian culture of the 1890s–1930s. Based on cultural-historical and semiotic approaches to the analysis of images and figurative systems in culture, the authors trace the connection of mythological constructs with the female myth in Russian culture of the late XIX – first half of the XX century. Based on the proposed theory of the archetypes of female imagery (Yu. Lotman) and the theory of remifologization (Z. G. Mintz) traces the secondary semiotization of the main core of the mythological plot, which is formed within the framework of three main female archetypes: heroic, traditional ("Demetrian") and fatal ("Venusian"). Their connection with the types of culture in which they develop, dominate and integrate into the ideological, political, artistic and socio-cultural space of a particular epoch is shown. Based on cultural-historical and semi-

otic approaches to the analysis of images and figurative systems in culture, the authors trace the connection of the plot-mythological model "The Court of Paris" with the female myth in the culture of the late XIX – first half of the XX century.

Using the example of the fates and creativity of representatives of artistic bohemia (mainly theatrical and cinematographic), a study is conducted of the mythological "construction" of female nature in biography and creativity through the relationship (often tragic) of actresses with the audience, artistic masters, criticism and power.

Keywords: ancient Greek mythology, Russian culture of the XIX – XX centuries, typology of female imagery, theater, cinema.

References

1. *Ahmatova A. A. Stihotvoreniya i poemy* [Poems and poems]. L. Sovetskiy pisatel' (Soviet writer), 1976. 560 p.
2. *Bashkirceva M. Dnevnik Marii Bashkircevoj. Izbrannye stranicy* [The diary of Maria Bashkirtseva. Selected pages]. M. Mol. gvardiya (Young guard), 1991. 318 p.
3. *Gippius Z. N. Sobr. soch. T. 7* [Coll. works. Vol. 7]. M. Russkaya kniga (Russian book), 2003. 528 p.
4. *Gumilev N. S. Polnoe sobr. soch. : v 10 t. T. 2. Stihotvoreniya. Poemy (1910–1913)* [Complete collection of works : in 10 vols. Vol 2. Poems. Poems (1910–1913)]. M. Voskresenye (Sunday), 1998. 344 p.
5. *Dashkova T. Vizual'naya reprezentaciya zhenskogo tela v sovetskoj massovoj kul'ture 30-h gg.* [The visual representation of the female body in the Soviet popular culture of the 30s]. Available at: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_11_12/10.htm (date accessed: 20.01.2024).
6. *Zorkaya N. M. Na rubezhe stoletij: U istokov massovogo iskusstva v Rossii v 1900–1910 gg* [At the turn of the century: At the origins of mass art in Russia in 1900–1910]. M. Nauka (Science), 1976. 297 p.
7. *Kardapol'ceva V. N. Zhenshchina i zhenstvennost' v russkoj kul'ture* [Woman and femininity in Russian culture]. Yekaterinburg. Publishing House of the Ural State Mining University, 2005. 432 p.
8. *Kollontaj A. Doroga krylatomu erosu!* [The road to winged eros!] // *Svoboda i lyubov'* – Freedom and love. M., 2014. 302 p.
9. *Koonen A. G. Stranicy zhizni. Izd. 2-e.* [Pages of life. Ed. 2nd]. M. Iskusstvo (Art), 1985. 446 p.
10. *Kugel A. R. Teatral'nye portrety* [Theatrical portraits]. L. Iskusstvo (Art), 1967. 382 p.
11. *Livshits B. K. Polutoraglazjy strelec: Stihotvoreniya, perevody, vospominaniya* [The half-eyed Sagittarius: Poems, translations, memoirs]. L. Sovetskiy pisatel' (Soviet writer), 1989. 718 p.
12. *Lotman Yu. M. Besedy o russkoj kul'ture. Byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture. The life and traditions of the Russian nobility (XVIII – early XIX century)]. SPb. Azbuka, 2015. 602 p.
13. *Malyshev V. S., Gerashchenko L. L. Mifotekhnologii v kino v sisteme koordinat iskusstva i filosofii* [Mythotechnology in cinema in the coordinate system of art and philosophy] // *Analitika kul'turologii – Analysis of cultural studies.* 2014. No. 29. Pp. 108–117.
14. *Matyshak F. Grecheskie i rimskie mify. Ot Troi i Gomera do Pandory i "Avatara"* [Greek and Roman myths. From Troy and Homer to Pandora and "Avatar"]. M. Mann, Ivanov and Ferber, 2020. 270 p.
15. *Mgebrov A. A. Starinnyj teatr. Teatral'naya lirika predrevolyucionnoj epohi i Mejerhol'd. Proletkul't* [Ancient theater. Theatrical lyrics of the pre-revolutionary era and Meyerhold. Proletkult] // *Zhizn' v teatre : v 2 t. T. 2 – Life in the theater : in 2 vols. Vol. 2.* L. Academia, 1932. 510 p.
16. *Minc Z. G. Poetika russkogo simvolizma* [The poetics of Russian symbolism]. SPb. Iskusstvo – SPB (Art – SPB), 2004. 480 p.
17. *Nekrasova E. S. Mifologicheskie konstrukcii v sovetskoj kul'ture i iskusstve* [Mythological constructions in Soviet culture and art] // *Al'manah "Studioculturae" – Almanac "Studioculturae"*. SPb. St. Petersburg Philological Society, 2002. No. 2. Pp. 179–188. Available at: <http://anthropology.ru/ru/text/nekrasova-es/mifologicheskie-konstrukcii-v-sovetskoy-kulture-i-iskusstve> (date accessed: 12.12.2023).
18. *Solov'ev V. S. Chteniya o Bogochelovechestve* [Readings on God-manhood]. SPb. Khodzhestvennaya literatura (Art. lit.), 1994. 526 p.
19. *Spektakli i gody: Stat'i o spektaklyah russkogo sovetskogo teatra* – Performances and years: Articles about the performances of the Russian Soviet theater / ed. comp. A. N. Anastasiev, E. P. Peregudova. M. Iskusstvo (Art), 1969. 522 p.
20. *Tolstoy A. K. Gadyuka. Sobr. soch. : v 8 t. T. 4* [The Viper. Collected works : in 8 vols. Vol. 4]. M. Pravda (Truth), 1972.
21. *Turovskaya M. I. Amazonki russkogo kinoavangarda* [Amazons of the Russian film avant-garde] // *Kinovedcheskie zapiski – Film expert notes.* 2003. No. 62. Pp. 56–63.
22. *Wilde O. Portret Doriana Greya* [Portrait of Dorian Gray]. M. AST ; Vladimir. VKT, 2008. 445 p.
23. *Khloponina O. O. Arhetipicheskie modeli hudozhestvennoj reprezentacii zhenskih tipov v russkoj massovoj kul'ture 1920-h gg.* [Archetypal models of artistic representation of female types in Russian popular culture of the 1920s.] // *Voprosy kul'turologii – Questions of cultural studies.* 2016. No. 9. Pp. 30–34.

24. Khloponina O. O. *Zhenskij mir v russkoj kul'ture rubezha XIX-XX vv.: tipologicheskie harakteristiki i hudozhestvennaya reprezentacija* [The female world in Russian culture at the turn of the XIX-XX centuries: typological characteristics and artistic representation] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* – Herald of Vyatka State University for the Humanities. 2014. No. 7. Pp. 19-24.

25. Khodasevich V. F. *Nekropol* [Necropolis]. M. Vagrius, 2006. 442 p.

26. Khrenov N. A. *Kino. Reabilitacija arhetipicheskoi real'nosti* [Cinema. Rehabilitation of archetypal reality]. M. Agraf, 2006. 704 p.

27. Cvetaeva M. I. *Neizdannoe. Svodnye tetradi* [Unpublished. Summary notebooks]. M. Ellis Luck, 1997. 637 p.

28. Yakimenko E. R. *Mifologicheskie obrazy v proletarskoj poezii* [Mythological images in proletarian poetry] // *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina* – Herald of Leningrad State University n. a. A. S. Pushkin. 2015. No. 1. Pp. 15-22.

Локальный медиум в визуальной поэзии Дмитрия Авалиани и опыт восточной традиции

Ильгова Дарья Алексеевна

кандидат культурологии, независимый исследователь.
Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0003-4442-0835. E-mail: dailgova@yandex.ru

Аннотация. Настоящее исследование предлагает выйти за строгие границы бинарного восприятия визуальной поэзии, которая зачастую рассматривается как союз исключительно вербального и визуального компонентов. На самом деле визуальная поэзия представляет собой гораздо более динамичную, сложную, многоуровневую семиотическую структуру, которая объединяет в себе разнообразные медиа (вербальный, визуальный, темпоральный, аудиальный, игровой, пространственный и многие другие). Поэтому в настоящей статье рассматриваются различные образцы визуальной поэзии Дмитрия Авалиани с точки зрения интермедиального анализа. Предметом анализа является пространственный медиум, который широко используется в поэтическом дискурсе (например, пространственные категории «лес», «дорога», «поле» и другие). Однако в контексте визуальной поэзии пространственный медиум может предстать в совершенно ином ракурсе и может сужаться до локального медиума (как в отдельных произведениях, так и в циклах произведений). В настоящем исследовании рассматривается развитие локального медиума как части пространственного медиума на примере авторских форм визуальной поэзии Дмитрия Авалиани, а именно: авторских листовертней и каллиграфем. В качестве основы для создания листовертней и каллиграфем Дмитрий Авалиани обращается к восточной традиции необычного начертания слов и создания иллюстраций. При этом выделяется раскрытие локального медиума сразу на нескольких уровнях: от выбора визуальной формы произведения до синтеза вербального и визуального медиа. В результате формируется многоуровневый культурный текст, который основан на синтезе разных искусств: как непосредственно поэзии, так и живописи, а также каллиграфии, что характерно также для работ, представленных в восточной традиции.

Ключевые слова: визуальная поэзия, листовертень, каллиграфема, локальный медиум, каллиграфия, восточная традиция.

Введение. Рассуждая о подлинной свободе искусства и обязанностях творца перед искусством в свете непрерывного развития поэтической традиции, О. А. Седакова говорит о «подневольности» автора, который «при всем его желании не может писать так же «просто», то есть знакомо, как его предшественники, которых уже привыкли принимать» [13, с. 35]. В этом плане можно сказать, что визуальная поэзия отчасти даже превосходит в развитии традицию регулярного стихосложения, поскольку визуальная поэзия своим существованием бросает вызов стандартному, привычному, понятному поэтическому тексту.

Современные визуальные поэтические эксперименты выходят далеко за рамки бинарного восприятия и анализа, когда рассматриваются только вербальная и визуальная составляющие. С начала XX в. визуальная поэзия находит свое развитие в новых формах и авторских жанрах, которые становятся объектами не только литературоведческого, но и культурологического анализа [5].

Новизна настоящего исследования заключается в попытке расширить интермедиальную структуру визуальной поэзии путем добавления локального медиума, который рассматривается как часть более обширного пространственного медиума.

Актуальность настоящего исследования обусловлена динамичностью развития визуальной поэзии, которая находится в непрерывном поиске новой формы и предлагает читателю погрузиться в уникальные авторские поэтические эксперименты. Развитие новых форм и жанров в визуальной поэзии предполагает также непрерывный процесс научного осмысления подобных новых форм.

Становление визуальной поэзии берет начало в глубокой древности и проходит путь от фигурных стихотворений Симмия Родосского [20, р. 386] до современных визуально-поэтических практик во всем их разнообразии [12].

Попытки осмысления русской визуальной поэзии в исторической и культурной перспективе предпринимались как на уровне обобщения и систематизации фактического мате-

риала (например, антология визуальной поэзии С. Е. Бирюкова [4]), так и на уровне предметного анализа формы, содержания и их взаимодействия (например, работы Д. Суховой [15], Ю. Б. Орлицкого [8] и др.).

Визуальная поэзия XX в. в своей многоуровневой структуре отражает подлинную «цель искусства», которая, по В. Б. Шкловскому, означает: «дать ощущение вещи как видение, а не как узнавание; приемом искусства является прием «остранения» вещей и прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия, так как восприимательный процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлен; искусство есть способ пережить деланье вещи» [19, с. 63]. Таким образом происходит превращение визуальной поэзии в сложную семиотическую структуру – «открытый» текст [20, с. 11–12], который объединяет в себе различные медиа: вербальный, визуальный, аудиальный, темпоральный и другие. Одним из наиболее значимых медиа, которые развиваются в визуальной поэзии XX в., можно считать пространственный медиум. На примере листовертней и каллиграфем Д. Авалиани можно также проследить развитие локального медиума как части пространственного.

Метод исследования. В качестве основного метода исследования используется метод интермедиального анализа, предложенный О. А. Ханзен-Лёве [17] и позволяющий рассматривать визуальную поэзию как взаимодействие различных медиа внутри текста. В данном случае медиа рассматриваются не как средства массовой информации или канал коммуникации, а в качестве системы семиотических кодов, которые находят разнообразные пути взаимодействия внутри культурного текста. В настоящем исследовании рассматривается развитие локального медиума как части пространственного на примере визуальных поэтических форм Д. Авалиани.

Результаты исследования. Пространственный медиум, или категория пространства находит широкий отклик среди исследований поэтического дискурса [11, с. 187–205]. Разнообразные категории пространства являются предметом многочисленных исследований в области филологии и литературоведения. К таким категориям можно отнести «дорогу», «лес» или «поле», которые являются наиболее частотными в стихотворениях.

Визуальная поэзия по-новому раскрывает пространственный медиум, начиная иное осмысление пространства еще на основе лабиринтных стихотворений XVII в. В качестве примера можно рассмотреть лабиринтное стихотворение С. Полоцкого, написанного в форме звезды (рис. 1) [10, с. 128–129]. Для понимания и прочтения этого стихотворения строки, формирующие вершины звезды, необходимо развернуть в пространстве, то есть преобразовать визуальный текст в пространстве в обычный (привычный) стихотворный текст.

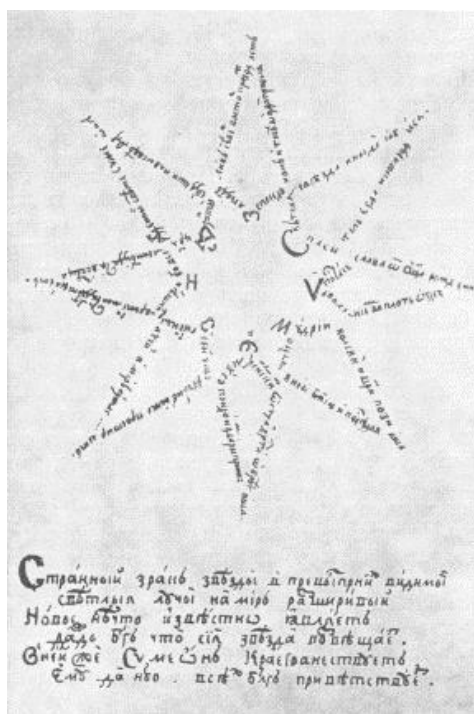

Рис. 1. С. Полоцкий. Стихотворение в форме звезды

Визуальная поэзия XX в. открывает новые границы для возможного развития пространственного медиума, который все чаще находит свое выражение в новых экспериментальных визуальных произведениях. В недавнем времени в исследованиях и произведениях появился новый термин – «пространственная поэзия». Основой для этого термина послужил одноименный сборник визуальной поэзии, объединивший произведения нескольких авторов (Д. Авалиани, А. Лаврухин, Т. Михайловская и В. Галечьян).

Для настоящего исследования особый интерес представляют работы Д. Авалиани, так называемые «листовертней» (термин предложен Г. Лукомниковым) [1, с. 133]. Это уникальный авторский жанр визуальной поэзии, в основе которого лежит преобразование текста с помощью его переворота в пространстве (лист, на котором написан текст, переворачивается и образует новый текст). Очень часто автор не просто создает визуальное произведение, но и дополняет его вербальным пояснением (по аналогии подписывания картин). При этом текстовое сопровождение рисунка также имеет отсылку к пространственному медиуму. Например, в листовертне ЭПИЛОГ – СОЛНЦЕ (рис. 2) [12, с. 21], где текст не просто меняется при помощи перемещения в пространстве, но он также вписан в рисунок с пространственной перспективой: дорога, уходящая вдаль за горизонт к закату солнца. В этом случае СОЛНЦЕ является прямым указанием на нарисованный объект, который предстает перед читателем, а ЭПИЛОГ метафорически изображает закат, завершение дня.

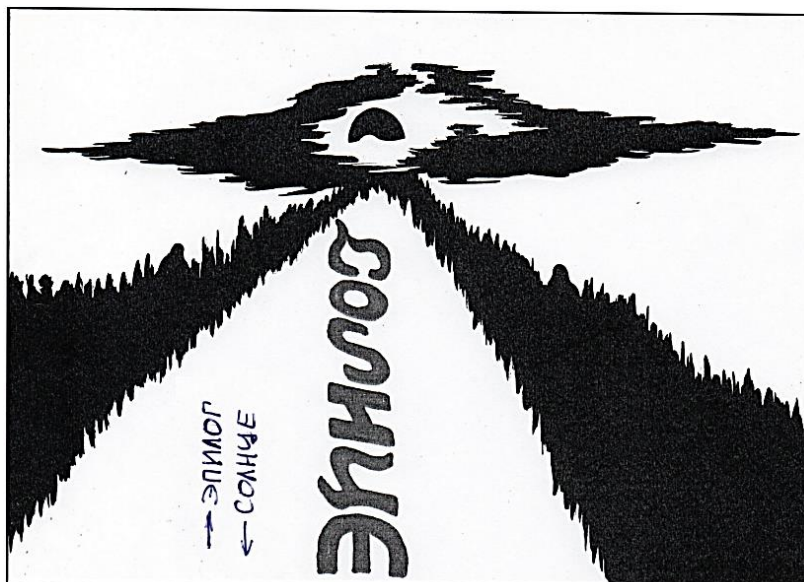

Рис. 2. Д. Авалиани. ЭПИЛОГ – СОЛНЦЕ

В работах Д. Авалиани отдельно стоит также отметить серию визуальных произведений (листовертней), которая предлагает написание одного слова «человек» различными способами. В результате различного начертания при перевороте одно и то же слово образует совершенно иные слова или фразы (рис. 3 и рис. 4) [12, с. 15].

Рис. 3. Д. Авалиани. ЧЕЛОВЕК – ЧЕЛОВЕК

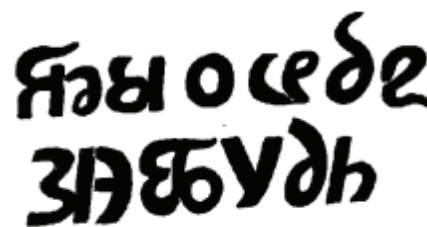

Рис. 4. Д. Авалиани. ТЫ О СЕБЕ ЗАБУДЬ

При анализе множественных способов начертания одного и того же слова, которые по-разному преобразуются в пространстве, превращаясь в новые слова и фразы, нельзя не заметить, как отмечает И. Чудасов, сходство этих работ с «работами японских художников,

например, таких как Кацусика Хокусай («36 видов Фудзи» и «100 видов Фудзи») и Утагава Хиросигэ («100 известных видов Эдо») [18, с. 6]. Подобное сходство предлагает нам рассмотреть сужение пространственного медиума до локального медиума на примере работ Д. Авалиани. Локальный медиум в данном случае выражается в культурной, исторической и территориальной отсылке к работам, представленным в восточной традиции.

Таким образом, локальный медиум в визуальной поэзии в контексте восточной традиции может быть выражен в синтезе живописи, каллиграфии и поэзии. Исследования подобных соединений находят широкий отклик в разных областях культуры. Так, С. Соколов-Ремизов [14, с. 262] при анализе синтеза живописи, каллиграфии и поэзии в культуре Дальнего Востока называет среди особенностей синтетических произведений возможность восстановить в памяти все стихотворение целиком по отрывку из произведения (зрительная память, фиксация изображения помогает восстановить текст). Для сравнения можно вспомнить протописьменные источники хранения информации: наскальные рисунки, «африканское отбивание ритма на барабанах и кипу инков (это способ запомнить информацию с помощью узелков на веревке)» [16, с. 17]. М. Пастуро, анализируя роль цвета в средневековой культуре, также говорит о «визуальном припоминании» [9, с. 347] в связи с анализом стихотворения «El Desdichado» Ж. Нерваля, исходным визуальным источником для которого, вероятно, послужили миниатюры «Манесского кодекса».

В этом плане с особым интересом можно также взглянуть на исследования альбомных листов китайского художника Шитао, которые содержат стихотворные надписи-темы. П. Одинокова при анализе листов Шитао обращает внимание на то, что «синтез живописи, каллиграфии и литературы в этих произведениях осуществляется сразу на нескольких уровнях: техники кисти и туши, пластики форм и структуры композиции» [7, с. 139–173], что также позволяет говорить о возможности интермедиального анализа подобных синтетических произведений.

На подобный опыт опирается и Д. Авалиани в альбомном цикле визуальных произведений «Самурай» [3], где локальный медиум используется в качестве центрального при формировании общей концепции данной серии работ. Этот цикл был создан Д. Авалиани в 2003 г. и представлял собой 21 лист с рисунками в виде самурая и каллиграфемами, которые были собраны в одной папке (рис. 5 и рис. 6) [2].

Для широкой аудитории этот цикл рисунков и каллиграфем был представлен в ежегодном литературном альманахе «Клуб N» в 2014 г. Стоит отметить, что весь выпуск этого альманаха целиком был посвящен произведениям восточной традиции во всем ее многообразии.

Рис. 5. Д. Авалиани. САМУРАЙ – ДУБИНКА

Рис. 6. Д. Авалиани. САМУРАЙ – ДЕЙСТВИЕ

Альбомные листы в качестве основы для создания визуального произведения были выбраны не случайно – это отсылка на работы китайских художников, которая сразу погружает нас в развитие локального медиума, в восточный колорит.

Раскрытие локального медиума происходит уже в названии цикла «Самурай», которое на вербальном уровне определяет восточную тематику произведений для читателя-зрителя

задолго до того, как тот увидит сами произведения. Вербальный компонент произведения определяется синтетическим понятием «каллиграфема», которое объединяет в себе восточный «иероглиф» и европейскую «каллиграмму» Г. Аполлинера. Сам термин уже представляет собой языковую игру, звуковой синтез двух явлений.

На визуальном уровне локальный медиум также выражается в имитации восточной традиции, где начертания каллиграфем строятся по принципу начертания иероглифов, а изображения самураев подражают восточным рисункам, которые сделаны тушью. Использование туши как инструмента также носит подражательный характер.

Осмысленное соединение визуальной и вербальной составляющей можно проследить в каждом отдельно взятом произведении цикла [2, с. 85–87].

Рис. 7. Д. Авалиани. САМУРАЙ – ИНТЕЛЛЕКТ

Рис. 8. Д. Авалиани. САМУРАЙ – ПЕЧАЛЬ

Например, каллиграфема «САМУРАЙ – ДУБИНКА» (рис. 5) сопровождается рисунком, который изображает зажмурившегося самурая, словно от сильного удара по голове дубинкой (возможно, удар еще не состоялся, и самурай зажмурился в ожидании этого удара). Очертания дубинки можно разглядеть на рисунке над его головой.

Каллиграфема «САМУРАЙ – ИНТЕЛЛЕКТ» (рис. 7) сопровождается рисунком, который показывает нам утонченного аристократичного самурая, который глубоко задумался о чем-то. Его облик сосредоточен, глаза закрыты, а над его головой как будто вьется невысказанная мысль из черточек, похожих на буквы или цифры неведомой формулы, над которой размышляет самурай.

Каллиграфема «САМУРАЙ – ПЕЧАЛЬ» (рис. 8) сопровождается рисунком самурая, который словно втянул голову в плечи на вдохе и собирается сделать долгий печальный выдох. Уголки его губ печально опущены. Его глаза при этом закрыты, как и у самурая на предыдущем рисунке. Но в отличие от спокойного сосредоточения в предыдущем примере здесь мы видим печальную готовность заплакать.

Таким образом, можно сказать, что цикл визуальных произведений «Самурай» показывает развитие локального медиума на разных уровнях текста в каждом синтетическом культурном тексте, составляющем этот цикл. Эмоциональное напряжение лучше передается с помощью изображения различных чувств на лицах самураев, тогда как вербальный текст, скорее, служит читателю в качестве пояснения к изображению. При этом, как в случае с примерами визуального запоминания, упомянутыми выше, изображения самураев дают четкую фиксацию эмоционального состояния, чтобы читатель мог вспомнить, какой именно текст изображен в подписи (которую, к тому же, неподготовленному читателю может быть достаточно трудно разобрать).

Заключение. Визуальная поэзия в контексте интермедиальности и интермедиального анализа раскрывается как на уровне анализа отдельных медиа, так и на уровне комплексного анализа соединения различных медиа внутри культурного текста. Интермедиальная структура визуальной поэзии позволяет рассматривать не только наиболее очевидные вербальный и визуальный медиа, но также аудиальный, темпоральный и пространственный медиа.

При этом отдельные визуальные произведения, а также циклы и серии визуально-поэтических произведений могут углубляться в пространственный медиум, представляя его в качестве локального. Именно подобное сужение пространственного медиума до локального можно наблюдать на примере цикла «Самурай» Д. Авалиани. Композиция этого цикла опирается на опыт восточной традиции и культуры и предлагает рассматривать визуальные произведения как синтез нескольких искусств – живописи, каллиграфии и поэзии. При этом развитие локального медиума внутри произведения затрагивает сразу несколько уровней: не только на вербальный и визуальный, но также, например, уровень запоминания информации («ассоциативно-символическое» [6, с. 57] запоминание и толкование текста).

Список литературы

1. Авалиани Д. Лазурные кувшины. Стихотворения. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2000. 152 с.
2. Авалиани Д. Самурай. Каллиграфемы и рисунки // Клуб Н. Литературный альманах. М. : Центр поэтической книги (при русском ПЕН-центре), 2014. С. 81–87.
3. Авалиани Д. Художественное издание «Самурай». М., 2003. 21 л.
4. Бирюков С. Е. Зевгма. Русская поэзия от маньеризма до постмодернизма. М. : Наука, 1994. 288 с.
5. Ильгова Д. А. Визуальная поэзия в контексте интермедиальности. М. : ФЛИНТА, 2022. 164 с.
6. Карабыков А. В. Логос и глагол. Символ, слово, речевое действие в культуре христианского Средневековья. СПб. : Гуманитарная Академия, 2013. 352 с.
7. Одиноква П. С. Синтез живописи, литературы и каллиграфии в альбомных листах Шитао раннего периода // Человек и культура. 2016. № 1. С. 139–173.
8. Орлицкий Ю. Б. Стихосложение новейшей русской поэзии. М. : ЯСК, 2021. 1016 с.
9. Пастуро М. Символическая история европейского средневековья. СПб. : Александрия, 2019. 448 с.
10. Полоцкий С. Избранные сочинения. Ленинград: Академия Наук СССР, 1953. 282 с.
11. Поэзия. Учебник / Н. М. Азарова, К. М. Корчагин, Д. В. Кузьмин, В. А. Плунгян и др. М. : ОГИ, 2016. 886 с.
12. Пространственная поэзия / Д. Е. Авалиани, В. А. Галечьян, Т. Г. Михайловская, А. Н. Лаврухин. М. : Московский Союз литераторов, 2020. 110 с.
13. Седакова О. А. И жизни новизна. Об искусстве, вере и обществе. М. : Никея, 2022. 528 с.
14. Соколов-Ремизов С. Н. Литература. Каллиграфия. Живопись. К проблеме синтеза искусств в художественной культуре Дальнего Востока. М. : Наука, 1985. 311 с.
15. Суховой Д. Графика современной русской поэзии. URL: <http://www.levin.rinet.ru/FRIENDS/SUHOVEI/disser/> (дата обращения: 14.11.2023).
16. Трубек Э. История и туманное будущее искусства писать от руки. М. : КоЛибри : Азбука-Аттикус, 2019. 176 с.
17. Ханзен-Лёве О. А. Интермедиальность в русской культуре: От символизма к авангарду. М. : РГГУ, 2016. 450 с.
18. Чудасов И. Предисловие // Пространственная поэзия / Д. Е. Авалиани, В. А. Галечьян, Т. Г. Михайловская, А. Н. Лаврухин. М. : Московский Союз литераторов, 2020. С. 3–8.
19. Шкловский В. Б. Гамбургский счет. М. : Советский писатель, 1990. 544 с.
20. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб. : Симпозиум, 2005. 502 с.
21. Theocriti aliorumque poetarum. Idyllia. Eiusdem Epigrammata. Simmiae Rhodii Ouum, Alae, Securis, Fistula. Dosiadis Ara. Omnia cum interpretatione latina. In Virgilianae et Nas. Imitationes Theocriti observationes H. Stephani, 1579. 685 p.

A local medium in the visual poetry of Dmitry Avaliani and the experience of the Eastern tradition

Ilgova Daria Alekseevna

PhD in Cultural Studies, independent researcher.

Russia, Moscow. ORCID: 0000-0003-4442-0835. E-mail: dailgova@yandex.ru

Abstract. The present study suggests going beyond the strict boundaries of the binary perception of visual poetry, which is often considered as a union of exclusively verbal and visual components. In fact, visual poetry is a much more dynamic, complex, multilevel semiotic structure that combines a variety of media (verbal, visual, temporal, auditory, gaming, spatial and many others). Therefore, this article examines various examples of Dmitry Avaliani's visual poetry from the point of view of an intermediate analysis. The subject of the analysis is the spatial medium, which is widely used in poetic discourse (for example, the spatial categories "forest", "road", "field" and others). However, in the context of visual poetry, the spatial medium can appear in a com-

pletely different perspective and can narrow down to a local medium (both in individual works and in cycles of works). This study examines the development of a local medium as part of a spatial medium using the example of the author's forms of visual poetry by Dmitry Avaliani, namely: author's leaflet and calligraphemes. As a basis for creating flyers and calligraphers, Dmitry Avaliani refers to the Eastern tradition of unusual spelling of words and creating illustrations. At the same time, the disclosure of the local medium is highlighted at several levels at once: from the choice of the visual form of the work to the synthesis of verbal and visual media. As a result, a multi-level cultural text is formed, which is based on the synthesis of different arts: poetry itself, painting, as well as calligraphy, which is also typical for works presented in the Eastern tradition.

Keywords: visual poetry, leaflet, calligrapheme, local medium, calligraphy, oriental tradition.

References

1. Avaliani D. *Lazurnye kuvshiny. Stihotvoreniya* [Azure jugs. Poems]. SPb. Ivan Limbach Publishing House, 2000. 152 p.
2. Avaliani D. *Samuraj. Kalligrafemy i risunki* [Samurai. Calligraphemes and drawings] // *Klub N. Literaturnyj al'manah* – Club N. Literary almanac. M. Center of the poetic book (at the Russian PEN center), 2014. Pp. 81–87.
3. Avaliani D. *Hudozhestvennoe izdanie "Samuraj"* [Art edition "Samurai"]. M. 2003. 21 l.
4. Biryukov S. E. *Zevgma. Russkaya poeziya ot man'erizma do postmodernizma* [Zevgma. Russian poetry from Mannerism to postmodernism]. M. Nauka (Science). 1994. 288 p.
5. Il'gova D. A. *Vizual'naya poeziya v kontekste intermedial'nosti* [Visual poetry in the context of intermediality]. M. FLINT, 2022. 164 p.
6. Karabykov A. V. *Logos i glagol. Simvol, slovo, rechevoe dejstvie v kul'ture hristianskogo Srednevekov'ya* [Logos and verb. Symbol, word, speech action in the culture of the Christian Middle Ages]. SPb. Humanities Academy, 2013. 352 p.
7. Odinkova P. S. *Sintez zhivopisi, literatury i kalligrafii v al'bomnyh listah Shitao rannego perioda* [Synthesis of painting, literature and calligraphy in the album sheets of the Shitao of the early period] // *Chelovek i kul'tura* – Man and Culture. 2016. No. 1. Pp. 139–173.
8. Orlickij Yu. B. *Stihoslozhenie novejshej russkoj poezii* [The versification of the latest Russian poetry]. M. YASK, 2021. 1016 p.
9. Pasturo M. *Simvolicheskaya istoriya evropejskogo srednevekov'ya* [Symbolic history of the European Middle Ages]. SPb. Alexandria, 2019. 448 p.
10. Polockij S. *Izbrannye sochineniya* [Selected works]. L. Academy of Sciences of the USSR, 1953. 282 p.
11. *Poeziya. Uchebnik* – Poetry. Textbook / N. M. Azarova, K. M. Korchagin, D. V. Kuzmin, V. A. Plungyan, etc. M. OGI, 2016. 886 p.
12. *Prostranstvennaya poeziya* – Spatial poetry / D. E. Avaliani, V. A. Galechyan, T. G. Mikhailovskaya, A. N. Lavrukhin. M. Moscow Union of Writers, 2020. 110 p.
13. Sedakova O. A. *I zhizni novizna. Ob iskusstve, vere i obshchestve* [And the novelty of life. About art, faith and society]. M. Nikea, 2022. 528 p.
14. Sokolov-Remizov S. N. *Literatura. Kalligrafiya. Zhivopis'. K probleme sinteza iskusstv v hudozhestvennoj kul'ture Dal'nego Vostoka* [Literature. Calligraphy. Painting. On the problem of synthesis of arts in the artistic culture of the Far East]. M. Nauka (Science), 1985. 311 p.
15. Suhovej D. *Grafika sovremennoj russkoj poezii* [Graphics of modern Russian poetry]. Available at: <http://www.levin.rinet.ru/FRIENDS/SUHOVEI/disser/> (date accessed: 14.11.2023).
16. Trubek E. *Istoriya i tumannoe budushchee iskusstva pisat' ot ruki* [The history and the vague future of the art of writing by hand]. M. KoLibri : ABC-Atticus, 2019. 176 p.
17. Hansen-Lyove O. A. *Intermedial'nost' v russkoj kul'ture: Ot simvolizma k avangardu* [Intermediality in Russian culture: From symbolism to the avant-garde]. M. RSHU, 2016. 450 p.
18. Chudasov I. *Predislovie* [Preface] // *Spatial poetry* / D. E. Avaliani, V. A. Galechyan, T. G. Mikhailovskaya, A. N. Lavrukhin. M. Moscow Union of Writers, 2020. Pp. 3–8.
19. Shklovskij V. B. *Gamburgskij schet* [Hamburg account]. M. Sovetskiy pisatel' (Soviet writer), 1990. 544 p.
20. Eco U. *Rol' chitatel'ya. Issledovaniya po semiotike teksta* [The role of the reader. Research on the semiotics of the text]. SPb. Symposium, 2005. 502 p.
21. Theocriti aliorumque poetarum. Idyllia. Eiusdem Epigrammata. Simmiae Rhodii Ouum, Alae, Securis, Fistula. Dosiadis Ara. Omnia cum interpretatione latina. In *Virgilianae et Nas. Imitationes Theocriti observationes* H. Stephani, 1579. 685 p.

УДК 94(470)

DOI: 10.25730/VSU.2070.24.034

ВООПИК в дискуссиях о 250-летию Перми как феномен советской публичной сферы*

Неплюев Петр Андреевич

преподаватель кафедры междисциплинарных исторических исследований,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Научный сотрудник, Пермский краеведческий музей.

Россия, г. Пермь. ORCID: 0000-0001-9103-7834. E-mail: peter.neplyueff@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается празднование 250-летия г. Перми (1973 г.) как результат деятельности активистов Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) в публичном поле в предшествующий юбилейный период.

В историографии сложилось представление о первом советском пермском юбилее как о результате спора местных краеведов и университетских историков в конце 1960 – начале 1970-х гг. Деятельность же массовых добровольных общественных организаций и положение в области охраны исторического наследия в этот период практически не рассматриваются. Между тем юбилейным событиям предшествовал ряд историко-культурных инициатив, многие из которых были запущены активистами Пермского отделения ВООПИК, созданного в 1966 г.: мониторинг памятников истории и культуры, проведение молодежных походов по местам революционной, боевой и трудовой славы, проектирование архитектурно-этнографического музея «Хохловка», создание Пермского ювелирно-гранильного завода. Отдельным сюжетом выступали сами дискуссии о дате основания города, в которых участвовали многие члены ВООПИК. Эти инициативы и дискуссии поднимали вопросы дореволюционной истории Прикамья, продвигали их в публичном поле, расширяя тем самым круг лиц, вовлеченных в проблематику локальной истории.

Опираясь на архивные материалы и другие источники о деятельности ВООПИК, в статье обоснован тезис о корректности применения концепции несовершенной публичной сферы к реалиям позднесоветских массовых добровольных организаций.

Сделан вывод о существовании в 1960–1970-е гг. в Перми несовершенной публичной сферы, внутри которой активисты ВООПИК, наряду с властными структурами, создавали историко-культурную повестку региона.

Ключевые слова: несовершенная публичная сфера, ВООПИК, Хохловка, пермский ювелирно-гранильный завод, 250 лет Перми.

Вступление. В 2023 г. город Пермь отпраздновал свое 300-летие. Юбилейная тематика звучала в научной среде на конференциях, форумах. Не был забыт и первый пермский 250-летний юбилей, отмечавшийся в 1973 г. Юбилей полувековой давности и окружавшие его дискуссии для пермских исследователей стали важной частью научного дискурса в преддверии 2023 г. [14; 15; 41]. Отдельное внимание уделялось пермским символам и их происхождению. Среди них особое внимание уделяется пермскому звериному стилю, который закрепился в пермском публичном поле на рубеже 1960–1970-х гг. [1]. В значительной части исследовательских статей внимание уделяется конкретным персоналиям, их взаимодействию с властью, тогда как изучение стоявших за ними общественных организаций и предшествующих историко-культурных инициатив практически не затрагивается.

В данной статье, с одной стороны, предпринимается попытка показать 250-летие Перми как результат деятельности пермских активистов Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (далее ВООПИК, или Общество) по созданию локальной идентичности в публичном поле. С другой стороны, ставится вопрос о применимости концепции несовершенной публичной сферы, режимов публичности при изучении такого феномена позднесоветской действительности, как массовые добровольные организации (на примере ВООПИК).

Концепция несовершенной публичной сферы в контексте изучения добровольной массовой организации ВООПИК. Концепция публичной сферы была разработана Ю. Хабермасом в классическом труде «Структурные трансформации публичной сферы. Исследова-

ния относительно категории буржуазного общества». В нем Ю. Хабермас закладывает основу модели публичной сферы, внутри которой при участии общественности формируется мнение о важных политических и социальных вопросах [42, с. 2]. Однако мы не можем использовать классическую модель буржуазной публичной сферы применительно к позднесоветскому опыту. Такая сфера помимо прочего подразумевает наличие разнообразных позиций у участников, открытость публичной коммуникации, дебаты и обсуждения в качестве основания для принятия решений. В советской действительности публичная сфера ограничивалась цензурой, отличалась тем, что фактически граждане исключались из процесса принятия решений. Тем не менее составители сборника «Несовершенная публичная сфера» предложили применять к российским реалиям понятия «режим публичности» и «эффекты публичности», которые могут, по их мнению, совместить применимую к буржуазному обществу категорию «публичная сфера» и отечественный (в том числе и советский) опыт. Режимы публичности определяют границы и правила публичных высказываний, а также реакции на эти высказывания (от полемичного ответа до равнодушия или отсутствия реакции на высказывание) [18, с. 50].

К характеристикам режимов публичности относятся формальные и неформальные механизмы ограничения и предоставления доступа к публичной речи; неравенство значимости высказываний разных акторов в зависимости от положения; механизмы цензуры и сложившиеся конвенции, регулирующие публичные высказывания; практики публичной коммуникации; организации или институты, обеспечивающие сферу полемики и принятия решений; социально-экономические, юридические и политические основания для самостоятельности (зависимости) агентов, участвующих в публичной коммуникации, и прочие [18, с. 51].

Под эффектами публичности понимаются «механизмы влияния или воздействия одних акторов на других с помощью публичных высказываний» [18, с. 52]. «Публичные высказывания» в данном случае – это не только публичные речи заинтересованных активистов, но также печатные дискуссии, участие в общественных организациях, историко-культурные инициативы активистов, взаимодействие с властью.

На основе вышеуказанных характеристик авторы сборника выделяют четыре фазы состояния публичной сферы, которые могут использоваться применительно к отечественному опыту. При этом авторы сборника отмечают, что все четыре фазы накладываются друг на друга [18, с. 68–69].

Для рассматриваемого в статье периода больше характерен «режим публичной немоты», которому присуще снижение значимости публичных дебатов, глухота к чужой речи при наличии анклавов свободы высказывания.

В данном случае таким анклавом становится дискурс сохранения памятников и историко-культурного наследия. Его элементами можно назвать следующие публичные высказывания: газетные и журнальные статьи на исторические темы, научные монографии, открытые письма с критикой охраны памятников в СССР, дискуссии на заседаниях советов региональных отделений ВООПИК, лекции и прочие публичные высказывания и жесты. Эти элементы и будут рассматриваться в предлагаемой статье.

Деятельность пермского отделения ВООПИК во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. была выбрана в качестве объекта для исследования не случайно. В этот период Общество собрало вокруг себя наиболее ярких борцов за локальную пермскую идентичность, способствуя тем самым появлению механизма влияния на общество и власть в вопросах сохранения историко-культурного наследия, который был недоступен отдельным активистам. Изучение Общества с этой точки зрения, на примере конструирования 250-летия Перми и других инициатив, поможет понять роль общественных организаций в советской несовершенной публичной сфере.

До юбилея: феномен историко-культурного активизма в позднесоветский период. Пермский юбилей вошел в плеяду советских городских празднеств второй половины XX столетия. Начиная с первых послевоенных лет, с празднования 800-летия Москвы в 1947 г., в СССР рождаются практики всесоюзного празднования городского юбилея, создается «прецедент, которому в дальнейшем активно следовали и другие города» [41, с. 13]. Наибольшая плотность празднования советских городских юбилеев была достигнута в 1960–1980-е гг. Юбилеи, с одной стороны, воспринимались как способ подключения к более широким государственным ресурсам для завершения текущих долговременных проектов или для начала новых [41, с. 18–19]. С другой стороны – юбилеи создавали возможность укрепить свою локальную идентичность, показать уникальность городского проекта, его древность и важную

часть в общегосударственной истории. Для Перми юбилей был возможностью удревить свою историю и соперничать за статус региональной столицы Урала со Свердловском. Юбилей могли порождать дискуссии об идентичности региона, о сохранении местного историко-культурного наследия, либо сам юбилей оказывался следствием этих дискуссий. В этом отношении пермский случай борьбы за свою хронологию и идентичность не был уникальным.

На рубеже 1950–1960-х гг. дискуссии о локальной идентичности в СССР вспыхивают с новой силой. Они являются формой историко-культурного активизма и краеведения как его производной в публичном поле. Опорой для этой формы активизма послужили краеведческие традиции, которые начали складываться еще до революции, были особенно популярны в 1920–1930-е гг. и сохранялись в обществе, даже несмотря на полное подчинение и «огосударствление» краеведения к 1937 г. В 1950–1960-е гг. в прессе и научных статьях представителей советской культуры и науки регулярно ставятся вопросы охраны памятников национального исторического и культурного наследия [7; 16].

Указанные материалы часто носили критический характер и призывали власть к дискуссии о реформировании системы охраны памятников и историко-культурного наследия, возрождению идеи об уникальности советских городов и регионов. Эти процессы были связаны с ретроспективным поворотом в сознании советской интеллигенции, заинтересованной в сохранении своей культуры через сохранение национальной культуры. Продолжением этого тренда стало создание республиканских обществ охраны памятников. Первым обществом было создано в Грузии и Латвии (1959 г.), затем – в Азербайджане (1962 г.), Литве (1964 г.) и Туркмении (1965 г.). Очередь РСФСР, Украины, Белоруссии и Молдавии наступила одной из последних (в 1966 г. или позже) [4, с. 142–143].

Создание в 1965–1966 г. массового добровольного общества охраны памятников в РСФСР (ВООПИК) стало ключевым моментом для историко-культурного активизма в крупнейшей республике СССР. Вместе с центральными органами Общества на местах создавались региональные отделения. В 1966 г. появляется Пермское областное отделение ВООПИК, которое аккумулировало силы и чаяния местных активистов, представлявших влиятельные городские и областные организации.

Для власти Общество должно было решить болезненную проблему снижения актуальности исторической памяти о первых десятилетиях советской власти. К 1960-м гг. в СССР выросло молодое поколение, которое не видело Октябрьской революции, Гражданской и Великой Отечественной войн. Это находило отражение, в частности, в крайне неудовлетворительном состоянии памятников советской эпохи. Для государства создание ВООПИК стало частью более широкого вектора внутренней политики по трансляции опыта старших поколений последующим поколениям. Именно среди молодежи и проводилась активная пропаганда сохранения историко-культурного наследия через рекрутинг в ряды новой массовой общественной организации. Об этом свидетельствует тот факт, что в советский период больше половины членов Общества составляли дети от 14 до 18 лет [20, л. 71].

Однако, несмотря на официальный курс на сохранение советского историко-культурного наследия, в ряды Общества вступали активисты, краеведы, ученые, которые не ограничивали советскую историю 1917 г., а видели ее уходящей вглубь веков, в дореволюционное прошлое. Неслучайно одним из первых и самых масштабных проектов ВООПИК во второй половине 1960-х гг. становится туристический маршрут по памятным местам «Золотое кольцо», а мероприятия, посвященные маршруту, «становились легальной площадкой для обсуждения проектов возрождения национальной культуры» [4, с. 163].

Создание Общества и его местных отделений дало мощный толчок дискуссиям по вопросам, связанным с историко-культурным наследием. Организация получала широкую поддержку от власти, так как представители советских властных структур входили в его руководство. Бессменным лидером ВООПИК с 1966 по 1983 г. оставался В. И. Кочемасов, заместитель председателя Совета Министров РСФСР. Общество всегда тесно сотрудничало с Министерством культуры РСФСР, в его рядах состояли чиновники советских учреждений разного уровня [10, л. 55–56].

На региональном уровне посты председателей и членов Президиумов отделений ВООПИК часто занимали представители обкомов, горкомов, райкомов КПСС, ВЛКСМ, профсоюзов. Они могли способствовать продвижению инициатив ВООПИК, придавали Обществу необходимый вес, помогали собирать взносы, используя административный ресурс [22, л. 12]. Тем самым вопросы защиты историко-культурного наследия получали поддержку на многих

уровнях советской политической системы. Патронаж со стороны власти способствовал разветвлению дискуссий в прессе.

После возникновения пермского областного отделения ВООПИК во второй половине 1960-х гг. в публичном поле был выдвинут ряд крупных инициатив, направленных на конструирование локальной идентичности Перми и Пермской области. Само появление организованной структуры, вобравшей в себя историко-культурных активистов по всему РСФСР, может показать, что многие последующие процессы по созданию идентичности в регионах, в том числе и 250-летний юбилей Перми, – это не случайный «взрыв». Это продолжение тематики историко-культурного активизма, участия общественности в решении вопросов, которые долгое время оставались исключительно прерогативой государства.

Активизм по-пермски. Ключевые историко-культурные инициативы и дискуссии пермского отделения ВООПИК в конце 1960-х – начале 1970-х гг. Можно с уверенностью сказать, что Пермь и пермяки «жили и дышали» историей задолго до официального юбилея в 1973 г. Вопрос о дате основания Перми поднимался и в 1920-е гг., накануне потенциального 200-летия города, и в 1930-е гг. [5, с. 131–140]. В 1950-е гг. в местной прессе снова ставились вопросы о дате основания города, его истоках [13; 39]. Появление Пермского областного отделения ВООПИК активизировало историко-культурные инициативы в Пермской области, дало активистам из пермских организаций официальную опору.

В первые годы существования Пермского отделения Общества в состав его президиума входили краеведы, ученые, журналисты. Среди них директор Пермского краеведческого музея Л. Г. Дворсон; археолог, преподаватель Пермского государственного университета В. А. Оборин; архитектор А. С. Терехин, заведующая партийным архивом пермского обкома КПСС Н. А. Аликина; журналист и бывший главный редактор Пермского книжного издательства Б. Н. Назаровский и другие известные представители общественности. И хотя каждый из упомянутых деятелей многие годы занимался деятельностью по созданию локальной пермской идентичности, именно поддержка со стороны массового добровольного общества, в том числе финансовая, помогла реализовать многие из ранее существовавших проектов.

Первые годы существования пермского отделения (1966–1967 гг.) были периодом и организационного (набирались новые члены, создавались районные отделения и первичные организации на предприятиях, составлялись списки памятников, подлежащих охране, устанавливались связи с другими советскими организациями и учреждениями) [25, л. 21, 52, 54–58], и содержательного становления.

Первоначально основной упор делался на памятники и культурное наследие советского периода. Организовывались лектории по вопросам советской истории, приводились в порядок памятники героям Гражданской войны на Урале, проходили школьные походы по местам революционной, боевой и трудовой славы Урала (совместно с Всесоюзным походом по местам революционной, боевой и трудовой славы), организовывались народные музеи [26, л. 37]. Так как Пермская область не стала местом боев Великой Отечественной войны, но активно участвовала в событиях Гражданской войны, то именно памятники революции занимали особое место в локальных практиках коммеморации. Под эгидой общества издавались брошюры с маршрутами туристических походов по местам боев Гражданской войны [37]. Вместе с тем появление Общества активизировало вопросы сохранения дореволюционного наследия в публичном пространстве.

Параллельно с сюжетами советской истории пермское отделение ВООПИК разрабатывало другие проекты, направленные на конструирование локальной пермской идентичности. Знаковым проектом такого рода стало создание в Пермской области архитектурно-этнографического музея под открытым небом и гранильной мастерской (позже завода) для изготовления сувениров на основе местных ремесел. Оба проекта представляли собой пример взаимодействия государственных властей разного уровня и историко-культурных активистов, собравшихся под крылом ВООПИК. Вокруг этих проектов разрабатывались смыслы и сюжеты, которые пытались подчеркнуть историческую и культурную уникальность Перми и области.

История архитектурно-этнографического музея «Хохловка» начинается во второй половине 1960-х гг. В этот период создание подобных музеев считалось одним из ключевых направлений сохранения памятников русского деревянного зодчества, особенно в северных регионах РСФСР [21, л. 35–43; 32, л. 160]. В эти же годы при экспертной оценке и финансовой помощи ВООПИК проходило создание таких архитектурных музеев на территории Россий-

ской Федерации, как «Кижы» в Карелии и «Соловки» в Архангельской области. В Пермской области музей предлагалось разместить рядом с деревней Хохловка, неподалеку от Перми.

Одним из первых инициаторов, поднявших в публичном поле вопрос о необходимости создания пермского музея деревянного зодчества под открытым небом, был архитектор, преподаватель вуза и член Пермского областного президиума ВООПИК А. С. Терехин. В 1966 г. на Всесоюзной конференции «Памятники культуры Русского севера» он выступает с докладом «Проблемы создания заповедника деревянной архитектуры в Пермской области», обосновывая назревшую необходимость сохранения уникальной архитектуры Пермской области как части Русского севера [8]. После сюжет о создании музея под открытым небом не раз появляется в протоколах Президиума совета пермского отделения ВООПИК. Так, к 1968 г. совет определился с местом будущего музея в районе деревни Хохловка и готовил обращение в пермский облисполком о выделении 60–70 гектаров земли. Параллельно областным советом велись работы по отбору памятников деревянного зодчества, которые должны были составить основу нового музея [26, л. 64–65].

4 марта 1969 г. Пермский облисполком принимает решение о создании музея деревянного зодчества. Музей создается под эгидой Пермского краеведческого музея. На его создание в 1969 г. облисполком выделяет 12 тысяч рублей. По мнению активистов местного отделения Общества, этих средств было явно недостаточно для столь масштабного проекта. Об этом они пишут в письме в Центральный совет ВООПИК, прося дополнительного финансирования [28, л. 3–4]. Просьба находит положительный отклик, и Общество берет на себя значительную часть финансирования строительства музея. Первые памятники истории и культуры перевозились из отдаленных мест на территорию «Хохловки» и реставрировались на деньги Центрального совета ВООПИК: Богородицкая церковь, Соляная варница, крестьянские усадьбы [36, л. 8–9]. Каждый год Центральный совет выделял «Хохловке» около 50 тысяч рублей. К концу 1980-х гг. общий объем финансирования этого музея со стороны ВООПИК достигнет 1 миллиона рублей [38, л. 4].

Проект генерального плана музея был разработан членами областного совета ВООПИК, архитекторами Г. Л. Кацко, И. Г. Канторовичем и А. С. Терехиным. Строительство музея сопровождалось значительными задержками и проблемами. К открытию «Хохловка» подойдет только в 1980 г. Однако задолго до открытия музей использовался для проведения этнографических исследований ученых уральских университетов, для праздников, экскурсий. Само появление подобного музея пермского деревянного зодчества сыграло свою роль в конструировании локальной идентичности.

Параллельно со строительством Хохловского музея часть внимания местного отделения ВООПИК занимало создание пермской сувенирной мастерской. Этот вопрос стал частью более широкой, общесоюзной дискуссии о визуальном отражении региональных особенностей через сувенирную продукцию. Сувениры «должны [были] стать <...> полноценными произведениями декоративного искусства различных народов нашей страны и рассматривались как знаки самобытности регионов» [1, с. 96].

На рубеже 1960–1970-х гг., под крылом ВООПИК, было создано несколько производственных сувенирных заводов-мастерских в столичных и провинциальных регионах РСФСР. К их числу относились заводы «Русский сувенир» в Москве [11, л. 45–49], «Сибирский сувенир» в Иркутске [12, л. 149–150] и другие. Помимо заработка дополнительных средств перед ними ставилась задача популяризации регионального искусства и ремесел. Интерес к такому заводу на территории Пермской области проявляли как краеведы-активисты, так и местные власти, о чем не раз говорилось на заседаниях Президиума местного отделения Общества [26, л. 29–32]. В дальнейшем интерес к успешному функционированию пермской мастерской-завода проявлял и председатель Президиума Центрального совета ВООПИК В. И. Кочемасов [30, л. 28].

Вопрос о создании пермской мастерской по созданию сувениров был озвучен в областном совете ВООПИК в 1967 г. Ставился вопрос о создании камнерезной мастерской для работы по мрамору в Коми-Пермяцком округе [26, л. 17]. Для выбора места строительства будущей мастерской была создана комиссия из членов ВООПИК. Одним из предложенных ей мест для строительства назывался Соликамск, однако Б. Н. Назаровский, член комиссии, на одном из заседаний Президиума выступил резко против, аргументируя свою позицию тем, что, открыв завод в Соликамске, перевести его в Пермь уже не получится. К 1968 г. мастерскую было решено строить на окраинах Перми. В это же время был составлен перспективный план, и

пермское отделение Общества приняло решение о создании мастерской по образцу завода «Русские самоцветы» в Ленинграде, куда в командировку по обмену опытом был отправлен будущий директор пермского завода И. Э. Залкинд [26, л. 22–27].

Одновременно с поиском места для будущего завода члены областного совета ВООПИК решали вопрос о сувенирах и их названии. На одном из заседаний областного президиума было предложено и принято решение назвать сувениры не «пермскими», а «прикамскими» [26, л. 49–51], таким образом способствуя развитию того, что сегодня можно назвать емким словом «бренд». Само понятие «прикамский» не стало изобретением местного отделения Общества, т. к. понятие «Прикамье» уже использовалось во время празднования 50-летия Октябрьской революции в Перми в 1967 г. В частности, такое название получила новая гостиница, построенная к этому юбилею [41, с. 14]. Однако сам факт обсуждения того, стоит ли называть сувениры «прикамскими», говорит о том, что к 1968–1969 г. войти в широкий обиход слово «Прикамье» и его производные еще не успело.

В качестве продукции завода, предположительно с подачи Б. Н. Назаровского, предлагалось использовать сувениры с символикой пермского звериного стиля [27, л. 99–111]. Можно предположить, что тема пермского звериного стиля нашла отклик среди членов пермского областного отделения. Уже с конца 1960-х лекторы Общества включают ее в свою лекционную программу [28, л. 46]. Пермский звериный стиль, кроме публицистического обоснования в статьях Б. Н. Назаровского [17], получил научную оценку другого члена пермского ВООПИК, председателя секции археологии В. А. Оборина [19].

Открытие Пермского экспериментального ювелирно-гранильного завода состоялось в 1969 г. Завод расположился в Мотовилихинском районе Перми и в свои первые годы сосредоточился на выпуске продукции в стилистике звериного стиля. Чуть позже к нему добавился выпуск значков с пермской символикой [29, л. 69] к приближающемуся юбилею.

Упомянутые инициативы помогали развитию интереса к локальной истории в публичном поле. Близость же 1973 г., наряду с другой повседневной деятельностью ВООПИК по сохранению историко-культурного наследия, не могла не способствовать поднятию вопроса о дате происхождения Перми. Вокруг Пермского отделения ВООПИК собралось немало сторонников идеи об основании Перми в 1723 г. Стоит предположить, что они чувствовали «дружеское плечо» и в дальнейших дискуссиях не раз поддерживали друг друга в споре с университетскими историками во главе с Ф. С. Горовым.

Так как сам «спор историков» о дате основания Перми, его ключевые лица и основные события изучены в исследовательской литературе, то стоит лишь добавить несколько ремарок о роли ВООПИК в этом споре.

Симпатии значительной части членов местного отделения ВООПИК находились на стороне «партии 1723 года» и Б. Н. Назаровского. В своих воспоминаниях Н. А. Аликина пишет, что позицию Б. Н. Назаровского об основании Перми в 1723 г. среди прочих поддержали В. А. Оборин, А. С. Терехин [3, с. 207–208]. Председатель Пермского отделения Л. Г. Дворсон в 1969 г. направила в Институт истории СССР АН СССР запрос. Содержание запроса нам неизвестно, однако, судя по полученному ответу, Дворсон интересовал критерий установления времени возникновения городов [24, л. 27], что было особенно важно в споре о дате основания Перми. Примечательно, что ответ Института истории хранится в пермском партийном архиве в личном фонде Б. Н. Назаровского, что может указывать на единство целей Дворсон и Назаровского.

Кроме того, в плане работы секции пропаганды пермского отделения Общества на первый квартал 1969 г. стоит пункт «Постановка вопроса о праздновании 250-летия Перми 15 мая 1973 года» [33]. Примечательно, что сам Б. Н. Назаровский был заместителем секции пропаганды областного отделения Общества, а возглавлял секцию старший редактор газеты «Новости Прикамья» В. Аборкин. В 1968 г. он написал в газету «Молодая гвардия» статью «Год рождения: 1723!» [2], подписавшись «Член президиума областного совета ВООПИК». Среди других членов секции были представители пермских газет, журналов, радио и телевидения, которые могли обеспечить необходимый фон продвижению «партии 1723 года» [33, л. 170–171]. Часть из них, как Аборкин и Назаровский, писали статьи в местной прессе, призывая утвердить 1723 г. датой основания Перми [6]. Сложно предположить, что секция пропаганды выступала независимо от президиума областного совета.

Возможный ответ на вопрос, почему дискуссия состоялась именно на страницах «Молодой гвардии», печатного органа ВЛКСМ в Перми, в своей статье уже давал О. Л. Лейбович [14, с. 56–57]. Стоит лишь добавить, что Общество, заинтересованное в сохранении памяти среди

молодежи, всегда тесно сотрудничало с ВЛКСМ на всех уровнях, от Центрального Совета в Москве до региональных отделений, в которых всегда состоял представитель комсомола. Еще на этапе создания нового Общества в 1965–1966 гг. в его оргкомитет входил заведующий отделом агитации и пропаганды ВЛКСМ В. Н. Ганичев [9, л. 5, 5 об., 6, 6 об.], а позже в состав Президиума Центрального Совета вошел секретарь ЦК ВЛКСМ А. И. Камшалов [10, л. 55–56]. Сотрудничество с ВЛКСМ велось и через Всесоюзный поход, главным инициатором которого выступал комсомол. Отсюда появление дискуссии о дате основания Перми, которую в том числе вели члены ВООПИК, на страницах печатного издания комсомола вполне логично.

Безусловно, ключевую роль в победе «партии 1723 года» сыграл сам Б. Н. Назаровский. Но легко заметить, что за его спиной стояло и Пермское отделение Общества. Так, в одном из своих писем в ноябре 1971 г. Б. Н. Назаровский составляет проект будущей конференции «Город Пермь в прошлом, настоящем и будущем». Адресат письма неизвестен, однако по содержанию текста можно предположить, что оно было направлено в органы власти. В тексте письма содержатся подробные рекомендации о формате проведения празднеств, подготовке агитаторов, лозунгах к 250-летию Перми. В конце письма Назаровский отмечает, что основные тезисы будут опубликованы в отдельном сборнике. Сборник будет публиковаться в том числе за счет средств ВООПИК [23, л. 1–11]. Сложно предположить, что подобное предложение могло появиться без хоть какого-нибудь согласования с руководством Общества.

Упомянутая Б. Н. Назаровским конференция состоялась в ноябре 1972 г. И местные активисты, и профессиональные историки, и государственные власти полагали, что именно эта конференция закрывает вопрос о дате основания города. Так, Б. Н. Назаровский планировал прочитать доклад «Возникновение города Перми и первые этапы его развития (Егошиха – Пермь в XVIII в.)» [23, л. 5], но не дожидаясь, умерев в марте 1972 г.

Не только активисты ВООПИК видели в будущей конференции место, где определится судьба пермского юбилея. О значимости конференции свидетельствует диалог между членом Пермского городского отделения ВООПИК, зав. отделом культуры Пермского горисполкома Л. А. Голубевой и председателем Президиума Пермского городского отделения Общества И. К. Четвериком, состоявшийся на одном из заседаний Общества в сентябре 1972 года:

«Голубева Л. А.: Вести подготовку к празднованию надо, но не официруя ее. <...>

Четверик И. К.: Почему нельзя вести официальную подготовку к 250-летию города? На запрос в Академию Наук получен ответ – датой возникновения г. Перми считать 1723 г.

Голубева Л. А.: Вопрос о праздновании определит научно-практическая конференция по теме «Прошлое, настоящее и будущее города Перми», которая запланирована на октябрь – ноябрь 1972 года» [34, с. 22–23].

Впрочем, дожидаться конференции не стали. 29 сентября бюро Пермского горкома КПСС приняло постановление о начале подготовки к 250-летию Перми. Конференция, которая прошла в ноябре с участием многих членов местных отделений ВООПИК, лишь зафиксировала датой основания Перми 1723 г. и объявила о подготовке к грядущему юбилею. В дальнейшем расширенные тезисы конференции были опубликованы в т. ч. и за счет Общества в виде сборника. Само издание вышло под грифом Пермского государственного университета, Пермского краеведческого музея и Пермского областного отделения ВООПИК.

В заключительной части сборника дается характеристика участия ВООПИК в 250-летнем юбилее. Упомянутый выше И. К. Четверик, описывая в сборнике материалы конференции участие ВООПИК, писал: «Через все мероприятия общества в 1973 г. красной нитью проходит тема 250-летия Перми. Члены общества знакомят широкие массы с историей города, его замечательными людьми – партийными деятелями, учеными, героями революций, Гражданской и Великой Отечественной войн, энтузиастами культуры и искусства, чьи усилия помогли создать нашу сегодняшнюю Пермь – город передовой промышленности, крупный центр культуры» [40, с. 280].

Можно предположить, что по устоявшейся советской традиции, юбилей должен был стать тем рывком, который был нужен ВООПИК для активизации его деятельности. Празднества привлекали внимание властей и горожан к историко-культурной тематике, чем областной совет Общества и собирался воспользоваться. Силами ВООПИК к 1973 г. разрабатывались новые лекции, проводились выставки [31, л. 15] и городские праздники, издавались плакаты и другая печатная продукция, собирались у населения средства на дальнейшую пропаганду, установку и защиту памятников историко-культурного наследия [35, л. 31–32]. Благодаря юбилею ВООПИК получил регулярный выход на пермское телевидение в цикле передач «Пермь-250: к юбилею города» [31, л. 4].

Кроме того, можно предположить, что 1723 г. как дата основания города для многих участников спора о дате основания Перми был предпочтительнее 1781 г. еще и потому, что Общество могло чаще поднимать исторические сюжеты в региональном публичном поле, привлечь в свои ряды новых членов. С этой точки зрения 250-летие Перми (1973 г.) было намного ближе 200-летию (1981 г.) и потому более выгодным для молодой массовой организации.

Для ВООПИК юбилей был вершиной «айсберга» разных форм активности по продвижению в публичном пространстве тем локальной специфики Пермской области. Празднествам 1973 г. предшествовали множественные инициативы и дискуссии в региональном публичном поле, которые подготовили почву для принятия первого советского юбилея Перми как среди властей, так и среди горожан. Для пермской общественности и активистов ВООПИК 250-летний юбилей в 1973 г. должен был стать кульминацией проектов предыдущих лет и обозначить Пермь как уникальную точку на карте СССР.

Заключение. 250-летие Перми и борьба за него были частью борьбы за «пермскость». Дискуссии о различных способах сохранения истории и культурного наследия пронизывали пермское публичное поле на рубеже 1960 – 1970-х гг., создавая свой «режим публичности». В его рамках мы видим, как в структурах Общества состояли представители советских властей разных уровней ВООПИК. Многие из них содействовали деятельности Общества, используя властный ресурс. Изучая публичное поле Перми этого периода, исследователи часто останавливаются на деятельности индивидуальных активистов, ученых, представителей интеллигенции, упуская роль общественных организаций, которые занимались охраной историко-культурного наследия, в первую очередь, речь идет о ВООПИК. Безусловно, многие члены Общества начинали свою деятельность по продвижению пермской идентичности до создания ВООПИК. Однако концентрация единомышленников внутри специализированного Общества, чувство «дружеского плеча», поддержка таких же активистов позволяла реализовывать многие ранее недоступные проекты, активнее участвовать в общественных дискуссиях.

Сформировавшееся в 1960-х гг. в СССР вокруг темы охраны памятников публичное поле обеспечило создание Общества охраны памятников, которое аккумулировало вокруг себя активистов с их проектами, предложениями, дав нужную публичную и финансовую поддержку. Таким образом, историко-культурные инициативы и дискуссии этого периода не были случайной цепью публикаций в журналах и газетах, но закономерной чередой событий в сформировавшемся общественном пространстве, наполненном публичными высказываниями в виде дискуссий на страницах местной прессы, внутри Президиума Пермского отделения ВООПИК, через официальные письма и запросы в государственные органы власти и учреждения. Так как в рядах ВООПИК на всех уровнях было немало представителей государственной власти, то многие их инициативы и запросы находили свой отклик, получали поддержку.

Именно такие «публичные высказывания» в рамках деятельности ВООПИК, а также их последствия и показывают влияние историко-культурных активистов на процесс принятия решений. На основании вышесказанного можно говорить о том, что в Перми накануне 250-летнего юбилея существовал свой режим публичности, который определял степень влияния публичных высказываний на конструирование пермской локальной идентичности. Роль в изучаемом режиме публичности играла не только власть и отдельные активисты, но и добровольные общественные организации, собирающие вокруг себя самых активных сторонников защиты местной историко-культурной специфичности.

Список литературы

1. Абашев В. В. Пермский звериный стиль как культурный проект // Слово. Текст. Контекст. 2023. № 4 (16). С. 94–105.
2. Аборкин В. Год рожденья: 1723! // Молодая гвардия. 1968. 25 сентября.
3. Аликина Н. А. 40 лет тому назад // Смышляевский сборник: исследования и материалы по истории и культуре Перми. Вып. 5. Пермь, 2013. С. 207–212.
4. Болтунова Е. М., Егорова Г. С. Территория и история. Позднесоветские проекты «Города-герои» и «Золотое кольцо». М., 2022. 400 с.
5. Быстрых Т. И., Захарова Н. Ф. 1973 год: 250-летие со дня основания Перми. Хронология юбилея // Смышляевский сборник: исследования и материалы по истории и культуре Перми. Вып. 5. Пермь, 2013. С. 126–206.
6. Вершинин Т. Императрица или рабочие? // Молодая гвардия. 1968. 4, 6 октября.
7. Воронин Н. Н., Грабарь И. Э. и др. В защиту памятников прошлого // Литературная газета. 1956. № 100 (3601).

8. ГАПК (Государственный архив Пермского края). Ф. Р-1785. Оп. 1. Д. 4.
9. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. А-639. Оп. 1. Д. 2.
10. ГАРФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 16.
11. ГАРФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 687.
12. ГАРФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 717.
13. Козлов А. Сколько лет Перми? // Урал. 1959. № 10. С. 214–215.
14. Лейбович О. Л. «Безвестный тип в косоворотке...». Борис Назаровский и новая хронология Перми // Культурный код. 2023. № 3. С. 53–69.
15. Лейбович О. Л. Исторический проигрыш: Федор Горовой в дискуссии 1968–1972 годов о дате образования Перми // Технологод. 2022. № 4. С. 19–29.
16. Лихачев Д. С. Памятники культуры – народное достояние // История СССР. 1961. № 3. С. 3–12.
17. Назаровский Б. Н. Чудские древности // Молодая гвардия. 1965. 31 января.
18. Несовременная публичная сфера: История режимов публичности в России / под ред. Т. Атнашева, Т. Вайзер, М. Велижева. М., 2021. 744 с.
19. Оборин В. А. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь, 1976. 192 с.
20. ОГАЧО (Объединенный государственный архив Челябинской области). Ф. П4. Оп. 1. Д. 46.
21. ОГАЧО. Ф. П4. Оп. 1. Д. 70.
22. ОГАЧО. Ф. П4. Оп. 1. Д. 72.
23. ПермГАСПИ (Пермский государственный архив социально-политической истории). Ф. 25. Оп. 1. Д. 178.
24. ПермГАСПИ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 184.
25. ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 287. Д. 84.
26. ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 25.
27. ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 40.
28. ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 46.
29. ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 71.
30. ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 86.
31. ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 116.
32. ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 213.
33. ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 214.
34. ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 234.
35. ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 239.
36. ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 299.
37. ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 404.
38. ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 514.
39. Степанов М. Н. Егошиха – первоначальное ядро города Перми-Молотова // На Западном Урале : сборник статей. Молотов, 1956. С. 42–53.
40. Четверик И. К. Пять лет работы отделения // 250 лет Перми : мат-лы научной конференции «Прошлое, настоящее и будущее Перми». Пермь, 1973. С. 277–280.
41. Янковская Г. А. Юбилей города и становление «периферийных столиц» в СССР // Известия УрФУ. Серия 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25. № 4. С. 9–22.
42. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Massachusetts, 1991. 328 p.

All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments in discussions about the 250th anniversary of Perm as a phenomenon of the Soviet public sphere

Neplyuev Peter Andreevich

lecturer at the Department of Interdisciplinary Historical Studies, Perm State National Research University.

Researcher, Perm Museum of Local Lore. Russia, Perm. ORCID: 0000-0001-9103-7834.

E-mail: peter.neplyueff@yandex.ru

Abstract. The article considers the celebration of the 250th anniversary of Perm (1973) as a result of the activities of activists of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments (VOOPIK) in the public field in the period preceding the anniversary.

Historiography has developed an idea of the first Soviet Perm jubilee as a result of a dispute between local historians and university historians in the late 1960s and early 1970s. The activities of mass voluntary public organizations and the situation in the field of protection of historical heritage during this period are practi-

cally not considered. Meanwhile, the anniversary events were preceded by a number of historical and cultural initiatives, many of which were launched by activists of the Perm branch of the VOPIK, established in 1966: monitoring historical and cultural monuments, conducting youth campaigns to places of revolutionary, military and labor glory, designing the architectural and ethnographic museum "Khokhlovka", the creation of the Perm Jewelry and Lapidary Plant. A separate storyline was the discussions themselves about the date of the founding of the city, in which many members of the VOPIK participated. These initiatives and discussions raised issues of the pre-revolutionary history of the Kama region, promoted them in the public field, thereby expanding the circle of people involved in the problems of local history.

Based on archival materials and other sources about the activities of the VOPIK, the article substantiates the thesis about the correctness of applying the concept of an imperfect public sphere to the realities of late Soviet mass voluntary organizations.

The conclusion is made about the existence of an imperfect public sphere in Perm in the 1960s and 1970s, within which activists of the VOPIK, along with government structures, created the historical and cultural agenda of the region.

Keywords: imperfect public sphere, VOPIK, Khokhlovka, Perm jewelry and granite factory, 250 years of Perm.

References

1. Abashev V. V. *Permskij zverinyj stil' kak kul'turnyj proekt* [Perm animal style as a cultural project] // *Slovo. Tekst. Kontekst* – Word. Text. Context. 2023. No. 4 (16). Pp. 94–105.
2. Aborkin V. *God rozhden'ya: 1723! [Year of birth: 1723!]* // *Molodaya gvardiya* – Young Guard. 1968. September 25th.
3. Alikina N. A. *40 let tomu nazad [40 years ago]* // *Smyshlyaevskij sbornik: issledovaniya i materialy po istorii i kul'ture Permi* – Smyshlyaevsky collection: research and materials on the history and culture of Perm. Is. 5. Perm, 2013. Pp. 207–212.
4. Boltunova E. M., Egorova G. S. *Territoriya i istoriya. Pozdnesovetskie proekty "Goroda-geroi" i "Zolotoe kol'co"* [Territory and history. Late Soviet projects "Hero Cities" and "Golden Ring"]. M. 2022. 400 p.
5. Bystryh T. I., Zaharova N. F. *1973 god: 250-letie so dnya osnovaniya Permi. Hronologiya yubileya [1973: the 250th anniversary of the founding of Perm. Chronology of the anniversary]* // *Smyshlyaevskij sbornik: issledovaniya i materialy po istorii i kul'ture Permi* – Smyshlyaevsky collection: research and materials on the history and culture of Perm. Is. 5. Perm, 2013. Pp. 126–206.
6. Vershinin T. *Imperatrica ili rabochie? [The Empress or the workers?]* // *Molodaya gvardiya* – The Young Guard. 1968. October 4th, 6th.
7. Voronin N. N., Grabar' I. E. and others. *V zashchitu pamyatnikov proshlogo [In defense of the monuments of the past]* // *Literaturnaya gazeta* – Literature newspaper. 1956. No. 100 (3601).
8. SAPR (State Archive of the Perm Region). F. P-1785. Inv. 1. File 4.
9. SARF (State Archive of the Russian Federation). F. A-639. Inv. 1. File 2.
10. SARF. F. A-639. Inv. 1. File 16.
11. SARF. F. A-639. Inv. 1. File 687.
12. SARF. F. A-639. Inv. 1. File 717.
13. Kozlov A. *Skol'ko let Permi? [How old is Perm?]* // *Ural* – Ural. 1959. No. 10. Pp. 214–215.
14. Lejbovich O. L. *"Bezvestnyj tip v kosovorotke..."*. Boris Nazarovskij i novaya hronologiya Permi ["An unknown type in a kosovorotka...". Boris Nazarovskij and the new chronology of Perm] // *Kul'turnyj kod* – Cultural code. 2023. No. 3. Pp. 53–69.
15. Lejbovich O. L. *Istoricheskij proigrysh: Fedor Gorovoj v diskussii 1968–1972 godov o date obrazovaniya Permi* [Historical loss: Fedor Gorovoj in the discussion of 1968–1972 on the date of formation of Perm] // *Tekhnologos* – Technologos. 2022. No. 4. Pp. 19–29.
16. Lihachev D. S. *Pamyatniki kul'tury – narodnoe dostoyanie [Monuments of culture – national heritage]* // *Istoriya SSSR* – History of the USSR. 1961. No. 3. Pp. 3–12.
17. Nazarovskij B. N. *Chudskie drevnosti [Chudskiye antiquities]* // *Molodaya gvardiya* – The Young Guard. 1965. January 31st.
18. *Nesovershennaya publichnaya sfera: Istoriya rezhimov publichnosti v Rossii* – Imperfect public sphere: The history of publicity regimes in Russia / ed. by T. Atnasheva, T. Weiser, M. Velizheva. M. 2021. 744 p.
19. Oborin V. A. *Drevnee iskusstvo narodov Prikam'ya. Permskij zverinyj stil' [Ancient art of the peoples of the Kama region. Permian animal style]*. Perm, 1976. 192 p.
20. USACHR (United State Archive of the Chelyabinsk region). F. P4. Inv. 1. File 46.
21. USACHR. F. P4. Inv. 1. File 70.
22. USACHR. F. P4. Inv. 1. File 72.
23. PermSASPH (Perm State Archive of Socio-political History). F. 25. Inv. 1. File 178.
24. PermSASPH. F. 25. Inv. 1. File 184.
25. PermSASPH. F. 105. Inv. 287. File 84.

26. PermSASPH. F. 3688. Inv. 1. File 25.
27. PermSASPH. F. 3688. Inv. 1. File 40.
28. PermSASPH. F. 3688. Inv. 1. File 46.
29. PermSASPH. F. 3688. Inv. 1. File 71.
30. PermSASPH. F. 3688. Inv. 1. File 86.
31. PermSASPH. F. 3688. Inv. 1. File 116.
32. PermSASPH. F. 3688. Inv. 1. File 213.
33. PermSASPH. F. 3688. Inv. 1. File 214.
34. PermSASPH. F. 3688. Inv. 1. File 234.
35. PermSASPH. F. 3688. Inv. 1. File 239.
36. PermSASPH. F. 3688. Inv. 1. File 299.
37. PermSASPH. F. 3688. Inv. 1. File 404.
38. PermSASPH. F. 3688. Inv. 1. File 514.
39. *Stepanov M. N. Egoshiha – pervonachal'noe yadro goroda Permi-Molotova* [Egoshikha – the original core of the city of Perm-Molotov] // *Na Zapadnom Urale : sbornik statej* – In the Western Urals : collection of articles. Molotov, 1956. Pp. 42–53.
40. *Chetverik I. K. Pyat' let raboty otdeleniya* [Five years of work of the department] // *250 let Permi : mat-ly nauchnoj konferencii "Proshloe, nastoyashchee i budushchee Permi"* – 250 years of Perm : materials of the scientific conference "The past, present and future of Perm". Perm, 1973. Pp. 277–280.
41. *Yankovskaya G. A. Yubilej goroda i stanovlenie "periferijnyh stolic" v SSSR* [The jubilee of the city and the formation of "peripheral capitals" in the USSR] // *Izvestiya UrFU. Seriya 2: Gumanitarnye nauki* – News of UrFU. Series 2: Humanities. 2023. Vol. 25. No. 4. Pp. 9–22.
42. *Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Massachusetts, 1991. 328 p.

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 37(470.54)(092)

DOI: 10.25730/VSU.2070.24.035

И. А. Перель – заведующий Уральским (Свердловским) отделом народного образования и его роль в осуществлении культурных преобразований в 1927–1937 гг.

Попов Михаил Валерьевич¹, Суворов Максим Викторович²

¹доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Уральский государственный педагогический университет. Россия, г. Екатеринбург. ORCID: 0000-0002-1451-266X. E-mail: m-v-popov@yandex.ru

²кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Уральский государственный педагогический университет. Россия, г. Екатеринбург. ORCID: 0000-0001-5390-8758. E-mail: mvs-19771@yandex.ru

Аннотация. В статье освещается деятельность руководителя областного образовательного ведомства в Свердловске по выполнению указаний партийно-советского руководства о форсировании преобразований в сфере культуры в конце 1920-х – 1930-е гг. Приводятся факты биографии И. А. Переля, свидетельствующие о его революционном, но отнюдь не большевистском прошлом. Анализируются командно-административные методы решения проблем в культурном строительстве в 1930-е гг., прежде всего в ликвидации неграмотности взрослого населения и в введении школьного всеобуча для детей, классовый подход к решению поставленных большевиками задач. Аппарат областного отдела народного образования во главе со своим заведующим были инициаторами и организаторами проведения культпохода и культштурма на Урале, требовали «мобилизации» в культурную грамотных для обучения безграмотных взрослых. В то же время в конце 1920-х – начале 1930-х гг. И. А. Перель был сторонником перехода всей системы массовых школ «на рельсы метода проектов», т. е. придерживался теории В. Н. Шульгина об отмирании школы. Отказ от этих взглядов в практике школьного строительства к середине 1930-х явился результатом выполнения чиновником партийных решений. События середины 1930-х гг. показывают, что И. А. Перель не был «человеком» руководителя уральских большевиков И. Д. Кабакова. Более того, Идель Абрамович подвергался критике со стороны руководителей Свердловской области за невыполнение указаний местных чиновников. Не был заведующий облоно и сторонником огульных массовых преследований по отношению к кадровым работникам и учителям. Несомненным успехам в деле культурных преобразований сопутствовали определенные просчеты в политике и ее результатах, что в большей степени послужило причиной необоснованных репрессий в условиях сталинского режима, трагической жертвой которой стал И. А. Перель. В статье убедительно доказывается несостоятельность политических обвинений, выдвинутых против руководителя образования на Урале и обоснованность его реабилитации.

Ключевые слова: управление образованием, ликвидация неграмотности, начальный всеобуч, командно-административная система, репрессии.

В конце марта 1927 г. на должность заведующего Уральским областным отделом народного образования (УралОНО) был назначен Идель Абрамович Перель [2, л. 18]. Он был вторым, кто занимал этот пост после создания нового административно-территориального объединения – Уральской области в 1923 г. Как и его предшественник Я. А. Истомин, Идель Абрамович был московским назначенцем и возглавил УралОНО, оставив должность заведующего отделом в Наркомпросе РСФСР. Вряд ли можно согласиться с бытующей точкой зрения о том, что Перель мог быть «человеком» первого секретаря Уральского обкома ВКП(б) И. Д. Кабакова [8, с. 16–21], т. к. последний, как правило, расставлял на ключевые посты лично преданных ему людей. Когда Кабаков переводится на Урал в 1929 г., Идель Абрамович уже более года руководит УралОНО. К сожалению, личного дела И. А. Переля в фондах Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО) нам обнаружить не удалось и

факты биографии зав. облоно, предшествующие назначению чиновника как главы уральского регионального ведомства, мы почерпнули из его уголовного дела, хранящегося в Государственном архиве административных органов Свердловской области (ГААОСО). Поскольку эти материалы уже опубликованы в наших работах [8; 14], отметим лишь, что характерной чертой молодого учащегося еврейского педагогического института в Вильно (где учился Перель), а затем школьного учителя были крайне революционные взгляды на российскую действительность. Уже в годы первой русской революции И. А. Перель вступает в ряды Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России – Бунд. Деятельность Иделя Абрамовича в этой революционной организации до установления советской власти была активной, а вовсе не является случайным эпизодом его биографии: в 1905 г. он пропагандировал социал-демократические взгляды в рабочих кружках в Вильно и Гомеле, подвергался репрессиям со стороны царского правительства. В Бунде будущий зав. облоно был членом центрального и губернского комитетов, т. е. занимал руководящие партийные посты [1, л. 13].

Революционный запал Перель сохранил и после того, когда в 1920 г., вступив в ряды РКП(б), стал управленцем в системе Наркомпроса, что особенно проявилось с конца 1920-х гг., когда начались форсированные изменения в культурном строительстве в нашей стране. В то же время, в 1920-е гг. в советском обществе сложился тип чиновников, которые считали, что главным в их деятельности является неукоснительное выполнение установок партийно-государственного руководства. Именно таким руководителем Уральского отдела народного образования был И. А. Перель. Все десять лет находясь на должности зав. облоно, он руководствовался установками центральных и местных партийно-советских органов. Идель Абрамович был непосредственным проводником политики партийных организаций, проводимой в сфере культурного строительства на Урале в 1927–1937 гг. Однако в советской исторической литературе по истории КПСС, посвященной культурным преобразованиям в этот период в Уральском регионе, фамилия Переля практически не упоминается, хотя он был одним из главных действующих лиц исторических событий. Так, в классической советской историко-партийной монографии В. Г. Чуфарова по истории деятельности партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции в 1920–1937 гг. фамилия Иделя Абрамовича встречается лишь четыре раза, да и то в связи с второстепенными историческими фактами [33]. Безусловно, причиной этого является то, что советской цензурой считалось недопустимым акцентировать внимание читателей на тех, кто стал жертвой сталинских репрессий в конце 1930-х гг., хотя в необоснованности обвинений в адрес руководителя регионального ведомства после его реабилитации не сомневался никто. Это отразилось и на публикациях современных авторов, посвященных истории ликвидации неграмотности и переходу к всеобщему начальному обучению на Урале, где обвинения Переля во вредительстве и участии в контрреволюционной организации решительно отвергаются, но деятельность чиновника освещается, мягко говоря, скупо [3].

Что касается работ, посвященных специально оценке личности И. А. Переля, то лишь «горбачевская перестройка» дала возможность уральским историкам заняться этой проблемой. В 1990 г. С. П. Постниковым и В. Г. Чуфаровым в сборнике «37-й на Урале» такая статья была опубликована [9, с. 216]. Впервые здесь приводятся факты биографии чиновника, показаны его заслуги в деле руководства культурным строительством в Уральском регионе, свидетельствующие о том, что он был «честный коммунист, талантливый организатор просвещения на Урале <...> и пал жертвой сталинских репрессий» [9, с. 216]. Новые источники, ставшие доступными в постсоветские годы, – материалы следственных дел незаконно репрессированных, документы о реабилитации невинно осужденных и о восстановлении их в партии расширили внимание исследователей к освещению и оценке деятельности уральских региональных ведомств в 1930-е гг., в том числе заведующего Уралом И. А. Переля. Хотелось бы отметить статью М. В. Суворова, помещенную в сборнике научных и научно-методических статей, изданном в Уральском государственном педагогическом университете [15], где последовательно на основе архивных документов доказывается сфабрикованность обвинений и судебного приговора в отношении работников Свердловского облоно в 1937 г., а также статью М. В. Попова и М. В. Суворова о судьбах руководителей Свердловского облоно в 1930-х – 1941 гг. [8]. Указанные работы в основном акцентируют внимание на трагическом финале чиновной карьеры Переля. Поэтому целью данной статьи является выявление в рамках историко-антропологического подхода особенностей деятельности Иделя Абрамовича как руководителя регионального образовательного ведомства в условиях государственной политики, направленной

ной на форсирование преобразований в сфере культуры в 1927 – 1937 гг., тем более что на современном этапе тема культурного строительства в СССР в конце 1920-х – 1930-х гг. продолжает быть актуальной в исторической литературе [11].

Приход нового руководителя образования на Урале совпал с переходом большевиков к политике форсированной модернизации во всех направлениях общественной жизни, в том числе и в культурном строительстве. Если летом 1927 г. Перель ставил вопрос о введении платного обучения в общеобразовательных учреждениях Уральской области [2, л. 20], то уже весной 1928 г. по указанию партийного руководства он назначил своего заместителя Н. А. Куренкова ответственным за составление пятилетнего перспективного плана развития народного образования Уральской области и подготовку контрольных цифр бюджета на 1928/1929 учебный год [2, л. 41]. Быстрые, форсированные темпы культурных преобразований должны были быть достигнуты в том числе и выделением приоритетных направлений в развитии просвещения – это ликвидация неграмотности взрослого населения и переход к начальному (позже семилетнему) всеобучу детей школьного возраста. Начавшийся в августе – сентябре 1928 г. на Урале культпоход, когда добровольцы-общественники стали активно принимать участие в обучении взрослого неграмотного населения, оценивался Перелем как декларативная кампания, позволившая, как он говорил на собрании партячейки при УралОНО 27 августа 1928 г., «расшевелить массы» [20, л. 3]. Однако в сентябре 1929 г. в резолюции по докладу зав. облоно на заседании бюро партячейки был сделан вывод о том, что «бюджет по народному образованию в достаточной степени не обеспечивает роста культурных потребностей трудящихся», а также констатировалось «наличие значительного недостатка культурных сил для обслуживания развивающейся сети культурно-просветительских учреждений» [20, л. 75].

Тем не менее в это же время Идель Абрамович требует от работников своего ведомства неукоснительно выполнять указания вышестоящего начальства. Он подписал приказ о том, чтобы лично ему специально назначенный делопроизводитель-контролер ежедневно докладывал о том, какие указания и задания вышестоящих органов (как центральных, так и областных), а также внутриведомственные распоряжения поступали в УралОНО, какие из них выполнены, а если не выполнены в срок, то в чем причины невыполнения. При этом Перель контролировал выполнение указаний ВЦИК, СНК РСФСР, Наркомпроса, ЦК ВКП(б), Уральского обкома ВКП(б) и Уралоблисполкома облпрофсовета, а контроль за своевременностью выполнения внутриведомственных распоряжений руководителем облоно возложил на зав. канцелярией ведомства с «еженедельным докладом (Перелю. – *авт.*) рапортничкой» [8, с. 17–18].

Главным требованием большевистского руководства к региональным образовательным ведомствам в конце 1920-х гг. становится выполнение намеченных планов форсирования культурных преобразований. При этом выделение бюджетных средств, адекватных поставленным задачам, предварительно не предусматривалось. В статье «Новое в старом», помещенной в журнале «Просвещение на Урале» летом 1929 г. [12, с. 16], И. А. Перель пишет о том, что в новых условиях облоно после утверждения планов промышленного строительства должен ставить перед облисполкомом определенные заявки на участие хозяйственных организаций в деле преобразований в сфере просвещения, что должно быть отражено в бюджете. Зав. облоно указывает: «Вот то совершенно новое, что у нас не было в прошлое время и что определяется нашим планом великих работ. Этот план подхлестывает не только нас, но и всю нашу соответствующую машину» [12, с. 16]. При этом Перель в этой же статье вовсе не считает, что все требуемые облоно деньги будут выделены. Он отмечает: «Я хочу только указать, что всем руководящим организациям и всем руководящим партийным и советским работникам ясно стало, что без участия всех звеньев советского государства мы 5-летний план культурного строительства реализовать полностью не сможем. Поэтому мы говорим, что если нам не удалось получить от бюджета того, что нам нужно для развертывания намеченных мероприятий, то это не освобождает нас от выполнения соответствующего отрезка пятилетнего плана. Надо сделать так, чтобы, даже не имея достаточных средств по бюджету, план был выполнен на 100 проц. Это, конечно, трудная задача, но тут надо привести в движение ряд новых общественных рычагов, начиная с области и кончая сельсоветом» [12, с. 16].

А требования партийно-советского руководства в начале 1930-х гг. в вопросах культурного строительства становятся все более радикальными. В 1930 г. партийное руководство Уральской области требует завершить ликвидацию неграмотности взрослого населения в максимально сжатые, нереальные сроки. Так, пленум Уральского обкома ВКП(б) (октябрь – ноябрь 1930 г.) принял решение всех неграмотных охватить обучением [16]. Строительство

промышленных гигантов и массовая коллективизация осуществлялись путем произвола и административного нажима по отношению к рабочим и крестьянам. Отказ от реальной оценки условий, ударность и спешка в работе, администрирование вместо систематической разъяснительной работы с населением были характерны и в области культурных преобразований. Проводником и исполнителем партийных установок в этой сфере был и И. А. Перель. Об этом свидетельствует тот факт, что в январе 1931 г. зав. облоно заявил на партийном собрании в ведомстве о необходимости не снижать темпы ликвидации неграмотности взрослых и введения начального всеобуча [21, л. 2]. При этом в феврале 1931 г. Перель потребовал начать новый этап культпохода в Уральской области – провести месячник культштурма путем посылки бригад из просвещенцев на новостройки и в районы сплошной коллективизации для работы по ликвидации безграмотности. Для решения этой задачи он принял решение провести мобилизацию одной тысячи грамотных для работы в качестве преподавателей [21, л. 3]. В марте 1931 г. зав. облоно направил в районы Уральской области требование спланировать создание культармии для работы по осуществлению начального всеобуча, обеспечить бюджетное финансирование опорных фабрично-заводских семилеток в соответствии с производственным планом Уралом [20, л. 9]. Более того, при обсуждении контрольных цифр бюджета на 1932 г. Перель потребовал форсировать на Урале введение семилетнего всеобуча [23, л. 23].

Искусственное форсирование темпов культурных преобразований в 1930-е гг. без достаточной финансовой поддержки, в первую очередь ликбеза и всеобуча, было требованием высшего партийного руководства, и сторонником этих радикальных изменений был и «революционер» Перель. Идель Абрамович считал не только проведение культштурма и мобилизацию культармии необходимым условием для достижения поставленных целей. Он даже призывал использовать насильственные методы в культурной политике. Об этом свидетельствует статья И. А. Переля «Очередные задачи культурного строительства на Урале», опубликованная в журнале «Просвещение на Урале» в начале 1931 г. Здесь автор прямо говорил о том, что «бороться за посещаемость детей надо не только с помощью методов убеждения, но и принуждения» [13, с. 33]. Более того, зав. УралОНО в конце 1920-х – начале 1930-х гг. был сторонником «революционных» изменений в содержании школьного учебно-воспитательного процесса. Справедливость этого подтверждает то, что 4 апреля 1929 г., выступая на партийном совещании в Свердловске (ныне Екатеринбург), по народному образованию Перель фактически объявил о необходимости придерживаться взглядов В. Н. Шульгина, который полагал, что учащиеся советских школ должны перевоспитывать своих родителей из числа непролетарских элементов – нэпманов и кулаков в духе коммунистической идеологии [23, л. 16]. В своем выступлении на Уральском областном съезде по культурному строительству летом 1931 г. Перель поставил задачу «широко популяризировать переход всей системы массовых школ на рельсы метода проектов. Здесь важнейшее звено перестройки нашей школы» [14, с. 12].

В отчете о работе партиячейки УралОНО с июня 1931 по март 1932 гг. И. А. Перель был даже подвергнут критике за левацкие перегибы, заключающиеся в теории отмирания школы, «пытающимся свернуть школу к «левацким» методам проектов» [23, л. 53].

В 1929 г. давая в целом положительную характеристику зав. облоно, партийные чиновники особо выделяют то, что он «умеет устанавливать взаимоотношения между общественными и партийными органами» [29, л. 5]. В то же время не надо думать, что Перель был бесконфликтен при решении производственных и личных вопросов. Так, в том же году бюро партиячейки Уралом, давая ему характеристику, отметило, что у руководителя ведомства «...нет чутких, товарищеских отношений с частью работников» [20, л. 44]. Не вызывает сомнения требовательность Переля к своим подчиненным. В подтверждение этого можно привести пример, когда осенью 1935 г. на партсобрании ряд работников облоно обвинили своего начальника в том, что он в ряде случаев заставляет их работать в вечернее время и в выходные дни, то Идель Абрамович ответил: «Если вы в рабочее время укладываетесь – честь вам и хвала, если не укладываетесь – работой больше, если распишешься и совсем – будем об этом говорить где следует. Кто выполняет работу, мы не заставляем работать сверхурочно» [25, л. 117].

Разница в материальном положении руководителей областного образовательного ведомства и рядовых сотрудников, а также учителей в конце 1920-х гг. не была существенной. В апреле 1928 г. вводятся следующие должностные оклады по штатам Уралом: старший инспектор – 180 руб. в месяц, инспектор – 150 руб., зав. канцелярией – 120 руб. [2, л. 54]. Учительский заработок в уральских школах повышенного типа в 1929 г. доходил до 100 руб. в месяц [28, л. 28]. Что касается руководителя областного отдела народного образования, то за вторую половину мая и июнь 1929 г. его заработная плата составила 274 руб. [30, л. 94].

Однако в начале 1930-х произошло резкое снижение уровня жизни различных слоев населения, в том числе просвещенцев на Урале. На учительских конференциях в Свердловске в сентябре 1931 г. ряд учителей выступили с критикой чиновников Уралом за их невнимание к материально-бытовым условиям работы педагогов в период форсированного школьного строительства. Особую активность в этом отношении проявляла свердловская учительница Затопляева, которая пыталась противопоставить руководство и аппарат органов народного образования широким слоям учительства. На партийном собрании в облоно И. А. Перель потребовал решительно пресекать подобные выступления, вплоть до увольнения с работы, которые, по его словам, «являются характерным отражением классово-чуждых элементов, которые прикрываясь демагогическими фразами, пытались сопротивляться генеральной линии партии...» [22, л. 47]. С. П. Постников и В. Г. Чуфаров в упомянутой выше статье о Переле пишут о том, что общая атмосфера конца 1920-х – 1930-х гг. не могла не оказать на него влияние. Руководствуясь указаниями Сталина, Идель Абрамович говорил об обострении классовой борьбы, о необходимости очищения аппарата просвещения и школ от классово-чуждых элементов [9, с. 215]. Однако дело, видимо, в большей степени в политических взглядах Переля-революционера, когда для достижения поставленных целей большое значение большевиками придавалось применению насильственных методов и выявлению врагов, в том числе и в управлении образованием.

Идель Абрамович не просто говорил об обострении классового противостояния, в том числе в сфере просвещения, но и считал причинами конкретных трудностей и недостатков в работе органов народного образования и учебных заведений сопротивление «классово-чуждых» элементов в обществе и наличие уклонов в ВКП(б). Это подтверждается тем, что в августе 1933 г. во время партийной чистки среди работников облоно Перель заявил, что особенности чистки 1933 г. заключаются в том, что «она проходит в условиях развернутого подъема социалистического строительства, с другой стороны обостряет классовую борьбу на отдельных участках нашего строительства, когда классовая борьба приобретает скрытый характер – кулак вредит «тихой сапой» нашей социалистической стройке» [24, л. 78]. Говоря об уклонах в ВКП(б), Идель Абрамович утверждал, что их социальные корни зависят от того, «какую группу, класс эти «уклоны» поддерживают, правый уклон – главная опасность, потому что его выдвинуло мелкобуржуазное окружение, оно действует разлагающе на наших коммунистов» [24, л. 78].

В то же время руководитель областного образовательного ведомства не был сторонником огульных репрессий по отношению к кадровым работникам. Даже в начале 1937 г., когда в Свердловской области уже начались аресты областных чиновников, обвиняемых во «вредительстве», Перель, признавая необходимость «очищать аппарат от врагов народа», выступил на партсобрании в защиту ряда работников облоно от увольнения, указывая на их честность и деловые качества, несмотря на то, что ближайшие родственники сотрудников были осуждены как троцкисты [27, л. 9]. Более того, признавая необходимость административного воздействия на своих подчиненных для налаживания дисциплины в своем ведомстве, зав. облоно на первое место ставил меры воспитательного характера, он говорил на заседании партбюро: «Без всяких перегибов – сначала убеждение, а потом принуждение» [25, л. 117].

В наших работах мы уже высказывали точку зрения о том, что И. А. Перель вряд ли был «человеком» руководителя уральских большевиков И. Д. Кабакова [8, с. 18], хотя вся его деятельность в качестве зав. облоно проходила в период, когда именно Иван Дмитриевич был первым секретарем Уральского (Свердловского) обкома ВКП(б), и так же, как Кабаков, Перель был арестован в мае 1937 г. Нам кажется, что это доказывают события середины 1930-х гг.: в 1934 г. государством выделяются средства для создания сети общеобразовательных школ повышенного типа (семилетних и средних), в том числе в Свердловской области. Встал вопрос об освоении финансовых поступлений в рамках строительства и ремонта школьных помещений. В Свердловской области по указанию ЦК ВКП(б) и правительства к 1 сентября 1935 г. в строй вступило 11 вновь построенных школьных зданий, о чем было доложено в отчете заведующего облоно в «рапорте на имя Сталина и Молотова» [17, с. 1]. Однако 7 сентября того же года в газете «Правда» [10, с. 3] была опубликована статья «Свердловские очковтиратели», в которой достоверность информации о готовности этих школ к учебному году подвергалась сомнению: в школьных зданиях имелись серьезные недоделки, не позволявшие вести образовательный процесс в нормальном режиме. 13 сентября 1935 г. бюро Свердловского обкома ВКП(б) признало справедливыми эти факты и указало на то, что в этой ситуации зав.

облоно не имел право рапортовать об успешном окончании школьного строительства. И. А. Перелю был объявлен строгий выговор, а начальник Госстройконтроля по г. Свердловску был снят с работы и исключен из партии [18, с. 2].

На собрании первичной партийной организации Свердловского областного отдела народного образования 19 сентября 1935 г. вопрос о поведении И. А. Переля был поставлен на рассмотрение. Признав свою вину, Идель Абрамович заявил, что он знал о недоделках, но «не придавал необходимого значения качеству, с которыми эти школы приняли». Кроме того, Перель признал необходимым для облоно проверять правдивость информации, находящейся в отчетах о школьном строительстве [25, л. 115].

Недоверие московских чиновников к главе областного образовательного ведомства в Свердловске явилось сигналом к развертыванию критики И. А. Переля со стороны местного партийного руководства, возглавляемого И. Д. Кабаковым. В начале 1936 г. в областной газете «Колхозный путь» была помещена критическая статья с характерным названием «Бюрократы возглавляют облоно» [4, с. 2]. В июне 1936 г. парторганизация облоно поддержала ходатайство И. А. Переля о снятии с него строгого выговора, объявленного в сентябре 1935 г. [26, л. 94], однако это решение не было утверждено Свердловским обкомом. В феврале 1937 г. получил выговор заместитель Переля А. Н. Сухов «за бюрократическое отношение к решениям обкома ВКП(б)» [31, л. 64].

Особенно резкой критике работа аппарата облоно была подвергнута на XIII пленуме Свердловского обкома ВКП(б), состоявшемся в начале февраля 1937 г., как раз накануне февральско-мартовского пленума Центрального Комитета партии. Выступивший на пленуме обкома И. Д. Кабаков, по утверждению Переля, «отметил, что аппарат облоно бесхребетен, нет четкой мобилизованности в работе. Надо вскрыть корни политической тупости нашей работы и перестроиться решительно, чтобы оправдать доверие партии» [26, л. 27]. Однако в условиях, когда трудности и недостатки в конкретной деятельности объяснялись противодействием классовых врагов, отчеты чиновников о работе стали подвергаться сомнению, в том числе отчеты местных органов народного образования. О фактах очковтирательства и обмана в отчетах 1936 г. рассказывал зав. сектором школ взрослых облоно В. Н. Мочалов: «...в Кудымкаре давали сводку, что учится 11 тыс., а при проверке оказалось, что никто не учится. В школе повышенного типа утвержден контингент в 921 чел., а учится только 22 чел. Проверка в Щучье-Озерском районе показала, что учится только 14 % допризывников, а сводки даются дутые» [26, л. 27]. Еще большую озабоченность у парторганов вызвала фальсификация чиновниками качества знаний выпускников школ, в том числе выпускников школ неграмотных и малограмотных. Летом 1936 г. Свердловский обком ВКП(б) предложил И. А. Перелю установить контроль за тем, чтобы все окончившие школы неграмотных немедленно переходили в школы малограмотных, а из школ малограмотных выпускались только усвоившие программу [3, с. 48].

На общем закрытом собрании парторганизации Свердловского облоно 13 февраля 1937 г. И. А. Перель признал критику работы вверенного ему учреждения и его лично правильной, но заявил, что обсуждение проблем носило «узкий» характер, не заострил проблем о бдительности [26, л. 30]. После февральско-мартовского (1937 г.) пленума ЦК ВКП(б) недоверие и бдительность по отношению к чиновникам становятся одними из поводов для репрессий по отношению к ним.

Что касается И. А. Переля, то информация о его судьбе после ареста 24 мая 1937 г. известна нам из материалов следственного дела, хранящегося в Государственном архиве административных органов Свердловской области [1] и личного дела о реабилитации, находящегося в Центре документации общественных организаций Свердловской области [32]. Эти документы исследованы и освещены в вышеназванной статье уральского историка М. В. Суворова [15, с. 151–162], и мы не будем подробно на них останавливаться. Выводы названной публикации свидетельствуют о том, что следствие предъявило обвинение бывшему заведующему облоно в том, что он до своего ареста занимался активной подрывной деятельностью по линии народного образования, состоял в контрреволюционной террористической организации правых [15, с. 155]. В документах следствия имеются письменные признания Иделем Абрамовичем своей вины, что явилось одним из оснований для его осуждения и расстрельного приговора [15, с. 155]. Лишь в 1956 г. И. А. Перель был реабилитирован и посмертно восстановлен в рядах КПСС.

В заключении военной прокуратуры Уральского военного округа по делу Переля (12 января 1956 г.) отмечается, что имевшиеся в учреждениях народного образования недо-

статки и упущения органы НКВД без всяких оснований квалифицировали как вредительство со стороны Иделя Абрамовича и других лиц. Некоторые факты, вмененные Перелю, в том числе участие в якобы существовавшей в Свердловске контрреволюционной организации правых, вообще не имели места и являются вымыслом [15, с. 157]. Это подтвердил на допросе 19 декабря 1955 г. бывший первый заместитель Переля в Свердловском облоно А. Н. Сухов, который считал, что никакой вредительской деятельности в системе народного образования, в том числе со стороны его бывшего начальника, не было, и что Идель Абрамович был честным человеком [15, с. 160]. Анализ многочисленных конкретных фактов, приводимых в статье М. В. Суворова, подтверждает это положение.

Таким образом, И. А. Перель возглавлял областное ведомство народного образования в Свердловске в период, когда большевистское руководство страны перешло к политике форсированных модернизационных процессов во всех сферах общественной жизни, в том числе в просвещении и культуре. Это в полной мере соответствовало взглядам Иделя Абрамовича, который был сторонником революционных методов решения проблем. Поэтому он стремился быть новатором в перестройке школьного образования; штурмовщина, спешка и насилие были характерными чертами для многих сторон культурной жизни в 1927 – 1937 гг. на Урале. В то же время, к концу 1920-х гг., сложился тип чиновника, который главной задачей считал необходимость строго и безусловно выполнять все указания партийно-советского руководства. Исходя из этих указаний Перель придерживался классового подхода в руководстве просвещением, объясняя недостатки и трудности в культурном строительстве обострением социального противостояния, влиянием социально-чуждых элементов в среде советских чиновников и учителей, наличием в правящей партии сторонников уклонов от генеральной линии.

Итоги развития просвещения на Урале (прежде всего в ликвидации неграмотности взрослого населения и введения всеобщего для детей) связаны с деятельностью руководителей региональных образовательных ведомств. Типичными являются и их судьбы – все они стали жертвами «большого террора»: в 1937–1938 гг. были репрессированы заведующие Кировским облоно Д. Б. Марчуков и И. А. Люсев [7], заведующий Челябинского областного отдела народного образования И. И. Барсуков и его заместитель А. З. Караковский [5]; в Оренбургской области в 1937 г. был обвинен во вредительстве, арестован и в 1938 г. расстрелян зав. облоно П. П. Шапошников [6].

Негативные последствия функционирования сталинской политической системы также были связаны и с именем Переля. Идель Абрамович не был сторонником огульных репрессий. Ни в коей мере он не был связан «круговой порукой» с «кабаковским руководством» обкома ВКП(б), оставался сторонником революционных преобразований, ему был чужд карьеризм и конформизм по отношению к вышестоящему руководству. Обвинения во вредительстве и участии в деятельности контрреволюционной организации «правых», состоявших из руководителей Свердловской области во главе с И. Д. Кабаковым, были сфабрикованы. Это доказывает тот факт, что следствие вели работники УНКВД по Свердловской области, которые в 1940 г. были приговорены к смертной казни за фальсификацию уголовных дел [15, с. 160]. Незаконные методы ведения следствия заставили Иделя Абрамовича подписать документы о признании своей вины.

Список литературы

1. ГААОСО (Государственный архив административных органов Свердловской области). Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 19268. Т. 1. Л. 14. Следственное дело И. А. Переля.
2. ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. Р-233. Оп. 2. Д. 39. Распоряжение зав. Уралом 25 марта 1927 г.
3. Государство и начальное образование в уральской деревне в 1920–1941 гг. / М. В. Попов, Э. Е. Протасова, И. Л. Бахтина, Т. Г. Мосунова. Екатеринбург, 2009. 187 с.
4. Колхозный путь. 1936. 12 января. С. 1.
5. Кувшинова М. И. Страницы биографии Абрама Залмановича Караковского (1893–1938) // XX Уральские Бирюковские чтения. Краеведческие поиски и находки : мат-лы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения В. П. Бирюкова, Челябинск, 29 ноября 2013 года. Челябинск : Абрис, 2013. С. 449–457. EDN: WXWYPD.
6. ОГАСПИ (Оренбургский государственный архив социально-политической истории). Ф. 371. Оп. 28. Д. 3218. Следственное дело П. П. Шапошникова.
7. Помелов В. Б. Школа Кировской области в предвоенные годы // Вестник гуманитарного образования. 2019. № 1 (13). С. 120–127. DOI: 10.25730/VSU.2070.19.014. EDN: EJPZKV.

8. Попов М. В., Суворов М. В. Уральский (Свердловский) областной отдел народного образования в 1930-х – 1941 гг.: необоснованные политические репрессии и судьбы руководителей регионального ведомства // Педагогическое образование в России. 2023. № 2. С. 16–21.

9. Постников С. П., Чуфаров В. Г. Идель Абрамович Перель // 37-й на Урале. Свердловск, 1990. 304 с.

10. Правда. 1935. 7 сентября. С. 3.

11. Прополянис Г. Э. А. М. Горький – организатор культурного строительства в СССР (статьи А. М. Горького, посвященные культурным процессам 1920 – 1930-х гг.) // Максим Горький в культуре XX–XXI вв. : мат-лы XXXIX Международной научной конференции. Нижний Новгород, 09–10 октября 2020 года. Н. Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2020. С. 108–114. EDN: ZQDAEV.

12. Просвещение на Урале. 1926. № 7–8. С. 16.

13. Просвещение на Урале. 1931. № 1–2. С. 18.

14. Просвещение на Урале. 1931. № 6. С. 12.

15. Суворов М. В. Судьба Идделя Абрамовича Переля – заведующего Уральским (Свердловским) отделом народного образования в 1927–1937 гг. // Социальная сфера на Урале во второй половине XIX – первой половине XX вв. в лицах : сб. научных и учебно-методических трудов: ежегодник. Екатеринбург, 2019. С. 152–164.

16. Уральский рабочий. 1930. 18 ноября. С. 3.

17. Уральский рабочий. 1935. 18 сентября. С. 1.

18. Уральский рабочий. 1935. 18 ноября. С. 2.

19. ЦДООСО (Центр документации общественных организаций Свердловской области). Ф. 1068. Оп. 1. Д. 29. Протокол заседания бюро партийной ячейки ВКП(б) при Уралоно 27 августа 1928 г.

20. ЦДООСО. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 30. Протокол заседания бюро партийной ячейки ВКП(б) при Уралоно 10 сентября 1929 г.

21. ЦДООСО. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 34. Протокол общего собрания ячейки ВКП(б) Уралоно 4 марта 1931 г.

22. ЦДООСО. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 35. Протокол заседания бюро ячейки ВКП(б) Уралоно 23 апреля 1931 г.

23. ЦДООСО. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 36. Протокол общего собрания ячейки ВКП(б) Уралоно 16 января 1932 г.

24. ЦДООСО. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 39. Протокол общего собрания ячейки ВКП(б) Уралоно 9 февраля 1933 г.

25. ЦДООСО. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 45. Протокол общего собрания первичной партийной организации ВКП(б) Свердловского облоно 19 сентября 1935 г.

26. ЦДООСО. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 47. Протокол общего собрания первичной партийной организации ВКП(б) Свердловского облоно 13 февраля 1937 г.

27. ЦДООСО. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 53. Протокол общего собрания первичной партийной организации ВКП(б) Свердловского облоно 7 апреля 1937 г.

28. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 352. Докладная записка зав. Уралоно И. А. Переля в Уралобком 20 июня 1927 г.

29. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 395. Стенограмма партийного совещания по народному образованию при обкоме ВКП(б) 14 апреля 1929 г.

30. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 401. Докладная записка зав. Уралоно И. А. Перель в Областную контрольную комиссию ВКП(б) 1929 г.

31. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 67. Протокол заседания бюро Свердловского обкома ВКП(б) 16 июля 1940 г.

32. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 63. Д. 2030. Личное дело о реабилитации И. А. Переля.

33. Чуфаров В. Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции. 1920–1937. Свердловск, 1970. 378 с.

I. A. Perel – Head of the Ural (Sverdlovsk) Department of Public Education and its role in the implementation of cultural transformations in 1927–1937.

Popov Mikhail Valeryevich¹, Suvorov Maxim Viktorovich²

¹Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of Russian History, Ural State Pedagogical University, Russia, Yekaterinburg. ORCID: 0000-0002-1451-266X. E-mail: m-v-popov@yandex.ru

²PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of Russian History, Ural State Pedagogical University, Russia, Yekaterinburg. ORCID: 0000-0001-5390-8758. E-mail: mvs-19771@yandex.ru

Abstract. The article highlights the activities of the head of the regional educational department in Sverdlovsk in fulfilling the instructions of the party-Soviet leadership on forcing transformations in the field of culture in the late 1920s – 1930s. The facts of I. A. Perel's biography are presented, testifying to his revolutionary, but by no means Bolshevik past. The article analyzes command and administrative methods of solving problems in cultural construction in the 1930s, primarily in the elimination of adult illiteracy and in the introduction of universal schooling for children, a class approach to solving the tasks set by the Bolsheviks. The staff

of the regional department of public education, headed by its head, were the initiators and organizers of the cultural campaign and cultural tour in the Urals, demanded the "mobilization" of literate people to the cultural army to teach illiterate adults. At the same time, in the late 1920s and early 1930s, I. A. Perel was a proponent of the transition of the entire system of mass schools "to the rails of the project method", i.e. he adhered to V. N. Shulgin's theory about the death of the school. The rejection of these views in the practice of school construction by the mid-1930s was the result of an official fulfilling party decisions. The events of the mid-1930s show that I. A. Perel was not the "man" of the leader of the Ural Bolsheviks, I. D. Kabakov. Moreover, Idel Abramovich was criticized by the leaders of the Sverdlovsk region for not following the instructions of local officials. The head of the department was also not a supporter of indiscriminate mass persecution of personnel and teachers. The undoubted successes in cultural transformations were accompanied by certain miscalculations in politics and its results, which to a greater extent caused unjustified repression under the conditions of the Stalinist regime, of which I. A. Perel became a tragic victim. The article convincingly proves the inconsistency of the political accusations made against the head of education in the Urals and the validity of his rehabilitation.

Keywords: education management, literacy eradication, primary general education, command and administrative system, repression.

References

1. SAABSR (State Archive of administrative bodies of the Sverdlovsk region). F. P-1. Inv. 2. File 19268. Vol. 1. Sh. 14. The investigative case of I. A. Perel.
2. SASR (State Archive of the Sverdlovsk region). F. P-233. Inv. 2. File 39. Order of the head. Uralono on March 25, 1927
3. *Gosudarstvo i nachal'noe obrazovanie v ural'skoj derevne v 1920–1941 gg.* – The state and primary education in the Ural village in 1920–1941 / M. V. Popov, E. E. Protasov, I. L. Bakhtina, T. G. Mosunova. Yekaterinburg, 2009. 187 p.
4. *Kolhoznyj put'* – The collective farm way. 1936. January 12. P. 1.
5. *Kuvshinova M. I. Stranicy biografii Abrama Zalmanovicha Karakovskogo (1893–1938)* [Pages of the biography of Abram Zalmanovich Karakovsky (1893–1938)] // *XX Ural'skie Biryukovskie chteniya. Kraevedcheskie poiski i nahodki : mat-ly Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 125-letiyu so dnya rozhdeniya V. P. Biryukova* – XX Ural Biryukov readings. Local history searches and finds : materials of the All-Russian Scientific and Practical conference dedicated to the 125th anniversary of the birth of V. P. Biryukov, Chelyabinsk, November 29, 2013. Chelyabinsk. Abris, 2013. Pp. 449–457. EDN: WXWYPD.
6. OSASPIH (Orenburg State Archive of socio-political history). F. 371. Inv. 28. File 3218. The investigative case of P. P. Shaposhnikov.
7. *Pomelov V. B. Shkola Kirovskoj oblasti v predvoennyye gody* [School of the Kirov region in the pre-war years] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* – Herald of Humanitarian Education. 2019. No. 1 (13). Pp. 120–127. DOI: 10.25730/VSU.2070.19.014. EDN: EJPZKV.
8. *Popov M. V., Suvorov M. V. Ural'skij (Sverdlovskij) oblastnoj otдел narodnogo obrazovaniya v 1930-h – 1941 gg.: neobosnovannyye politicheskie repressii i sud'by rukovoditelej regional'nogo vedomstva* [Ural (Sverdlovsk) regional Department of Public Education in the 1930s – 1941: unjustified political repression and the fate of the heads of the regional department] // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* – Pedagogical education in Russia. 2023. No. 2. Pp. 16–21.
9. *Postnikov S. P., Chufarov V. G. Idel' Abramovich Perel'* [Idel Abramovich Perel] // 37th in the Urals. Sverdlovsk, 1990. 304 p.
10. *Pravda* – The truth. 1935. September 7. P. 3.
11. *Propolyanis G. E. A. M. Gor'kij – organizator kul'turnogo stroitel'stva v SSSR (stat'i A. M. Gor'kogo, posvyashchennyye kul'turnym processam 1920 – 1930-h gg.)* [A.M. Gorky – organizer of cultural construction in the USSR (articles by A.M. Gorky devoted to cultural processes of the 1920s – 1930s)] // *Maksim Gor'kij v kul'ture XX–XXI vv. : mat-ly XXXIX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Nizhny Novgorod, 09–10 oktyabrya 2020 goda* – Maxim Gorky in culture of the XX–XXI centuries : materials of the XXXIX International Scientific Conference. Nizhny Novgorod, October 09–10, 2020. N. Novgorod. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, 2020. Pp. 108–114. EDN: ZQDAEV.
12. *Prosveshchenie na Urale* – Enlightenment in the Urals. 1926. No. 7–8. P. 16.
13. *Prosveshchenie na Urale* – Enlightenment in the Urals. 1931. No. 1–2. P. 18.
14. *Prosveshchenie na Urale* – Enlightenment in the Urals. 1931. No. 6. P. 12.
15. *Suvorov M. V. Sud'ba Idelya Abramovicha Perelya – zaveduyushchego Ural'skim (Sverdlovskim) otделom narodnogo obrazovaniya v 1927–1937 gg.* [The fate of Idel Abramovich Perel, head of the Ural (Sverdlovsk) department of public education in 1927–1937] // *Social sphere in the Urals in the second half of the XIX – first half of the XX centuries. in persons : collection of scientific and educational works: yearbook.* Yekaterinburg, 2019. Pp. 152–164.
16. *Ural'skij rabochij* – Ural worker. 1930. November 18. P. 3.
17. *Ural'skij rabochij* – Ural worker. 1935. September 18. P. 1.
18. *Ural'skij rabochij* – Ural worker. 1935. November 18. P. 2.

19. CDPOSR (Center for documentation of public organizations of the Sverdlovsk region). F. 1068. Inv. 1. File 29. Minutes of the meeting of the bureau of the party cell of the CPSU(b) at the Ural Region on August 27, 1928.
20. CDPOSR. F. 1068. Inv. 1. File 30. Minutes of the meeting of the bureau of the party cell of the CPSU(b) in the Urals on September 10, 1929.
21. CDPOSR. F. 1068. Inv. 1. File 34. Minutes of the general meeting of the cell of the CPSU(b) Uralono on March 4, 1931.
22. CDPOSR. F. 1068. Inv. 1. File 35. Minutes of the meeting of the bureau of the VKP(b) Uralono cell on April 23, 1931.
23. CDPOSR. F. 1068. Inv. 1. File 36. Minutes of the general meeting of the VKP(b) Uralono cell on January 16, 1932.
24. CDPOSR. F. 1068. Inv. 1. File 39. Minutes of the general meeting of the cell of the CPSU(b) Uralono on February 9, 1933.
25. CDPOSR. F. 1068. Inv. 1. File 45. Minutes of the general meeting of the primary party organization of the CPSU(b) of the Sverdlovsk region on September 19, 1935.
26. CDPOSR. F. 1068. Inv. 1. File 47. Minutes of the general meeting of the primary party organization of the CPSU(b) of the Sverdlovsk region on February 13, 1937
27. CDPOSR. F. 1068. Inv. 1. File 53. Minutes of the general meeting of the primary party organization of the CPSU(b) of the Sverdlovsk region on April 7, 1937
28. CDPOSR. F. 4. Inv. 5. File 352. Memorandum of the Head. Uralono I. A. Perel to Uralobkom on June 20, 1927.
29. CDPOSR. F. 4. Inv. 7. File 395. Transcript of the party meeting on public education at the regional Committee of the CPSU(b) on April 14, 1929
30. CDPOSR. F. 4. Inv. 7. File 401. Memorandum of the Head. Uralono I. A. Perel to the Regional Control Commission of the CPSU(b) in 1929.
31. CDPOSR. F. 4. Inv. 35. File 67. Minutes of the meeting of the Bureau of the Sverdlovsk Regional Committee of the CPSU(b) on July 16, 1940
32. CDPOSR. F. 4. Inv. 63. File 2030. The personal case of I. A. Perel's rehabilitation.
33. *Chufarov V. G. Deyatel'nost' partijnyh organizacij Urala po osushchestvleniyu kul'turnoj revolyucii. 1920–1937* [The activities of the party organizations of the Urals in the implementation of the cultural revolution. 1920–1937]. Sverdlovsk. 1970. 378 p.

Вестник гуманитарного образования
Научный журнал № 2 (34) (2024)

16+

Редактор *А. В. Мариева*
Технический редактор *Л. А. Кислицына*
Дизайн обложки *А. К. Долгова*
Редактор выпускающий *А. Ю. Егоров*
Ответственный за выпуск *И. В. Смольняк*

Подписано в печать 14.07.2024 г.
Дата выхода в свет 09.09.2024 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 20,93. Тираж 100 экз. Заказ № 225.

Подписной индекс журнала «Вестник гуманитарного образования»
в подписном каталоге «Почта России» – ПН068

Вятский государственный университет,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36